DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/oktiabrskaiarevo21unse

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПЕРВОЕ ПЯТИЛЕТИЕ

ТОМ II

947.083
041
t. 2.

На пути к победе на промышленном фронте

I

ПЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Первые зародыши органа Хозяйственного Управления на Украине восходят еще к 1917 году.

К 1 января 1918 года в Харькове организовался Совет Народного Хозяйства еще без точного обозначения территориальных границ его компетенции, как общеукраинского или чисто губернского органа, который ставил своей задачей еще только контроль и регулирование промышленности в интересах пролетарского государства и под углом зрения защиты прав и интересов рабочих. Работа этого первого Украинского Совнархоза не получила развития, так как уже в апреле 1918 года Украина была оккупирована германскими войсками.

После освобождения Украины в конце декабря 1918 года от войск Петлюры, сменивших оккупационные немецкие отряды, в Киеве создается Совет Народного Хозяйства Украины, как центральный орган хозяйственного управления всей Украинской Республики. К этому моменту уже не только контроль за работой частного предпринимателя-капиталиста, не только защита интересов рабочего класса от эксплоататорских тенденций капитала составляли задачи пролетарской государственной власти в области хозяйственного управления, но полная экспроприация всех средств производства, решительное уничтожение самих капиталистических отношений и установление единого государственного планового хозяйства, долженствовавшего заменить собою анархию капиталистического производства.

Эту задачу на территории Украины принял на себя Совет Народного Хозяйства Украины Киевского периода, но разрешить ее ему не удалось, благодаря новому гражданскому потрясению в виде деникинского наступления, и в июле 1919 года, после потери советскими войсками Киева, он был расформирован.

Только через год, в конце декабря 1919 года, когда разбитая Красными войсками деникинская армия оставила Харьков, оказалось возможным вновь поставить ту же задачу систематического и планомерного искоренения из хозяйственной жизни капиталистов и капиталистических тенденций. На этот раз, однако, задачу эту пришлось ставить в существенно иной обстановке, чем год тому назад. Красная Армия, с боем отнимая у противника каждую пядь украинской территории, остановилась, наконец, у входа на Крымский полуостров, на котором укрепились остатки деникинских войск под начальством Врангеля. В то же время с северо-запада угрожали уцелевшие от

разгрома петлюровские части,—поддерживаемые польским правительством. В таких условиях о самостоятельном украинском хозяйственном центре не приходилось думать, а вместо него, создано было в Харькове «Бюро восстановления промышленности» или «Промбюро», как местный орган Высшего Совета Народного Хозяйства Федерации.

Украинскому Промбюро выпала исключительно тяжелая задача. Украинская промышленность лежала в развалинах. Безработица и голод, распыление квалифицированной рабочей силы—характерные явления начала 1920 года.

К апрелю 1920 года закончившая, казалось, большую часть своей боевой задачи Красная Армия была превращена в Трудовую Армию, и ей были даны широчайшие задания по восстановлению Донецкого Бассейна.

Этому переходу к мирному воссозданию Народного Хозяйства помешала новая волна гражданской войны. Оправившийся и отдохнувший в Крыму Врангель, с весны 1920 г. предпринял новое нападение на Украину, поддержанное одновременным вторжением с запада польских и петлюровских войск. Задачи хозяйственного строительства снова пришлось отодвинуть на задний план, Трудовая Армия вновь стала боевой.

Остатки еще сохранившейся промышленности, скудные запасы материалов, технических средств и сил, все было отдано в распоряжение военного командования, которое в лице своего чрезвычайного уполномоченного по снабжению армии (Чусоснабарм), приняло на себя ближайшее участие в управлении промышленностью, поставив ей задачу удовлетворения насущных нужд армии. Колебание фронтовой линии разбивало все организационные начинания Промбюро. Создаваемые им местные хозяйственные аппараты принуждены были по несколько раз эвакуироваться и реэвакуироваться, не имея возможности ни прочно осесть на месте, ни овладеть местною промышленностью.

Немудрено, что колоссальные задачи национализации остались неразрешенными в полной мере в пределах первого года прочного существования Советской власти на Украине—1920 г.—и достались тяжелым наследием следующему—1921 г. Ни одну из основных отраслей украинской индустрии не удалось поставить прочно на ноги: хотя все же с мертвой точки она была сдвинута, по крайней мере, в своих основных отраслях.

Если в области непосредственного восстановления производственных процессов 1920 г. не был отмечен очень крупными достижениями, то за то в сфере организационного строительства было сделано весьма много для успехов в будущем. В течение 1920 г. был произведен основной учет и отборка национализированных промышленных заведений, выявлены потенциальные возможности их, разработаны производственные программы. Была произведена отборка и концентрация предприятий, все слабые, малоценные, технически отсталые предприятия были закрыты, а оборудование их использовано для усиления оставшихся.

Процесс национализация к концу 1920 года получил почти полное свое завершение. Полностью национализированы были отрасли: каменно-

угольная, металлургическая и крупная металлообрабатывающая, в том числе с.-х. машиностроение, железнорудная, сахарная, соляная, спиртовая, полиграфическая, основная химическая, бумажная, стекольная, коксобензольная, цементная; из других отраслей—те предприятия, которые носят фабрично-заводской характер. Лесные заготовки велись на 75% государственным аппаратом, а торфяные разработки полностью. Остались ненационализированными предприятия, имеющие в среднем 10-30 рабочих. Всего в руки государства перешло свыше десяти тысяч предприятий, из которых 4 тыс. на ходу.

Параллельно с ходом национализации и хозяйственного охвата украинской промышленности украинское Промбюро приобрело значение центрального органа, руководящего промышленной жизнью всей Украины. Эта фактическая роль Промбюро закреплена была затем 1 декабря 1920 г. реконструкцией его в Украинский Совет Народного Хозяйства, который оставаясь областным органом Высшего Совета Народного Хозяйства, стал в тоже время высшим органом хозяйственного управления Украинской Советской Социалистической Республики, получающим директивы от ее Совнаркома и ВУЦИК'а.

Аппарат Укрсовнархоза к этому моменту сильно разросся и усложнился. В его состав входило 19 различных управлений и производственных отделов. Для об'единения работы производственных отделов и управлений, для снабжения промышленности и планомерного использования их продукции в общегосударственных интересах существовало 11 функциональных отделов.

Во всех этих Отделах и Управлениях занято было свыше 3.000 чел. служащих; из них в производственных отделах 2.063 и функциональных около 800 чел.

Всю подведомственную себе промышленность УКРСНХ старается в это время построить по единому, внутренно-согласованному государственному плану, давая каждой отрасли определенное задание—производственную программу, предоставляя ей для этого определенную сумму материальных и денежных рессурсов и намечая к деятельности определенную группу предприятий, а система снабжения рабочих продовольствием и одеждой строится на принципе удовлетворения потребности, не связанного с ходом производства и его материальными итогами.

С такой структурой и с такими методами работы СНХ вступает в новый 1921 г., который принес народному хозяйству Республики новое направление.

Вся хотя громоздкая, но по своему стройная система вертикальных главков, расчитанных на выполнении и функции производства и функции снабжения, немедленно рухнула при столкновении с началами денежного хозяйства. Промышленность должна была найти новые формы, с которыми она могла бы войти в систему денежного хозяйства, и такою формою ее организации явились тресты, производственные об'единения, предприятия, переведенные на хозрасчет.

СНХ-ы лишь наблюдают за их жизнью, контролируют, влияют до известной степени на финансирование их банками, назначают и смещают правления, но дальше этого они не идут, Все оперативное управление предприятиями идет вне СНХ.

Первые три месяца нового полугодия уходят на продумывание и прорабатывание новых организационных форм, а с октября—УКРСНХ приступает к энергичной перестройке всей украинской промышленности на началах трестирования. С этой целью УКРСНХ отобрал самые мощные и жизнеспособные предприятия, которые он считал возможным обеспечить полностью всем необходимым для выполнения производственной программы, все остальное предоставил ГСНХ, с правом сдачи части их в аренду кооперативам и даже частным лицам.

Последняя четверть 1921 г., являющаяся в то же время первой четвертью нового операционного хозяйственного года (X—1921 г.—X—1922 г.), особенно богата трестовыми образованиями. За это время возникло 12 различных трестов.

При своем возникновении тресты получили в качестве оборотного капитала наличное сырье, топливо и часть фабриката и лишь небольшую сумму наличными деньгами. Рядом с трестированием промышленности шло синдицирование торговых операций трестов. Так организованы были УКРТОРГ, Укркожсиндикат, Нефтеторг, Соле-синдикат, Полиграфсиндикат и ряд акционерных обществ с участием УКРСНХ.

Почти такой же процесс, только с запозданием на 2—3 месяца происходил и в Губсовнархозах.

Само собой разумеется, что вся организационная перестройка, как самой промышленности, так и аппарата государственного управления хозяйством республики, выполнена пока еще только вчерне. Вся дальнейшая ньюажировка будет происходить в пределах выношенных в опыте минувшего пятилетия основ государственно-капиталистических, товарно-денежных отношений до тех пор, пока неизбежный ход мировой революции не укажет на необходимость нового поворота хозяйственной политики.

II

1921—22 ГОД ДЕНЕЖНО—ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА

От «военного коммунизма» Советское государство перешло к государственному капитализму, Это значит, что на известный период мы отказались от натуральных форм хозяйства и признали необходимым строить свою экономику на началах денежного ховяйства. Потому прежде всего необходимо остановиться на некоторых данных, позволяющих судить, насколько восстановлено наше денежное обращение.

Основным моментом правильного функционирования денежной системы является наличие устойчивого мерила ценности,—т. е. денежной единицы. В наших Советских условиях это требовало и требует борьбы за стаби-

лизацию рубля. Конечно, общие достижения в этой области должны рассматриваться в общефедеративном масштабе, но несомненно, что известный интерес имеют и мытарства Советского рубля на Украине.

Советский рубль, обезцененный, лишенный обезпечения (золотого), докатился в Харькове по «Черной» бирже с 1225 р. в январе до 24 миллионов в мае, но затем для многих неожиданно остановился в своем падении. Наоборот, началось даже возрастание его ценности, (до 1,6 миллиона) к 10-му июня. С этого времени Советский рубль обладал известной устойчивостью с уклоном в сторону падения. В августе этот «уклон» приобретает более определенный характер, а в сентябре «эволюция» рубля заставляет вспоминать последние переживания германской марки.

В прошлом году наблюдалось нечто иное. Известная устойчивость Советского рубля выявилась в начале августа и прекратилась в сентябре. Между тем, несомненно, общие экономические условия прошлого года были значительно хуже настоящих. Да кроме того, и общие мероприятия по поддержке рубля в то время не проявлялись в полной мере.

В чем же дело? Где корень отмеченных переживаний Советского денежного знака? Обычно ответа ищут в сокращении эмиссии. В общем и целом—это правильно. Но сокращение эмиссии должно быть правильно понижаемо. Переход к денежным формам хозяйства, охват ими новых и новых отраслей хозяйства увеличивает общую сумму торговых оборотов и тем самым, для сохранения определенного курса рубля, эмиссирующее учреждение обязывается выпустить определенное количество дополнительных знаков,—иначе курс денежного знака будет повышаться, сокращая этим количество торговых сделок, (политика на под'ем рубля—задерживает развитие товарного хозяйства страны). Словом, сокращение эмиссии в известные моменты должно пониматься относительно, а не абсолютно.

Правильная эмиссионная политика должна следить за процессом товарооборота в стране, обслуживая его рост и изымая денежные знаки при его падении. Вот почему историю переживания рубля надо искать не только в эмиссии, но и в товарных оборотах страны.

И в апреле, и в мае, и абсолютно, и относительно эмиссия росла. А между тем с конца апреля курс рубля, как мы видели, приобрел относительную устойчивость. Очевидно, дело не только в эмиссии, но и в рынке для рубля, т. е. в товарообмене. К сожалению, советская статистика не ведет пока учета торговых оборотов, потому мы не можем детально осветить этот вопрос с точки зрения роста этих оборотов. Но косвенно подойти к этому вопросу все-таки можно. Именно о росте товарных операций можно судить по работам жел. дорог. Для рассматриваемого весеннего периода это тем более справедливо, что в конце февраля и марте были закончены массовые семенные перевозки, и потому значительно возросли возможности перевозки грузов.

Что же дают цифры в этом отношении? Для ответа используем отчетные данные ЮЖОПС'а о суточной погрузке вагонов без Наркомпрода и военного ведомства: Январь 989 ваг., Февраль—1311, Март—1169, Апрель—1062, Май—1332, Июнь—1577 вагонов.

Перед нами картина роста товарного движения и роста весма значительного. Эти факты, думается, об'ясняют, какие силы поддерживают Советский рубль.

Говорить же о значении видов на урожай на стабилизацию рубля не приходится. В урожае скрываются огромные возможности товарообмена и они своевременно учитываются рынком.

При таком понижении чудесных превревращений Советского рубля вполне понятно и его не-ожиданное шатание текущей осенью. Дело не только в том, что, быть можеть, «эмиссия» ошиблась. Дело в том, что в тот момент, когда, реализуя урожай, город должен выбрасывать в деревню огромное количество дензнаков, мы вынуждены были значительно понизить выброску товаров за отсутствием топлива и падением работы транспорта.

Остановка в падении рубля произойдет только тогда, когда Донбасс выбросить свой уголь, транспорт начнет работать, промышленность выбросит свои товары и налоговой пресс выдавить из оборота излишние дензнаки.

Работы налогового пресса с точки зрения денежной системы имеет значение не столько, как средство обезпечить бездифицитность бюджета, но скорее как средство регуляции количества денежных знаков, находящихся в обращении, и их распределения. Несомненно, что правильная постановка налогового обложения должна быть связана с емкостью рынка и расчетными балансами отдельных отраслей хозяйства между собою, и в первую очередь можду промышленностью городской и сельским хозяйством. Пока такой системы еще нет.

Лишь тщательное изучение новой экономики страны даст возможность построить ее. Осветим тот же вопрос со стороны налогового обложения.

В июне прямые поступления увеличились сравнительно с январьскими в 200 раз. Курс рубля в этот же промежуток увеличился всего лишь в 16 раз. Конечно, в этом росте имело значение и усиление налогового аппарата, но несомненно, что перед нами и быстрый охват хозяйства денежными формами.

В то же время поступление косвенных налогов увеличилось с января до июля в 1.485 раз, а местных—в 70 раз. Поступления доходов от НКПути, Наркомпочтеля, Внешторга (таможенные сборы) и коммунальных предприятий за тот же период возросло с 14 миллионов в январе до 1.482 миллионов (ден. 22 г.) в июле.

Приведенные цифры показывают рост денежных форм в хозяйстве страны и усиление налогового аппарата. Можно поэтому надеяться, что решение из'ятия излишних денежных знаков путем взыскания налогов в настоящее время на Украине организационно-подготовлена. И с этой стороны «стабилизации» вряд ли грозит неприятные неожиданности.

Одновременно, уже поверхностный обзор работ Госбанка свидетельствует о глубоком и всестороннем развитии его операций. Резкое увеличение

текущих счетов с 63.000.000 к маю до 291.000.000 к августу лучше всего иллюстрирует наличие капитала и его стремление к концентрации. Кредиты по финансировании промышленности поднялись с $12^3/_4$ миллионов до 339 миллионов, т.-е. увеличились за тот же срок в 25 раз. Все цифры Госбанка, свидетельствуют о бурном, стремительном развертывании хозяйства.

Необходимо упомянуть еще, что в деле финансирования к моменту пятилетней годовщины Госбанк уже не одинок. На Украине имеется общество Взаимного Кредита (в Харькове и Одессе) кооперативный Банк (Украинбанк) и заканчивается организация Банка Промышленности и Торговли. Последний фактически уже ведет свои операции и суммы выданных им ссуд превосходят 100 миллионов рублей (образца 1922 года).

Касаясь развития торговли—не будем останавливаться на зарегистрированных сделках. Они относительно ничтожны, ибо аппарат биржи пока не сумел подчинить своему контролю торговлю.

Интереснее и правильнее будет подойти к тому вопросу с другой стороны: именно, со стороны динамики цен на украинском рынке и процесса их уравнения, ибо к моменту установления НЭП'а каждая губерния Украины, каждый город и уезд является изолированным хозяйством со своими собственными ценами и курсами рубля. Денежные формы должны были из этих разорванных частей сложить одно хозяйственное целое, единый рынок. Процесс образования такого рынка и должен выразить динамику цен на товары по Украине.

Проследим изменения цен по Губ. городам для ржаной муки:

В январе и июне цены были соответственно в Житомире 220 и 3075 р. Бахмуте 525 и 7.500 р., Екатеринославе 472,5 и 6.000 р., Запарожьи 850 и 6.250 р., Киеве 326,3 и 4.816,7 р., Херсоне 425,0 и 7,500 р., Кременчуге 316,5 и 6.800 р., Полтаве 325,0 и 6.500 р., Харькове 430,0 и 7.000 р., Чернигове 3.000 руб.

Сравнительно с январем перед нами, если мы учтем положение голодных мест, почти математические правильные ряды цыфр, свидетельствующие о нивеллирующей работе рынка на хлебные цены. К тому же выводу мы подошли бы, изучая движение цен на любой товар. Система денежного хозяйства требует рынка и она создает его при самых казалось бы тежелых условиях.

Подведем итоги: Текущий год—год проведения НЭП'а на Украине создал основные моменты для возможности осуществления государственного капитализма. Этими моментами являются: а) Достижение известной устойчивости курса Советского рубля, б) обезпечение процесса циркуляции денег (налоговой), в) развитие кредитных операций (Госбанк, Покобанк Торговопром. и Т-во Взаимного Кредита) и г) создание единого рынка.

Моменты эти являются необходимыми условиями для развития денежного хозяйства.

III

ДОСТИЖЕНИЯ В ГЛАВНЕЙШИХ ОТРАСЛЯХ УКРАИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗА 192½ ОПЕРАЦИОННЫЙ ГОД

Каменноугольная промышленность Донбасса

1/X—1921 г.—1.I.—1922 г.

1921—22 г. встретил Донбасс уже в значительной степени оправившись от тяжелого летнего кризиса 1921 г. Добыча, павшая в июле до 9.07 мил. пуд. (брутто) подымается затем в августе до 11,3 милл. пуд. и в сентябре—до 18.4 милл. пуд. (брутто).

Октябрь месяц явил дальнейший рост производства (чуть ли не вдвое по сравнению с сентябрем), именно—35,6 милл. пуд. Операционный год начался решительным сдвигом.

Следующие цифры рисуют добычу на рудниках УГКП Донбасса и «Югостали»: добыто (в тысячах пудов): в октябре—35.627; в ноябре—44.000; в декабре—53.629.

Линия добычи угля и антрацита, таким образом, начиная с августа, приобретает вид круто восходящей кривой, делающей скачек с 11 м. п. (в августе) до 53 (в декабре).

Чем вызвано это явление? Главенствующую роль сыграли: увеличение ставок оплаты горнорабочим, возможность приработка путем превышения рабочим нормы выработки, широко примененный принцип сдельной оплаты, применение премий.

Если обратиться к изменению числа рабочих в Донбассе по месяцам, только по УГКП и Югостали—без арендной промышленности, то встретимся со следующей картиной роста.

Общее количество рабочих в июле—107,000, в сентябре—84,900, в декабре—117,000 чел. Число забойщиков также меняется: в июле их—11,240 чел., сентябре—9,270, декабре—14,870.

Благодаря улучшению положения трудящихся бассейна, производительность труда последовательно повышается, доходя до норм довоенного времени и даже иногда превышая ее.

В октябре, месячная выработка забойщика повышается с сентябрьской выработки в 2011 пуд. до 3412 пуд.

В течение этой же четверти года происходило и улучшение процентного соотношения между числом забойщиков и общим числом горнорабочих в бассейне, а именно: с 11 в сентябре процент забойщиков в декабре достигает—13.

В интересах большей хозяйственной выгодности уже с середины 1921 г. работа по добыче угля и антрацита была сосредоточена на меньшем количестве рудников и шахт. Часть шахт была просто ликвидирована, часть сдана в аренду (через КИМКП). Расход топлива на собственные нужды значительно этим самым понизился с 27% в октябре до 20% в декабре.

Фактически, начиная с октября, все группы рабочих, исключая забойщиков, работают без прогулов. Количество выходов забойщиков достигают цифры, неслыханной за 1921-20 выходов в месяц.

Проблема: уголь—транспорт на этот раз разрешается в пользу угля: транспорт не подымал к вывозу всего, что подземный Донбасс выбрасывал на поверхность. К январю 1922 г. запас угля-антрацита достиг 100 миллионов п. А конец декабря 1921 г. ознаменовался первыми тревожными вестями относительно будущего снабжения Донбасса.

1-I 1922 г.—1-X—1922 г.

Продовольственное положение бассейна с начала 1922 г. чрезвычайно ухудшилось. Недостаток продовольствия принудил УГКП идти на сокращение числа рабочих. Одновременно установлены были нормы выработки не ниже норм 1914 г. Произошло таким образом, сокращение нормы натурплаты приработка. Это усилило утечку рабочих и понижение производительности. Уход рабочих принял массовый характер, вызвав сокращение больше желательного.

Однако, нельзя не признать, что понижение зарплаты фактически не отразилось больно на рабочем: так, напр., в январе 1922 г. 1000 п. угля обходилось УГКП в 12,9 п. хлеба, в феврале они обходились Управлению-10,6 п., в марте—10 п. хлеба. Понижение достигло 20%.

С конца февраля начался процесс быстрого отлива рабочих и, в частносни, забойщиков. Эвакуация горнорабочих происходила чрезвычайно стихийно. Создавался живой затор со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями.

Число забойщиков падает в общем постепенно и беспрерывно, начиная с конца декабря. На рудниках и шахтах УГКП работающими мы имеем: в декабре 1921 г. 92,933 рабочих и 11,933 забойщиков, а в августе 1922 г. 67,321 раб. и 5,735 забойщиков.

Приблизительная такова же картина движения рабочей силы и по каменноугольным предприятиям Югостали.

Приходится признать еще одно печальное обстоятельство: семнадцатиразрядная тарифная сетка, введенная в других областях промышленности еще с апреля с/г., в каменноугольной промышленности была введена лишь в июне. Запаздывали, таким образом, и мероприятия по улучшению быта рабочих Донбасса. Вследствие поздних получек ассигнований ВТС (Высшего Тарифного Совета) происходила задержка (иногда на месяц—два) выплаты заработка горнорабочим. Несмотря на сравнительно невысокую зарплату для горнорабочих, как в части натуральной, так и в части денежной, УГКП Донбасса не в состоянии было удовлетворить, на основе предоставляемых ему государством продовольственно-финансовых рессурсов, даже столь понизившееся число рабочих. Удовлетворение продовольствием Донбасса за февраль—август 1922 г. выразилось (приближенно) следующим

образом: зерно-крупа—30%, мясо—50%, зерно-фураж—9%, жиры—100%, об'емн. фураж—29%. Такая же задолженность создавалась и в денежной части. 1-го сентября, например, выплачивались горнорабочим за работу до 1 июля.

Естественно, что в подобных условиях в Донбассе мы встречаемся с постепенным падением производительности как подземных рабочих, так и поверхностных. Рядом с падением производительности увеличивается и число, так называемых, прогулов. С величайшим удовлетворением надо, однако, констатировать, что пролетарская сознательность горнорабочих удерживает последних от резкого понижения добычи топлива. Месячная производительность забойщиков, в сравнении с январем, совершенно не пала, а рабочего—с 360 до 267 пудов.

Падение добычи (брутто) топлива в бассейне, падает беспрерывно, давая особенно резкий скачек с марта на апрель. Добыча продолжает падать в августе и идет чрезвычайно медленно вверх в сентябре

Одновременно с падением добычи, растет местный расход на добычу топлива. В то время, как в декабре 1921 г. местный расход на 1000 п. топлива был равен—206 пуд., в августе он достигает самого невыгодного числа—411 пуд. Естественно, что падение добычи топлива имело своим последствием уменьшение запасов. В начале лета запасы топлива на рудниках УГКП достигали 110.503.000 пуд.

На 1 октября с. г. они уменьшились уже до 71.600.000 пуд.

Положение бассейна, характеризующееся к новому 1922-23 операционному году значительным исчерпанием топливных запасов, чрезвычайно малым количеством забойщиков и прочих категорий горнорабочих, недостаточной ясностью в вопросе о дальнейшем финансировании бассейна (фактически—величины этого финансирования), нельзя признать абсолютно удовлетворительным. На Украине пришлось перейти вновь к организации чрезвычайной топливной комиссии, должной обеспечить снабжение желдорог необходимым транспорту количеством угля.

Финансовый кризис к настоящему моменту не смягчен еще полностью. До сих пор УГКП на действительно коммерческие начала не перешло. Государство принуждено идти на систему широкого финансирования УГКП и в дальнейшем, ибо каменноугольная промышленность не только в настоящий момент дефицитна, но принуждена будет быть дефицитной еще долгое время в будущем.

Финансовый кризис тем более остер, что государственные потребители угля (транспорт; металлургия, крупное машиностроение, флот и друг.), большей частью, являются абсолютно неаккуратными плательщиками УГКП. Низкая цена, установленная государством на уголь, вычет $^1/_3$ отпускной цены в пользу государства, огромные накладные расходы (превосходящие 42% на валовую величину зарплаты), все эти факторы не могут не действовать в сторону обострения финансового кризиса. Естественно, что, как следствие этого, уплата заработной платы еще до сих пор не налажена.

Резюмируя характеристику работы в каменноугольной промышленности за 1921-22 г., надо все же с величайшим удовлетворением отметить движение вперед по сравнению с 1920-21 г. Уже в этом году мы не имели столь резкого понижения добычи угля, какое мы имели летом прошлого года (когда фактически можно было констатировать катастрофу в Донбассе).

Транспорт в течение всего 1921-22 г. работает чрезвычайно налажено, систематически снабжаемый донецким углем. Частичное свертывание его далеко уже отходит от кризиса транспорта в 1921 г. Операционный год закончен с валовой добычей в 335,9 милл. пуд., с превышением задания—330 м. п.—на 5,9 милл. п. (на 2%). Вывоз топлива составил 208 милл. пуд. Баланс 1921-22 г. сводится без дефицита. Выполнение полностью программы, при наличии массового ухода рабочих из бассейна, говорит об организационно-хозяйственном охвате бассейна. Однако, стоящие перед УГКП задачи на новый операционный год еще чрезвычайно сложны. Не говоря уже о восстановлении технического оборудования бассейна, каменноугольной промышленности еще долго придется переживать тяжелые формы перехода на денежную систему хозяйства. Кризис 1921-22 г.—одно из проявлений этого перехода. Надо уметь восстановить армию горнорабочих, ее основной кадр—забойщиков.

В условиях более обеспеченной жизни деревни задача привлечения новых кадров в подземную армию чрезвычайно сложна. Хозоргану приходится итти на полное приближение заработной платы к прожиточному минимуму, чтобы при пониженном количестве горнорабочих иметь максимум добычи, в котором Республика столь нуждается.

ЖЕЛЕЗОРУДНАЯ И МАРГАНЦЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Криворогский железорудный и Никопольский марганцевый район, после бездействия с конца 1917 года, начали возобновлять свои действия с конца 1921 г.

Наличие богатого количества железной руды в Криворожьи (остаток от дореволюционной добычи—80 миллионов пуд.) и чрезвычайная скудость рессурсов диктовали государству необходимость направлять эти рессурсы по наиболее нужным линиям: естественно, что Криворожье и Никопольский район не были в орбите напряженного внимания. Поэтому президиум ВСНХ принял решение перевести рудное дело Криворожья и Никопольский район на длительную консервацию. С этим решением президиум Укрсовнархоза не согласился и постановил поддерживать работу восстановленных рудников (Ростковский, Галковский, Шмаковский, Городищенский) под свою ответственность. Данное решение Президиум Укрсовнархоза принял, убежденный в возможности поддерживать хозяйство этих рудников экспортом руды за-границу.

1921-22-ой операционный год встретил рудное хозяйство Украины в условиях главкистского периода. Однако, большее внимание, большие рессурсы, нежели прежде, предоставленные бассейну дали сейчас свои поло-

жительные производственные результаты. В ноябре впервые за два года в ход были пущены рудники Шмаковский и Ростковский, с января 1922 г. к ним присоединился третий рудник—Галковский. С октября в Никопольском районе был пущен в ход Городищенский рудник. Буроугольный рудник «СВОБОДА» был в движении уже до 1921-22 г.

Таковы результаты за первую четверть 1921-22 года.

Добыча железной руды: ноябрь—68,600 п. (13% зад.), декабрь—449,000 пуд. (90%).

Добыча марганцевой руды: октябрь 57.834 п., ноябрь 122,283 п. (40%) декабрь 152,040 п. (50%). Обогащенная руда декабрь 35,450 п. (70%).

Абсолютная неналаженность госснабжения создавала перебой в работе.

1922-й год в производстве дает следующее по Криворожью.

Железной руды добыто за 3/4 1922 года 5.335.660 п., (78% программы).

Добыча породы (кварцита и взносов) за 3/4 1922 года достигла 5.657.060 пудов. (64% задания).

В Никопольском районе добыто сырой руды за 3/4 1922 года 1.446.000 пуд. при задании в 4.500,000 пудов.

Обогащено руды за 3/4 1922 г. 1.284.000 пудов.

1921-22 г. явился, следовательно, годом переломным: бассейн фактически впервые за все революционное пятилетие ожил. Кривая производства в течение всего года идет вверх, создавая определенно твердую надежду на дальнейший сдвиг бассейна в 1922-23 г.

Достижения 1921-22 г. тем более отрадны, что фактически государственные снабжающие органы постоянно задалживались перед Криворожьем и Никопольем. Задолженность, примерно, на 1 июля лишь в муке, зернохлебе и крупе свыше двух десятков тысяч пудов. Между тем тяжесть продовольственного положения предприятий Кроворожского и Никопольского районов усугублялась сильным недородом 1921 г. В отношении снабжения топливом, метериалами и пр. дело не обстояло более благополучно. Процент удовлетворения лесом, металлом и пр. ни разу (в течение всего года) не достигал 100%.

Тариф, достаточно низкий по сравнению с необходимым прожиточным минимумом, несвоевременная выплата заработной платы вследствие финансового затруднения вызывали беспрерывный отлив рабочих. Новые рессурсы бросались в районы, создавали новый прилив рабочих.

Организовавшее экспортное общество «Экспортруда» приступило в течение этого года к экспорту руды за-границу. Одновременно руда транспортировалась и для удовлетворения текущих нужд украинской металлургии.

Следующие данные характеризуют отправку (погрузку) руды за год:

Железной руды—внутрь страны—5.677.991 п., для экспорта—935.770 п.

Марганцевой руды: для экспорта 1.914.093 пуд.

Руда для экспорта погружена была уже при существовании Южно-Рудного Треста (ЮРТ), сменившего с июля ЦПЮРП и перешедшего на полный комм.-хозяйственный расчет.

Условия размещения продукции ЮРТ'а на внутреннем рынке были невыгодны и тяжелы. По постановлению ВСНХ руда отпускается Югостали безвозмездно с небольшой компенсацией рудной промышленности в виде доставления ей необходимых в производстве каменного угля и сортового железа и возмещения расходов по погрузке,

Условия сбыта на заграничном рынке также неблагоприятны. Причины: высокий железнодорожный тариф, высокие фрахты, неустойчивость германского рудного рынка. Отправка железной руды по этим причинам в конце 1921-22 г. была временно прекращена.

Какие перспективы в ближайшем будущем для ЮРТ-а? Они определяются следующим: Южно-рудный трест ныне работает уже вполне самостоятельно, без начала госснабжения, с оплатой всех услуг со стороны государства. Следовательно, трест принужден базироваться на покрытии за руду на внутреннем и внешнем рынках. Размах южной металлургической промышленности вызовет больший спрос на руду. Пути Югостали, таким образом, в значительной степени предопределяют пути ЮРТ-а. При этом приходится еще учесть, что в Криворожьи и Никопольи имеются сравнительно мощные запасы, марганцевых и железных руд.

Наличие их не создает для государства в целом, при современном состоянии его рессурсов, необходимости в особом внимании к рудной промышленности. Возможность же экспорта железной руды, по настоящим условиям западно-европейской металлургической промышленности, не дает благоприятных перспектив.

Экспорт же марганцевой руды в настоящее время оправдывается:

СОЛЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Бахмутский соляной район.

1921-22 операционный год встретил Бахмутский соляной район на переломе от наибольшей добычи соли в августе (за весь 1921 г.) в 2.079.283 пуд. к резко понизившейся добыче в сентября—1.227.041 пуд. Такая же картина снижения наблюдается и в области вывоза соли. В июле вывозится—1.184.404 пуда, в сентябре—514.437 п.

В октябре добыча достигает: 1.156.706 п. (44,5% задания), ноябре 512.605 п. (19,7%), декабре 1.054.834 п. (40,5%).

Отпуск соли по железной дороге и гужем: в октябре 918.508 п., ноябре 1.118.532 п., декабре 893.485 п.

В этот период отрицательно влияли на производство, подачу и вывоз недостаточная подача топлива и недостаточная подача вагонов для погрузки соли. Рядом с этим еще влияли: недостаток взрывчатых материалов. недостаточное снабжение рабочего скота фуражем и прочие. Продовольственное снабжение рабочих (продолжался еще период так называемого

планового снабжения) шло также достаточно скверно, что не могли не влиять на падение числа рабочих в районе (максим. количество их было в июне 1921 г.—2.894 чел., минимальное в декабре—1893 ч.).

1/I—1922 г. 1/X—1922 г.

Январь—февраль 1922 г. являются еще месяцами планового снабжения. Средства даются району в чрезвычайно ограниченных количествах. Продовольствие, деньги для рабочих поступают также в недостаточном количестве и добыча в январе и феврале продолжает падать, падает и выдача соли на поверхность и прочие последующие процессы.

В марте Бухмутский солерайон был снят с госснабжения и переведен на коммерческий хозрасчет. На смену Бахмутской райсоли является Бахмутский Соляной Трест—«Обахсоль». Трест вступает в работу при абсолютно неблагоприятных условиях: оборотных средств нет, задолженность рабочим—за 2 месяца, организованного аппарата для сбыта соли нет. Торговое посредничество НКПрода не приводит к положительным результатам.

Несколько позже во всероссийском масштабе организовался принудительный соляной синдикат, который Бахмутскому Солетресту предоставил право сбыта соли по Донецкой губернии.

В то же время отрицательно продолжали действовать старые задерживающие факторы: недостаток топлива, транспортных средств, продовольствие. Тут уже, однако, предоставление всех этих последних средств в значительной степени связывалось в возможностями денежного покрытия Соляная промышленность вступила с марта—апреля в полосу денежного хозяйства.

В дальнейшем отметим добычу соли и вывоз ее:

Здесь 1921-22 операц. год дал: в добыче—9.995.328 пудов, в вывозе —9.788.675 пудов (цифры предварительные). Сравнивая эти данные с данными за 1/I 1921 года—1/I 1922 г. видим падение, как в добыче так и в вывозе соли. 1921-22 год был, таким образом, годом падения, а не годом роста.

Причина падения заключается в неналаженности сбыта, в малой приспособленности всероссийского Соляного Синдиката к рынку.

Между тем 1922-23 г. начинается соляным кризисом в районах сбыта. Кризис об'ясняется резким падением погрузки в сентябре Если учесть, что столь малая подача порожняка в сентябре является следствием топливных осложнений на Донецкой сети желдорог (вследствие относительного падения добычи угля в Бассейне), нет надежды на перелом в первые м-цы начинающегося нового операционного года.

Задача 1922-23 года найти благополучное разрешение проблемы организации сбыта соли (без утери прибыли для государства), найти благополучное разрешение проблемы производства соли и транспорта ее.

Группа Екатеринославских работников до-октябрьского периода
(Слева направо): т.т. Скворчевский, Равич-Черкасский, Лебедь, Петровский, Квиринг, Власенко, Суханов

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УКРАИНЫ.

К началу нового операционного года металлургическая промышленность Украины продолжала находиться в тяжелом состоянии. Из 35 заводов, входивших в состав ЦЕПТИ, в работе находилось 10—12 заводов, остальные бездействовали. Действовавшие заводы работали с ничтожной нагрузкой, с перебоями, что вызывало чрезвычайно высокий расход топлива, доходивший до 9 пудов угля на 1 пуд. прокатного маталла, вместо нормальных 2 $^1/_2$ пудов; выработка на 1 рабочего составляла всего около 3—4% нормальной производительности. Наконец, доменное производство поддерживалось с большим трудом на двух домнах Юзовского и Петровского заводов. Общая месячная выплавка не переходила за 150 тысяч пудов.

Комбинирование трех крупнейших заводов—Петровского, Макеевского и Юзовского с угольными рудниками принесло свою пользу, обеспечив непрерывность доменного процесса в тех скромных размерах, в каких его удалось восстановить в конце 1920 года, хотя оно и не разрешало основной проблемы топливного снабжения. При начавшемся с конца 1921 года трестировании крупной государственной промышленности, эти три завода-комбината, как наилучше экономически обставленные, первыми вошли в состав организованного в начале декабря 1921 года металлургического треста-Югостали.

При своем возникновении трест получил довольно крупный оборотный капитал в виде материалов, топлива, готовых изделий и полуфабрикатов общей стоимостью на 36 с лишним миллионов золотом и 24,9 миллиардов рублей наличными советскими денежными знаками (выпуска 1921 г.).

Коммерческая перестройка, как в тресте, так и на заводах Главметукра, началась с замены повременной оплаты труда сдельной. Эта реформа, оказалось, привела к повышению производительности труда более, чем втрое.

Одновременно с этим добыча каменного угля, как на рудниках треста, так и во всем Донецком бассейне, сильно повышается, питание металлургических заводов топливом улучшается, в работу вводятся новые 4 мартеновских печи, новая большая домна на Петровском заводе и ряд прокатных станков.

В результате производство первой четверти нового операционного года быстро идет вверх.

Валовая добыча металла Югостали достигает за последние 3 месяца 1921 года 18.200.000 пудов.

К сожалению, такое положение продолжалось недолго. С января 1922 года добыча угля падает на рудниках Югостали больше чем на 50% и это обстоятельство сейчас-же сказывается понижением продукции металлургических заводов, хотя и в значительно меньшей мере, чем прошлогоднее. В производстве чугуна удается даже несколько идти вперед, в прокатке же и мартеновании картина имеет все черты состояния устойчивого равновесия.

Немалая роль в тяжелом положении металлургии принадлежала финансовому моменту. Трест Югостали не избег денежных затруднений, благодаря несоответствовавшему рыночным требованиям ассортименту тех изделий, в которых заключался его оборотный капитал.

Не в лучшем положении оказались и заводы Главметукра. Общая задолженность металлургии рабочим к 1 сентября приближается к 300 миллионам руб. вып. 22 г.

Столь тяжелое положение металлургии, в связи с громадным государственным значением ее, заставило центральные органы хозяйственного управления обратить в эту сторону особое внимание. Был намечен временный выход в периоде большинства заводов на консервацию и дальнейшем сжатии производства. Вместе с тем и самый аппарат управления подвергся существенной перестройке в сторону большей однородности и однотипности. С этой целью Главное Управление металлургической промышленности к концу августа было упразднено, а подведомственные ему заводы распределены между Югосталью и вновь организованным Машиностроительным Трестом. Поэтому распределению в состав Югостали вошли машиностроительные заводы Южно-Брянский, Шодуар А, Б и С. Гантке, Сириус, Никополь-Мариупольский, Русский Провиданс, Донецко-Юрьевский, два Таганрогских—металлургический и котельный, Днепровский, Константиновский, Керченский, Дружковский, Ольховский, Гданцевский, Кадиевский и Дебальцевский. К работе было предназначено только семь—Петровский, Юзовский Южно-Брянский, один из Шодуаров, Гантке и Никополь-Мариупольский, все же остальные должны перейти на консервацию впредь до улучшения топливного положения. При этом предполагалось сократить на 5,5 тыс. число рабочих, занятых главным образом на предназначенных к консервированию заводах.

Едва ли, однако, намеченный план свертывания производства и равнения металлургии по топливу, а не наоборот—топлива по размерам нужды в нем главнейших его потребителей, может быть полностью проведен в жизнь, насущнейшие интересы которой противоречат такому упрощенному и одностороннему решению сложной проблемы о судьбе южной металлургии. На металлическом рынке уже сейчас ощущается явный голод, за один месяц взвинтивший цены на главнейшие изделия на 100, 200 и более процентов.

Такое состояние рынка уже сейчас заставило Югосталь отступить от намеченного плана свертывания и временно продолжать работу на предназначенных к консервации Макеевском и Донецко-Юрьевском заводах и вероятно и в будущем не позволит ему переводить на консервацию заводы.

Проблема возрождения южной металлургии—проблема сложная и многогранная и простым исключением ее из поля нашего зрения, путем законсервирования большинства заводов,—ее не разрешить; ключ к ее решению лежит в топливе и это топливо должно быть добыто во что бы то ни стало.

МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Крупная машиностроительная промышленность представлена на Украине преимущественно специальными ее отраслями и в первую очередь сельско-хозяйственным машиностроением, для которого Украина является настоящей колыбелью. Гораздо слабее развито паровозо и судостроение, но существующие заводы этого рода принадлежат к весьма крупным единицам и имеют большое значение в хозяйственной жизни республики, общее же машиностроение не вышло еще из стадии средних предприятий и большой экономической роли не играет.

В конце августа 1922 г., при ликвидации Главметукра, Харьковский и Луганский паровозостроительные и Николаевские судостроительные заводы «Руссуд», «Ремсуд» и «Темвод» были включены во вновь созданный машиностроительный трест, в который вошли, кроме того, еще Лутугинский, Торецкий—передельный и Таганрогский заводы.

О работе Николаевских судостроительных заводов, большую часть операционного года находившихся в ведении военного управления, мы имеем лишь самые общие данные. Согласно этим данным с 1 января по 1 августа, при количестве рабочих в 2772 чел. в январе и 2155 чел. в августе, ими было построено одно военное судно и два нефтеналивных судна; 3 судна были отремонтированы, построено 9 новых вагонов и отремонтировано 164 ваг., выпущено 11.715 пудов разных изделий. Что касается паровозостроения, то к концу 1921 года острая потребность в паровозах, успела уже значительно ослабеть. В то же время вопросы восстановления металлургии отодвинули на второй план вопросы паровозостроения. Вследствие этого и ограниченных запасов топлива стало медленно замирать.

Однако в первой четверти операционного года и паровозостроение испытало общий для всей промышленности под'ем, количество паровозов и вагонов, выпущенных из ремонта быстро растет, ежемесячно регулярно выпускается по 4 новых паровоза. Но уже с января производство по ремонту начинает сокращаться, при одновременном росте выпуска готовых паровозов, но с июня, после остановки Харьковского завода, в октябре вновь пущенного, и эта работа слабеет.

Что касается производства заводов треста по металлургическим и кузнечным цехам, то сентябрьская работа носит гораздо более оживленный характер, чем августовская, но есть ли это начало нового прочного оживления под влиянием улучшения рыночной ситуации или это случайный эпизод,—пока сказать трудно. Во всяком случае, несомненно, что выделение этой группы заводов в особый трест принесет им пользу, сделав их предметом самостоятельного внимания и избавив их от печальной роли пасынков металлургической семьи.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ МАШИНОСТРОЕНИЕ.

Сельско-хозяйственное машиностроение, представлявшее некогда цветущую отрасль украинской индустрии, насчитывавшее в своем составе до войны 825 предприятий с 39 тысячами рабочих и дававшее более

половины всего русского производства сельско-хозяйственных машин, находилось к началу рассматриваемого операционного года в самом жалком состоянии. Только с момента перехода к системе государственного капитализма, сельско-хозяйственное машиностроение, как совершенно обеспеченное рынком и потому, с коммерческой точки зрения, наиболее жизнеспособное, стало предметом более оживленного внимания хозяйственных органов. Почти одновременно создаются два треста—Укрсельмаш, об'единивший небольшое число самых крупных предприятий и Южсельмаш, получивший в свое ведение более мелкие заводы Александровского района.

В первые три месяца общее промышленное оживление захватывает и сельско-хозяйственное машиностроение, но начавшееся с января снижение добычи Донбасса, при одновременном обострении голода, поразившего в наибольшей степени как раз центральный район сельско-хозяйственного машиностроения—Запорожскую губернию, подрезывает тресты, и в работе их вновь начинаются перебои. Однако, тресты сумели все же удержаться на ногах и сохранить свою работоспособность к моменту общего улучшения экономической кон'юнктуры.

В состав Укрсельмаштреста, созданного в ноябре 1921 года, включено было 7 крупнейших заводов Украины, дававших свыше 50% всего украинского производства сельско-хозяйственных машин—Б. Гельферих-Саде и Мельгозе в Харькове, Эльворти в Елисаветграде, Джон-Гриевз в Бердянске, Ген (1 и 2) в Одессе, бр. Донских в Николаеве и Фильворт и Дедина в Киеве; в мирное время на них было занято свыше 7 тыс. рабочих (7350), а годовой оборот достигал 29,4 милл. рублей; мощность двигателей их превышала 3 тыс. лошадиных сил.

Оборудование заводов мало пострадало за годы войны и революции, а на заводе Джон-Гриевз даже усилилось.

За первые 3 месяца операционного года на заводах было изготовлено: плугов—1993, борон—1514, сеялок и культиваторов—580, молотилок и приводов—972, веялок—54, просорушек—172, кормовых машин—265. Продукция в декабре поднимается на несколько сот процентов.

Однако, произведенное Губсовнархозами разбазаривание обескровило заводы и стало причиной последующих колебаний. Работа заводов с января приобретает крайне неустойчивый характер. Заводы то пускаются в ход, то останавливаются. Только в марте тресту удается, наконец, пустить в ход все пять фактически перешедших к нему заводов, хотя все еще с весьма слабой нагрузкой, так что за все 8 месяцев процент исполнения программы не поднимается выше 53 (март).

За 9 мес. (по сентябрь сведения не полны) изготовлено на заводах треста: плугов—9705, буккеров—251, сеялок—2853, жаток—635, борон—2857, молотилок—1641.

Основным тормазом, мешавшим развертыванию работы заводов с.-х. машиностроения, был недостаток материальных средств. Оборотный капитал, полученный трестом в размере 120 мил. руб., был совершенно недостаточен для широкого финансирования всех заводов, и недостаток этот

не мог быть пополнен выручкой от сбыта изделий, как вследствие отсутствия таковых, так и благодаря крайне сократившемуся спросу на них со стороны населения, пораженного голодом; государственное же снабжение было чрезвычайно слабо и покрывало в среднем не более 12% всей потребности.

Со средины июля финансовое положение треста начинает крепнуть за счет выручки от оживившегося сбыта и получения ряда заказов от Наркомзема, так что он оказывается в состоянии отпустить заводам за один июль сумму в 10260 тысяч руб., почти равную отпуску за все предшествовавшие месяцы, и сам производит обширные заготовки как продовольствия, так сырья и топлива. На заводах же идет энергичный набор рабочих. Производительность труда увеличивается почти вдвое, подходя к 50% довоенной нормы.

Для обеспечения сбыта своих изделий трестом принят ряд мер по изучению рынка и организации торгового аппарата; обследуются Кубанская и Терская области, Волынь и Черниговщина; открыты конторы по продаже машин в Звенигородке, Белой Церкви, Умани, Константинограде и Каховке, созданы представительства в ряде губерний и городов как Украины, так и Великороссии, на Кавказе и в Крыму.

Южный трест об'единил 15 менее крупных заводов сельско-хозяйственного машиностроения, расположенных компактной массой вокруг г. Запорожья.

Состояние вошедших в трест заводов вполне удовлетворительно и годовая производительность их превышает 5 миллионов руб. золотом; рабочей силой заводы до мая были вполне обеспечены и только уход на полевые работы вызвал расстройство в рабочих кадрах и вынудил трест произвести очистку штатов от полуземледельческого элемента, сократив число рабочих до 2520 человек, вместо бывших к началу мая 3070 чел.

Несмотря на столь благоприятные технические условия, задача поддержания и дальнейшего развития деятельности заводов оказалась весьма трудной, благодаря крайней ограниченности финансовых рессурсов.

Оперируя общим фондом в 1.884.505 руб. золотом и текущей продукцией заводов, трест сумел до июля поддерживать ход производства заводов, хотя и в меньших, против предположенного, размерах, регулярно снабжая сырьем и топливом путем энергичной реализации государственных нарядов и собственных заготовок на торгово-договорных началах. С июля, благодаря почти полному прекращению государственного снабжения и сокращению спроса на машины со стороны населения, занятого полевыми работами, Южсельмаштрест попадает в очень тяжелое положение,— снабжение сырьем и топливом расстраивается, заводы испытывают недостаток в ряде необходимых им материалов—чугуне, мелко-сортном и специальных сортах железа. Благодаря этому в ходе производства с июля начинается падение, продолжающееся вплоть до сентября, когда вновь, благодаря оживлению спроса на с.-х. машины, начинается небольшой под'ем.

Изготовлено за 9 месяцев 12.003 плуга, 3.086 буккеров, 1.398 сеялок, 631 борона, 3.396 жаток, 493 конных и 5.818 кукурузных молотилок.

Фабрикаты своих заводов Южсельмаш размещал преимущественно между государственными учреждениями и кооперативами; за первые 6 месяцев было продано всего на сумму 830.132 зол. руб. из общей стоимости производства в 1520 тыс. зол. руб., т. е. около 60% продукции.

Производительность рабочих возрасла к сентябрю раз в пять, по сравнению с январьской.

В крайне тяжелой экономической обстановке голодной губернии, без финансовой поддержки центра, Южсельмаштрест сумел благополучно пережить самое тяжелое время и довести свои заводы на ходу до более благоприятных условий,—в этом залог его дальнейшего здорового развития в новом операционном году.

ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОНБАССА «ХИМУГОЛЬ».

Август 1921 г. явился месяцем пробуждения химпромышленности. Начинается процесс пуска в ход отдельных крупных заводов во всех районах Донбасса. Первым был пущен Церезиновый зав. в начале сентября, затем—Северо-Донецкий стекольный зав., с 1/X был пущен Донецкий содовый завод и в конце ноября Ливенгофский стекольный зав. К началу 1922 г. работали уже все заводы Лисичанской группы. В Славянском районе пущен в ход в декабре Славянский зав. Одновременно начинают работать в районе карандашная ф-ка (б. Маевского), фарфоровый завод б. Эссена. В Константиновском районе в октябре начинает работать Константиновский стекольный зав. Одновременно пускаются в ход заводы химический, зеркальный. Правда, заводы пускаются в ход с чрезвычайно малой загрузкой. Одновременно оживает ртутный рудник б. Ауэрбаха, единственный ртутный рудник в Советской Федерации (расположен в 4-х верстах от ст. Никитовки). Работа ведется на шахте «София».

Штеровский динамитный зав. дает резкий скачек в производстве, достигая, напр., в декабре величины суммарной выработки за период январь—октябрь 1921 г.

Перейдем к рассмотрению жизни отдельных районов.

За период январь—август 1921 г. рудники, перешедшие впоследствии к «химуглю», дали 49 миллионов пуд. топлива. За период сентябрь—декабрь эти же рудники дали уже (при «Химугле»)—53 милл. пуд. Число забойщиков и производительность их на рудниках треста, начиная с сентября 21 г., постепенно увеличивалось. В начале 1922 г. на рудниках треста, вследствие начавшегося продовольственного кризиса, началось понижение добычи. Падает число горнорабочих и производительность труда. К концу марта для работы были оставлены лишь семь рудников.

Общее количество добытого топлива за год превосходит почтив 2 раза прошлогоднюю и равна—13.677.154 п. Добыча угля в течении всего опера-

ционного года фактически превосходила собственную потребность рудников и химзаводов треста. Вследствие этого трест имел возможность отправить во вне 3.300 т. п. угля.

Помимо работ по добыче угля трестом велись на рудниках восстановительные работы: по прохождению капитальных шахт, водопроводных магистралей, установке силовых оборудований, откачке воды и пр. Одновременно на всех рудниках велись работы и по подготовке запасов угля в недрах.

Обратимся теперь непосредственно к ходу производства на химзаводах.

ЛИСИЧАНСКИЙ РАЙОН

В течение первого квартала 1921-22 г. в действии находились: Донсода, Рубежанские заводы, Ливенгофский стекольный зав., Северо-Донецкий стекольный зав., зав. Церезиновый. Операционный год начался значительным под'емом на всех заводах. Рабочая сила была в достаточном количестве. Продовольствием заводы были снабжены. Топливный вопрос для заводов также не существовал.

Приходится подчеркнуть здесь, что размах производственному процессу был дан больший, чем следовало бы. Рынок, недостаточно охваченный, с одной стороны, в виду малой покупательной способности и не пред'являющий столь широких требований, как в довоенное время—с другой стороны, и, наконец, острый финансовый кризис—принудили Правление Треста уже в первых числах мая свернуть первоначально намеченную программу по химзаводам. Решено было оставить в работе Донсоду и Ливенгофский стекольн. завод, совершенно свернув работу на остальных заводах. Северо-Донецкий стекольный завод остановился еще до мая 1922 г., Рубежанский завод—остановился позже (продолжая изготовление лишь некоторых видов продукции).

Начался уплыв рабочих. С большим трудом удавалось в летние месяцы на имеющиеся денежные рессурсы (получаемые от продаж и в виде ссуд и кредита) закупать продовольствие для заводов.

Одновременно требовался серьезнейший ремонт на всех заводах: установка отдельных частей силового оборудования, ремонт печей, ванной печи, ремонт световых и электролиний и пр.

СЛАВЯНСКАЯ ГРУППА

В период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. работа заводов Славянской группы проходила довольно вяло (за исключением выработки соли, бертолетовой соли, сернистой краски, кальцинированной соды). В начале Славянский содовый завод изготовляет лишь соду двууглекислую и каустическую, водород и кислород, в марте изготовляется бикарбонат. Солеваренный завод, не намечая себе высокой производственной программы, выполняет ее достаточно успешно. Карандашная фабрика, имея обеспеченный сбыт продукции, работает с превышением задания.

Программа выполнена в следующих размерах: соды двууглекислой 3.940 п. (32,8%), соды каустической 3.995 п. (6,7%), кислорода—802 кб. метр. (10,7%), водорода—742,2 кб. метр., соды кальцинированной—53.516 п. (70,3%), соли—27.551 п. (105,9%).

Карандашная фабрика выбросила за этот период 11.599 гросс карандашей (111,4% производственной программы).

КОНСТАНТИНОВСКАЯ ГРУППА.

В течение первого полугодия истекшего операционного 1921—1922 гг. Константиновский стекольный завод успел развить свою выработку в месяц с 10.000 кв. метров оконного стекла до 40.000 кв. метр. Работает с перебоями, из-за отсутствия сбыта, химический завод, выпуская разные кислоты, соли, краски. Работают зеркальный и бутылочный заводы.

К 1 апреля с. г. Славянская и Константиновская группы заводов соединяются в трест «Стеклосода». В первую вошли заводы: содовый, электрон, солеваренный, «Триплекс», пикриновый, карандашная фабрика, кирпично-черепичный завод, меловые карьеры. Во вторую группу вошли—стекольный, химический, бутылочный и зеркальный заводы. Фактически в трест вошли предприятия, которые уже с сентября 1921 г. начали работать на «коммерческих началах».

По Славянской группе за данный период (апрель—сентябрь) работали: содовый завод (первые три месяца), солеваренный завод «Электрон» (частично первые три месяца), карандашная фабрика (первые три месяца), меловые карьеры—(частично). По Константиновской группе были в работе: стекольный завод (частью на большой ванне, частью—на малой), химический завод (выработка серной и азотной кислоты, химпродуктов), зеркальный—(серебрение зеркал).

Достигнуты-ли положительные результаты созданием треста? Сравнение данных производства говорит о положительных достижениях. Уже со второй половины 1921 г. наблюдается повышение производства по сравнению с первым полугодием. Период январь—март является периодом снижения производства. Причины: топливный кризис, малое количество финансовых рессурсов, малая потребительская способность рынка, отсутствие спроса. С апреля картина резко изменяется: теряют свою остроту прежние задерживающие моменты. Программа за апрель—июнь выполняется в размере 75%—достаточная победа над прошлым. Происходит большее приспособление к рынку, в трест вливаются извне дополнительные суммы, улучшается снабжение топливом.

В июле, к сожалению, картина резко меняется. Наступает затишье на рынке; острым вновь становится вопрос обеспечения производства сырьем, топливом, ухудшается снабжение рабочих и служащих, падает производительность, «режет» транспорт, начинается отхлынивание рабочих в порядке использования отпусков. Свыше 500 человек рабочих рассчитываются. Останавливается также за отсутствием сырья и спроса карандашная фабрика. Прибавляется еще 115 человек безработных.

Результаты работы заводов во втором полугодии 1921-22 операционного года рисуются в следующих цифрах:

Соды двууглекисл.—17.753 пуд., соды каустическ.—6.238 пуд., соды кальциниров.—39.110 пуд., соли крупной—115,672 пуда, кислорода—1.952,3 кб. мтр., мела молотого—98,437 пуд., карандашей—8.503 гросс., Черепицы—29,260 шт., кирпича—94,501 шт., извести обожжен.—16.460 п., оконного стекла—164,088 кв. метр., зеркал—767 кв. м., баллонов—16,967 шт., соляной кислоты 13.162 п., сульфата—12,134 п., азотной кислоты—11.133 п., железного купороса—2.565 п., серной кислоты—293,811 п., серн. натра—11,800 пуд.

С одной стороны во 2-й период невыполнена в отношении многих продуктов полная производственная программа, с другой—значительно превышена продукция в сравнении с первым полугодием 1921—22 года.

Много внимания уделено техническому восстановлению заводов. Относительно улучшился и качественный состав выпускаемых фабрикатов.

Падение производства в четвертом квартале истекшего операционного года, летний рыночный кризис, перспектива длительной стоянки большинства заводов обеих групп в будущем, рыночная ситуация с содой, усиление конкуренции на стекольном рынке и пр., естественно, вызвали мысль о рациональности слияния обоих химических трестов Донбасса «Химугля» и «Стеклосоды». Мысль эта получила одобрение как в Укрсовнархозе, так и в ВСНХ. В работе оставляются на 1922-23 г. Константиновский стекольный завод, зав. «Триплекс»,—вероятно, в работе останется и Константиновский химзавод; остальные заводы консервируются.

Слияния трестов к 1-му октября 1922 г. покамест не произведено. Заводы, подлежащие консервации, покамест еще в движении. Консервация, несомненно, будет временной. Рост покупательной способности рынка, расширение производства, нуждающегося в работе Донецкой химпромышленности, рост средней и мелкой промышленности и пр. условия, связанные с НЭП-ом,—переведут консервированную химпромышленность обратно в движение.

СИЛИКАТНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДОНБАССА.

Широко развитое в Донбассе силикатное производство об'единено уже с середины 1921 г. в три треста: Донбасскерамика, Донбассцемент, Донецсиликат, которые находятся в непосредственном управлении Донецкого ГСНХ-а.

Ход производства в этих трестах за 1921-22 операционный год обрисуем в отдельности по каждому тресту.

«ДОНБАССКЕРАМИКА».

В области керамики Донбасс обладает чрезвычайно разнообразными и богатыми сырьевыми рессурсами. Превосходное сырье для керамического производства дополняется дешевым топливом, потребляемым на месте.

Следующие заводы вошли в трест: б. Котляревский, б. Ковалевский, Роста, б. О-ва «Криничная», зав. Южно-Днепровского О-ва, Торецкий, Деконский и Красногорский. Первые пять заводов составляют Часов-Ярскую группу, эксплоатирующую месторождения прекраснейшей глины, Торецкий завод—Константиновскую, Красногоровский эксплоатирует Велико-Анадольские каолины, Деконский—выбрасывает динас.

Благодаря монопольному положению на рынке, чрезвычайно нуждающемуся в керамизделиях, благодаря наличию значительного количества крупных заказчиков и достаточно значительному количеству оборотных средств при возникновении треста, Донбасскерамика начала операционный год достаточно успешно. Топливо также поступало вначале планомерно и не срывало процесса.

С 1/X 1921 г.—1/I 1922 г. программа выполняется в среднем на 100%.

С января месяца топливо поступает слабо, выполнение программы резко падает.

С 1 апреля до 1 августа падение продолжается.

В дальнейшем, несмотря на улучшившееся снабжение топливом в связи с торговыми операциями с «Химуглем» процентное выполнение программы хотя и повышается, но абсолютные цифры все же продолжают падать.

«Донбасскерамика», таким образом, являет картину беспрерывного снижения кривой производства. Связано-ли это снижение с рынком? Нисколько. Фактически производство треста не успевало угнаться за величиной общего заказа. Причина—прежде всего—в недостаче топлива. Далее техническое состояние заводов, которое чрезвычайно «потрепано» за послевоенные годы. В итоге 1922—23 г. встречается в чрезвычайно тяжелой обстановке.

«ДОНБАССЦЕМЕНТ».

Донбассцемент включил три крупных завода Амвросиевской группы (№ 1 Донецкий, № 2 Черновский и № 3 Глухозерский) и четверый зав. Краматорский («Пушка»). Условия для работы-блестящие. Сырье местный мергель фактически представляет собою естественный сырой цемент.

Работа цементных заводов с самого же начала пошла по пути сильного отклонения от намеченного плана. Крайняя ограниченность оборотных средств и слабый сбыт цемента, вследствие ограниченности строительства—характеризуют все время жизнь треста. Далее—плохое поступление топлива в первые месяцы существования «Донбассцемента» еще более усугубляло безвыходность положения.

К тому же подготовительный период к пуску производства исчерпал значительную часть первоначального скудного оборотного капитала.

За срок с 1/X 1921 г. по 1/VIII 1922 г. выполнение производственной программы в среднем достигает 22—23 процентов.

Трест не учел ограниченности своих рессурсов и развернул работу на всех своих заводах. Это требовало крупных затрат и фактически сбило всю организационную работу по поднятию донецкой цементной промыш-

ленности. Перебои и неправильная организация работ (при постоянном стремлении втянуть в работу все заводы) привели к увеличению расхода топлива в 4—5 раз против нормы и падению производительности рабочих в 4 раза. При этих условиях, естественно, конкуренция с Новороссийским цементом не могла оканчиваться в пользу «Донбассцемента».

Хоть и увеличившееся в текущем году (по сравнению с прошлым годом) строительство,—но все же еще очень слабое,—не пред'являло значительно спроса на цемент, сбыт цемента за срок с 1/X 1921 г. по 1/IX 1922 г. выражается в 60 629 боч. Однако, свернутое производство, даже при малом сбыте, привело к почти полной ликвидации запасов цемента. На сентябрь в «Донбассцементе» осталось: цемента в порошке—25,830 боч., цемента в бочках—8.437 боч. Таким образом, мы стоим перед фактом отсутствия запасов цемента на Украине.

Потеряно-ли, однако, совершенно второе полугодие истекшего операционного года? Нет. Работы по ремонту заводов ведутся беспрерывно. Заводы, находящиеся почти на стоянке, поддерживаются в полном порядке. Квалифицированная рабочая сила сохранена на заводах. Трест готовится интенсивно к развитию производственного процесса в 1922-23 году.

Спрос же на цемент, несомненно, в будущем повысится—тому порукой огнестойкое строительство, дело восстановления шахт, железных дорог. Положение с топливом сейчас на заводах временно потеряло свою остроту: на заводах имеется запас угля и антрацита в 750.000 пуд. (на 3—4 месяца работы). При свернутом производстве в ближайшее время на меньшем количестве заводов, при развитии в дальнейшем работ на одной лишь Амвросиевской группе, при большем внимании к тресту в будущем со стороны государственных кредитных учреждений—создается гарантия непрерывности работы треста в будущем.

«ДОНЕЦСИЛИКАТ».

Об'единение, включившее в свой состав кирпично-черепичные заводы, заводы известковые, мелопомольные, алебастровые, стекольный завод, в Попасной, Владимирский завод огнеупорного кирпича, карьеры огнеупорных глин, каолина, доломита, кварца, полевого шпата,—образовалось к марту 1922 г.

Несмотря на малый первоначальный оборотный денежный капитал в 125.172 золотых рублей, трест с самого начала оказался чрезвычайно устойчивым.

Трест занялся на части заводов разработкой сырья: огнеупорной глины и каолина (до 200.000 пуд. в месяц), мелу (175.000 пуд. в месяц), алебастра (20.000 пуд. в месяц), организацией разработки полевошпатных, доломитных и кварцевых карьеров, обжигой извести (до 50.000 пуд в месяц), производством огнеупорного кирпича. Рынок гарантировал сбыт.

Трест оказался наиболее жизненным из всех трех силикатных об'единений в Донбассе.

«ДОНБАССИЛИКАТ».

Ныне все три донецких силикатных об'единения сливаются в единый мощный трест «Донбассиликат». Основной капитал треста составляет 7.000.000 руб. зол. Оборотный капитал к моменту организации единого треста (сент. 1922 г.), составляемый из разного вида сырья, подсобных материалов, полуфабрикатов, изделий приблизительно составляет 1.000.000 рублей золотом.

Будущее треста? Несомненно, трест явится одним из жизнеспособных трестов Украины. Его производство обеспечено сбытом. 1922-23 г. явится годом сдвига силикатной промышленности Донбасса, годом технического усовершенствования заводов, планомерного развития производства в соответствии с потребностями рынка, годом налажения коммерческих операций.

КОКСОБЕНЗОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Украинская коксобензольная промышленность сосредоточена ныне в Акционерном О-ве «Коксобензол». Образование О-ва вызвано необходимостью обращения должного внимания на находившуюся фактически в заброшенном состоянии коксобензольную промышленность путем из'ятия последней из ведения малозаинтересованных органов: У.Г.К.П. и Югостали.

Прошлое коксобензольной промышленности Донбасса рисуется кратко в следующих чертах. В 1918 г. все коксобензольные печи в Донбассе были потушены. Только со второй половины 1920 г. было пущено несколько батарей в Енакиево, Макеевке и Юзово. Работа на них шла крайне неравномерно с постоянными перебоями. В первой четверти 1921 г. работало 135 печей, добыто было небольшое количество смолы—18.000 пуд., бензол совершенно не улавливался. Позднее, в связи с кризисом добычи угля, производство совершенно прекратилось и только в сентябре вновь пущен ряд печей.

Первая четверть 1921-1922 операционного года (октябрь—декабрь 1921 г.) дала смолы сырой—63.754 пуд., концентрированной аммиачной воды—1.091 п., масла бензольного—3.195 п., нафталина сырого—5.495 п., пека—32.860 п., фуса—147 пуд., колесной мази—200 п. Работали Макеевский, Ново-Смоляниновский и Енакиевский заводы. Несмотря на значительные количества угля, добываемого в бассейне в то время, процессу коксования подвергалось очень мало угля и на заводах УГКП и на заводах Югостали. Улавливания бензола в этот квартал 1921 г. не происходило совершенно ни на одном из работающих заводов. Ведутся лишь процессы конденсации смолы и сырой аммиачной воды, концентрированной аммиачной смолы и пр.

Январь—март 1922 г. не дают сдвига в коксобензольной промышленности. В работу вступает лишь еще один завод—Рутченковский. На заводах ведутся лишь прежние химические процессы. Попрежнему со стороны УГКП и Югостали нет внимания к газу коксовых печей с целью получения из него бензола и в достаточном количестве аммиака. В сторону отшвыриваются большие ценности.

В состав треста вошли все коксобензольные заводы (работающие, стоящие и недостроенные) общим числом—22, ректификационный, нафталиновый, фенольный и азотный заводы, перерабатывающие фабрикаты коксобензольных заводов в более сложные и ценные продукты, как чистый бензол, чистый нафталин, аммиачную селитру и пр. Состояние заводов к моменту их включения в об'единение было далеко от удовлетворительности. Естественно, что с самого начала Правление «Коксобензола» обратило основное внимание на наилучшие сохранившиеся к производству заводы: Енакиевский, Макеевский, Ново-Смоляниновский, Рутченковский, Брянский, Щербиновский. В ход было пущено всего 338 печей при общем количестве рабочих у печей—380 чел.

Результаты работы на заводах за период апрель—сентябрь рисуются в следующих цифрах: смола 237.566 п., 25%-ая аммиачн. 20.856 п., бензол 1.705 п.

Достаточно вспомнить, что за 1-е полугодие истекшего операционного года было добыто смолы всего 125.561 пуд., чтобы убедиться в достижении. Мы видим фактически лишь в последнем квартале года уловление бензола, к сожалению, в очень малом количестве. Говоря о положительных производственных достижениях, надо, однако, говорить о них с оговоркой. Производство далеко отстает от намеченной производственной программы на период апрель—сентябрь. Всего за это полугодие выработано: бензолу 1,64%, смолы 55,1%, аммиачн. воды 11,2% программы.

Действовал отрицательно на ход производственного процесса, главным образом,—простой коксовальных печей из-за недостатка угля для коксования. Макеевский завод из-за отсутствия угля совсем стал в первых числах сентября. Большим достижением является улучшенное техническое состояние заводов и подготовка их к более активному процессу уловления бензола.

Ныне заводы Щербиновский и Брянский приведены в полный порядок; на первом уже пущено в ход бензольное отделение, на втором—также намечается пуск при улучшении топливного положения. Подготовляется для работы бензольное отделение на Макеевском заводе. В перспективе—работа Юзовского азотного завода для изготовления аммиачной селитры из концентрированной аммиачной воды.

Полученный при самой организации «Коксобензола» фонд в 900.000 р. золотом, сам по себе не малый, однако, лишь отчасти мог в дальнейшем удовлетворить «Коксобензол», ибо главнейшие потребители О-ва У. Г. К. П., Югосталь, военная промышленность, лишенные фактически средств, не могли в порядке прямых покрытий удовлетворять О-во.

Доход коксобензола за первые 8 мес. 1922 года превышает 8.000.000 р. (золотых). Рентабельность дает основание надеяться и на дальнейший сдвиг донецкой коксобензольной промышленности.

Коммерческие операции налажены. Продукцию «Коксобензол» сбывает через свой коммерческий отдел (есть представительство и в Москве), к посредничеству не прибегает и сбывает непосредственно потребителю; сделки—исключительно за наличные, кредит—только УГКП и Югостали.

Государственным снабжением «Коксобензол» не пользовался. Собственного заготовительного аппарата не имеет, пользуется заготовительным аппаратом Госбанка, Вакот-а, кооперативных организаций.

Говоря о коммерческих операциях «Коксобензола», нельзя, к сожалению, не упомянуть высокой продажной стоимости всех продуктов об'единения. Она является следствием высокой себестоимости продукции, вызываемой содержанием 26 заводов об'единения при фактической работе 5—6 из них.

Еще длительный период времени будет встречать коксобензольную промышленность при протекционистском отношении к ней государства из-за необходимости решительного сдвига ее (промышленности) с мертвой точки. Это, кстати, легко достигается монопольным положением общества на рынке.

СВЕКЛОСАХАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Истекший операционный 1921-22 год получил тяжелое наследие от лета 1921 г. Лето 1921 г. в сельско-хозяйственном отношении представлялось необычайно тяжелым, благодаря жестокой засухе и вредителям, истребившим то, что уцелело от засухи. В результате половина плантаций погибла, урожай свеклы оказался необычайно низким, и заводы получили на 1921-22 г. лишь 30,9% того количества свеклы, на которое они первоначально рассчитывали.

Крайне незначительный сбор свеклы заставил сконцентрировать производство на небольшом числе сахарных заводов. Число действовавших заводов было сокращено на 26,2%—было пущено в ход 140 заводов.

В результате производственной кампании 1921-22 г. Украина получила: белого сахара—2.394.692 пуда, желтого—321.232 п., утфеля—101.280 п., кормовой патоки—803.770 пуд.

Фактически производство зимней кампании 1921 г. можно признать катастрофическим. Значительная часть добытого сахара была израсходована Сахаротрестом на частичное покрытие расходов по производству. Сахаротрест стоял перед наличием лишь 33% необходимого ему оборотного капитала на 1922 год. Однако СТО из'ял из этого оборотного капитала 3/III-22 г. 1.000.000 п. сахару (из наличного количества 2,5 милл. пуд.), уменшив тем самым оборотный капитал еще на 15% потребности.

Трест стоял перед задолженностью трудящимся, плантаторам, перед отсутствием продовольствия, фуража, семян для яровых посевов, перед отсутствием денег. Проведение весенней кампании стояло под знаком сомнения.

Первоначальная работа треста в начале 1922 г., естественно, прежде всего была направлена на обеспечение весенней посевной кампании. Выдвигался вопрос о наделении сахарных заводов землей. Общее количество отведенной до сих пор земли на Левобережьи—130.399 д. (из них пахотной земли—110.772 десятины), на Правобережьи—337.911 дес. (пах. 289.234 д.) Процесс отвода земель на Левобережьи совершенно закончен, на Правобережьи закончен на 80%.

Трест, готовясь к весенней посевкампании, обратил значительное количество сахару на закупку продовольствия, семян яровых хлебов, зерно-фуража, суперфосфата—330.000 пуд., томасшлака—150.000 пуд, раб. скота—4000 штук. Значительное количество сахара (в натуре) было выдано трестом плантаторам свеклы (при условии сдачи готовой свеклы после уборки ее сахзаводами). Мера эта, широко примененная на местах, создала значительный сдвиг и дала, как видно ниже, блестящие результаты.

На ноябрьском (1921 г.) совещании работников сахарной промышленности намечена была на 1922 год площадь посева: по Правобережью 254.300 дес., по Левобережью—79.400 дес. В общем можно признать программу посева выполненной в размере 100%.

Благодаря исключительным благоприятным климатическим условиям, урожай свеклы получился чрезвычайно удовлетворительный: по Левобережью ожидается сбор 1.912.000 берк. свеклы и по Правобережью—5.612.000 берковц., итого—7.524.000 берковцев. Отсюда, при выяснившемся уже приблизительно качестве свеклы (выход сахара не превзойдет 50—60 фунтов с одного берковца), выясняется общая возможность выработки сахара на Украине в зимнюю кампанию 1922 года 9.884.640 пудов.

Обращаясь к урожаю хлебов 1922 г., мы встречаемся также с отрадной картиной.

Сахарная промышленность, благодаря положительному результату, из потребителя хлеба извне, ныне, после удовлетворения всех своих потребностей, делается для Украины источником хлеба, сдавая 1.400.000 пуд. продналога.

Сахаротрестом обращено было также особое внимание на восстановление живого инвентаря, он, если еще далеко не вполне удовлетворяет потребности заводов, то во всяком случае значительно пополнен. Мертвым инвентарем хозяйства сахзаводов также обеспечены значительно лучше—из-за крайнего недостатка живого инвентаря в с. х. кампанию 1922 г. в ход были пущены тракторы. На Левобережьи работало 22 трак. на Правобережьи значительно больше—около 80. В ремонте находится еще несколько десятков тракторов.

В производственную кампанию (сейчас начинающуюся) 1922 г. включено: действующих заводов—74, не действующих, сеющих свеклу, 79.

Трестом проводится уже (к октябрю 22 г.) программа посева озими для 1923 г. Назначено к посеву 76.353 дес.

Однако, острый недостаток живого инвентаря в хозяйстве сахзаводов особенно резко отразился на успехе работ по глубокой пахоте на 1923 г. По сведениям на 10/IX 1922 г. по Украине вспахано лишь 6.714 дес., т.-е. 10,6 всего намеченного.

Обращаясь к перспективам на будущее, можно констатировать, что тот план восстановления сахпромышленности РСФСР, который рассчитывал на десятилетие 1921—1931 г. г., не только пока получает осуществление, но и ускорен особо благоприятными условиями урожая 1921—22 г. на целый год.

В условиях жестокого финансового кризиса 1922 г. снабжение сахарной промышленности нельзя не признать удовлетворительным. Кредит и внимание со стороны государства принесли свои результаты. Сахаропромышленность вступает в новый операционный год чрезвычайно окрепшей, с подготовленной зимней кампанией производства, с твердым проведением озимой посевной кампании и с широкой работой по подготовке ярового посевного плана.

ВИНОКУРЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УКРАИНЫ.

Неурожай 1921 г., казалось, являлся предпосылкой к свернутому производству на второе полугодие 1921 г. Однако, новая экономическая политика, будучи примененной и к спиртовой промышленности, дала значительно больший производственный эффект, чем можно было предполагать.

Выкурка в месяцы октябрь-декабрь 1921 г. достигла 7.117.958°—284, 5% намеченной на этот период программы.

Как видно, самый производственный процесс достаточно форсируется. А это приводит к истощению сырьевых рессурсов. К началу 1922 г. выяснилось, что ситуация на рынке с продажей спирта на технические потребности оказалась достаточно тяжелой, вызвав, при суженном госснабжении, финансовый кризис в спиртовой промышленности.

В конце января с. г. спиртовая промышленность переводится на коммерчески-хозяйственный расчет, об'единяясь в единый на Украине трест «Спиртотрест». В трест вошли 51 винзавод, за которыми государственной властью закреплено определенной величины сельское хозяйство.

Главное внимание трестом с самого начала было обращено на организационный охват винзаводов и совхозов и на успешное проведение весенней посевной кампании. Эта работа протекала по винсовхозам из-за самой организации спиртотреста и др. причин в исключительно неблагоприятных условиях—из намеченных 11.132 дес. засеяно было 7.239 дес.

Зато посевы, произведенные хозяйственным способом (силами и средствами спиртотреста), выполнены были в размере 110% производственной программы. Засеяно было 3.399 дес.

В настоящий момент невозможно дать еще картину урожая. В общем можно ожидать: зерно-хлеба—212.129 пуд., картофеля—513.400 пуд., корнеплодов—53.300 пуд., сена—110.630 пуд., соломы—358.180 пуд.

Общая выкурка за 1921-22 г. равна 15.200.253°. Таковы результаты работы Спиртотреста в 1921-22 г. Результаты относительно благополучные. Тем более, если учесть, что со стороны государства серьезная помощь спиртовой промышленности не может быть оказываема: наличное количество спирта вполне достаточно для обеспечения текущей потребности государства в спирте, чтобы дополнительной государственной помощью ускорять процесс винокурения. Об экспорте же спирта за-границу речь покамест конкретно не идет.

Какие планы у крупной спиртовой промышленности на будущее?

Общая площадь намеченных посевов на 1922-23 г.—10.950 дес. Но затруднения в реализации спирта покамест ставит под сомнение возможность проведения намеченной посевной кампании полностью, а невозможность закупки в широком масштабе картофеля урожая 1922 г. (в дополнение к собственному) не даст возможности в кампанию 1922-23 г. развить максимум выкурки спирта. Реальной поэтому является программа-минимум, предусматривающая выкурку на 21 заводе—8.560.000° спирта.

ТАБАЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Развитие табачной промышленности в истекшем операционном году шло под воздействием двух основных моментов. Первым моментом является почти полное исчезновение за последние годы промышленного табаководства и истощение имевшихся у населения запасов прошлых урожаев. Это обстоятельство ставило довольно узкие границы для развертывания работы табачных фабрик и придавало сырьевому вопросу исключительную остроту.

С другой стороны, к октябрю 1921 года, т. е. к началу операционного года, концентрация производства и техническое его усовершенствование были почти доведены до конца, и те 10 табачных фабрик, которые к этому времени были образованы из 33 действовавших в начале 1921 года национализированных предприятий, представляли мощные производственные единицы высокого технического качества с мощностью двигателей свыше 400 лошадиных сил.

В начале 1922 года был создан табачный трест. В его состав вошли 7 фабрик: 3 в Харькове, 2 в Одессе и по одной в Киеве и Кременчуге. Трест нашел фабрики почти без всяких запасов сырья с большой задолженностью рабочим и с низким курсом папиросного рубля. Для предупреждения полной остановки производства трест вынужден был сразу резко сжать его и в то же время развить энергичную кампанию по заготовке сырья.

Параллельно с этим трест коммерчески рационализирует использование сырья, постепенно переходя от выработки табака к производству более трудоемкого и ценного товара—папирос, которые в среднем расцениваются на рынке в 8 раз дороже табака. К июню тресту удалось довести заработную плату до соответствия с реальным прожиточным минимумом, исчисленным с достаточной широтой. А к августу заработок табачников уже в полтора раза превышал стоимость прожиточного минимума.

В результате усилий правления треста к последней четверти операционного года табачные фабрики оказались в достаточной мере обеспеченными сырьем, с налаженным аппаратом и крепкой рабочей дисциплиной. Технически же они после ряда работ стали еще более совершенными и мощными.

Летние отпуска не позволили, однако, тресту немедленно расширить производство, и его под'ем начинается поэтому только с августа, но за то этот под'ем сразу принимает солидные размеры—56%, а сентябрь дает еще новые повышения на 11,6% и в итоге последняя четверть превысила выработку предыдущей четверти на 8 с лишним процентов.

В начале своей работы трест испытывал довольно сильные денежные затруднения. По ряду причин, сбыт табачных изделий шел туго, и для подкрепления своих оборотных средств трест должен был прибегнуть к кредиту Государственного банка. К концу операционного года табачный трест справился с этими затруднениями. Благодаря ряду организационных шагов, ему удалось создать стройную, раскинутую по всей федерации, сеть своих торговых организаций в виде уполномоченных, контор и агентур и вполне овладеть рынком, как с количественной, так и с качественной стороны.

КРУПНАЯ КОЖЕВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УКРАИНЫ.

Государственная кожевенная промышленность Украины включает в себя два районных кожтреста: Киевский и Южно-Украинский и четыре губернских об'единения: Харьковское, Полтавское, Донецкое и Кременчугское, охватывающие в общем итоге 36 предприятий с общим количеством 3868 рабочих и годовой производительностью в 613.700 крупных и 290.100 мелких кож. Из указанного количества выработки на долю крупных трестов падает 70%, а на долю кожоб'единений 30% общей выработки.

Киевский Райкожтрест фактически приступил к работе 15-го ноября 21 года,—как раз в то время, когда сезон заготовки сырья уже был на исходе. Несмотря на это, Киевский трест все же достиг значительных результатов.

За 11 месяцев, т. е. за период с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. Киевским трестом было замочено 184.181 крупных и 106.643 мелких кож, а всего 290.824 кожи. За тот же период времени было выработано готового товара: 181.868 крупных и 103.589 мелких кож, а всего 285.357 кож. Экстрактовыми заводами было выработано 106.877 жидкого экстракта, а обувными фабриками пошито 108.864 пары обуви.

Выполнение производственной программы за указанный период времени выражается в 81%.

Здесь необходимо отметить, что трест не гнался за количественным эффектом производительности, а старался повысить выработку подошвенных кож за счет уменьшения выработки мягких и вообще легких кож.

В настоящее время выпуск подошвенных кож достиг 8—11.000 кож в месяц, между тем, как, до перехода заводов данного района к тресту, выход подошвы не превышал 4.000—4.500 кож в месяц.

Производительность труда на предприятиях кожтреста также значительно поднялась. На производство одной подошвенной единицы приходилось следующее количество человеко-дней: в октябре 1921 г.—4,2, а в июне—2,4, июле—1,9, августе—1,9.

Далее Кожтрест организовал гибкий заготовительно-торговый аппарат в виде пяти Губернских контор, 22 уездных и 54 складов. Открыто 4 магазина в Киеве, а также филиальные отделения в Бердичеве, Виннице и Каменце. Всего за указанный период аппаратом треста было заготовлено 552.934 кож сырья. За то же время было реализовано: 34722 п. подошвы; 5.594 пуд. юфти; 161.278 фут. хрому и обуви разной 20.000 пар. Воен-

ному Ведомству было сдано до июня месяца 65.145 пар армейской обуви.

Торговая деятельность треста постепенно распространяется на Москву и Харьков.

Выпускаемый трестом фабрикат, качество коего с каждым месяцем улучшается, постепенно начинает проникать в деревню, вытесняя «кадушечный» товар. Оборотный фонд к 1 октября 22 года увеличился на 279.995.928 руб. (дензн. 22 года), при чем возросли запасы сырья, материалов и топлива, уменьшилось количество готовых изделий и изделий в производстве. Это обстоятельство доказывает нормальную и прибыльную работу треста.

Южно-Украинский Районный Кожевенный Трест, об'единяющий кожевенные заводы Одесской и Николаевской губ., организован был 15 ноября 1921 года.

Данные девятимесячной деятельности (ноябрь-август) треста вполне ясно выявляют истинное его положение. Если за 10 мес. до трестирования производство выражалось в 51.445 кожах, то за 10 мес. после трестирования оно достигло уже 105.866 штук. Здесь мы имеем приближение к довоенной производительности.

Производительность труда также значительно возросла. В то время как средняя месячная выработка одного рабочего в период до трестирования колебалась от 3,2—до 8,4 кож, после трестирования она колеблется от 20,5 до 36,3 кож. За время существования треста было замочено 115.451 кожа, и выработано готового товара 47.851 пуд. За тот же период времени 1-й обувной фабрикой было пошито 76.207 пар армейской и 4.110 пар гражданской обуви.

Качество выработки Южно-Украинского Кожтреста стоит в России на первом месте. 90% всей продукции треста закупается Всероссийским Кожсиндикатом для фабрики «Скороход» в Петрограде. Несмотря на ограниченность оборотных средств, Южно-Украинский Кожтрест, по самому грубому подсчету, за 6 месяцев своей работы дал прибыль, выраженную в подошвенных рублях, равную стоимости 18.000 пудов подошвы.

Политика и практика внешней торговли УССР

I

Октябрьская революция поставила вопрос о взаимоотношениях Советских Социалистических Республик с капиталистическими государствами.

Политика внешней торговли находится в сильной зависимости от внутренней структуры государства и от международной обстановки. Как рисовалась Советской власти связь между этими, различного типа, государствами в первые годы революции?

«Изолированное пролетарское хозяйство, говорит Варга, [1]) подвергается хозяйственному бойкоту со стороны окружающих его капиталистических государств. Но может случиться, добавляет он, что отдельные капиталистические страны, или отдельные капиталистические группы в этих странах, вступят в торговые сношения с пролетарским государством, и чем важнее те продукты, которые пролетарское государство может предложить капиталистическим соседям, чем труднее их заменить какими-либо другими, тем скорее это случится.

Если установятся мирные сношения между пролетарским и капиталистическими государствами, внешняя торговля между ними получит в конце концов форму систематического торгового обмена».

Такова была точка зрения того периода,—когда Советская власть осуществляла жестокий курс на обобществление средств производства и потребления.

Более детально останавливается на вопросе о торговой политике Советского государства в то время Б. Штейн [2]). Исключительное положение Советской России перед капиталистическим фронтом делает необходимым превращение торговой политики в боевое оружие диктатуры пролетариата. Это положение Советской России, как государства пролетарского, требует не развития торговой политики вообще, а развития ее лишь в меру потребности советского хозяйственного организма, как планового. В то время, как буржуазное государство ведет свою внешнюю торговлю без плана на началах анархии и его ведение торговли, в сущности, означает лишь защиту и покровительство торговле отдельных своих граждан, государство пролетарское само является хозяйственным суб'ектом, само ведет торговлю.

Внешняя торговля РСФСР должна быть построена, как внешняя часть единого хозяйственного плана. План внешней торговли должен быть вклю-

[1]) Е. Варга. Проблема экономической политики при пролетарской диктатуре.

[2]) Б. Штейн. Основные положения торговой политики Нар. Хоз. № 1—2, 1921 г.

чен в план производства. Экспорт должен быть подчинен импорту, ибо задачей внешней торговой политики является вовсе не торговля и ее развитие, а удовлетворение нужд нашего хозяйственного плана.

Как же было сконструировано регулирование народного хозяйства внутри страны, в Советской Республике, в какие формы вылилась его связь с капиталистическим миром?

«Первые полгода существования Советской Республики, с конца 1917 г. по май-июнь 1918 г., являются периодом до экономического строительства, когда решительно преобладал процесс организации политической власти пролетариата. С экономической стороны этот период характеризуется уничтожением организации финансового капитала (национализацией банков); установлением политической диктатуры пролетариата над буржуазией и в производственном процессе, но без полного устранения ее из предприятий, происходившего только стихийно и хаотически (принудительное подчинение капиталистов рабочему контролю под страхом конфискации предприятия в случае неподчинения владельца) попыткой демобилизации промышленности (после ноября 1917 г.) аграрной революцией (изгнание помещиков из деревни и захватом земель крестьянами» [1]).

В связи со всей политикой этой эпохи, правительство считается с наличностью частных организаций в области внешней торговли и стремится лишь регулировать их деятельность. Декретом 29 декабря 1917 г. устанавливается разрешительно-запретительная система. Разрешение на вывоз за границу и ввоз товаров из-за границы в Россию выдаются исключительно Отделом Внешней Торговли Комиссариата Торговли и Промышленности. Вывоз и ввоз без таковых разрешений признаются контрабандой, подлежащей преследованию по всей строгости законов Республики.

С мая-июня 1918 г., говорит т. Крицман, «начинается период организационного экономического строительства. С экономической стороны этот период характеризуется установлением командной власти пролетариата и в предприятиях (национализация промышленности) организацией промышленности (главных управлений, соответствующих в смысл производственной организации капиталистическим синдикатам и трестам), значительным сокращением свободы рынка (путем замены частной торговли государственной монополией и государственным распределением); постановкой государственной заготовки продуктов крестьянского производства; классовым расслоением деревни (организация комитетов бедноты) и уравнительным переделом крестьянских земель, частично экспроприировавшим крупных крестьян в пользу средних, организацией советских земледельческих хозяйств (прежде всего свеклосахарных); новой мобилизацией промышленности».

Одновременно и политика в области внешней торговли также меняется. 22-го апреля 1918 г. издается декрет о национализации внешней торговли. Вся внешняя торговля национализируется. Торговые сделки по

---

[1]) Л. Крицман. Организация народного хозяйства в Советской России.

покупке и продаже всякого рода продуктов с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями за границей производятся от лица РСФСР специально на то уполномоченными органами. Органом, ведающим национализированием внешней торговли является Народный Комиссариат Торговли и Промышленности. Для организации ввоза и вывоза при Комиссариате учреждается Совет Внешней Торговли. В его состав входят: представители ведомств, центральных кооперативных организаций, профсоюзов, центральных органов торговых предприятий по ввозу и вывозу важнейших продуктов. Народный Комиссар Промышленности и Торговли, т. Бронский указывал, что этот декрет сознательно обошел молчанием вопрос о переходе от национализации к монополизации внешней торговли. Национализация внешней торговли стремится заставить торговый капитал служить нуждам народного хозяйства. «Используя существующий ныне частно-капиталистический торговый аппарат, его знание дела, но вводя строжайший контроль над его сделками по закупке, правительственные органы по национализации внешней торговли подготовляют почву для перехода в общественный аппарат».

В связи с этим представители союза торговцев были введены, как в Совет по внешней торговле, так и в Отделы при Совете, при чем Наркомат стремился об'единить разрозненные торговые экспортно-импортные фирмы в синдикаты. Но уже в августе 1918 г. стало ясно, что дальнейшее развитие нашей революции, уничтожая основу капиталистического хозяйства, не может не обойти воздействием и торговый капитал.

«Если в апреле месяце предполагали использовать частный торговый капитал для оптовых закупок с целью внешнего товарообмена, то теперь, 4 месяца спустя, мы должны признать, что эти предположения не оправдались. Мы должны считаться с тем, что проводить национализацию производственного капитала и оставлять нетронутым торговый капитал—это экономический абсурд, это фактически невозможно» (т. Бронский). Для составления экспортного фонда Комиссия Использования бронировала за Наркоматом экспортные товары. Кроме того Наркомату были отпущены небольшие, правда, средства для самостоятельной заготовки. Международная обстановка блокады Советской России препятствовала установлению внешне-торговых отношений. В октябре 1918 г. был заключен Русско-Шведский торговый договор. Этот договор носил компенсационный характер и на основании его был заключен ряд торговых сделок. Но, как сообщает отчет Наркомата к 9-му С'езду Советов, от указанных попыток наладить внешний товарообмен пришлось, однако, вскоре отказаться под давлением установленной Антантой усиленной блокады.

Дальнейшее проведение в жизнь советской системы вносило все большую стройность в систему внешней торговли. Национализация внутренней торговли ликвидировала вопрос о возможном участии частных организаций во внешней торговле, и Комиссариат Промышленности и Торговли был переименован в Народный Комиссариат Внешней Торговли. Вместе с тем, и деятельность хозяйственных органов принимает все более

распределительный характер, торговля вытесняется распределением, заготовка продуктов сельского хозяйства заменяется принудительной разверсткой. Наркомпрод становится единственным органом, собирающим сельско-хозяйственные продукты и передающим их другим хозяйственным органам. В связи с этим декрет 17 марта 1921 года, почти на пороге новой политики, гласит, что Народный Комиссариат Внешней Торговли не имеет права заготовок. Народный Комиссариат Внешней Торговли передает ввозимые из-за границы предметы исключительно подлежащим распределительным органам для распределения согласно импортного плана. Но, с другой стороны, тот же декрет закрепляет монополию внешней торговли в абсолютнейшей форме за Наркоматом. Закупка предметов за-границей производится исключительно Народным Комиссариатом Внешней Торговли.

Таким образом, Наркомвнешторг является торговой организацией лишь на внешнем рынке, он—передаточная инстанция между организованным советским хозяйством и внешним рынком. Внутри страны он не покупает и не продает. На внешнем рынке доминируют отдельные сделки компенсационного характера, при чем закупка на золото также носит скорее товарообменный характер, так как золото, продаваемое РСФСР, рассматривалось, не как мировое денежное орудие, а как товар, при том бойкотируемый крупнейшими банками. В этот период внешняя торговля, как метко отметил т. Брон, была скорее программой, чем фактом.

Это период абсолютной монополии НКВТ, говорил т. Красин, которая соответствовала провозглашенным тогда основам коммунистического строя, но фактической работы, если не считать немногих сделок со Скандинавией, не было.

В 1920 году Верховным Советом в Париже было постановлено снять блокаду с Советской России и возобновить сношения с нею при посредстве кооперативов. Начинается полоса мирных договоров: с Эстонией 2-го февраля 1920 г., с Литвой 12 июля, с Латвией 4 августа, с Финляндией 14-го октября, Польшей 18-го марта 1921 года. Эти договоры лишь попутно регулируют торговые отношения между договаривающимися сторонами, предусматривая заключение в будущем особых торговых договоров.

Первый исторический период (в области внешней торговли), говорит т. Красин, начинается с момента наших переговоров с Англией и продолжается до провозглашения новых основ экономической политики. За английским соглашением 16-го марта 1921 г. следует соглашение с Германией, о расширении деятельности взаимных представительств по делам о военнопленных от 6 мая 1921 г. и предварительное соглашение с Норвегией от 2-го сентября 1921 года.

Различие строя Советской России и капиталистических государств налагает свой отпечаток на характер соглашений. В первую очередь был выдвинут вопрос о правах представительств Советской России. Необходимо было обеспечить за русскими торговыми делегациями, помимо прав и льгот, предоставленных международными обычаями официальным представителям иностранных государств, права юридического лица, так как гражданская

правоспособность Советского Правительства, еще не признанного de jure могла вызвать сомнение. Не менее существенны соглашения о гарантиях против задержания и ареста, по распоряжению местного правительства, имущества, которые Советское Правительство ввезет в пределы договаривающейся страны.

Торговое соглашение подчеркивает монопольный характер внешней торговли РСФСР. Сделки, заключенные иностранцами с другими русскими контрагентами, должны рассматриваться, как нарушение монополии, со всеми вытекающими из этого нарушения по русским законам последствиями. В договорах оговаривается предоставление взаимной свободы транзита. Только в польском договоре Польша оставляет за собой право свободно по своему усмотрению нормировать условия транзита для товаров германского и австрийского происхождения, ввозимых из Германии или Австрии через Польшу в Россию или Украину.

Вопросам таможенных пошлин уделяется мало внимания. Первые договоры с Эстонией, Литвой и Латвией содержат пункт о наибольшем благоприятствовании, но в последующих договорах это положение не находит себе места, и правительство оставляет за собой свободу действия.

Иной характер имеют договоры со странами Востока, отражая политику сближения РСФСР с означенными странами. В договоре с Афганистаном от 22 февраля 1921 г. Россия односторонне соглашается на свободный беспошлинный транзит через свою территорию всякого рода грузов, закупленных Афганистаном, как в самой России через государственные органы, так и непосредственно заграницей. Договор с Монголией от 5 ноября 1921 г. распространяет принцип наибольшего благоприятствования не только на импорт, экспорт и транзит товаров, но и на взыскание налогов и проч. Договор от 26 февраля 1921 г. с Персией принимает тот же принцип наибольшего благоприятствования, поскольку речь идет о транзите, и право свободного передвижения внутри страны персидских граждан в России и русских граждан в Персии. Договор с Турцией от 16-го марта 1921 г. базируется на том же принципе наибольшего благоприятствования и гласит о возобновлении железно-дорожных почтовых и телеграфных сношений в в'езде и выезде, ввозе и вывозе товара. Договор предусматривает разрешение вопроса о проливах особой конференцией из делегатов прибрежных стран, при условии, что вынесенные ею постановления не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столице.

Для характеристики фактической внешней торговли за этот период приведем соответствующие данные о ввозе и вывозе из РСФСР:

	Привоз	Вывоз
1918 год	61.069.000 р.	7.544.000 р.
1919 »	3.032.000 р.	109.000 р.
1920 »	37.202.000 р.	1.085.000 р.

Если принять во внимание, что в 1919 г. из 3.032.000 р. ввозят 2.437.000 р. падает на ввоз из Украины, то придется признать, что 1919 г. был годом полной блокады. 1920 г. приносит уже некоторое оживление.

Новые соглашения с Англией и Германией, расчистившие путь для торговли с Западной Европой, совпадают с новой экономической политикой.

II

Наиболее яркое обоснование новой экономической политики мы находим в известной брошюре т. Ленина «О продовольственном налоге». В ней, как известно, т. Ленин отмечает, что в настоящее время на лицо имеются следующие элементы общественно-экономических укладов: 1) патриархальное, 2) мелкое товарное производство, 3) частно-хозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм, 5) социализм. Вся новая экономическая политика основана на учете существования этих различных типов хозяйства современной России. «Пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежного при существовании миллионов мелких производителей, было бы глупостью. Надо не пытаться запретить или запереть развитие капитализма,—а стараться направить его в русло государственного капитализма». Государственный капитализм экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика.

Как же строится внешняя торговая политика при НЭП'е? Внешняя торговля тесно связана с внутренней. Свобода внутренней торговли не влечет ли за собой и свободу внешней торговли? Торговля может быть частно-капиталистическая, государственно-капиталистическая (государство с участием капиталистов) и чисто-государственная. Мелкое товарное хозяйство не может обойтись без частной капиталистической торговли, без свободы торговли.

Иная картина в области внешних торговых отношений. Здесь всегда доминировали крупные организации и мелкие экспортеры и импортеры являлись фактическими агентами крупных экспортных, импортных, преимущественно, заграничных фирм. Свобода торговли в области внешних отношений не есть об'ективная необходимость. Наоборот, опыт западно-европейских стран со слабой валютой, истощенных войной, показывает, что и для них свобода торговли не по плечу. Любопытно отметить, что даже доклад лондонских экспертов, легший в основу резолюции Генуэзской конференции, указывавший, «что система запрещений и ограничений ввоза и вывоза, временно введенная некоторыми государствами для охраны своих финансов или в виде средства контроля над своими рынками, в принципе вредна с точки зрения экономического восстановления Европы», все же вынужден был признать, что всякая страна имеет право разрешить ввоз некоторых товаров только под условием сдачи их в распоряжение известных учреждений, как для фактического осуществления казенной монополии, так и для того, чтобы обеспечить поступления ввоза данного товара по определенному назначению.

Советское правительство, переходя к новой экономической политике, поставило себе задачей сохранить командные высоты народного хозяйства за пролетарским государством, и одной из таковых высот и являлась внешняя торговля.

Как обосновывается монополия внешней торговли при новой экономической политике? т. Лежава говорит: «Покуда национализация крупной промышленности и транспорта остается основой советского режима, внешняя торговля должна оставаться в руках государства. Внешняя торговля в руках государственной власти является орудием, при помощи которого в страну ввозится лишь самое необходимое для ударных отраслей и вывозится все ею накопленное для покрытия расходов по импорту. Несомненно, нам предстоит решить следующую дилемму: или национализированная внешняя торговля с известными трениями и затруднениями, обслуживающая частные торговые интересы, или свободная внешняя торговля с быстрым удовлетворением потребностей частного торгового и производственного аппарата, но быстро истощающая страну и подрывающая советский режим» [1]).

В своем докладе на первом с'езде Уполномоченных НКВТ т. Красин говорил: «основной признак нашей советской системы—советский плановый государственный капитализм. Это обстоятельство заставляет меня утверждать, что пока мы не отказались от диктатуры пролетариата, от принципов планового хозяйства,—мы не можем отказаться от монополии внешней торговли». Сохранение монополии внешней торговли представляет непосредственные хозяйственные выгоды, концентрируя все сделки, придавая закупкам и продажам характер массовых, позволяя Наркомвнешторгу выступать на внешних рынках даже при настоящем обеднении страны в качестве одного из самых крупных покупателей, а в некоторых отраслях—и продавцев, и давая возможность даже при не вполне сложившемся еще аппарате уже теперь заключать соглашения и сделки на условиях, недоступных для крупных частно-владельческих предприятий. (Резолюция Совещания Уполномоченных НКВТ).

Таким образом два основных момента определяют позицию внешней торговли: 1) плановый характер ввоза и вывоза, 2) выгодность концентрации продажи и покупки на внешнем рынке в одних руках.

Но каким изменениям должна была подвергнуться организация внешней торговли, чтобы она была способна удовлетворять новым требованиям экономической жизни?

IX-й С'езд Советов в своих резолюциях о новой экономической политике признал, что дальнейшее развитие торговых сношений с заграницей требует более прямых и непосредственных связей промышленности с заграничным рынком. Находя, что охранение народного достояния и интересы более выгодной реализации на заграничных рынках тех продуктов, кои

---

[1]) Лежава. «Новый курс и внешняя торговля». Вестник НКВТ № 4—5, 1921 года.

разрешаются к вывозу, требуют сохранения за государством монополии внешней торговли, IX С'езд Советов считает, что всероссийским областным кооперативным об'единениям всех видов, государственным промышленным об'единениям (обл. и губэкосо и прочим крупным хозяйственным образованиям) должно быть разрешено непосредственное производство экспортных и импортных операций (на основании особых соглашений их с НКВТ о допущении или ограничении вывоза или ввоза определенных видов товаров и под его контролем). В тех же целях должно быть разрешено образование —при обязательном участии НКВТ—смешанных обществ для заготовки экспортных товаров внутри страны, сбыта их заграницу и ввоза в Советскую Россию необходимых ей продуктов, с установлением таможенных пошлин ввозных и вывозных.

Иную формулировку дает декрет 15 марта 1922 г., принятый для руководства на Украине 22 марта. Наркомвнешторгу предоставляется право давать разрешения государственным органам и предприятиям и их об'единениям, а также Губисполкомам и Всероссийским кооперативным об'единениям на совершение непосредственных сделок на заграничном рынке с предоставлением договора и соглашения на предварительное утверждение Наркомвнешторга или его Уполномоченных. Только Центросоюзу (ВУКС) предоставляется право осуществлять свои внешние торговые операции путем непосредственных сделок с заграничными обществами кооперативных оптовых закупок и союзными потребительскими обществами. Постановление С'езда Советов носит более категорический характер, чем декрет, но и то и другое вносит новые элементы в систему внешней торговли. Мартовский декрет вновь предоставляет право НКВТ выдачу разрешений на ввоз и вывоз, при чем точно определяет категорию хозяйственных суб'ектов, могущих пользоваться такими разрешениями.

Таким образом, декрет, на ряду с осуществлением внешне-торговых операций непосредственно НКВТ, вводит разрешительную систему для остальных организаций. «Развивающиеся экономические отношения России и необходимость широких операций на внешних рынках в условиях безусловной необходимости и целесообразности монополии внешней торговли требует особой гибкости организационных форм внешней торговли, способных, с одной стороны, охранить интересы народного хозяйства путем завоевания наиболее выгодных позиций (достижение более высоких цен, получение кредита и т. д.) и, с другой стороны, обеспечивающих достаточно свободное развитие деятельности торгово-промышленных органов по экспорту и импорту».

Как же осуществляет НКВТ эту сложную задачу? Осуществление монополии внешней торговли одними лишь средствами государства при НЭП представляется недостаточным, ставится на очередь вопрос о привлечении частного капитала, при участии и под контролем государства. Для осуществления этой цели наиболее целесообразным признается создание смешанных обществ, в которых участвует и которое контролирует государство.

III

Смешанные общества это одна из форм государственного капитализма. Если выступление многочисленных организаций на внешнем рынке, даже при разрешительно-запретительной системе, фактически срывает всякую плановую политику в области внешней торговли, то менее опасным представляется выступление крупных организованных групп.

т. Лежава, в своей цитированной статье, пишет: «Большие концессионные предприятия, как русские, так и иностранные, заключившие особые договоры с государством, а также крупные кооперативные об'единения, занятые производством предметов экспорта или, в некоторых случаях, заготовкой сырья, представляют собой организации, деятельность которых вполне доступна государственному контролю. Этим организациям может и должна быть предоставлена известная, довольно широкая свобода самостоятельных сношений с внешним миром».

Резолюция Совещания Уполномоченных отмечает, что «центральным кооперативным органам (Центросоюзу и Сельсоюзу), ввиду значительной роли кооперации в качестве одного из опорных пунктов Советской власти в борьбе со стихией вольного рынка—должно быть предоставлено право самостоятельной работы в области внешней торговли, при предварительном согласовании выступлений на внешних рынках с Торгпредами». Таким образом, Совещание формулирует права кооперации шире декрета, который непосредственные операции Центросоюза ограничивает лишь сношениями с заграничной кооперацией и ставит наряду с Центросоюзом—Сельскосоюз.

Более сложным является вопрос об отношениях НКВТ и крупных хозяйственных государственных органов и предприятий. Казалось бы, они могут быть в области внешней торговли приравнены к кооперации, и мы видели, что резолюция IX-го С'езда Советов ставила их в одинаковое положение с кооперацией. Но не надо забывать, что основная задача НКВТ—организация внешней торговли для Госорганов. НКВТ это специально государственный орган по внешней торговле и, как таковой, представитель государственного хозяйства на внешнем рынке. Но «в целях проявления инициативы хозяйственных органов при реализации экспортных фондов и наилучшего технического выполнения заказов, ВСНХ и хозяйственные Наркоматы, а также крупные областные органы в странах, экономически связанных с областными органами, могут иметь при Торгпредах постоянных представителей, а другим хозяйственным органам должно быть предоставлено право посылать своих представителей для проведения отдельных операций».

Последний проект Нарком'юста, вносимый на утверждение ВУЦИК'а, еще более расширяет права государственных хозяйственных организаций в области внешней торговли. «Точно установленным по особому списку государственным центральным и местным хозяйственным органам предоставляется, при условии неуклонного соблюдения монополии внешней торговли, самим вести торговые операции за-границей через посредство специальных своих представителей».

«Указанные в ст. 2-й центральные, местные хозяйственные органы или их представители обязаны о каждой своей предположенной торговой операции предварительно осведомлять Народный Комиссариат Внешней Торговли или подлежащие Торговые Представительства. Народный Комиссариат Внешней Торговли или подлежащие Торговые Представительства в праве, за своей ответственностью, налагать мотивированное запрещение на каждую таковую операцию».

Это постановление, давая формальное право хозорганам выступать на внешнем рынке, конечно, еще не разрешает вопроса о целесообразности такого выступления. Задача оперативных органов НКВТ—Госторга и отдельных обществ—установить нормальные деловые отношения с хозорганами, стать их посредником в области внешней торговли по основным предметам экспорта и импорта.

«Отдельные частные предприятия удовлетворяют свои нужды в области внешнего товарооборота либо через государственный торговый аппарат на комиссионных или иных началах, либо через смешанные общества, либо самостоятельно в порядке разрешительно-запретительной системы (система лиценций по строго выработанной номенклатуре) с соблюдением всех прочих существующих узаконений и распоряжений» [1]).

Новые задачи НКВТ, возможность выступления на внешнем рынке других контрагентов, требуют точного разграничения деятельности НКВТ в области государственного регулирования внешней торговли и коммерческих операций. Для непосредственной торговой деятельности НКВТ организовал специальный оперативный орган—Госторг,—который обладает правами юридического лица, имеет самостоятельный коммерческий аппарат и отдельную отчетность. Создание коммерческого аппарата требует предоставления НКВТ специальных оборотных средств, и постановлениями СНК НКВТ был предоставлен оборотный фонд из выручки от реализации за-границей экспортного фонда. Вместе с тем, НКВТ предоставляется право самостоятельных заготовок экспортного фонда. Госторг является универсальным торговым органом, основным коммерческим аппаратом НКВТ, но в целях развития экспорта и тщательной стандартизации сырья, согласно требований мирового рынка, и улучшения импортных операций, необходимо создать ряд специальных органов по заготовке отдельных групп экспортных товаров и по импорту (по типу уже созданных Нафтэкспорта, Льноторга, Металлоторга и др.), концентрирующих определенные виды сырья и об'единенно выступающих на внешних рынках под контролем и руководством НКВТ через своих представителей при Торгпредах».

Означенные общества не являются смешанными обществами. В них нет частного капитала, но они имеют свой смысл. Поскольку отдельные отрасли внешней торговли дифференцируются и требуют создания для нее специальных организаций, наиболее рациональным является участие в этой организации, помимо НКВТ и того ведомства, той промышленной группы,

---

[1]) Резолюция Совещания Уполномоченных НКВТ.

которая заинтересована в этом продукте. На таком принципе построены и Льноторг, и Нафтэкспорт, на Украине—Экспорт-Уголь, Экспорт-руда и Юго-трав. Таким образом, НКВТ осуществляет непосредственную торговую деятельность через Госторг, смешанные общества с участием иностранного капитала, товарищества с участием хозорганов, и регулирует деятельность кооперации, хозорганов и частных предприятий на внешних рынках.

Одним из серьезных препятствий в работе НКВТ является отсутствие кредита. Комиссионная деятельность Госторга в области экспорта не может развиваться без финансирования промышленности, кооперации и других организаций, в области импорта—без свободного получения иностранной валюты на советские денежные знаки. Каждое специальное импортное общество при отсутствии банка, при невозможности получения эквивалента в иностранной валюте, неизбежно превращается в импортно-экспортное общество и наоборот.

В огромном здании НКВТ не хватает основного центра—банка. И это—задача ближайшего будущего. По мере дифференциации отдельных отраслей внешней торговли, создания специальных обществ, перед НКВТ все более остро станет задача сплотить эти общества в единую систему не только методами регулирования, в законодательном и административном порядке, но и коммерческого и финансового воздействия. Это задача банка, который явится центром коммерческой и финансовой деятельности НКВТ.

Одной из основных задач регулирующей деятельности НКВТ является внесение плана в вывоз и ввоз товаров. Очевидно, что только в тесном контакте со всеми заинтересованными хозяйственными организациями, чутко следя за быстро меняющейся кон'юнктурой рынка, исходя из интересов всего народного хозяйства, а не отдельных его частей, НКВТ сможет найти правильную равнодействующую.

Перейдя на коммерческий расчет, НКВТ в своем оперативном экспортно-импортном плане не может, все же, руководствоваться одними соображениями коммерческого характера. Потребности народного хозяйства и при НЭП'е остаются его руководящим принципом. Импортные потребности государственных учреждений, не снятых с государственного снабжения, должны по прежнему удовлетворяться НКВТ. НКВТ, совместно с Наркомфином, должен заботиться об источниках покрытия импортного плана хозорганов. Государственный экспортный фонд, полученный НКВТ в порядке принудительном, путем из'ятия, и является, в известной части, источником для реализации этого плана. Но этот рессурс иссякает, и перед НКВТ и НКФ стоит задача построения постоянных источников для снабжения импортными товарами государственных органов.

Переход НКВТ от роли распределителя среди ведомств к торговле, возможность ввоза и другими организациями—поставил вопрос о таможенных ввозных пошлинах, а разница между ценами на экспортное сырье на иностранных выставках и внутреннем—позволила и делала необходимым для государства введение вывозных пошлин. Таможенные пошлины на

вывоз и ввоз устанавливаются Советом Народных Комиссаров и не могут изменяться концессионными договорами. Изменения возможны только по заключению торговых договоров с отдельными странами (декрет 13 марта 1922 г.). Таким образом, декрет предусматривает возможность конвенционных таможенных тарифов.

IV

Переходя к характеристике фактического положения вещей в области внешней торговли, за последний период, необходимо отметить, что международная обстановка оставалась, в общем, в том же виде, как она вырисовалась после соглашения с Англией.

Были заключены соглашения с Италией, Чехо-Словакией. Генуэзская и Гаагская конференции не дали непосредственных результатов, но, вместе с тем, выявили требования обеих сторон, разногласия в среде европейских держав и возможности компромисса между английской и русской группами.

В частности, в документе от 2-го мая «нерусская сторона» соглашалась при известных условиях на то, чтобы правительства оказали финансовую поддержку тем из своих капиталистов, которые пожелают вступить в торговые сношения и промышленные связи с Россией.

Крупным шагом в деле восстановления сношений с Западной Европой является русско-германский договор 17 мая 1922 г., в котором Германия отказывается от претензий, «вытекающих из применявшихся до сих пор Советской Россией законов и мероприятий по отношению к германским подданным, поскольку Правительство Советской России не станет удовлетворять аналогичных претензий других государств». Этот договор, открывающий новую страницу в истории русско-германских отношений, устанавливает принцип наибольшего благоприятствования «для общего правового положения граждан той и другой стороны, равно как и для общего урегулирования взаимных торговых и хозяйственных отношений».

Дело привлечения иностранных капиталистов для организации внешней торговли находится, в силу общих международных условий, в стадии подготовительных переговоров. Но, не смотря на «выжидание», НКВТ удалось уже с'организовать несколько таких обществ, пока, преимущественно, с немецким капиталом: «Кож-сырье», «Деруметалл» (экспорт из России металлического лома), «Дерутра» (Русско-Германское транспортное Общество), Банк для торговли с Персией, и Транспортное Общество для тех же целей.

Неурожай 1921 г. заставил все внимание НКВТ направить на продовольственные закупки, оставив в стороне удовлетворение иных потребностей. Если до сих пор импортные закупки, совершались почти исключительно на золото, то с 1922 г. начинает рости наш экспорт, достигая сравнительно значительных сумм, и внешняя торговля принимает более нормальный характер.

	Привоз. в тыс. руб.	Вывоз. по ценам 1913 г.
1921 г.	248.675	279.219
1922 г. (за 6 мес.)	21.240	24.848

Внешняя торговая политика должна быть едина для всех частей Федерации, в особенности это единство требуется для проведения монополии внешней торговли. Резолюция, принятая Совещанием Уполномоченных НКВТ, указывает, что Международное положение РСФСР и Советских Республик повелительно диктует необходимость проведения единой политики в области внешней торговли и единства руководства ею.

Органы внешней торговли союзных Республик составляют для этого об'единенный с НКВТ РСФСР аппарат и проводят всю свою основную работу по планам и директивам своих республик, согласованным с общефедеративным планом, утверждаемым НКВТ РСФСР. Организационное единство должно проводиться путем согласованных назначений лиц, возглавляющих органы внешней торговли союзных Республик.

Как общее правило, все операции за границей проводятся через об'единенные Торговые Представительства РСФСР и союзных Республик. Основания и порядок об'единения заграничных представительств проводятся путем особых соглашений.

Единство таможенной политики и организации прямо вытекает из единства политики внешней торговли.

Договоры РСФСР с Украиной, Белоруссией, Азербейджаном и др. Республиками устанавливают единый для всей Федерации Комиссариат Внешней Торговли, имеющий своих Уполномоченных, на правах Наркомов, в Совнаркоме каждой из союзных Республик, и согласование импортно-экспортных операций этих Республик в едином для всей Федерации плане. Создавая единую согласованную систему внешней торговли, эти договоры и позднейшие постановления и соглашения дают известный простор местной инициативе отдельных Республик, предоставляя отдельные рессурсы каждой Республике и давая им право иметь своих торговых представителей за-границей

IV

Политика Народного Комиссариата Внешней Торговли, являющегося руководящим центром в области внешней торговли для всей Советской Федерации, получила полное отражение в деятельности и всех мероприятиях его Украинского Управления.

Законодательное творчество УССР в области организации и регулирования внешней торговли развивалось в соответствии с законодательством РСФСР. УпНКВТ начало функционировать на Украине к тому моменту, когда из прежнего Народного Комиссариата Торговли и Промышленности РСФСР декретом от 11 июня 1920 г. был выделен специальный орган—

Народный Комиссариат Внешней Торговли, которому, как единственному уполномоченному на то органу, было предоставлено «исключительное право вести все торговые сношения с иностранными государствами, обществами и частными учреждениями и организациями, торговыми и промышленными предприятиями и отдельными лицами».

Ввиду того, что тогда, вследствие польской интервенции, Украина вновь стала ареной войны, законодательная деятельность по линии УпНКВТ была, на первых порах, направлена не на регулирование оперативной работы которая не могла пока развиваться, а на организацию аппарата внешней торговли и установление определенных взаимоотношений с другими ведомствами.

Все принимавшиеся в течение 1920 г. меры к организации УпНКВТ, определение его прав и обязанностей по отношению к другим органам власти, как УССР, так и РСФСР, к налажению таможенного дела и борьбе с контрабандой, проводились, преимущественно, не в законодательном порядке, а в административном, в виде ведомственных или междуведомственных распоряжений. Лишь в 1921 г. УпНКВТ получило прочное основание в законодательном порядке.

Существование УпНКВТ окончательно было оформлено лишь декретом Совнаркома от 18 июля 1921 г., согласно коему, Уполномоченному Народного Комиссариата Внешней Торговли на Украине, действующему на правах Народн. Комиссара в составе Совнаркома УССР, предоставляется руководить всем делом внешней торговли в пределах УССР, иметь самостоятельные торговые представительства за-границей, вырабатывать свой экспортно-импортный план, совершать самостоятельные торговые сделки за-границей и т. д. Постановлением ВУЦИК'а в июле же 1921 года регламентирована организация местных органов УпНКВТ в виде отделов при Губисполкомах и Уисполкомах, на которые возложено проведение на местах всех распоряжений и заданий Управления.

Когда структура Управления, как в центре, так и на местах, а равно и структура состоящих при нем вспомогательных органов, была вполне оформлена, законодательное творчество в области внешней торговли было направлено на приспособление оперативной работы к основам новой экономической политики.

Первым и наиболее важным в этом отношении законодательным актом является постановление Совнаркома УССР от 17 августа 1921 г. о создании экспортного фонда. Этим постановлением введен порядок, согласно которому стоимость импортируемых товаров должна покрываться суммами, выручаемыми от продажи экспортных товаров, при чем заготовка экспортного фонда возложена всецело и исключительно на УпНКВТ. Последнее производит эти работы как непосредственно, так и через посредство других государственных органов, общественных организаций и частных предприятий и лиц, для чего оно в праве вступать в договорные отношения с указанными организациями. В развитие этого постановления изданы исчерпывающие об'яснения Особкома от 24 сентября 1921 г. Дальнейшим шагом законодательства в этом направлении является постановление ВУЦИК'а, от 30 ноября

1921 г., по коему заготовка в порядке товарообмена и покупка всякого рода сырья для надобностей экспорта возлагается на УпНКВТ. К той же серии законоположений относится и постановление Совнаркома УССР от 24 ноября 1921 г., коим введено в действие на территории УССР постановление СТО от 21 ноября, согласно которому за УССР забронированы все экспортные товары, заготовленные и заготовляемые на территории Украины, с правом реализации их за-границей. При этом, при реализации экспорт-товаров на сумму 60 мил. руб. золотом, 15% вырученной суммы поступает в кассу РСФСР, а при реализации свыше 60 мил. руб. 25% от суммы, вырученной сверх 60 мил.

Для из'ятия от всех ведомств, находящихся у них экспортных товаров, постановлением Совнаркома УССР от 24 ноября 1921 г., учреждена специальная Комиссия, а постановлением УЭС'а от 16 декабря 1921 года точно определены функции и права этой чрезвычайной Комиссии. Комиссия состоит при УЭС'е. Особым постановлением УЭС'а от 19 декабря подробно регламентирован порядок передачи УпНКВТ экспортного сырья кооперацией. Наконец, постановлением УЭС'а от 9-го апреля 1922 года, в развитие и раз'яснение постановления СТО от 13 февраля 1922 г., детально определен порядок передачи УпНКВТ и производство расчета за экспортные товары, своевременно забронированные за УпНКВТ.

Из законодательных актов, устанавливающих общие принципы монополии внешней торговли на Украине, должно быть отмечено постановление ВУЦИК'а от 22 марта 1922 г., коим вновь подтверждено, что внешняя торговля на Украине, являясь государственной монополией, осуществляется УпНКВТ, которое реализует на заграничных рынках, как все переданные ему государственными органами товары, так и заготовленные им самим, а также реализует, на комиссионных началах, принадлежащие государственным органам и украинским кооперативным об'единениям экспортные товары. Кроме того, УпНКВТ предоставляется право давать названным учреждениям разрешения на совершение непосредственных сделок на заграничных рынках, при условии предварительного утверждения УпНКВТ всех договоров и соглашений по указанным сделкам. Вместе с тем, УпНКВТ предоставляется право организовать смешанные акционерные общества с привлечением частного капитала для заготовки экспортных товаров, сбыта их за-границею и ввоза из-за границы предметов, необходимых для восстановления народного хозяйства и внутреннего товарообмена.

В развитие общих принципов монополии внешней торговли УЭС принял 22 сентября 1922 г. постановление «Об экспортной и импортной работе украинской кооперации». Согласно этого постановления, внешняя торговля кооперативных организаций всех видов и ступеней осуществляется через посредство об'единения в одном лице представительства различных видов украинской кооперации за-границей. Об'единенное представительство кооперации за-границей наделено правом получать от УпНКВТ разрешения и на непосредственные сделки с заграничными частными фирмами, поскольку сделки эти не будут признаны противоречащими общей политике УпНКВТ, и если они не могут быть совершены УпНКВТ на более льготных условиях.

Постановлением Совнаркома от 24 апреля 1922 г. «Об учреждении Главного Комитета по делам о концессиях и акционерных обществах» определен порядок утверждения смешанных обществ, предусмотренных постановлением ВУЦИК'а от 22 марта 1922 г.

В области организационного строительства выделение из регулирующего аппарата всей чисто оперативной экспортно-импортной работы в центре, путем создания экспортно-импортной конторы (Укрвнешгосторга), вызвало соответствующие изменения в структуре местных органов УпНКВТ. Постановлением ВУЦИК'а от 30 августа 1922 г. «О местных органах Уполнаркомвнешторга», упразднены Отделы Внешней Торговли при Губ-и Уисполкомах, при чем допущена организация института Уполномоченных УпНКВТ на местах, где это будет признано необходимым, для выполнения распоряжений и заданий УпНКВТ. Для исключительно оперативной работы этим же постановлением предусмотрены местные конторы Укрвнешгосторга, подчиненные непосредственно последнему.

По части таможенного надзора, необходимо указать два постановления Совнаркома УССР от 12 декабря 1921 г., коими весьма полно регулируются вопросы о выполнении всех таможенных обрядностей и устанавливается порядок наложения наказаний за нарушения этих обрядностей.

В деле борьбы с контрабандою следует отметить п. 14 декрета Совнаркома УССР от 15 ноября 1921 г. «О порядке реквизиций и конфискаций имущества частных лиц и обществ», согласно которому в качестве контрабанды подлежат конфискации товары, вывозимые из УССР или ввозимые в УССР без разрешения правомочных органов УпНКВТ. Для поощрения мер борьбы с контрабандой, постановлением Совнаркома УССР от 30 августа 1921 г., установлены премии задержателям контрабанды. В апреле 1922 г. окончательно оформлен в законодательном порядке вопрос о взимании таможенных пошлин, и постановлением Совнаркома УССР от 20 апреля введен в действие на территории Украины таможенный тариф по европейской ввозной торговле, распространяющийся на всю Советскую Федерацию.

Развитие экспортных и импортных операций в течение 1922 г. вызвало дальнейшее развитие таможенного и таможенно-тарифного законодательства. 8 августа 1922 г. Совнарком УССР зарегистрировал постановление об утверждении таможенного тарифа по европейской торговле, которым, помимо установления пошлин по вывозной торговле, определены товары, запрещенные к вывозу. Для облегчения уплаты вывозных пошлин УЭС, постановлением от 21 августа, уполномочил Всеукраинскую Контору Государственного Банка предоставлять кредиты на оплату вывозных пошлин государственным учреждениям и предприятиям и крупным хозяйственным органам, экспортирующим товары за-границу.

К финансовым мероприятиям, облегчающим экспортирование за границу товаров, относится постановление ВУЦИК'а от 30 августа 1922 г. «О сложении, возврате и зачете уплаченного акциза с товаров, вывозимых за-границу».

Важное значение для облегчения торговых сношений с иностранными рынками имеют постановления Совнаркома в области регулирования обра-

щения денежных ценностей. Постановление от 5 мая 1922 г. «О вкладных операциях Гос. Банка и о правилах приема денежных переводов за-границу» предоставило Всеукраинской Конторе Гос. Банка право принимать на текущие счета и во вклады иностранную валюту с условием возврата вклада вкладчику той же валютой, и установило основания перевода за-границу и из-за границы иностранной валюты, золотых и серебряных монет и слитков. Переводы за-границу принимаются Гос. Банком без ограничения суммы от лиц, учреждений и предприятий, при условии представления соответствующего разрешения. Переводы из-за границы принимаются без ограничения суммы, как в иностранной валюте, так и в валюте РСФСР. Постановлением Совнаркома от 11 сентября 1922 г. «Об обращении золота, платины, серебра, драгоценных камней и иностранной валюты» разрешен беспрепятственный ввоз в пределы УССР золотой и серебряной монеты, иностранной валюты или российских бумажных денежных знаков всех имеющих хождение в УССР образцов. Этим же постановлением разрешен беспрепятственный ввоз из-за границы в УССР изделий из благородных металлов с драгоценными камнями или без них, в количестве, предназначенном для личного потребления каждого проезжающего, без особого на то разрешения.

Наконец, следует отметить ряд постановлений по вопросам, касающимся заготовки и экспорта отдельных товаров. Согласно постановлению Совнаркома от 29 апреля 1922 г. «О заготовке кожсырья», разрешается свободная заготовка, переработка, покупка и продажа кожевенного сырья. Постановлением Совнаркома от 16 июня 1922 г. разрешена свободная скупка, продажа и выделка всех видов пушнины. Постановление УЭС'а от 24 мая 1922 г. «О плане и порядке использования промсырья» обязало Наркомпрод передавать УпНКВТ все находящиеся в распоряжении Наркомпрода щетину, волос, рога, копыта, пух и перо, кишки и кровь за наличный расчет, по существующим средним рыночным оптовым ценам. Такой же передаче подлежат экспортные сорта кожсырья и шерсти.

Материальные итоги работы Укрвнешторга не только за 1920 г., первый год его существования, но и за 1921 г. весьма незначительны. Лишь к концу 1921 г. операции по внешней торговле начинают развиваться, и более значительные результаты дал лишь 1922 г. В условиях внешней и внутренней войны и блокады внешняя торговля развиваться не могла.

В 1920 г. украинские границы, за исключением границы с Румынией, где не было боевых действий, оказались в сфере боев. Наступление поляков, эвакуация и реэвакуация Киева, где находилось одно из наиболее важных тогда окружных отделений Укрвнешторга, сильно дезорганизовали дело. В 1920 г. было лишь предпринято выяснение и учет товаров, годных к экспорту, и выяснялись импортные нужды Украины. Определенный тогда примерный экспортный фонд выразился (по довоенным ценам) в сумме 70—75 миллионов рублей, что составляет лишь одну шестую всего вывоза Украины в иностранные государства в довоенные годы. В этот примерный фонд, оставшийся на бумаге, были включены также хлебные продукты. Общая стоимость необходимых для Украины импортных товаров, исчисленная по

заявкам центральных учреждений, определилась тогда в сумме 154.900.156 руб., т.-е. более чем вдвое превышала стоимость примерного экспортного фонда, и, в конце концов, импортный план был утвержден на сумму 50 мил. руб.

Экспортные операции за 1920 г. выразились в нагрузке одного итальянского судна зерновым хлебом в количестве около 220 тыс. пуд. По импорту вся работа сводилась к получению товаров, доставляемых на территорию Украины по договорам, заключенным еще до организации Управления Внешторга другими ведомствами. Эти товары были доставлены на трех итальянских пароходах, трех турецких и нескольких мелких суднах. Всего было доставлено за 1920 г. товаров на сумму (в романовских знаках) 7.305.452 р.

В 1921 году положение несколько изменилось. В течение первой половины 1921 г. Украина продолжала оставаться под торговой блокадой, исключавшей, в сущности, всякую возможность международных торговых сношений. Даже после ликвидации военных фронтов приходилось считаться не только с фактом политического непризнания Советских республик, но и с отсутствием каких бы то ни было соглашений торгового характера. Для РСФСР переломным моментом в этом отношении явились торговые соглашения с прибалтийскими государствами и с Англией. Этот прорыв блокады в отношении РСФСР имел, конечно, некоторое значение и для Украины, поскольку он открыл ей пути для внешней торговли через Россию. Однако, развитие внешней торговли РСФСР шло в стороне от международных торговых путей Украины и не могло, вследствие этого, играть заметной роли в украинской внешней торговле, которая постепенно и медленно начала развиваться в портах Черного моря, главным образом, в Одессе.

Непосредственные торговые сношения со странами Запада стали возможными лишь с момента фактического прекращения войны на западной границе, т.-е. с марта 1921 г., после заключения мирного договора с Польшей. С этого времени блокада Украины начала слабеть, и в июне, на началах взаимности, была послана делегация Укрвнешторга в Чехо-Словакию. К тому же времени следует отнести обнаружившийся в европейских странах интерес к украинскому сырью. Торговые делегации Укрвнешторга к концу года, кроме Чехо-Словакии, имелись уже в Польше, Германии, Австрии и Латвии.

Заграничные делегации находились в стадии предварительной организации, и работа их сводилась, главным образом, к ознакомлению с местной кон'юнктурой и выяснению условий заключения нормальных торговых договоров. Постановлением СТО от 24 июня 1921 года, подтвержденным соглашением НКВТ с УпНКВТ, установлена сфера преимущественного влияния УССР в отношении внешней торговли в Польше, Чехо-Словакии, Турции, Румынии, Болгарии и Греции. Что касается других стран, то, в отношении к Германии, установлено, что все вопросы разрешаются на основании соглашения торгпредов обеих Республик, и намечено соглашение о взаимоотношениях торгпредов в Латвии.

В настоящее время нормальные Торговые Представительства УССР имеются в Польше, Чехо-Словакии, Германии, Латвии, Турции, Австрии и Ангоре. Работа торгпредов в 1922 г. заключалась, главным образом, в проведении прошедшей с успехом посевной кампании и в реализации плановых заявок Украины. Теперь Берлин является центром, регулирующим деятельность отдельных представительств. Экспортируемые товары предоставляются, главным образом, в распоряжение берлинского представительства, и после согласования с отдельными представительствами вопроса о наибольшей выгодности реализации того или иного товара на иностранных рынках, товары передаются соответствующему представительству.

В 1922 году заключен торговый договор с Чехо-Словакией. Переговоры относительно заключения договора с Польшей до настоящего времени еще не закончены. В Москве и Харькове ведутся подготовительные работы по заключению торгового договора с Германией.

Тяжелое экономическое положение Украины в 1921 году наложило отпечаток на работу Внешторга по экспорту. Промышленность была в застое. Донбасс не был в состоянии снабжать углем даже железные дороги. Товарообмена с деревней, в течение первой половины года, совершенно не было. Слабый урожай 1920 г., суровая зима и бандитизм привели сельское хозяйство в тягостное состояние. Не имея возможности свободно сбывать накопившиеся продукты сельско-хозяйственного сырья, крестьянин перестал дорожить им и не заботился о сборе и хранении сырья. Щетины не собирали, пеньку употребляли на топливо, развился частный убой скота, при котором пропадал весь отход от убоя, перестали собирать пух, перо, волос, кости и т. п. сырье, прежде скупавшееся для экспорта.

Второй причиной, парализовавшей работу УпНКВТ, было то обстоятельство, что закон не предоставлял Внешторгу права вести самостоятельную заготовку товаров и приводить их в годное для экспорта состояние. Заготовительными органами были лишь продовольственные и хозяйственные органы, которые обращали сырье на внутреннее производство, и лишь излишки, за покрытием потребностей внутри Республики, могли выделять для экспорта. В организационном отношении НКВТ был также очень слаб.

Поворотным моментом в экспортной деятельности Укрвнешторга явился декрет 17 августа 1921 г. и другие последовавшие за ним. С этого времени вообще начало улучшаться в некоторых отношениях экономическое, политическое и международное положение Украины. Хотя значительную часть республики постиг небывалый неурожай и голод,—однако, удачный сбор продналога в сентябре-ноябре дал возможность снабдить Донбасс, резко поднявший после этого добычу топлива, пустить в ход крупную промышленность и улучшить железнодорожное сообщение. Искоренение бандитизма и новая экономическая политика—все это создало более благоприятную кон'юнктуру для деятельности Внешторга. С другой стороны, отмеченными выше законодательными актами Внешторгу было предоставлено право самостоятельной заготовки и закупки товаров и право из'ятия от других

органов всех экспортных товаров. Оживилась торговля, особенно в Одессе, Николаеве и др. портах, и были командированы торговые представительства за-границу, благодаря чему НКВТ связался с рынками Западной Европы и сразу перевел свою работу из подготовительной стадии в стадию реальной торговли. В тех же неблагоприятных условиях протекала в начале 1921 г. также и импортная деятельность.

В результате вывоз товаров из Украины за-границу был в течение 1921 г. крайне незначителен и шел, почти исключительно, через Одессу и Николаев. Только в конце года имели место две, сравнительно крупные, отправки через другие пункты: в ноябре была отправлена партия ковров, мехов, щетины, пуха и пера в Варшаву, а в декабре—маршрут в Ригу, в составе 33 вагонов (кишки, щетина, ковры, меха, пенька, спирт, табак, конский волос, пух, перо и папиросы). Общий вывоз из УССР за 1921 г., выразился в следующих цифрах:

	Колич. (в пуд.)	Стоимость (по довоен. оценке).
1. Жизненные припасы	21.676	364.774
2. Сырье и полуобработ. материалы . . .	18.218	488.659
3. Руды, металлы и изделия	187.091	43.463
Итого	226.985	896.896

Ввоз товаров из-за границы в 1921 г. выразился в более или менее случайной покупке товаров, которая производилась у различных торговых предпринимателей, преимущественно константинопольского рынка, приезжавших на свой риск, главным образом, в Одесский порт. В этом отношении Украина оказалась в гораздо менее благоприятном положении, чем РСФСР, импорт которой, начавшись в апреле-мае 1920 г., достиг к февралю 1921 г. количества около 10 миллионов пуд. Общий ввоз в УССР достиг в 1921 году почти $2^1/_2$ мил. пудов, на сумму около 2 мил. руб. (по довоенной оценке), превысив в 11 раз вывоз в весовом отношении и больше чем вдвое—по стоимости. Распределение импортных товаров по товарным группам видно из след. таблицы:

	Количество	Стоимость (по довоен. оценке)
1. Жизнен. припасы и животные . . .	108.701 п. 29 ф.	465.481
2. Животн. продукты и изделия из них	603 » 14 »	46.023
3. Лесной товар, семена и корзин. изделия	745 » 19 »	15.429
4. Керамические материалы	9 » 24 »	380

	Количество	Стоимость (по довоен. оценке)
5. Топливо, асфальт, смолы	2.304.608 » 32 »	608.502
6. Матер. и продукты химич. произв .	9.007 » 30 »	43.807
7. Руды, металлы и изделия из них .	2.362 » 09 »	63.749
	101 дюж. и 8202 шт.	
8. Писчебум. товары и произвед. печ.	633 » 20 »	7.289
9. Прядильн. материалы и изд. из них	19.532 » 07 »	584.133
	и 76 дюж.	
10. Предметы одеяния, галантерея и письменные принадлежности . .	1.156 » 16 »	145.860
Итого.	2.447.391 п. — ф.	1.980.656 р.
	177 дюж. 8202 шт.	

Как видно из этой таблицы, основными, по значению, группами привоза являются топливо, жизненные припасы и прядильные материалы, на которые приходится 98,7% общего количества привоза и 83% стоимости. Привоз же остальных товаров был совершенно незначителен. В частности, количество металлических изделий, ввезенных на Украину, было ничтожно и не имело хозяйственного значения. По группе топлива большая часть привоза (2.259.472 п.) приходится на каменный уголь. Кроме того, было ввезено небольшое количество нефти.

Как было уже отмечено выше, операции по внешней торговле усилившись к концу 1921 года, получают свое развитие в 1922 году. Однако, ожидавшийся в 1922 году весьма значительный недосев на Украине поставил на очередь вопрос о заготовке для весенней посевной кампании материала, путем закупки за-границей, а голод поставил вопрос о закупке продовольствия для пострадавших от неурожая местностей. Ввиду этого, в первую, а отчасти—во вторую четверть текущего календарного года операции по ввозу семян и продовольственных грузов составили большую часть импортной работы, т. к. количество ввезенных по этим статьям грузов достигло 86% всего ввоза за этот промежуток времени. Таким образом, силою обстоятельств, Украинское Управление НКВТ по части импортной работы вынуждено было заняться не чисто торговой деятельностью, а в спешном порядке, пользуясь своим торговым аппаратом, выполнять специальные задания, в целях предотвращения в стране продовольственной катастрофы.

Кривая данных о внешней торговле Украины, за текущий календарный год, давая по месяцам изломы вверх и вниз, что свидетельствует о неустойчивости операций, имеет определенную тенденцию подыматься вверх, пока-

зывая по итогам за первые две четверти года значительный рост оборотов. Общий оборот по внешней торговле Украины за первую четверть текущего года выразился в количестве 3.386.542 п. грузов, на сумму 6.587.691 руб., а за вторую четверть года—6.807.192 п. на сумму 18.592.535 руб. Таким образом, по весу получилось увеличение оборота более, чем в 2 раза, а по ценности—почти в 3 раза. Еще яснее станет тенденция к росту оборотов, если продолжить кривую в обратную сторону, к 1921 г.: общий оборот за прошлый год составил всего лишь 2.675.066 п. на сумму 2.878.242 руб., т.-е. оборот за первую половину текущего года превысил оборот за весь прошлый год в два с половиной раза по весу и более чем в 6 раз—по ценности.

Отмеченное увеличение оборотов получается за счет роста ввоза обгоняющего рост вывоза, вследствие чего торговый баланс Украины за вторую четверть года стал гораздо пассивнее, чем в первую четверть. Так, превышение ввоза над вывозом за первую четверть года—составило 2.998.610 п. на сумму 4.143.199 руб., а за вторую четверть года—4.829.134 п. на сумму 14.827.700 руб.

Однако, при анализе оборотов внешней торговли необходимо учесть то обстоятельство, что до сих пор, как при исчислении общего оборота, так и баланса, мы брали общий итог ввоза, вместе с грузами, прибывшими в адрес Помгола и др. благотворительных организаций, т.-е. той части ввоза, которая не является элементом нормальных торговых операций, вследствие чего из этих данных делать экономические выводы и обобщения не представляется возможным. Таким образом, экономическое значение отмеченного изгиба кривой вверх ослабляется постольку, поскольку на этот изгиб влияли цифры по привозу грузов в помощь голодающим.

По имеющимся данным, за январь-август 1922 г. общий оборот без грузов, прибывших в адрес Помгола, выразился в количестве 7.438.948 пуд. ценностью в 14.430.953 руб., кроме того, в адрес Помгола получено 7.080.266 п. на сумму 19.450.118 р. Данные по месяцам (без грузов Помгола) по ценности все же показывают увеличение оборотов. Так, общий оборот за январь составил 1.243.545 р., за февраль—1.120.553 р., март—981.123 р., апрель—2.352.937 р., май—2.745.321 р., июнь—1.483.119 руб., июль—2.174.998 р., август—2.329.354 р.

При этом, опять таки, следует иметь в виду, что за этот период времени поступило посевных грузов 4.099.000 пуд. и продовольственных грузов—2.696.453 п.

В общем, характер кривой, показывающей движение общего оборота по внешней торговле, является, сравнительно, благоприятным, однако, соотношение между ввозом и вывозом дает усиление пассивности торгового баланса, по май текущего года включительно, а из этого следует, что, поскольку внешняя торговля отражает на себе хозяйственное состояние государства и темп развития его производительных сил, хозяйственное состояние Украины продолжает оставаться тяжелым. Украина пока по прежнему требует усиленного ввоза не только всевозможных готовых

изделий и предметов, необходимых для восстановления нарушенного народного хозяйства, но и жизненных припасов, которые в довоенное время составляли более 95% ее вывоза на внешний рынок.

Со своей же стороны, Украина до восстановления своего вывоза по статье жизненных припасов не в состоянии значительно усилить своего вывоза и лишь слабо поддерживает его, главным образом, за счет старых запасов. Впрочем, в этом отношении в настоящее время имеются признаки некоторого улучшения положения, т. к. Укрвнешгосторгу удалось в течение 1922 года усилить заготовку товаров.

Заготовительный план Укрвнешгосторга строится по принципу коммерческой целесообразности, которая достигается путем калькуляции себестоимости сырья и вообще товаров, включаемых в номенклатуру экспорта. Вся номенклатура сырья, подлежащего заготовке, разверстывается по районным конторам, соответственно мощности их технического аппарата и рессурсам района. За время с апреля по сентябрь (за сентябрь пока имеются неполные данные) аппаратом Укрвнешгосторга заготовлено экспортных товаров на сумму 3.998.989 руб. (по ценам 1913 года). По месяцам заготовка дала следующие результаты:

В апреле	заготовлено	на	338.663 р.
» мае	»	»	414.739 »
» июне	»	»	1.056.748 »
» июле	»	»	1.223.981 »
» августе	»	»	625.570 »
» сентябре	»	»	339.288 »
		Итого	3.998.989 р.

Кроме того за январь—март, до перевода местных контор УпНКВТ в ведение Укрвнешгосторга, было заготовлено экспортных товаров на сумму 243.126 р. Таким образом, всего заготовлено на сумму 4.242.115 руб.

Как видно из приведенных данных, заготовительные операции из месяца в месяц расширялись. Что касается падения заготовок в августе, то это об'ясняется неблагоприятным для заготовок временем, в виду реализации населением урожая, а, с другой стороны, резким повышением в августе цен на экспортное сырье и недостатком денежных средств в конторах. За сентябрь имеются данные из одних контор лишь на 10-е число, а из других—на 20-е. Таким образом, о результатах заготовок в сентябре пока еще судить преждевременно.

Кроме того, в распоряжении Укрвнешгосторга имеются товары, полученные в порядке из'ятия. На основании постановлений Совнаркома, Особкома и УЭС'а, Украинская Комиссия Использования (УКИ) в свое время бронировала экспортные товары, находящиеся в распоряжении различных госорганов, а также кооперативных учреждений, за УпНКВТ. Из'ятие экспорт-сырья у хозорганов первоначально шло далеко не таким темпом, как этого требовали интересы дела. Учреждения, в ведении коих находилось забронированное сырье, в большинстве случаев чинили органам УпНКВТ

препятствия и тормазили работу. Главными мотивами противодействия была безвозмездная передача принадлежащих госорганам товаров. Со времени издания УЭС'ом постановления о порядке из'ятия экспорт-сырья от 5 апреля 1922 г. положение несколько улучшилось. В настоящее время работа по из'ятию должна считаться почти законченной, так как расчитывать на дальнейшее из'ятие товаров без оплаты не приходится. За время с апреля по август включительно т. г. из'ято товаров на сумму 1.281.970 р., а с начала операции по 1 апреля—на 1.694.994 р. Таким образом, всего из'ято на сумму 2.876.964 р.

Кроме того, в целях развития экспортно-импортной работы, уже в настоящее время организовано несколько смешанных обществ, именно: «Экспорт-Уголь», «Юго-Трав» (сбор и культура лекарственных, ароматических и технических растений для торговли на внутреннем и внешнем рынках), «Село-Помощь», «Утиль-Сырье», «Экспортлес», Укр. Бюро «Металлоторга». Вместе с «Гамбург-Американ линией» для транспортной работы образовано на паритетных началах смешанное Об-во «Деукра».

По данным на 1 сентября: Укр. Бюро «Металлоторга» взято на учет металлического лома, принадлежащего УпНКВТ, около 1.700.000 пуд.; фактически взято на комиссию только 250.000 п. лома в Киеве. Другими участниками Об'единения дано на комиссию около 5.000.000 пудов, на сумму около 2.000.000 р. золотом. Отправок за-границу метал. лома пока не производилось. В портах (Одесса, Мариуполь) сконцентрировано до 500.000 п. готового к экспорту товара.

«Юготраву» передано Главфармазавом на комиссию около 11.500 п. на сумму около 40 000 рублей золотом.

Готово к экспорту около 5.000 пуд. на сумму около 20.000 р. золотом.

«Экспорт-Руда» имеет:

Товар УпНКВТ	Количество	Сумма в зол. руб.
Марганцев. руды . . .	391.149 пуд. x 27 к.	105.610 руб.
Железной „ . . .	2.019.594 „ „ 12½ к.	252.449 руб.
	Всего .	358.059 руб.

Подвезено товара О-ва: руды марганцевой 817.086 пуд., руды железной 592.339 пуд. Отправлено за-границу: руды марганцевой—892.800 пуд., руды железной—396.800 п. Всего на сумму 389.608 зол. руб.

Имеется готового товара к отправке: руды марганцевой 315.435 пуд., руды железной около 170.000 пуд.

Паевое Товарищество «Утиль-Сырье» имеет готового фабриката: УпНКВТ на 66.000 золот. рублей, УТС на 65.000 золот. рублей, всего на 131.000 зол. рублей. Реализации за-границей до сих пор не было. Заготовлено к отправке 14 вагонов. Грузится в настоящее время к отправке через Петроград 11 вагонов. Стоимость подготовленного к экспорту: УпНКВТ 30.000 зол. руб., УТС. 60.000 зол. руб., итого 90.000 зол. руб.

«Экспорт-Углю» ЦПКП дало на комиссию 500.000 пуд. антрацита и 200.000 п. угля (для угольных станций). Отправлено за-границу антрацита 502.000 пуд. на сумму около 180.000 руб. Имеется товара к отправке около 200.000 пуд.

Весь товар, имеющийся у «Экспорт-Леса», принадлежит УпНКВТ; принято всего лесоматериала около 3.800 вагонов на сумму 1.030.000 р. з. Отправлено за-границу 462 ваг. на сумму около 300.000 руб. Отправляется в октябре 275 ваг. на сумму около 250.000 руб. Уже фактически реализовано за-границей лесоматериалов на сумму 6.856 фн. стерл.—около 68.000 р.з

Ввоз товаров из-за границы за время январь—август выразился в следующих размерах:

Жизненные припасы	4.128.090	п.	11	ф.	на	5.746.154	р.	65 к.
Животные продукты	13.048	»	34	»	»	162.645	»	44 »
Лесн. товары и семена	7.539	»	18	»	»	12.564	»	72 »
Керамич. матер. и изделия . . .	488	»	18	»	»	6.870	»	08 »
Топливо, асфальт и смолы . . .	75.142	»	05	»	»	176.770	»	24 »
Химич. материалы и изделия . .	131.422	»	10	»	»	893.373	»	45 »
Руды, металлы и изд. из них . .	46.925	»	06	»	»	440.180	»	57 »
Целлюлоза и бумага	26.780	»	36	»	»	194.764	»	21 »
Прядильн. материалы и изделия .	34.569	»	—	»	»	1.047.985	»	45 »
Белье, платье и галантерея . . .	7.740	»	38	»	»	853.801	»	87 »
	4.471.747	п.	16	ф.	на	9.535.110	р.	14 к.
Помгол. . .	7.080.266	»	38	»	»	19.450.118	»	25 к.
Всего	11.552.014	п.	14	ф.	на	28.985.228	р.	39 к.

Вывоз товаров за то же время выразился в следующих количествах:

Жизненные припасы	139.979	п.	02	ф.	на	731.506	р.	11 к.
Животные продукты	2	шт.		»		110	»	— »
Сырые и полуобработ. материалы	2.781.410	»	35	»	»	3.119.329	»	08 »
Изделия	45.810	»	27	»	»	1.044.898	»	04 »
	и 1484 шт.							
Всего. . .	2.967.200	п.	24	ф.	на	4.895.843	р.	23 к.
	и 1486 шт.							

Ввиду того, что в настоящее время данные за сентябрь еще не получены полностью, при анализе ввоза и вывоза приходится взять лишь данные за первые две четверти года.

В отношении импорта следует отметить, что анализ ввоза (без Помгола) по статьям показывает для первого полугодия 1922 г. неблагоприятное изменение для Украины номенклатуры ввозимых грузов, т. к. за это время отмечено значительное увеличение привоза жизненных продуктов. Тогда как за первую четверть года жизненных припасов было привезено 327.162 п. на 516.167 руб., что составляло 73,8% по весу и 22,2% по ценности всего ввоза, за вторую четверть ввезено по этой статье 2.791.694 п.

на 3.556.374 руб., что по отношению к итогам ввоза составляет по весу 95,2%, а по стоимости уже 76,1%. Однако, это неблагоприятное для оценки экономики Украины явление, именно, усиление ввоза жизненных припасов, должно быть отнесено за счет удачно завершенных операций, так как ввоз семенных и продовольственных грузов не только содействовал ослаблению продовольственного кризиса, но в то же время, несомненно, оказал благоприятное влияние на кон'юнктуру внутреннего хлебного рынка.

Что касается экспорта, то современная номенклатура экспортных товаров Украины довольно бедна. Из группы минералов могут быть вывозимы за-границу: каменный уголь, антрацит, руда железная и марганцевая, каолин, фосфориты, графит, сода, соль. Из группы растительной: пенька, хмель, табак, лекарственные растения и лесные материалы. Из группы животных продуктов: кожа, шерсть, щетина, пух и перо, волос конский, животные остатки.

Два обстоятельства свидетельствуют о весьма неблагоприятном пока характере экспорта Украины: потеря группой жизненных припасов ее доминирующего значения, занимавших первое место в довоенном экспорте—с одной стороны, и опасность вывоза не излишков товара (сырья), а непополняемых старых запасов—с другой стороны.

Отсюда, сам собою, напрашивается вывод, что все силы и вся энергия должны быть направлены на восстановление сельского хозяйства и промышленности Украины.

Пять лет продовольственного дела на Украине

(Очерк)

К началу Октябрьской Революции продовольственная задача стояла почти перед всеми Европейскими государствами, она не только не была разрешена, но в сильнейшей степени была запутана, в особенности в России и на Украине. В период Октябрьского переворота Украина хотя и располагала достаточными хлебными излишками, однако, политическая ситуация и продовольственная деятельность буржуазно-соглашательских губернских продовольственных управ, обрекли все попытки по заготовительным операциям, снабжение армии и рабочих хлебом, на полную неудачу. Излишки хлеба, которые должны были поступить в распоряжение государства, согласно хлебной монополии, по твердым ценам (3 р. 04 к.), не сдавались по вполне понятным причинам. При непрерывном росте цен на хлеб, помещики и кулаки не склонны были выполнять закон о хлебной монополии. Последовавшее увеличение твердых цен на 100% в августе 1917 года делу не помогло. Продовольственное положение к концу 1917 года резко ухудшилось.

Положение осложнялось еще следующими обстоятельствами: в Киеве продолжала существовать до февраля 1918 года Центральная Рада, которая, ведя борьбу с Советской властью, препятствовала как заготовке хлеба, так и вывозу его. На Дону сидел Каледин, захвативший в свои руки часть каменноугольных копей Донбасса, и не выпускал уголь, что имело отрицательное влияние на продвижение продовольственных грузов в места назначения.

При вышеуказанных обстоятельствах Советское Правительство Украины —Народный Секретариат—образует (в конце декабря 1917 года) Центральный Продовольственный аппарат, во главе с Народным Секретарем Э. Лугановским.

Работа Украинского Продаппарата не успевает развернуться, сам аппарат не имеет еще определенной конструкции, и развернувшаяся гражданская война ограничивает возможности заготовительных операций на Украине.

Трудности продовольственной работы на Украине в первый период Советской власти обусловливается еще тем, что, переданные нам в наследие от Керенского, Губернские Продовольственные Управы и их сотрудники, под маской знаменитой «аполитичности» в продовольственном деле на самом деле проводили антисоветскую линию.

Не было и полной согласованности в действиях.

По организации народного Секретариата продовольствия были намечены основные моменты продовольственной политики. Решительные меры из'ятия излишков хлеба через Военно-закупочные реквизиционные комиссии. При проведении этих мероприятий опираться на беднейшие слои крестьянства, не имеющего хлеба, на месте удовлетворять последних из половинной стоимости твердой цены хлеба. В случае упорствования со стороны крестьянства прекращать снабжение фабрикатами, закрывать все лавки, вести борьбу с продажей и вывозом хлеба, с мешечниками, и действовать с решительностью революционера. Таковы были основные директивы всем продовольственным органам на Украине.

Необ'единенные губернские продовольственные комитеты в своем руководстве вообще работали по одним принципам—путем создания военно-реквизиционных отрядов, учета городских товаров, переброски их в деревню, в целях распределения среди всего крестьянства и, главным образом, среди бедноты.

Украинская беднота не имела еще крепости, чтобы противопоставить себя крупному крестьянству и поэтому в продовольственной работе приходилось опираться, главным образом, на силы отрядов, посылаемых из городов или воинских частей.

Осязательные следы продовольственной работы в описываемый период можно видеть, главным образом, по Харьковской губернии. Вывоз хлеба за пределы Харьковской губернии, достиг за период—январь 1917 г. по апрель 1918 г.—305 вагонов.

Городу Харькову с января по 6-е апреля было выдано 550 вагонов хлеба, а полкам и лазаретам 211 вагонов.

Между тем, катастрофическое продовольственное положение во всех крупных центрах Советской Республики, отсутствие хлеба для снабжения нарождающейся Красной Армии и демобилизующейся старой Армии, вынудили впредь до полного укрепления организации Украинского Продовольственного Комиссаритата в Киеве образовать в Харькове Областной Продовольственный Комитет Юга России, с предоставлением означенному Комитету чрезвычайных полномочий по об'единению всех мероприятий к установлению твердого порядка в области продовольствия и транспорта.

Однако, Областной Прод. Комитет на территории Украины развернуть работы не имел возможности, ввиду надвинувшейся немецкой оккупации.

II

3-го января 1919 года Красная Армия вновь занимает Харьков. Начинается безудержное продвижение Красной Армии вглубь Украины. 24-го января Временное Правительство переезжает в Харьков, где было сформировано новое Советское правительство, во главе с т. Раковским [1]). 2-го февраля 1919 года Советская власть восстанавливается в Киеве. Директория изгоняется из пределов Украины.

[1]) Яворский. История Революционного движения на Украине.

Продовольственное положение Советской России и Украины к тому времени становится чрезвычайно тяжелым. Напряженная гражданская борьба сопряжена с сосредоточением в руках Советской власти продовольственных рессурсов для регулярного снабжения Красной Армии и снабжения тыла, главным образом рабочих, обслуживающих фронт. Продовольствие отсутствовало.

Первым делом Украинского Правительства было в таких условиях сосредоточить в распоряжении Советской власти все излишки продовольствия и монополизировать основные предметы городской промышленности. 22-го января 1919 года Временное Р.-К. Правительство назначает Уполномоченным по продовольствию на территории Украины т. Шлихтера. Работу пришлось начать совершенно наново, потому что в наследство получено было не продовольственное дело, а обще-хозяйственная и продовольственная неразбериха, как результат лихих продовольственных налетов немцев и петлюровцев. На местах не оказалось даже тех продовольственных органов, какие оставлены были Российской Советской власти блаженной памяти Керенским.

Несмотря на хлебные богатства Украины, продовольственный вопрос являлся больным и острым. Основной и главной причиной такого явления— неравномерное распределение запасов по губерниям, а в пределах урожайных губерний—сосредоточение хлеба преимущественно у кулаков и спекулянтов.

17-го января Временное Рабоче-Крестьянское Правительство издает временное положение о Комитетах Бедноты. Комитеты Бедноты, помимо установления революционного порядка на селе, имели задачей в продовольственном деле добиться, чтобы не было голодающих в своем селе, в волости и в Республике.

Оформление организации сельской бедноты в свои комитеты и возложение на них обязанностей по учету продовольственных излишков—этим отличается второй период Советской власти на Украине, как в обще-советской, так и продовольственной политике, от первого периода. Острая необходимость в быстрой заготовке хлеба привела к необходимости создавать передвижные продовольственные органы, получившие название продовольственных экспедиций. Такие экспедиции были направлены в наиболее плодородные районы— Волчанский, Александровский, Херсонский и Мелитопольский.

Параллельно с этим была поручена заготовка кооперативным организациям, в лице «Союзбанка», и допущены были к заготовке также частные хлеботорговцы, работающие на комиссионных началах. Но это не дало положительных результатов. Резко был поставлен вопрос о монополизации четырех основных продуктов: хлеба, сахара, соли и чая, остальные продукты оставались немонополизированными и свободными для закупки.

Хлебная монополия проводилась путем выявления излишков и взятия их на учет, с последующим отчуждением в распоряжение государства.

Заготовка за три месяца существования Компрода дала 2.881.000 пудов хлеба. Несомненно, цифра ничтожная, по сравнению с потребностями

и излишками на Украине. Продовольственная работа на местах характеризовалась полным отсутствием связи с центром, параллелизмом заготовительной деятельности Губпродкомов, продовольственных экспедиций и других заготовительных организаций и, наконец, самостоятельными распоряжениями и действиями военных властей.—Все это мешало единому руководству заготовительной работы.

Поэтому был издан декрет о продовольственной диктатуре, коим подтверждалась незыблемость хлебной монополии и система твердых цен. Народный Комиссариат Продовольствия Украины должен был явиться единственным органом, имеющим исключительное право заготовки хлеба и его распределения. Параллелизм в работе Губпродкомов и продовольственных экспедиций решено было ликвидировать, путем возложения заготовок хлеба полностью на Губпродкомы.

Вследствие проведения декрета о продовольственной диктатуре продаппарат на местах окреп. Только в отношении армии были созданы особые снабженческие организации с заготовительными функциями.

Для усиления заготовок нужно было искать другого выхода также и в области методов проведения хлебной монополии. Этот выход был найден в осуществлении хлебной монополии, путем хлебной разверстки. 9-го апреля 1919 года был издан декрет «О разверстке излишков урожая 18-го года и предыдущих лет». По декрету, все хозяйства разделялись на 3 категории, в зависимости от количества земли в них. К первой категории относились имеющие до 5 десятин (включительно) и эта категория совершенно освобождалась от сдачи хлеба; ко второй относились от 5 до 10 десятин и эти хозяйства обязывались сдавать хлеб в зависимости от того, сколько приходится по разверстке на десятину в волости и, наконец, третья категория владельцев земли—от 10 и более десятин—должна была, согласно разверстке, сдавать хлеб не только за себя, но и за бедняков, имеющих земли до 5 десятин. Декрет возлагал большую надежду на классовое расслоение в деревне, ибо в лице бедноты рабочий класс имел не только естественного союзника, с которого ничего не брали, но о котором проявляли непосредственную заботу, а именно: 10% от хлебных излишков, которые вывезет каждая деревня на ссыпные пункты, оставались в распоряжении местных Советских органов, Комитетов Бедноты, а где таковых не было—Советских Волисполкомов, для удовлетворения местной бедноты. В целях наиболее быстрой организации деревенской бедноты, 14-го мая 1919 года было издано положение о Комитете Бедноты Центральным Исполнительным Комитетом Советов Украины, по которому учреждались повсеместно сельские Комитеты Бедноты, в состав коих входили неимеющие земли и владеющие землей до 5-ти десятин.

Декрет о разверстке представлял в распоряжение продорганов необходимые изделия фабрично-заводского производства, для чего Украинским Наркомпродом было занаряжено и частью отправлено 6.307.920 ар. мануфактуры.

Осторожно подходя к определению излишков, декрет о разверстке, ввиду тяжелых экономических потрясений, перенесенных страной, устанавливал подлежащие отчуждению количества хлеба, в размере менее половины исчисляемых излишков Наркомпродом. Разверстка определялась в 100 миллионов пудов. Излишки же по губерниям определялись в 278 миллионов пудов.

На Народный Комиссариат Продовольствия была также возложена задача обратить внимание по обеспечению полей яровыми семенами. Для этого была создана междуведомственная центральная комиссия по обсеменению полей. Аналогичные комиссии создавались и на местах.

Центральной Междуведомственной Комиссией приступлено было к выявлению наличия яровых хлебов, заготовленных по учету и отчуждению излишков. Положение и наличность с посевным материалом к середине апреля было весьма тяжелое. Целый ряд районов (хлебородных) имели ничтожнейшие запасы (иногда в десятки пудов).

В связи с незначительным наличием ярового материала, Наркомпродом решено было немедленно приступить к осуществлению чрезвычайной семенной разверстки, в пределах норм общей разверстки, и произвести заготовку в Киевской и Полтавской губерниях.

В целях быстрого получения семенного материала Киевской и Полтавской губерниям было отпущено 900.000 аршин мануфактуры. Наряды на семенной материал, переданные к исполнению вывозящим губерниям за период с 1-го апреля по 19-е мая, выразились в 968.000 пудов.

Результат деятельности центральных и местных комиссий особенно ярок для губерний урожайных с уездами, не имеющими яровых семян, где производилось перераспределение излишков от богатых крестьян к неимущим, под руководством комитетов бедноты. В южной части Украины и в Харьковской губернии, по сообщению с мест, обсеменение прошло благополучно.

В общем же, нужно сказать, что план перевозок семенного материала в нуждающиеся губернии не мог быть осуществлен полностью из-за общих причин слабости заготовок и, отчасти, из-за отсутствия железнодорожного транспорта.

Наряду с заготовкой с.-х. продуктов и проведением семенной кампании выдвигались новые задачи по учету всех изделий фабрично-заводского производства и торговли и организации продуктов обмена между городом и деревней. Задачей и целью являлось планомерное снабжение населения продуктами личного потребления и домашнего обихода, а также усиление государственных заготовок хлеба и других продовольственных продуктов, путем продуктообмена. Все продукты национализированной промышленности подлежали передаче Комиссариату Продовольствия. Снабжение сельского населения должно было производиться только в порядке продуктообмена в государственном масштабе.

Вспомогательными органами по заготовке, распределению и продуктообмену были привлечены, на основании соглашения, кооперативные об'еди-

нения Днепрсоюз, Поюр и Центросоюз, выступающие перед созданным для этого органом НКПрода Главпродуктом в лице своего представителя Центросоюза.

Главпродукт в первую очередь поставил своей задачей установление твердых или предельных цен на фабрикаты: мануфактуру, мыло, сахар, его изделия, обувь, спички, махорку, сель.-хоз. машины и орудия. План распределения предусматривал в первую очередь снабжение рабочих и беднейших крестьян и во вторую—продуктообмен с сельским населением, располагавшим излишками хлеба и других продовольственных продуктов. Только одной мануфактуры предстояло распределить 10.000.000 аршин, из них $4^1/_2$ м. арш.—среди рабочего населения. Источником получения мануфактуры являлся Российский Наркомпрод.

Подходя к оценке работы Главпродукта, нужно остановиться на основных моментах, препятствовавших осуществлению намечаемых планов. Первый из них определялся отсутствием достаточно крепкого заготовительного и распределительного аппарата. Второй причиной являлось отсутствие денежных средств для снабжения промышленности. Отдельные фабрики и заводы не желали выпускать фабрикатов, не получая средств на дальнейшее развитие промышленности и даже на заработную плату. План проведения снабжения из-за этих причин нарушался. Помимо этого железнодорожный транспорт не мог удовлетворить Украинский Наркомпрод в проведении плана перебросок фабрикатов. Все вышеуказанные моменты, а также из'ятие из обращения всех фабрикатов, вплоть до бутылок, при слабом аппарате Наркомпрода, малоподвижном кооперативном аппарате, не давала возможности выполнения плана снабжения и правильного продуктообмена.

Украинское правительство считало необходимым допустить свободную закупку сел.-хоз. продуктов, оставляя монополию только на хлеб. Голодные рабочие Советской России, окруженные и отрезанные от плодородных окраин контр-революционными восстаниями, двинули свои рабочие организации на закупку сел.-хоз. продуктов немонопольного порядка. Разрозненные и разбросанные по всей Украине представители рабочих организаций России и Украины повели между собой конкуренцию, и сел.-хоз. рынок стал дезорганизовываться, а цены—быстро расти, что отражалось и на закупке монопольного продукта—хлеба. Выходом из такого положения было: учет всех заготовительных организаций, концентрация мелких заготовительных организаций вокруг крупных своих об'единений. Последние сорганизовали кооперативно-продовольственную комиссию, которая впоследствии была реорганизована в коллегию при Отделе Скоропортящихся продуктов (Заготосель). Аналогичные коллегии создавались и при местных продовольственных органах.

О характере работы коллегии при заготоселе, об'единяющей представителей рабочих и кооперативных организаций севера, орган Харьковского Губпродкома (Продовольственное дело № 5) писал: «за время с 30 ноября по 21 февраля затребовано было различными правительственными и общественными организациями—2.904.685 пудов продуктов для 29.380.513 едоков. Было же разрешено к закупке 843.393 пуда продуктов.

Превышение потребностей над возможностью заготовки, а также заготовка ненормированных продуктов в той форме, как она производилась, дезорганизовывали рынок и не давали положительных результатов.

Продовольственный кризис требовал разрешения способа справедливого снабжения. Для пролетарского государства выход был один—снабжение тех групп населения, которые приносят государству пользу и полное или частичное лишение живущих чужим трудом. Украинский Наркомпрод подошел к установлению классового пайка.

Техника распределения была возложена на кооперацию, продорганы же оставляли за собой контроль. Недостаточное снабжение армии, невозможность построения заготовительного аппарата в прифронтовой полосе выдвинули необходимость создания особого органа, так называемого Снабарма. Положением от 9-го февраля вся ответственность за снабжение армии возлагалась на Наркомпрод, в лице специального органа, состоявшего из представителей Компрода и Военного Ведомства. Задачи Снабарма в тылу были—об'единение и учет заготовок военными организациями и направление работы военных заготовительных организаций по пути неуклонного осуществления хлебной монополии, а также проведение единого плана снабжения и наблюдение за выполнением нарядов для армии и устранение причин, тормозящих снабжение. Фронтовые же организации Снабарма имели задачей—учет трофеев, эвакуацию продуктов, заготовку и закупку продовольствия по твердым и предельным ценам Компрода в фронтовой полосе.

Железнодорожные организации имели свой распределительный орган, об'единяющий все жел.-дор. продорганы Украины «Упродснабжель».

Кроме того, был создан Продовольственный Отдел Донецкого Промышленного Района, с задачами снабжения продовольствием, фуражем и предметами первой необходимости рабочих Криворожского и Донецкого Бассейна. На снабжении этого аппарата находилось рабочих и служащих 352.000, членов их семейств 763.000, а всего 1.115.000 человек.

Чтобы определить деятельность Украинского Наркомпрода в области снабжения хлебом необходимо сравнить заготовки и потребности. Месячная потребность для Украины выражалась в 1.863.620 п. муки, 123.930 п. крупы, 2.063.000 п. отрубей и жмыха, 2.225.050 п. сена и соломы. Сюда не вошли рабочие крупных городов, больные и дети. Кроме того, еще в феврале месяце из военных трофеев предположено было вывезти 1.000.000 пудов хлеба Советской России. Таким образом, заготовка Украинского Наркомпрода за 3 месяца, выражавшаяся в 2.800.000 пуд., соответствовала только месячной потребности.

Железнодорожникам Ю.-З. дорог, при потребности в 188.000 пудов муки в месяц, за февраль месяц выдано 5.000 и за март 3.000 пудов. При таком положении железнодорожники требовали немедленного удовлетворения или прекращения реквизиции продовольствия, провозимого железнодорожниками, и, наконец, как и все, считали выход в получении права самостоятельных заготовок.

Донецкому Бассейну, за февраль—март, не было выдано даже 50% потребности. Еще 28-го марта продовольственный С'езд Донецкого Бассейна констатировал «ужасное грозное положение, в котором поставлены рабочие и промышленность, в связи с отсутствием продов. и фуража на рудниках».

Продовольственному Комитету Донецкого Бассейна был отведен самостоятельный район для заготовки хлеба и фуража. Рабочие Донецкого Бассейна должны были снарядить свой продовольственный отряд и направить его в Мелитопольский район для заготовки хлеба и фуража. Более крупные результаты не могли выявиться в снабжении Донецкого Бассейна, ибо наступающие войска Деникина занимали постепенно Донецкий Бассейн, а 25-го июня был занят Харьков.

Подводя итоги деятельности Украинского Наркомпрода и продовольственной политики во второй период Советской власти на Украине, надо отметить, что Украинская сельская беднота, не имевшая форм организаций в первый период Советской власти, во второй период получила их, в лице Комитетов Бедноты, которые составляли базу на селе для проведения продовольственной политики. Наряду с этим обнаружилось более бережное отношение к украинскому середняку в деле из'ятия излишков.

III

Третий этап Советской власти на Украине начинается периодом разгрома Деникинщины, ликвидацией Врангелевщины и польской авантюры.

Этот период окончательного очищения территории Украины от помещичьих и буржуазных обломков продолжает выдвигать на первый план продовольственное дело.

Попрежнему на первом месте стоит вопрос о бесперебойном снабжении Красной Армии. Поэтому первоначально заготовительные функции концентрируются в ведении фронтового продовольственного аппарата «Опродкомюгзапа». Лишь в дальнейшем организуется Украинский Наркомпрод.

После Деникинщины на Украине не осталось продовольственного аппарата на местах. Наследие в этом отношении было самое тяжелое. Поэтому на местах почти всюду местные продовольственные органы организовывались из прифронтовых продовольственных организаций. Вновь укомплектованные продаппараты назывались особыми комиссиями по снабжению Красной Армии и долгое время они имели военный характер.

Закон о разверстке от 26-го февраля 1920 года освобождал трехдесятинников от внесения разверстки и оставлял в одних губерниях 25%, а в других 15% для местных нужд. Освобождение трехдесятинников нарушало хлебную монополию и в этом было главное отличие от продполитики Р. С. Ф. С. Р.

Но эти отступления диктовались Украинской действительностью. Деревня в этот период не была расслоена, беднота—неорганизована, кулачество было сильно. Положение о трехдесятинниках, оставление определенной части хлеба в волостях для нужд деревенской бедноты, широкая политическая агитация партии, а также организация в дальнейшем комнезамов расщепляли крестьянство, создали естественного союзника рабочих в лице

комнезамов на селе. На комнезамов возлагались обязанности по проведению хлебной разверстки, в чем они были экономически заинтересованы, поскольку она оберегала их интересы. Законы о разверстке и о комнезамах, закон о земле от 5-го февраля 1920 года—закладывали прочный фундамент для организации Советской власти на селе.

В отличие от продовольственной политики второго периода Советской власти на Украине в 1920 году продовольственный аппарат строго был централизован.

Система заготовок самостоятельными организациями была категорически отклонена.

Итоги первой продовольственной кампании выразились в следующем: по разверстке поступило по 1/IX 20 г.—хлебных продуктов—24.259 т. п. (14,8% разверстки), масло-семян 615 т. п. (23,8%), об'ем фуража 2.389 т. п. (17,4%), мяса—900 т. п. (17,7%), сала—17 т. п. (18,4%), картофеля 1.042 т. п. (8,4%) и т. д.

Нужно подчеркнуть, что, если несмотря на все тяжести и короткий срок удалось все же заготовить 16 миллионов пудов хлеба и 4 миллиона пудов заготовил опродкомарм, то эти результаты несомненно значительны.

Продовольственная политика 1920-1921 года также строилась на принципе разверстки. Экономические и политические условия к августу 1920 г., когда была об'явлена разверстка на 1920-1921 год были весьма тяжелы. Сельское хозяйство продолжало регрессировать. Урожай семи главнейших хлебов в 1920-21 году выражался всего в 600—650 миллионов пудов в то время, когда в довоенное время в среднем он был выше миллиарда пудов по Украине.

Потребности государства в силу продолжающейся гражданской войны и необходимость содержать большой численности Красную Армию не могли быть сокращены. Поэтому, разверстка от 24-го августа 1920 года, установленная Совнаркомом У. С. С. Р., «передавала в распоряжение государства 160 миллионов пудов зерновых продуктов».

Разумеется, эта разверстка могла быть выполнена не только за счет сельско-хозяйственных излишков, но также за счет потребления сельского и городского населения Украины.

Политические условия на селе, имевшие, вообще, громадное значение и, в частности,—при проведении разверстки, ознаменовались наиболее яркими выступлениями кулачества. Кулачество в этот период, возглавляемое петлюровщиной, махновщиной весьма активно выступает на борьбу с Советской властью.

В такой обстановке продорганы лишь при самом активном участии партаппарата, административных органов, профессиональных союзов, комнезамов, середняцких элементов деревни в состоянии были выполнять возложенные на них Советской властью задачи.

Профессиональные организации вливают силы в продагентуру, в продотряды, продмилицию, в заградительные отряды. Военные организации ведут беспрерывную борьбу с бандитизмом, активно помогая прод-

органам. В самом селе комнезамы ведут наступление на кулацкие элементы. В ходе борьбы на селе учащаются случаи убийств комнезамов и их семей.

Общий итог заготовки вместе с красноармейскими частями за период с 1/IX 1920 г. по 1/VIII 1921 г. выражается в цифрах: хлеба 76.755 т. п. (40,8% разверстки); масло-семян—1.877 (28,8%); об'ем-фуража 19.544 т. п. (55,8%); мяса 3.505 т. п. (58,5%); сала—199 т. п. (57,2%); картофель—5.325 т. п. (18%); овощей 1,715 т. п. (8,5%) и т. д.

Из сравнения цифровых данных по разверсткам 1920 и 1920—1921 года можно видеть, что в последнюю продкампанию по разверстке были достигнуты крупные результаты. Причины этих результатов кроются в укреплении Советской власти на селе, в организующем ее начале.

Отрицательные стороны продразверстки в достаточной степени были освещены в нашей литературе, печати, на наших партийных с'ездах и собраниях. Здесь приходится отметить только некоторые из ее положительных сторон, имевших большое значение в ходе революции. Уже не говоря о том, что путем продразверстки мы могли собрать соответствующие продовольственные запасы и, следовательно, снабжать красную армию и побить наших врагов на фронтах, необходимо отметить, что продразверстка была могучим рычагом при расслоении деревни. Она приучила кулацкие элементы выполнять волю Советской власти, она помогла стать на ноги деревенской бедноте, она расчистила почву для проведения мероприятий Рабоче-Крестьянской Власти на селе, в том числе и продналога.

Распределенческая политика, начиная с 1920 года, претерпела ряд изменений, в зависимости от слагавшихся об'ективных условий на протяжении периода продразверстки.

В связи с обнаружившейся невозможностью для государства, по состоянию рессурсов, снабжения всего населения по, так называемой, уравнительной системе—с одной стороны, и вследствие выяснившейся необходимости в процессе работы внести отличные нормы питания для разных классов населения в соответствии со степенью их участия в государственном строительстве и затратой жизненной энергии на труд—с другой, со 2-й половины 1920 года население Республики было разбито на ряд групп: 1) группа занимающихся физическим трудом, 2) группа, занимающаяся умственным трудом (к этой группе были отнесены члены семей некоторых групп трудящихся), 3) группа членов семей трудящихся (сюда отнесено и сельское население, не занимавшееся хлебопашеством, и население сельских местностей с плохой урожайностью), 4) группы детей по возрастам, 5) инвалиды, 6) приюты, 7) заключенные и т. д.

Самые нормы при классовом распределении устанавливались, с одной стороны, в соответствии с наличием рессурсов, с другой—в пределах физиологической потребности. Последнее, впрочем, не всегда удавалось достигать, вследствие ограниченности госрессурсов. Как к этому, так и частью к первому периоду относится особое внимание, уделяемое снабжению детей, призреваемых, больных, каковые группы в отношении очередности удовлетворения стоят на первом месте.

Для регулирования норм и очередности снабжения организована была при Наркомпроде Комиссия по рабочему снабжению. Принимая во внимание преимущества общественного питания в смысле экономии продуктов, были приняты все меры к развитию коммунального питания, путем развития сети столовых и приписки к ним потребителей.

Вводя новые принципы распределения, Советская власть стремилась к наиболее рациональному использованию того ограниченного количества рессурсов, которым она располагала. Смысл целевого снабжения заключался в том, что группы трудящихся, в зависимости от степени их участия в государственном строительстве, были разбиты на отдельные и очередные группы. К моменту целевого снабжения относится также введение системы натурпремирования рабочих за усиление производительности, которая не могла не оказать влияния на повышение производительности труда.

IV

Десятый партийный С'езд открывает новую страницу в экономическом строительстве Советских Республик. Он провозглашает новую экономическую и продовольственную политику—заменяет продразверстку натуральным налогом. Директивы партии о замене системы продразверстки натуральным налогом обязывают Наркомпрод круто повернуть направление своей работы, перестроить свои ряды, перетряхнуть весь свой аппарат.

28-го мая 1921 года Совнаркомом УССР принимается декрет о натуральном налоге на хлеб, картофель и масляничные семена, коим общая сумма налога на зерновые хлеба определяется в 117 миллионов пудов, взамен разверстки 1920-21 года, определявшиеся в 160 миллионов пудов.

Замена продразверстки налогом вызывала к жизни совершенно новый подход ко всей заготовительной работе. Старые методы разверстки, где определение количества хлеба, необходимого для заготовки, исходило только под углом зрения потребного количества для удовлетворения армии и промышленности, сейчас заменяется другой точкой зрения, отличной от первой, имеющей своей основной целью улучшение сельского хозяйства и увеличение площади засева.

Налог 1921 года являлся личным подоходно-прогрессивным налогом и, как таковой, устанавливал размер обложения, в зависимости от землеобеспеченности каждого в отдельности плательщика и урожая данного года, устанавливал свободный от обложения минимум—одна десятина, фиксировал оклад налога в единой платежной единице-пуде пшеницы или ржи, определял соотношения между различными продуктами сельского хозяйства, сдаваемыми по налогу (обязательная пропорция), допускал право замены одних продуктов другими (система эквивалентов); допускал переложение налога с маломощных хозяйств на хозяйства сильные, поощрял некоторые культуры—освобождение посевов сахарной свеклы.

Старый продовольственный аппарат, как в центре, так и на местах, был непригоден к выполнению новых заданий, ибо он строился на продразверстке, как системе, и оперировал данными неконкретного обследования

отдельных хозяйств, но на основании обобщенных статистических данных. При проведении же продналога аппарату необходимо было быть более точным, иметь дело с индивидуальными хозяйствами, выявлять их мощность и возлагать ответственность на каждого плательщика в отдельности.

В массе своей агентура была безграмотна и усвоить основы новой продовольственной политики неспособна была. Кроме того, в старой агентуре выработался в период военного коммунизма особый закал, сейчас непригодный в целом.

В силу вышеприведенных обстоятельств, Совнаркомом 14/VI—21 г. было принято особое положение о налоговой инспектуре.

В первую налогкампанию Наркомпрод не имел времени выковать надлежащий аппарат налогинспектуры. Пришлось ограничиться отбором наиболее лучшей части агентуры и влить новые силы, что было сделано партаппаратом и профессиональными организациями. В итоге к 1 февраля 1922 года численность налогинспектуры было сокращено до 4.389 человек, из коих коммунистов было 1.564, беспартийных 2.601. Грамотных было 1.863, малограмотных 2.526. За счет пополнения кадра инспектуры и сокращения продагентуры было достигнуто относительное улучшение качества налогового аппарата.

Новая продовольственная политика резко улучшила положение и настроение в деревне. Крестьянство, в массе своей, благожелательно отнеслось к продналогу.

Результаты заготовок в 1920-21 г. красноречиво это доказывают: по продналогу поступило с 1/VIII—1921 г. по 1/VIII 1922 г. 65.866 т. пудов хлебных продуктов, что составляло 64,3% намеченной продналоговой программы.

При крайне неблагоприятных сельско-хозяйственных условиях 21-22 г. по налогу в процентном отношении собрано более, нежели в последнюю разверстку. Этот факт лишний раз подтверждает, что крестьянство весьма сочувственно отнеслось к идее продналога.

V

В ходе налоговой кампании 1921—22 года обозначались крупные дефекты налогового законодательства.

Существенными дефектами были: во-первых,—множественность налогов (их было 13), отсюда множественность предметов обложения (пашня, луга, скот и проч.), во-вторых,—недостаточная равномерность в распределении продналоговых обязанностей по мощности хозяйств (отчего страдали маломощные хозяйства); в-третьих,—ввод многих об'ектов обложения, что создало непреодолимые препятствия к их выявлению (это породило «утайку» и невозможность борьбы с ней); в-четвертых,—введение обязательности по сдаче целого ряда скоропортящихся продуктов, что порождало излишние хлопоты со стороны крестьянства и приводило к печальным результатам, поскольку хозаппараты не в состоянии были хозяйственно овладеть этими продуктами; в пятых,--громоздкость, технически, налогового законодательства

(бесчисленное количество форм поселенных списков); в шестых,—ограниченность льгот более маломощным хозяйствам, также исправным налогоплательщикам; в седьмых—слабо развитая организационная сторона аппарата и налогоинспектуры; в восьмых—определение ставки налога на десятину, в зависимости от землеобеспеченности и урожая данной местности и игнорирование такого важного фактора, как площади посева в том или ином районе.

Все эти дефекты, при пересмотре налогового законодательства были учтены и в значительной степени устранены. Вместо декретированных в 1921-22 г. 13-ти налогов с множеством об'ектов обложения на 1922-23 г. ВУЦИК и Совнарком устанавливают единый натуральнyйй налог, с единым об'ектом обложения, каковым является удобная земля.

Налог исчисляется в единой весомой единице—пуде ржи. Налоговые обязанности распределяются более равномерно, ибо устанавливается для маломощных хозяйств более дробная группировка и ставка налога на десятину определяется в зависимости от валового дохода с данной десятины в той или иной местности. Выдвигается целый ряд льгот в отношении незаможного селянства, семей красноармейцев, в отношении инвалидов гражданской войны, поощряется засев засухоустойчивых культур и, наконец, вводятся льготы для исправных налогоплательщиков (десятипроцентная скидка). Упрощается техника налогового законодательства по всей линии. В отношении налогового аппарата принимаются меры к коренному качественному его улучшению. Вся старая агентура и наскоро навербованная инспектура демобилизуется. Вновь организуемые кадры пропускаются через налоговые курсы.

Наркомпрод берет твердый курс на пресечение в ходе работы рвачества, партизанщины. Налоговый аппарат сверху донизу выпрямляется. Организованные первичные налоговые органы—Райналогбюро проводят свою работу согласно директивам центра.

Численность налогинспектуры хотя сокращается до 3050 чел., но качественно значительно улучшается.

В отношении порядка и мер взыскания продналоговое законодательство, как в 1921-22 г., так еще в большей степени в 1922-23 году устанавливает, главным образом, систему применения репрессий через судебные органы. Административные меры взыскания применяются в исключительных случаях и выражаются в наложении штрафа и в применении ареста не более, как на две недели.

Никакие своевольные действия в этом отношении, как это наблюдалось при продразверстке, законодательство не допускает. В настроении крестьянства, в связи с первой продналоговой кампанией, а также с проведением организационно-подготовительной работы 1922-23 года, намечается еще более резкий перелом в сторону благожелательного отношения к продналогу.

Итоги заготовок на 15 октября об этом красноречиво свидетельствуют. Реальная смета натурналога на 1922-23 год составляет 94.930.000 тыс. пудов в ржан. единицах. Заготовлено на 15-е октября по документальным данным свыше 60.000.000 пудов.

В области распределения также намечался переход к новым принципам. Этот переход начинается с июля 21 года и выливается в форму коллективного снабжения. Форма такого снабжения вызвана разбуханием до невероятных размеров штатов учреждений.

Переход от разверстки к налогу, свободный обмен и торговля продуктами, ограниченность количества продовольствия, получаемого по продналогу, вызвали необходимость оставления на государственном снабжении потребителей только наиболее важных отраслей промышленности, армии. Все остальные необходимо было снять с госснабжения. На основании этих соображений был издан декрет СНК от 4-го августа 1921 г., резко сузивший круг потребителей. Этим декретом оставлены на госснабжении лишь работающие в государственных учреждениях и находящиеся на государственном иждивении. Контингент потребителей стал более постоянным, прочным. С этого момента работа принимает более планомерный и устойчивый характер. В основу работы был положен построенный на год план распределения, при построении которого были приняты в соображение перспективы ожидаемых поступлений и предположения о потребителях для госснабжения.

Наиболее больное место в работе по распределению—это был учет, который удалось наладить только с переходом от продразверстки к продналогу. Наркомпрод к этому времени обращает особое внимание на постановку учета. Благодаря правильному построению учетного аппарата, в начале 1922 года уже может быть составлен впервые продовольственный баланс за вторую половину 1921 года, как по губерниям, так и по Украине. Усиление отчета также вызывалось необходимостью систематического наблюдения за экономией расходования продуктов в условиях до крайности сокращенного плана снабжения. Необходим был не только оперативный, но и, главным образом, документальный материальный учет, так как, с переходом хозяйств на самоокупаемость, установилась оплата (постановление СНК от 3-го января 1922 г.) отпускаемого продовольствия. От оплаты освобождались только армия и закрытые учреждения (социально-опекаемые группы). Касаясь осуществления намеченного на 1921 - 22 год плана снабжения, приходится констатировать, что, не меняя принципов, план этот приходилось сокращать, под давлением крайней необходимости, об'ясняющейся нереальностью приходной сметы, в связи с обнаружившимся неурожаем в целом ряде губ., с одной стороны, и снятием с госснабжения целого ряда потребителей, перешедших на самоокупаемость и хозяйственный расчет, а также, руководствуясь плановой задачей—снабдить полностью Красную Армию.

В заключение следует указать, что к пятилетию Советской власти на Украине продовольственный вопрос перестает играть первенствующее значение. Голод в значительной мере побежден. Продналог приобретает бюджетный характер в республике, играя громадную роль в обеспечении продовольствием Красной Армии, в стабилизации советского рубля, в помощи основным отраслям нашей крупной промышленности.

Финансы

Общая линия работы Комиссариата Финансов на Украине в периоды январь—апрель 1918 г. и январь—июнь 1919 г. заключалась, главным образом, в заведывании теми денежными средствами, которыми Украина снабжалась НКФ РСФСР, и распределении их между отдельными ведомствами согласно указаниям Правительства УССР, а также в изыскании средств путем установления и взыскания местных чрезвычайных налогов с имущих классов населения.

Опыт 9-ти мясячной работы Правительства Украины привел к выводу о необходимости об'единения Комиссариата Финансов УССР и РСФСР [1]). С восстановлением Сов. власти на Украине в конце 1919 г., на основании соглашения Всеукр. и Всероссийского Центральных Исполнительных Комитетов, все декреты и постановления правительства УССР по Народному Комиссариату Финансов, изданные до 30 января 1920 г., были аннулированы и введены в действие все без исключения законодательные акты правительства РСФСР в области финансов. Таким образом финансовое ведомство на Украине, руководимое Уполномоченным НКФ РСФСР при СНК УССР, приступив к организационной и операционной деятельности, имело готовый законодательный материал.

В связи с обще-финансовой политикой и 1921 г. в первой половине прошел под знаком приспособления финансового аппарата к сравнительно узкой сфере деятельности по ликвидации кредитных учреждений и упорядочению счетного аппарата и распределения дензнаков, так как финансирование Украины происходило исключительно путем эмиссии, всецело сосредоточенной в Центральном Финансовом органе РСФСР. Работа, которую пришлось выполнить Уполнаркомфину за этот период, была большая, ибо помимо проведения на территории Украины той организационной работы, которая ко времени восстановления Советской власти на Украине в РСФСР была уже закончена, Управлению УпНКФ пришлось выравнить финансовый аппарат Украины и всю финансовую структуру, сконцентрировав в своем аппарате сметное дело.

Деятельность УпНКФина за 2-ю половину 1921 г. значительно расширилась и изменилась по существу. В связи с новой экономической политикой

---

[1]) Надлежит указать еще, что в период январь—июль 1919 года на Украине имела место и собственная эмиссия (Одесса и Киев).

Кроме денежных знаков, получаемых от НКФ РСФСР Украина имела и свои дензнаки—карбованцы, выпускавшиеся в довольно значительном количестве. Первым и существенным об'единяющим Комиссариата Финансов УССР и РСФСР моментом явилась ликвидация собственной эмиссии Украины, произведенная в июле 1919 года.

УпНКФину необходимо было провести огромную организационную работу по перестройке всего финансового аппарата. Новая экономическая политика поставила перед Уполнаркомфином ударную задачу по проведению в кратчайший срок обширной налоговой программы, с одной стороны, а с другой—создание строгой бюджетной дисциплины. Наряду с этим переход к денежному хозяйству потребовал упорядочения денежного обращения, сокращения эмиссии, изысканий иных способов из'ятия из обращения излишнего количества денежных знаков, организации и установления контроля над организующимися кредитными учреждениями и, наконец, организации страхового дела на Украине. В осуществление поставленной задачи сделано много, но еще далеко не все.

Подписанное в Москве в июне 1922 г. соглашение между НКФ РСФСР и УпНКФином на Украине разрешило 3 основных момента: 1) взаимоотношения НКФ и УпНКФ в отношении непосредственного руководства местными финансовыми органами Украины, 2) составление самостоятельного бюджета УССР по необ'единенным Наркоматам, входящего в состав общефедеративного бюджета в виде самостоятельной составной части его и 3) составление и окончательное утверждение местного бюджета. Таким образом, соглашение это является тем отправным пунктом, с которого должно было начаться правильное и устойчивое организационное строительство всего финансового аппарата на Украине. Организационная работа шла одновременно и в центре и на местах, встречая на своем пути часто труднопреодолимые препятствия. Организация финансового аппарата требовала и требует многочисленного кадра подготовленных работников, а их во многих местах Украины ощущается большой недостаток. Преодолеть это препятствие и до настоящего времени не удалось тем более, что, на ряду с работой организационной, Управлению УпНКФина необходимо было проводить ударную работу по взысканию значительного числа уже введенных налогов. Работа по организации финансового аппарата на местах и в настоящее время не может считаться законченной.

ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ 1920 ГОДА.

Немедленно по занятии г. Харькова в конце 1919 г. советскими войсками и сконструировании в нем финансового центра Украины—Управления Уполнаркомфина—перед последним и его органами на местах стала первоочередная и практически очень трудная в условиях организационного периода работа финансирования всех экономических, культурно-просветительных и административных учреждений республики на началах сметно-бюджетного порядка, единственно обеспечивающего целесообразное и планомерное расходование рессурсов страны.

Несмотря на издание правил, регулирующих порядок рассмотрения и утверждения смет, тем не менее приходится констатировать, что все же 1920 год дал довольно безотрадную картину сметно-бюджетной работы. Прежде всего необходимо отметить отсутствие сколько-нибудь правильной и регулярной связи Харькова с Москвою и с местами. В результате все

требования центра о доставлении сметного материала исполнялись в лучшем случае с крайним запозданием и неумело, в худшем и наиболее частом—совсем оставались без ответа. Отсюда получилось почти всеобщее явление, что процесс собирания сметного материала и утверждение смет затянулся до самых последних дней, а многие ведомства не представили своих смет даже к концу года. Большинство из них жили авансовыми ассигнованиями в счет смет, которые достигли 160 миллиардов рублей.

Вся сумма кредитов, которыми располагала республика до 1-го января 1921 г. из указанных трех источников, равняется 154,4 миллиардам.

Сюда не вошли совершенно кредиты военного ведомства, большая часть кредитов Наркомпути и значительная часть кредитов Промбюро, открывавшихся в его распоряжение, и некоторым Главкам—Москвою непосредственно.

1921 ГОД.

В результате причин как политического характера, так и ведомственной неналаженности, и отсутствия технических сил, а также незаконченности организационного периода жизни комиссариатов, 1921 г. застал ведомства врасплох, неуспевшими составить новых смет.

Тем не менее бессметная, а следовательно и беспланова жизнь истекшего года с вытекавшими отсюда постоянными замедлениями получения средств, задержками в выплате заработной платы и перебоями в деятельности предприятий, имело свою положительную сторону, заставив ведомства принять решительные меры к скорейшему составлению своих смет на новый год.

Рассмотрение основных ведомственных смет 1921 г. закончилось к августу и с этого времени бюджетная работа, казалось-бы, должна была сократиться до минимума. Однако, в действительности получилось другое. Вторая половина года совпадает с началом общего поворота новой экономической жизни и вытекающей отсюда перестройкой хозяйственного уклада страны и структуры аппаратов Управлений. К этому времени начала ломаться тарифная политика, стала повышаться премиальная и сверхурочная оплата служащих и рабочих, твердые цены, положенные в основание сметных расчетов по бюджету, оказались крайне низкими по сравнению с постоянно растущими ценами рынка, к услугам которого приходилось беспрерывно обращаться ведомствам. Все эти обстоятельства сломали утвержденный бюджет, привели к почти полному исчерпанию отпущенных средств и заставили ведомства приступить к пересмотру своих смет и составлению дополнительных заявок.

Поступающие отовсюду тревожные сведения о кредитном голоде, перерасходах и бескредитных ассигнованиях, разрешенных Губисполкомами под влиянием неотложных требований жизни, вызвали к жизни постановление об исчислении дополнительных кредитов путем маханического увеличения открытых по основным сметам по каждому ведомству сумм на октябрь—декабрь. Это постановление значительно облегчило тяжелое положение ведомств и учреждений и их почти замиравшую деятельность.

Кредиты, которые были разрешены к расходованию ведомствами по составленным ими сметам, равнялись всего 163 784.000.000 руб. Остальные ассигнования, сделанные непосредственно Московскими Центрами, равнялись 561.465.000.000 руб.

Нужно при этом заметить, что все расходы по Военному и Морскому ведомствам целиком проходят вне нашей росписи, а также кредиты по Наркомпути лишь в меньшей своей части прошли по счетам Управления Уполнаркомфина, так как они открывались железным дорогам обыкновенно непосредственно на Губфинотделы.

Первое место в бюджете занимают расходы Укрсовнархоза, составляющие 41,2% общей суммы.

Следующим по значению в бюджете является Наркомпрод, кредиты которого составляют 23,46% всей росписи, в абсолютной сумме равняясь 747,5 миллрд. рублей.

Главнейшая функция Наркомпрода—заготовительные операции—составляют 51% всего его бюджета.

Наряду с столь-крупными по росписи расходами, которые относятся по росписи на фабрично-заводскую индустрию УСНХ—расходы государства на сельское хозяйство в обширном смысле этого слова, лежащие на народном Комиссариате Земледелия, составляют ничтожную часть всего Украинского бюджета, равняющуюся всего 85 миллиардам или 2,68%, для земледельческой страны, каковою является Украина, такое положение в бюджете Наркомзема может быть об'яснено помимо причин социально-экономического характера, вытекающих из незаконченного вполне в минувшем году процесса национализации земель и связанных с нею последствий, помимо обстоятельств, обусловленных гражданскою войною,—еще не вполне окрепшею организацией самого Комиссариата, долженствующего обслуживать и руководить этой важнейшею частью государственного хозяйства.

1922 год.

Бюджет 1922 г. начал собою новую эру в области сметной политики Республики, существенно отличаясь принципами своего построения от прежних наших как революционных, так и дореволюционных бюджетов. Необходимость такого бюджета особенно почувствовалось в 1921 г., когда несоответствие между открытыми кредитами и их реальным обеспечением достигло крайних пределов и когда, например, украинский бюджет, достигший $3^1/_2$ триллионов рублей, был покрыт денежными знаками всего на половину. Это обстоятельство в связи с непрерывным обесценением рубля повелительно требовало изменения бюджетной политики. Отличительными особенностями нового бюджета явилось следующее: прежде всего, это первый бюджет революционного времени, в котором видное и подобающее ей место заняла доходная часть. Перемена экономического курса вызвала соответствующие изменения в сметно-бюджетной области, где решено было перейти к началам строгой экономии средств, сокращения расходов и равнения их по доходной части бюджета; отсюда—радикальный пересмотр

Наступление Харьковских рабочих против Каледина в 1918 г.

Красногвардейцы исправляют взорванный калединцами железнодорожный мост между Александровэ-Грушевским и ст. Каменоломни

производственных программ, сокращение до минимума штатов; в основу построения бюджета кладется положение, что общая сумма прямых кредитов строго фиксируется на весь сметный период и распределяется между ведомствами, соответственно их удельному весу в народном хозяйстве, общая же сумма оборотных расходных кредитов балансируется соответствующими оборотными доходами. Бюджет, по мысли законодателя, должен быть сурово-жестким. Второю особенностью этого бюджета явилось исчисление его в довоенных рублях. Прежние сметы составлялись в советском рубле, однако, постоянное падение его курса и невозможность учесть степень этого понижения опутывали и делали невозможным сметные расчеты на длительные периоды времени. Выяснилась необходимость построить бюджет на такой расчетной единице, которая не подвергалась бы изменениям и такою единицею был принят довоенный рубль. В новом бюджете получило свое осуществление отделение местного бюджета от государственного и, таким образом, последний разгрузился от тех расходов местного назначения, которые в значительной степени содействовали дефицитности государственного бюджета, и с 1922 года должны удовлетворяться за счет специальных местных средств.

Новостью явилось также изменение сметного года, который теперь устанавливается с 1-го октября и до 1-го октября (для 1922 года январь-октябрь) сметный год будет совпадать с урожайным, так как от урожая зависит судьба всего народного хозяйства и кроме того к первому октября оканчиваются различные работы, дающие возможность определить экономические перспективы на следующий год.

Совнарком УССР представил в Москву упрощенный финансовый план для Украины на 1922 г., сведя общую сумму расходного бюджета УССР в 52 триллиона советских рублей, что составило 23,2% общегосударственного расходного бюджета РСФСР, предположенного по ее первоначальному финансовому плану на 1922 г. Общая сумма заявок по всей федерации, выразившаяся в очень крупных суммах, подверглась в Москве сильным урезкам, а затем в целях сбалансирования расходной части бюджета с размерами доходных поступлений и предполагаемой эмиссии, решено было вновь восстановить в бюджете оборотную его часть для безденежных расчетов между ведомствами. В результате на долю Украины—как по необ'единенным, так и по об'единенным Комиссариатам, отпущено было прямых—45.711.000 довоенных рублей с соответствующим распределением этой суммы по отдельным ведомствам.

В марте начат был пересмотр твердого бюджета, в результате обнаружившихся к тому времени дефектов его. Главным и наиболее существенным недостатком бюджета явилось неправильное исчисление в форме оборотных кредитов в натуральной части государственного хозяйства (продовольствия, топлива, продукции национализированной промышленности и проч.), что создало излишние и неодолимые для ведомств затруднения в тех случаях, когда, при невозможности получения каких либо предметов от других ведомств, учреждения совершенно не могли использовать нереальные оборотные

средства. Требования жизни подсказывали полный отказ от оборотных кредитов. Затем за время действия твердого бюджета выяснилась необходимость дальнейшей разгрузки его, как от оборотов предприятий, которые должны перейти на начала самоокупаемости, так и от приходо-расходных оборотов местного значения, с передачею при этом местам некоторых государственных налогов и с установлением местных общих и целевых налогов. Из ведомственных заявок особое внимание Бюджетного Совещания остановила на себе смета Наркомпроса, составленная в сумме 535.340.435 довоенных рублей, что составило 28% заявок всех ведомств; после длительного обсуждения этой сметы в целом ряде заседаний, указанная сумма была сокращена до 338.529.893 довоенных рублей. Значительным сокращениям подверглись также сметы ВУЦИК'а, Наркомпрода, Наркомсобеса, Уполнаркомпочтеля и Войск Госполитуправления, что касается остальных, то сокращение испрашиваемых сумм выразилось в сравнительно меньших суммах.

Новый расходный бюджет Украины на 1922 год определился в 1.532.618.787 довоенных или 306.523.757 реальных рублей и доходный в 908.855.592 довоенных или 181.771.118 реальных рублей.

По новому бюджету федерации на девять месяцев 1922 г., составленному в реальных рублях, на долю Украины по необ'единенным Наркоматам было отпущено всего 48.711.855 руб., что составляет 15% от бюджета тех же Наркоматов по всей федерации. Таким образом, первоначальные исчисления в этой части украинской росписи в стремлении к возможно благоприятному сведению общефедеративного бюджета подверглись сокращению на 58,5%. Сверх указанных сумм в распоряжение Совнаркома в течение года было ассигновано 223.222.776 руб. в дензнаках 1922 года дотационного фонда на усиление местных средств и 417.049.985 рублей резервного фонда на непредвиденные сметами непредусмотренные расходы.

1922-1923 год (БЮДЖЕТНЫЙ)

Заканчивающееся пятилетие со дня октябрьской революции совпадает с работами по составлению бюджета на 1922-1923 год. Ко времени составления этого отчета украинский бюджет, как по об'единенным, так и необ'единенным комиссариатам, прошел уже через бюджетное совещание и в ближайшие дни должен поступить на одобрение последующих инстанций. В конечных своих итогах цифры бюджетного совещания вероятно подвергнутся немалому изменению в расходной своей части по соображениям необходимости свести бездефицитный бюджет для наступившего года в обще-федеративном масштабе. Бюджетное совещание исчислило на 1922-23 операц. год доходы по всем Наркоматам в сумме 453.914.425 руб., а расходы—в сумме 408.160.682 руб.

В заключение можно отметить, что постепенное улучшение техники составления смет, неуклонный, хотя и довольно медленный, переход от бессистемного необоснованного испрошения кредитов, к плановому порядку построения смет, вполне уже определившийся переход от чисто расходного

бюджета, всецело построенного на эмиссии, к бюджету двустороннему, в котором первенствующее место начинает занимать доходная часть, и стремление к возможно бездефицитному его составлению, а также и тот факт, что проект нового бюджета сводится уже с превышением доходов над расходами в сумме 45.753.743, дают основание с полною оптимистичностью смотреть на будущее государственных бюджетов Украины.

ПРЯМОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЛОЖЕНИЕ

Первым из государственных налогов при новой экономической политике был промысловый налог.

Общее поступление промыслового налога по Украине за первые семь месяцев отчетного года выразилось (в тысячах рублей дензнаками 1922 г.): патентный сбор 145.319 р.; уравнительный сбор 33.298 р.

Поступление это, особенно в первом полугодии, нельзя признать удовлетворительным, хотя в соотношении с общефедеративным поступлением, оно было нормально.

Причины малоуспешного поступления следующие: недостаток и необеспеченность налоговых работников, отсутствие средств передвижения и неналаженность связи, а также недисциплинированность населения, отвыкшего от уплаты налогов. Причины эти временного характера и начинают преодолеваться.

Вторым, из области прямых налогов, сбором, давшим финансовые результаты значительно большие, чем промысловый налог, был единовременный общегражданский налог в пользу голодающих. Это был первый опыт в области массового обложения и, благодаря простоте конструкции, незначительным сравнительно ставкам, а, главным образом, привлечению ко взиманию его профессиональных и партийных сил, налог этот проведен был по Украине вполне удовлетворительно. Из предположенной к поступлению суммы налога по Украине в 710.990.000 руб. (в дензнаках обр. 1922 г.) на 1-е октября поступило—620.778.814 рублей или 83,8 процентов. На первом месте в отношении успешности поступлений стоит Киевская и Подольская губернии и на последнем Кременчугская и Екатеринославская.

Развивающаяся торгово-промышленная деятельность создала в текущем году настолько интенсивное обращение ценностей и капиталов, что вызвала возможность введения гербового сбора.

Наиболее отрицательно подействовало на сбор этого налога разрешение впредь до изготовления и рассылки новых гербовых марок (что произведено только в первых числах сентября с. г.) прозводить оплату гербовыми знаками старого образца и даже почтовыми марками. Между тем, рынок оказался переполненным старыми гербовыми марками, которые продавались по цене гораздо ниже казенной, что за 5 месяцев нанесло казне невозвратимый ущерб.

Благодаря всем этим условиям, поступления гербового сбора по Украине на 1 октября с. г. выражается в скромной цифре 43.146.315 руб. в дензнаках образца 1922 г.

Остальные государственные сборы и пошлины, как-то: канцелярский сбор, крепостные пошлины, судебные, плата за свидетельствование сделок и договоров, плата за свидетельствование безденежных актов, документов и доверенностей и оплата заграничных паспортов—занимают пока настолько скромное место в доходных статьях нашего бюджета, что останавливаться на них не приходится.

Общее их поступление по Украине на 1-ое октября выражается в 1.940.680 руб. в дензнаках обр. 1922 г.

Действующая система налогового законодательства еще не закончена. Предстоит еще большая работа по созданию такой системы государственного прямого обложения, которая охватывала бы всевозможные об'екты обложения и всевозможные источники частнохозяйственного накопления.

В этих видах Наркомфин остановился на своевременности введения подоходно-поимущественного налога с городского населения. Проект этот уже разработан и вносится в скором времени на утверждение высших законодательных учреждений.

Ожидаемые финансовые результаты проектируемого налога на Украину исчисляются примерно в 1.000.000.000—1.200 000.000 руб., 25% этого сбора предполагается уделить на удовлетворение местных нужд.

Кроме того НКФ также уже разработан и вносится в СНК проект единовременного общегражданского налога на развитие и укрепление сельского хозяйства. Налог построен по образцу проведенного в текущем году общегражданского налога в пользу голодающих, только с большей дифференциацией ставок.

Оба эти налога предполагается провести уже в 1-м квартале 1922/23 бюджетного года.

Наконец, приходится еще отметить установленную замену трудгужналога деньгами, так как в натуральной своей форме, особенно в городах, трудгужналог выполнялся неудовлетворительно. Взимание в денежной форме также приноровлено к 1-му кварталу 1922/23 бюджетного года.

КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ

Вопрос о введении косвенных налогов был решен еще в 1921 г., но проведение этого решения в жизнь могло осуществиться только в 1922 г., причем в полном об'еме эта система начала применяться лишь во второй половине года, когда начали сказываться и реальные результаты налаженной работы.

Такое запоздание введения косвенных налогов произошло вследствие как сложности самого дела, так и массы об'ективных условий, встретившихся при организации аппарата. Самой главной причиной, тормозившей дело, оказалось отсутствие аппарата на местах. Собрать распавшийся аппарат представлялось особенно трудным ввиду тех неблагоприятных материальных условий, в которые ставились налоговые работники.

Взимание косвенных налогов еще более усложнилось, как количеством новых акцизов, так и разнообразием способов их взимания.

Задерживалось введение акцизов и расстройством железнодорожного транспорта и особенно неправильностью почтово-телеграфной связи. Несмотря на все эти неблагоприятные условия, аппарат по взиманию косвенных налогов на Украине в настоящее время можно сказать вполне налажен и функционирует исправно.

С начала года по октябрь на Украине введено всего 14 видов акцизов: с виноградного вина, с табаку, с зажигательных спичек, соли, папиросных гильз, пива, минеральных вод и квасов, нефтепродуктов, спирта, свекловичного сахара, восковых и озокеритовых свечей, чая, кофе и их суррогатов, крахмальной патоки и сахара (глюкоза) и прессованных дрожжей.

Введены также особые патентные сборы за торговлю табачными изделиями, пивом и виноградным вином.

Поступления, со времени введения их по первое сентября, равняются 469.706.000 руб.

Поступления за один июль (136.396.000 руб.) более всех поступлений за 6 первых месяцев (124.310.000 руб.), а поступления за август в полтора раза больше поступлений за июль (209.000 000 руб.).

Следует отметить, что помимо взысканных сумм, задолженность на 1-е сентября была равна около 485.000.000 рублей, а переводов на Москву было сделано 300.000.000 рублей. Очевидно, что при полном поступлении косвенных налогов в кассы Наркомфина на Украине картина была бы совершенно иная. Во всяком случае видно, что первенствующее значение пока имеют акцизы: табак 26,4%, сахар 20,5%, спирт 18,2%, соль 12,2%, нефтепродукты 9,1%, все же остальные вместе дали 13,6% общего поступления.

Практика истекших месяцев успела выявить главнейшие недочеты в современной системе взимания акцизов, причем оказалось, что самым существенным недостатком этой системы надо считать те льготы, которые установлены для финансируемых в сметном порядке предприятий и учреждений, на счет которых, без всякой гарантии, разрешалось перечислять акцизы, в результате чего и накопились триллионные недоимки.

В настоящее время на Украине собрано не более 37% того, что следовало бы получить, 25% переведено на Москву, а остальные 38% пропадают за неисправными плательщиками. Органы косинспектуры на местах бессильны бороться с этой задолженностью, особенно потому, что местные власти не содействуют агентам косналога.

С 1-го октября введен декрет об отмене правил по перечислению акцизов на учреждения, с возложением всей ответственности за уплату акциза на предприятия, вырабатывающие подакцизные предметы.

Если главные платежи акцизов не будут переводиться на Москву, то по предварительному подсчету, в настоящем году, при новой системе взимания акцизов, можно рассчитывать на поступления по Украине в общей сумме 10.923.000.000 рублей.

МЕСТНЫЙ БЮДЖЕТ

До августа 1922 г. отсутствие организационно-цементирующего местно-бюджетное дела аппарата, который об'единил бы все работы по местному бюджету и поставил его на должную высоту, заметно отражалось на постановке дела местного бюджета. Недостаток этот был устранен образованием в августе месяце 1922 г. при УпНКФ Управления по местному бюджету и соответствующих аппаратов на местах.

Отметим наиболее существенные цифры, характеризующие состояние местного бюджета. Доходы по местным бюджетам губерний Украины были исчислены за январь—сентябрь 1922 г. в сумме 2.602.884.875 р.; расходы—3.609.342.125 р.—дефицит—1.006.457.250 р. Наибольший дефицит дают губернии: Екатеринославская (299 мил. р.), Николаевская—(199 мил. р.), Донецкая—(159 м. р.) и Полтавская—(150 м. р.).

Поступило по всем губерниям: процентных надбавок—149.028.121 р. (на первом месте—Киевская губ.—33% поступлений, на втором—Харьковская—25%, на третьем—Одесская—17%); местных налогов—358.697.425 (на 1 месте—Киевская губ.—42%, на 2-ом—Харьковская—10%); оплаты коммунальных услуг—454.999.236 (Киевская—30%, Харьковская—29%, Одесская—17%); 75% отчисления промыслового налога—125.836.423 (на 1-м месте—Харьковская губ. 30%). Всего поступило—1.088.561.206 р.

ГОСБАНК

К 8 сентября на Украине были открыты и работали Отделения Госбанка во всех губернских городах и в 3-х уездных: Каменец-Подольске, Сумах и Елисаветграде, а Агентства—в Лозовой, Конграде, Павлограде и Ромнах. В стадии организации находились 9 Отделений и 1 Агентство.

Если в первое время по открытии работа в некоторых из Отделений налаживалась довольно туго в связи с местными условиями, то в настоящее время, судя по балансу на 1-ое сентября, нет ни одного Отделения, работающего в убыток.

Касаясь основной работы Госбанка, следует, прежде всего, остановиться на операции кредитования промышленности, кооперации и торговли. Первое время, непосредственно по открытии Всеукраинской Конторы, со стороны клиентуры наблюдалась некоторая сдержанность в обращении за кредитами. В дальнейшем же, примерно в январе и феврале т. г., количество ходатайств о кредитах стало возрастать, причем большая часть их, исходя, главным образом, из общей суммы отпущенных кредитов, приходилась на долю государственных учреждений и предприятий. На второе место следует отнести кооперацию. В отношении же частной клиентуры в этот период деятельности Банка проводилась политика некоторой сдержанности в отпуске кредитов: имели возможность кредитоваться лишь солидные фирмы и то при обязательстве расходования получаемых сумм исключительно на производственные цели. Однако, в деле кредитования скоро наступил

некоторый перелом, явившийся как бы ответом хозяйственных и промышленных органов на установленные Центром новые условия кредитования, введенные с целью обеспечить капитал Банка от падения курса рубля. Эти новые условия оказались, очевидно, чрезвычайно тяжелыми для клиентуры. Количество ходатайств о кредитах всех групп клиентуры резко понижается в течение месяцев: марта, апреля и мая. Это соображение, а, равным образом, усмотренная Центром в последующие месяцы некоторая стабилизация рубля, вызвали в результате более легкие условия кредитования, введенные в июне с. г. Соответственно возростают и ходатайства о кредитах в июне, июле и августе. Почти параллельно с этим проводится еще тенденция привлечения частных фирм и даже устанавливаются с одной стороны более выгодные условия учета векселей в целях развития вексельной операции, а с другой стороны даже приглашаются представители частной промышленности и торговли в Учетно-Ссудные Комитеты. В конечном итоге все эти меры привели операцию кредитования к довольно солидному развитию.

Несколько иначе обстоит дело с сельско-хозяйственными кредитами. Начало этой операции можно считать с 1-го апреля, когда сельско-хозяйственные организации почувствовали потребность в средствах для проведения посевной кампании. Для этой цели Банком было отпущено в промежуток с 1-го апреля по 1-ое июня кредитов на сумму 26.350.000 руб. В следующий период на уборку урожая и переработку овощей и фруктов было отпущено 123.550.000 руб. С наступлением осеннего сезона и окончанием полевых работ по уборке урожая, вследствие острой потребности в приобретении живого и мертвого инвентаря и заготовке посевного материала, для означенных нужд, Банком было отпущено на 1-ое сентября 132.950.000 руб. Кроме того, ассигнованные Центром 120.000.000 руб. исключительно для покупки лошадей в ближайшем будущем имеют быть распределены.

Стремление частных промышленных групп к открытию частных и кооперативных кредитных учреждений в виде Банков и Обществ Взаимного Кредита поставило Государственный Банк в необходимость с большой осторожностью подходить к этому явлению. Отношение Банка к подобным кредитным учреждениям в принципе благожелательное, но практически Банк допускает их открытие лишь при гарантии обеспечения их реальным фондом, дабы их существование, при поддержке Государственного Банка, не ложилось бременем на нашу эмиссию, а, наоборот, ввело частный капитал в дело восстановления хозяйственной жизни страны. В настоящее время в Харькове уже существует Общество Взаимного Кредита, Украинбанк, Коопкредит и Общества Взаимных Кредитов в некоторых провинциальных городах. Идя им навстречу средствами для оборота, Банк в то же время считает возможным отпустить эти средства лишь в зависимости от поступления паевых взносов и состояния их пассивов.

Реализация Хлебного Займа с первых дней подписки проходила довольно вяло. Лишь к концу срока подписки, в последние дни июня, наблюдалось некоторое оживление. Всего во Всеукраинской Конторе подписка дала 92.176 пуд. хлеба. Лишь к моменту сбора продналога начался

усиленный спрос на облигации Займа. Продажа облигаций сразу подвинулась: за несколько дней продажи—к 15-му сентября было продано всего 70.666 пуд. хлеба. Причина этого явления заключается отчасти в том, что стоимость пуда зерна по облигаций значительно ниже действительной рыночной цены, несмотря на то, что в данном случае цена на облигации была Банком поднята до соответствии с покупно ценой Банка на рожь.

Проводимая ныне кампания по реализации урожая 1922-го года в которой Банк является одним из главных заготовителей и действует частью параллельно с профессиональном к этому призванными организациями, значительно всю работу проводя через них, вызвала чрезвычайное напряжение банкового аппарата всей страны. Кроме этого, использовывая для означенной операции заготовительный аппарат Вакот и Росстовара и, действуя в постоянном соответствии с постановлениями и указаниями УЭС, Банк вовлек в работу все свои провинциальные учреждения, организовал институт своих уполномоченных на местах и, путем соответствующих договоров на заготовку хлеба, привлек к этой работе крупнейшие хозяйственные организации. Благодаря постоянной связи с местами и периодически устанавливаемым обязательным для заготовителей лимитным ценам на зерно-хлеб, проводится линия уравнения этих цен по всей территории Республики. В отношении частных заготовителей и хозяйственных организаций, проявляющих намерение производить заготовку хлеба, Государственный Банк проводит политику покупки у них заготовленного, исключительно на их средства, хлеба, отнюдь не предоставляя им для операций государственного капитала.

Кроме заготовки зерно-хлеба, Банком, с целью удешевления рыночных цен на готовый хлеб, намечен план выпечки хлеба и снабжения им широких масс населения через кооперативные организации. Практически этот план уже проводится в жизнь в Харькове, согласно договора Госбанка с ХПО. Аналогичные договоры заключаются и на местах с Райсоюзами, ЕПО и проч. кооперативными организациями.

Всего заключено с различными предприятиями и организациями договоров на поставку Банку зерно-хлеба в количестве 3.356.342 пуда, из коих заготовлено было к 8 сентября 433.727 пудов на Левобережье и до 200.000 пудов на Правобережье. По неоффициальным же сведениям заготовлено значительно больше. Параллельно с этим Банком продано 530.000 пуд., из коих большая часть приходится на Крымский район, в чем сказывается начало практического выполнения плана снабжения хлебом голодающих районов.

Остальные операции Всеукраинской Конторы Государственного Банка и ее Отделений выражаются в следующем:

В активные операции Конторой помещено: по производственным целев. кредитам—410.008.959 р., по учетно-ссудным операциям—587.387.499 р., по закупке хлеба—632.802.972 р., по покупке ценных бумаг,

драгоценных металлов и иностранной валюты—44.084.732 р., по покупке товаров—20.908.963 р., по ссудам сельскому хозяйству—129.089.884 р., итого—1.824.283.009 р.

Оборотный капитал Конторы состоял из присланных Правлением: на общие операции для Всеукр. К-ры—100.000.000 р., сельско-хоз. операции для Конт.—124.500.000 р., машиноснабжение—45.000.000 р., итого—269.500.000 р.

Кроме того, по счету оборотного капитала числятся—62.000.000 руб., полученные Правлением для вновь открывающихся Отделений.

Для хлебных операций Конторой получено от Правления 700.000.000 р., из коих послано Отделениям 292.000.000 р.

Таким образом Конторой затрачено: на активные операции на 1.146.583.009 р. более против отпущенных Правлением средств. Перерасход этот покрывается, главным образом, счетом с Правлением и вкладами по текущим счетам.

По 15-е сентября Конторой получено: процентов 52.270.360 руб. и комиссии 74.600.305 р., итого 126.870.665 р.

Текущие расходы Конторы (включая Хлебный Отдел) выражаются в сумме 28.946.049 р. и уплачено %% по пассивным операц. 8.478.495 р., всего 37.424.544 руб.

Превышение доходных поступлений над расходными статьями составляет 89.446.121 руб.

Красная Армия на Украине

Красная Армия на Украине родилась и выросла в огне борьбы. Каждый этап ее существования и развития тесно связан с соответствующим боевым периодом.

Гражданская война развернулась в народных массах стихийно опередив организацию их вооруженных сил. Тем не менее Красная Армия сумела в самый короткий срок твердо стать на ноги и закончила войну победой над внутренними и внешними врагами революции.

Военные и политические особенности революционной борьбы на Украине, а именно: самостоятельность фронта, чисто местный первоначальный боевой состав и, наконец, тесное соприкосновение войсковой силы с народным повстанчеством создали своеобразные условия для Красной Армии Украины, выдвинув некоторые стороны ее развития из общей истории образования и борьбы вооруженных сил всей Советской Федерации.

История Красной Армии на Украине может быть разделена на пять последовательных периодов. Первый период—революционная борьба рабочей гвардии в городах за установление Советской власти (с октября 1917 г. до занятия Украины германскими войсками). Второй—борьба молодой Красной Армии совместно с народным повстанчеством за освобождение оккупированной Украины (с конца 1918 г. до начала наступления Деникина). Третий период—переход Красной Армии из партизанско-повстанческой в регулярную (с начала нашего отступления весной 1919 г. до конца его в октябре того же года). Четвертый—окончательная победа регулярной армии над Деникиным, Врангелем, бело-поляками и внутренним бандитизмом (с начала второго наступления советских войск на Украину до конца лета 1921 г. Пятый—последний период мирного положения, окончательной реорганизации вооруженных сил и укрепления их мощи.

I

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА РАБОЧЕЙ ГВАРДИИ В ГОРОДАХ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Октябрьская революция на Украине имела своим центром г. Киев. Восставшие рабочие опирались на 2—3 революционно настроенных батальона старой армии и насчитывали в своих рядах не более 2.000 бойцов. Реакционная верхушка разложившейся армии Керенского в числе 10.000 офицеров и юнкеров группировались вокруг Юго-Западного фронта, как

будто в стороне от этих двух борющихся сил стояла лживо-нейтральная петлюровская «Централеная Рада», сумевшая под шумок революции собрать, так называемые, «национальные» украинские войска.

Тотчас после победы в Киеве рабочих над сторонниками Керенского революционный Комитет созвал Первый Всеукраинский С'езд Советов, а Рада перешла к активным действиям против Советской власти, имея в Киеве до 18.000 человек петлюровского войска. На улицах города завязалась одновременно вооруженная и политическая борьба, в которой подавляющему численным перевесом врагу удалось разоружить часть красных отрядов и сорвать собравшийся к этому времени с'езд Советов. Последний перенес свою работу в Харьков, где и было избрано первое Украинское советское правительство, взявшее в свои руки руководство вооруженной борьбой.

В скором времени киевские рабочие отряды при поддержке красного Харькова отбросили петлюровские части вместе с их Радой к городу Житомиру. Тогда Центральная Рада с Петлюрой призвали немцев, и красные войска, после нескольких месяцев героической борьбы, вынуждены были оставить пределы Украины.

Главные наши силы сгруппировались на курско-белгородском направлении, в так называемой, «нейтральной зоне», установленной мирным договором между Советской Россией и гетманско-немецкой Украиной. Однако, и на территории, оккупированной войсками Кайзера, Украины гражданская война не прекращалась, наоборот,—разгоралась. Крестьянство, до того времени инертно относившееся к революционной борьбе городов, почувствовало на себе тяжесть пяты продажного правительства Скоропадского и немецких оккупантов. Оскорбленный и ограбленный хлебопашец сменил плуг на винтовку и ушел в леса и степи отстаивать свои права удалой беспощадной партизанщиной.

II

БОРЬБА МОЛОДОЙ КРАСНОЙ АРМИИ И НАРОДНОГО ПОВСТАНЧЕСТВА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ОККУПИРОВАННОЙ УКРАИНЫ

К началу весны 1918 года расположенные в нейтральной зоне советские войска были сведены в две дивизии и общую группу курского направления под командой Антонова-Овсеенко. Группа эта имела чисто партизанский характер и, хотя насчитывала в своих рядах не более 10.000 бойцов, она тем не менее нависла над безответственным правительством Скоропадского и германскими грабителями-оккупантами, как грозная своим кипучим и наступательным порывом компактная сила.

Пронеслась гроза германской революции и в оккупационных немецких войсках началось брожжение. Появились немецкие солдатские Советы. Тем временем Центральная Рада не преминула использовать удобный момент для того, чтобы спихнуть гетмана и заменить его «национальным» правительством.

Конец 1918 и начало 1919 годов были отмечены молниеносным наступлением Красной Армии извне и массовыми повстанческими вспышками внутри Украины. Немецкая оккупационная армия, ослабленная германской революцией, вынуждена была склониться перед силой народного украинского восстания и из'явить полную покорность красному командованию, прося лишь о праве вернуться на родину. В полтора—два месяца в результате котлом кипевшей борьбы, вновь освобожденная Украинская Советская Республика была очищена от всяких следов вражеского пребывания.

Организация красных вооруженных сил в первый и второй период была чисто партизанская. Отряды возникали стихийно по инициативе отдельных революционеров—руководителей или групп населения. Воинская дисциплина отсутствовала. Ее заменял революционный энтузиазм и бесшабашная удаль. Командиры выбирались или сами выдвигались из рядовой массы бойцов. Вооружение и снабжение изыскивались случайными способами. Отсутствовала не только определенная структура воинских частей, но и самая численность их изменялась стихийно: просто бойцы приходили и уходили.

Следует отметить, что среди красных войск частей того времени существовал уже первый украинский полк червонных казаков, основанный еще 10 января 1918 года и явившийся первой более или менее регулярной красноармейской частью на Украине.

III

ПЕРЕХОД КРАСНОЙ АРМИИ ИЗ ПАРТИЗАНСКО-ПОВСТАНЧЕСКОЙ В РЕГУЛЯРНУЮ

Большое количество отдельных отрядов, действовавших вполне самостоятельно, вскоре выявило отрицательные стороны партизанщины; Григорьев, Махно и другие атаманы, в свое время причислявшие себя к составу «советских войск»—показали коготки, а в это же время из незначительных красновских офицерских отрядов на ростовском направлении вырос Деникин с сильной казачьей конницей и английскими танками. И в центре, и в рядах нашей армии, перед лицом усиливающегося врага, появилось организационное стремление, желание избыть кустарные способы борьбы и структуру, сплотить и укрепить свои ряды по типу регулярного войска. В первую очередь появились правильно организованные штабы армий, сменившие отжившие штабы «групп» и «направлений». Затем уже в массу разнообразного местного войска, сохранившего еще к началу 1919 года выборное начало и вечевой порядок управления, были вкраплены настоящие стрелковые полки, бригады и дивизии. Вокруг них и рядом с ними партизанские части реорганизовывались, сводились, чистились от случайного и бандитского элемента, но до коренной ломки было еще весьма и весьма далеко. Последствиями организационных военных дефектов являлась необмундированность и слабая снабженность войск всем необходимым.

Весной 1919 года красный фронт дрогнул под фланговым ударом Деникина, воспользовавшегося не только своим техническим перевесом, но еще и предательством открывшего участок Махно Незадолго до этого случая, главный повстанческий батько—Махно начал вести себя двусмысленным образом. Сначала дело ограничилось просто антисоветским поведением (бесчинства, грабежи), затем началась тайная подготовка к организованной борьбе с рабоче-крестьянской властью через конспиративно созываемые «Гуляйпольские с'езды». Окончательным поводом к разрыву послужил приказ красного командования о сведении всех махновских отрядов в одну стрелковую бригаду. Махно приказа не выполнил и вскоре после этого, накануне приближения наступавших деникинцев, открыл юзовское направление, уведя все свои силы с обороняемого ими боевого участка. Началось наше второе отступление из пределов Украины—наиболее тяжелое время безостановочного отказа, отсутствия связи и больших потерь в боях с качественно сильнейшим противником,—особенно его конницей. Однако, именно это испытание переродило и укрепило советские войска. Твердая линия, принятая центральным советским правительством в отношении разгильдяйства и других наследий батьковщины, нашла прямую и горячую поддержку в самой массе бойцов. Уже к концу лета 1919 года стройные и окрепшие красные дивизии перешли из неорганизованного отступления к планомерному, стратегически расчитанному отходу. Бойцы вздохнули свободней—уходили на север с надеждой вновь вернуться на юг, но все еще не доставало нам должного количества хорошей конницы, тогда как противник располагал этим необходимым родом оружия. Рейд Мамонтова по красному тылу всколыхнул наши военные и политические круги. Лозунг т. Троцкого: «Пролетарий на коня»—воплотился в жизнь в виде почти мгновенно образовавшегося конного корпуса Буденого.

IV

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ПОБЕДЫ РЕГУЛЯРНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Красный фронт приобрел вполне устойчивое положение осенью 1919 г. Наступило затишье, между тем, как в рядах противника уже чувствовалось разложение, а в тылу его свирепствовало массовое, напоминавшее 1918 г., повстанческое движение. Крестьянство увидало вернувшихся в свои имения помещиков и вскоре поняло истинные цели белых «освободителей». Даже те бандитские отряды, которые в начале прихода Деникина перешли на его сторону и совместно с ним действовали против нас, вскоре разочаровались, изменили Деникину и пошли за общим настроением села—за массовым восстанием.

Падение Орла в октябре 1919 года оказалось последним триумфом зарвавшегося вождя «Южно-русской Вандеи». В том же Орловском направлении начинаются переломные бои между нашей ударной группой (латышская и эстонская дивизии, бригада Примакова и др.) и основным ядром деникинских сил (частями добровольческого корпуса). Маленький город Кромы,

который в течение этих боев несколько раз переходил из рук в руки, становится историческим. Героизму окрепшей красной армии, проявленному в этих боях, будущий историк воздаст должное. К Орлу обратились взоры всего красного фронта. На противника посыпались удары в разных направлениях, а новый красный конный корпус Буденого внезапно, лихим налетом занял Воронеж. Создалась сильная угроза повисшему в воздухе правому флангу белых, и весь наш фронт быстро выравнялся по железно-дорожной линии Воронеж-Касторная-Курск.

К началу общего нашего наступления мы имели 72.000 штыков и 15.000 сабель против 81.000 штыков и 30.000 сабель противника, и все же, не смотря на такое превосходство последнего, через 2 месяца Красная Армия достигла пределов Украины.

Необходимо было разобщить добровольческую армию и донские белые части—и поэтому, конный корпус Буденого, переформированный в Первую Конную Армию, был брошен на юг—в Донецкий Бассейн. В это же время целая армия махновцев, упираясь левым флангом в Днепр, занимала в тылу у белых г. Екатеринослав и распространялась к востоку до гуляйпольского района. Лучшие казачьи части белых непрерывно снимались с фронта для борьбы с свирепствовавшими в тылу партизанами. К первой половине декабря нами была порвана железнодорожная линия Киев—Харьков, и последний пал, обойденный с трех сторон. Разрозненные силы противника спешно стягивались к Киеву и Екатеринославу. 16-го декабря был нами взят Киев, а 30-го занят Екатеринослав. Противник был сбит на Одессу и Херсон. Одновременно с падением Екатеринослава наши части заняли Донецкий каменноугольный район и достигли берегов Азовского моря. Наши войска наносили удар за ударом. К началу февраля 1920 года мы взяли Одессу, а 17 того же месяца остатки добрармии на Украине были частью уничтожены, частью капитулировали в числе 13.000 человек с 340 орудиями и 500 пулеметами.

К концу февраля 1920 года красный фронт остановился перед знаменитым впоследствии Перекопом, так как Деникин успел сосредоточить к тому времени в Крыму пять дивизий и занять укрепленные позиции на перешейках полуострова. В этот момент внимание нашего командования было поглощено сначала временной заминкой наступления у Ростова, а затем положением польского фронта. Успела эвакуироваться в Крым, и Кавказская армия белых, это усилило его оборону и затянуло последующую борьбу.

Польский фронт возник еще в январе 1919 года, но особого значения не имел, так как операции поляков к северу от р. Припяти носили характер захвата отдельных необороняемых нами городов (Минск, Слуцк, Бобруйск). 25-го апреля 1920 года, т. е. как раз к описываемому выше моменту Крымской операции, белополяки совместно с петлюровцами начали серьезную операцию в междуречьи Припяти и Днестра. Красная армия, ввиду малочисленности ее сил на этом участке, вынуждена была очистить всю северную

часть правобережной Украины, включая и город Киев. Необходимо было как можно скорее укрепить западный фронт, и интерес к крымскому участку отошел было на второй план.

В довершение указанных затруднений возникло еще одно. В нашем тылу возродились банды Махно. Последний собрал временно расплывшийся кадр и, располагая в то же время неисчерпаемым резервом пополнений из числа своих бывших солдат и сельского кулачества, повел разрушительную работу, уничтожая аппарат Советской власти в прифронтовой полосе и подрывая мощь самого фронта.

У ворот Крыма остались истощенные в предшествовавших боях и непополненные части с большим количеством нестроевых, нежели бойцов, а между тем в самом Крыму происходили обучение, реорганизация и приведение в боевой порядок остатков белых армий под новым руководством барона Врангеля. 30-го мая нами было начато наступление на южном украинском участке польского фронта, а с прибытием ликвидировавшей остатки деникинцев на Северном Кавказе Конной Армии т. Буденого, произошел решительный перелом в пользу Красной Армии. Едва прибыв на фронт после утомительного перехода походным порядком, Конная Армия получает задачу ударить вразрез между Киевской и Одесской группами противника, дабы содействовать наступлению наших главных сил на Киевском направлении. 8-го июня Конная Армия подошла к Житомиру и Бердичеву, а через 2—3 дня нами был занят Киев. К концу июня южный участок фронта белополяков был отброшен в исходное перед началом их наступления положение (Олевск—Новоград—Волынск—Могилев—Подольск). Но новый этап в положении красных частей украинско-польского фронта начинается с момента главного нашего успеха на северном участке,— к 15—16 августа,—когда красные части северного участка вышли на р. Вислу охватив полукольцом Варшавский район, а части южного участка занимают Грубешов.

Сгустившаяся, сократившая, под нашим натиском, линию своего фронта, армия белополяков переходит в контр-наступление. 18-го августа наш фронт из-под Варшавы был оттеснен за р. Буг, а к сентябрю 1920 года весь юго-западный фронт закрепился на линии нынешней государственной границы с Польшей.

12-го октября было заключено сначала перемирие, а затем и прелиминарный мир. В войне с поляками Красная Армия имела впервые перед собой вполне организованного внешнего противника, в виде хорошо снабженной технически и обладающей в большинстве немецкой выучкой капиталистической армии. Красные бойцы и, в особенности, молодая наша конница, сумели показать перед всем капиталистическим западом свою грозную мощь и внушить должное к себе уважение хвастливым руководителям шляхетской армии.

Еще в марте 1920 года Врангель начинает проявлять активность: после нескольких демонстративных вылазок он переходит в наступление и к июню захватывает лежащий к северу от Крымских перешейков плацдарм,

как исходное положение для дальнейших операций. До конца сентября Врангель успевает захватить значительную часть территории Южной Украины, распространяясь одновременно на восток с целью захвата Донецкого бассейна. Обильно снабженная техникой и имеющая в ядре своем наиболее крепкие части бывших деникинских войск, армия Врангеля, как уже раньше говорилось, использовала момент наших затруднений на польском фронте. Однако, уже к средине октября после нескольких сильных поражений противник переходит в пассивное состояние. 14-го октября 5-ая кавалерийская дивизия совершает рейд по неприятельскому тылу, окончательно сковавший маневренность противника. К 21-му октября выясняется отход врангельцев по всему фронту, а 28-го октября все армии нашего Южного фронта переходят в наступление. В последующих операциях против Врангеля большую роль сыграла Каховская группа, образованная частью из наших сил, переправившихся на правый берег Днепра у м. Каховки во время общего наступления противника в августе 1920 года. Созданный этой группой укрепленный плацдарм все время висел угрозой над тылом Врангеля, а с началом нашего общего наступления сделался исходным пунктом для действия крупных сил наперерез отступающему противнику. Ударная группа 6-й армии из указанного плацдарма сбивает 2-й корпус Врангеля, 29-го октября занимает Чаплинку, а 30-го город Перекоп и часть прилегающих к нему укреплений. Одновременно по Каховской же переправе была брошена для удара на противника с тыла 1-я Конная армия.

В первых числах ноября нами были взяты передовые укрепления Чонгарского перешейка, и, таким образом, перед Красными войсками оказались, с одной стороны, Турецкий вал Перекопа, а с другой разрушенные Сивашский и Чонгарский мосты. Отлично укрепившийся противник расчитывал оказать упорнейшее сопротивление на узких, насквозь простреливаемых подступах, получивших название «Крымского Вердена». 8-го ноября под личным руководством Командующего Южным фронтом тов. Фрунзе начинается штурм Крымских твердынь. В то время, как части 51 и 52 дивизий и огневой бригады, произведя переправу через Сиваш, неудержимо стремились вперед, занимая одно за другим укрепления Перекопского перешейка и к вечеру 9-го ноября достигают Юшуньских позиций, соседний слева участок 4 армии заканчивал подготовку разрушенного Чонгарского и полуразрушенного Сивашского мостов под убийственным неприятельским огнем. 10-го ноября части 51, 52 и 15 дивизии, овладев Юшуньскими позициями и разгромив противника, захватили в плен два полка конного корпуса Барбовича. А в ночь на 11-е ноября перешли в наступление и части 4 армии. 30-я стрелковая дивизия под ураганным огнем противника начала переправу через Сивашский и Чонгарский мосты и в течении одного дня овладела Таганашским перешейком и вышла на линию Копань-Асман-Букеш. Утром, 12 ноября налет наших самолетов на ст. Джанкой обнаружил полный отход частей и обозов противника. В пробитые грудью красных бойцов ворота устремились наши части, преследуя безнадежно бегущего

врага. 13-го ноября Врангель издал свой приказ о роспуске армии, предоставив каждому спасаться по его личному усмотрению, и Крым был присоеденен к Советской территории.

Красная армия, попутно с боевыми заданиями выполнила на Украине целый ряд других работ, не относящихся к ее прямому назначению. Подвигаясь вперед и занимая только что оставленную врагом территорию, она вынуждена была создавать первые ячейки Советской власти в лице военно-революционных комитетов. Эти ревкомы, поглощая квалифицированных военных работников и материальные средства войскового хозяйства, сосредотачивали в своих руках все военное и гражданское управление, в прифронтовой полосе. Наряду с ревкомами нужно было организовать на территории Украины и специальные военно-административные органы в лице военкоматов разных степеней. Конечно, Всероссийский главный штаб не мог успеть выполнить это задание, и оно ложилось на обязанность действующей армии. Армейским аппаратом производились мобилизации в прифронтовой полосе и учет местных средств. Не мало отдельных учреждений и предприятий (фабрики, заводы и, особенно, Донбас) получали от военного аппарата всестороннюю помощь.

Незадолго до начала решительных операций по овладению Крымом, значительно измотанный нашим преследованием Махно, в третий раз предложил Красной Армии свое сотрудничество, вызвав штаб южного фронта по прямому проводу из г. Старобельска. Прекрасно учитывало наше командование, что помощь бандита принесет скорее вред, нежели пользу, но важно было устранить тот громадный вред, какой мог причинить Махно, действуя в нашем тылу к моменту наивысшего напряжения подготовительной оперативной работы. «Начальник повстанческих отрядов Махно», как гласили наши сводки, «был принят равноправным членом красноармейской семьи». И не успели еще затихнуть выстрелы в Крыму, как новая измена пополнившего свои отряды и укрепившегося за счет армейского аппарата Махно—бросила наши дивизии на новую борьбу с разлившимся широкой волной по всей Украине бандитизмом.

Бандитизм сыграл слишком большую роль в истории всей борьбы на Украине и в жизни Красной Армии, поэтому, говоря о новой и наиболее сильной вспышке его, необходимо дать беглый очерк всего течения Украинского бандитизма и нашей борьбы с ним. Особенная яркость вспышек бандитского повстанчества на Украине обусловливалась наличием в стране сильного аграрного кулачества, которое в период гражданской войны, в силу разных условий, увеличило свою политическую мощь до такой степени, что впоследствии в состоянии было оказывать длительное и упорное вооруженное сопротивление власти нового правительственного класса—рабочих и трудовых крестьян. Украина, будучи ареной столкновения, как разных империалистических армий, так и южно-русской Вандеи в целом, была превращена в свое время (а это было возможно в силу ее географического положения)—в плацдарм для борьбы с Советской Россией. На ее территории сталкивались, побеждали, разлагались и погибали многочисленные армии

самых разнообразных покроев, а оружие их, в большинстве своем, попадало в руки местного, т. е. деревенского населения. Сменяясь с калейдоскопической быстротой, правительства едва успевали более или менее обосноваться в губернских, реже в уездных городах. До деревни же их влияние не доходило, и она оставалась предоставленной самой себе. Деревня жила обособленной от города жизнью. Вот почему после разгрома Деникина и Петлюры Советской власти пришлось встретить отчаянное сопротивление украинского кулачества, всячески мешавшего красному рабочему октябрю переброситься из городов в украинскую деревню.

Кулачество на Украине впервые выступило на борьбу с рабоче-крестьянской властью, как организованная сила: руководителями и вдохновителями движения становились контрреволюционеры в лице белого офицерства, богато насытившего деревню в дни разгрома Деникина и Петлюры, разные враждебные Советской власти политические партии и группировки, перенесшие свою деятельность из города в деревню, а также часть формально беспартийной, но шовинистически настроенной интеллигенции. Экономические тяготы, порожденные империалистической и усугубленные гражданской войной, ложились тяжелым бременем на крестьянство страны. Это в свою очередь, увеличивало влияние кулачества и контрреволюционных элементов, создавая обстановку благоприятную для поднятия отсталой деревни против революционного города.

Кроме того, борьба с бандитизмом на Украине, даже после ликвидации внешних фронтов отягчалась и отягчается до сих пор, благодаря той поддержке, которую находил и находит украинский бандитизм в буржуазных странах, граничащих с нами и вполне учитывающих значение Украины в случае возобновления вооруженной борьбы с Советской Федерацией.

Раз украинский бандитизм является эпизодом классовой борьбы и естественным спутником гражданской войны во всех ее формах, то вполне понятно, что при этих условиях Красная Армия не могла ограничить свою боевую деятельность одной лишь борьбой с внешними врагами— Деникиным, Врангелем, Петлюрой и пр., а принуждена была одновременно принимать деятельное участие и в борьбе с бандитизмом, за освобождение украинской деревни от кулацкого засилья и укрепление в ней Советской власти. Фронты внутренние и внешние представляли собою одно неразрывное целое.

В этот чрезвычайно острый момент, когда подкатывающиеся к Киеву поляки и подошедший вплотную к Екатеринославу Врангель уже протягивали друг другу руки, в тылу наших армий зловеще поднялась третья, не менее обагренная кровью украинских рабочих и крестьян рука бандита Махно.

Если принять во внимание, что главные силы Красной Армии все же должны быть направлены на борьбу с регулярными силами внешнего фронта, то станет совершенно понятен героизм и напряжение, потребовавшиеся от сравнительно немногочисленных войск, которые были призваны обеспечить

тыл Красной Армии — и к борьбе с желтыми и черными армиями украинского бандитизма. Борьба с Махно, наиболее опытным и популярным украинским партизаном, потребовала значительного времени и усилий. Беспрерывно гонимый и преследуемый красными частями, Махно уже весной 1921 г. вынужден был распустить остатки своей армии (600 чел.) и действовать в разбивку мелкими отрядами в 50—60 бойцов. Летом того же года Махно делает новую попытку воссоздать свою армию и собирает отряд в 1000 чел. Снова начинается период напряженной борьбы с ловким, изворотливым бандитом. Но Красная Армия к тому времени уже успела изучить тактику этого наиболее опасного из украинских бандитов. Партизанскими действиями отборных отрядов, перехватывая маршруты и излюбленные районы банды, она ставит Махно в положение отрезанного от своих баз внешнего противника, а в дальнейшем в положение—затравленного зверя, который после ряда окончательно деморализовавших его поражений и безуспешных попыток найти укрытие переходит в конце августа с жалкими остатками (60—70 человек) своей когда-то «грозной повстанческой армии» государственную границу и ищет убежища в Румынии.

Не меньшие успехи достигнуты в деле ликвидации остальных разновидностей политического бандитизма. Атаманы желто-блакитного знамени, год тому назад пользовавшиеся в деревнях на Правобережьи Украины нераздельным влиянием и властью, обладают в настоящее время несколькими малочисленными и затравленными отрядиками. Целый ряд атаманов, не исключая таких крупных фигур, как Мордалевич, Цветковский и Петренко, а также деятели исторического Холодноярского района—в 1921 году принуждены были признать бесплодность дальнейшего сопротивления и покориться Советской власти. По данным ВУЧК, к 1-му сентября 1922 года зарегистрировано около 10.000 добровольно сдавшихся бандитов и 200 атаманов.

В чем причина такого разложения бандитизма?

Безусловно, не только в одном умелом военном воздействии, а и во всей тактике и системе борьбы. Если в борьбе против бандитско-партизанских отрядов центр тяжести заключался в умелом подборе выдержанных, стойких и способных на партизанские действия отрядов, то для ликвидации местного территориального бандитизма, гнездящегося на определенной территории и превратившего целые районы в своеобразные бандитские упраформы всяких батек и атаманов, потребовалось проведение сложнейшей советской и партийной работы, причем, роль красной армии, как вооруженной силы, сводилась, главным образом, к обеспечению этой работы. Но как в том, так и в другом случае вся борьба сводилась к одной основной цели—к расслоению деревни, раскрепощению сельской бедноты. Красная Армия должна была явиться в деревню не как оккупационная, враждебная населению сила, а как могущественный союзник незаможного селянства Украины в его попытках освободится из кабалы всесильного куркуля.

Вправе ли мы считать, что Красная Армия и советский и партийный аппараты на Украине хотя бы в основной части справились со своей работой?

Да. Если присмотреться к украинской деревне, то ответ может быть только положительным. Украинская деревня, еще в 1919 г. нередко поголовно восстававшая против Советской власти (Зеленый, Струк, Ангел—с лозунгами «Советская власть без коммунистов», т. е. без рабочих и крестьян), уже не представляет однородное целое. Середняк и селянская беднота окончательно выходят из-под опеки кулака и втягиваются все больше и больше в дело советского строительства в деревне. Боевые органы незаможного селянства—его комитеты—широкой сетью покрыли всю Украину. Середняк если местами и не вполне активно примкнул к Советской власти, то, во всяком случае, он понимает, что ему не по пути с кулаком. Бандитские атаманы и враждебные Советской власти группы кулачества оказались изолированными и, по мере отхода кулацких элементов от бандитизма, последний вырождается в формы уголовные и не имеет уже связи с определенными слоями деревенского населения.

Особенно ярко выявилось полное отвращение украинского селянства к новым бандитским авантюрам на неудачном рейде Тютюнника.

Осенью 1921 года, по инициативе неугомонного Петлюры и с легкой руки «нейтральной» Польши была задумана крупная операция—рейд под руководством наиболее талантливого и отчаянного атамана—петлюровца, Юрка Тютюнника. Закордонные организаторы этого дела расчитывали, что при первом появлении бандитского отряда в пределах Украины произойдет взрыв массового восстания. Юрко Тютюнник, кроме сведений польской контр-разведки о численности наших сил, был снабжен на всякий случай и десятком другим министров, для того, чтобы сразу же наладить «правительство» в завоеванной Украине. Кончилось дело тем, что после месячного блуждания по лесам, банда, не приобрев ни одного человека в пополнение, не говоря уже об организации восстаний, окруженная небольшим экспедиционным нашим отрядом, почти целиком, не исключая и «министров», попала в наши руки.

V

ПЕРИОД МИРНОГО ПОЛОЖЕНИЯ. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И УКРЕПЛЕНИЕ ИХ МОЩИ

Переходя к обзору последнего, пятого периода в истории вооруженных сил Украины, следует отметить, что хотя за этот период деятельность военного командования на Украине и протекала в мирной обстановке, однако, в действительности, только за последнее время удалось обратить внимание на окончательную реорганизацию и мирное строительство армии. Ликвидация осколков, рассеявшихся после разгрома банд Тютюнника и Палея, вылавливание и очищение бандитских районов в течение зимы, предупреждение весенней вспышки бандитизма и операции против банд Гальчевского и Левченко минувшим летом—все время мешали мирной организационной работе. Сейчас, однако, можно с удовлетворением отметить, что все эти тормазы, наконец, почти целиком изжиты, и 7-й С'езд Советов застает

Красную Армию реорганизованной и сокращенной, деятельно учащейся и готовящейся к выполнению тех новых задач, которые возможно, в случае необходимости, будут поставлены перед нею волей трудящихся рабочих и крестьян нашей Республики.

Какие же задачи и требования привлекали за последний период главное внимание Красной Армии на Украине?

Здесь, сама жизнь выдвинула на первое место необходимость ликвидации в течении минувшей зимы остатков бандитских шаек, уцелевших еще на территории Украины и, в частности, остатков разгромленных прошлой осенью банд Тютюнника и Палея. На втором месте—стояла работа по проведению мер к предупреждению весенней вспышки бандитизма весной текущего года и ликвидация оживившихся банд Гальчевского, Левченко и некоторых других. Далее ударной задачей, явилось прочное обеспечение государственных границ и дальнейшее всемерное укрепление военной мощи Красной Армии и, наконец, по мере сил и возможности проводилось дальнейшее сокращение и реорганизация армейского аппарата, налаживалось дело обучения, оказывалось широкое содействие гражданскому строительству и организовывалось участие армии в хозяйственно-экономической жизни страны. Особо необходимо отметить еще и деятельную помощь армии голодающим, облегчение участи которых вызвало необыкновенный под'ем среди широких красноармейских масс, несмотря на скудное обеспечение самой армии.

Новые задачи, стоящие перед Красной Армией в настоящее время сводятся:

1. К дальнейшему всемерному укреплению своей военной мощи и к специальной подготовке во всех отношениях к успешной борьбе с любой армией противника.

2. К организации планомерных, усиленных и всесторонних занятий по обучению.

3. К улучшению личного состава и быта Красной Армии.

4. К содействию органам ГПУ и милиции по борьбе с остатками мелкого уголовного грабительского бандитизма.

5. К дальнейшему участию в хозяйственно-экономической жизни страны.

БОРЬБА НА БАНДИТСКОМ ФРОНТЕ

На предыдущих страницах приведен уже беглый очерк украинского бандитизма и характеристика особенностей украинской обстановки, способствовавших развитию политического бандитизма на нашей территории.

Борьба на бандитском фронте принесла за последний период несколько чрезвычайно интересных моментов и положений. Еще прошлым летом, благодаря усилиям и энергии частей Красной Армии, среди бандитов началось общее разложение, приведшее к уничтожению и разгрому целого ряда крупнейших банд и очищению большинства зараженных бандитизмом районов. По данным на 15-ое ноября 1921 года, на территории Украины оставалось не более 19 банд, с общим количеством 1450 бандитов, что уже

достаточно красноречиво свидетельствовало о решительном падении и измельчании бандитизма, насчитывавшего в своих рядах в годы гражданской войны по 30-40 тысяч человек. Вместе с общим падением бандитизма и ликвидацией наиболее крупных и организованных банд, изменился и самый характер действий бандитских шаек—большая часть их распалась и распылилась среди местного населения, усилив мелкий грабительский бандитизм и пытаясь дезорганизовать наш тыл путем мелких партизанских выступлений отдельными небольшими кучками. В этот благоприятный для нас момент перелома в борьбе на бандитском фронте, резкое изменение в положении внесли события последних дней октября и ноября прошлого года, ознаменованных попыткой петлюровцев перебросить на территорию Подольской и Волынской губерний новые крупные банды под командой Тютюнника и Палея.

Отдельные моменты этой борьбы достаточно хорошо известны и здесь не требуется останавливаться на них подробнее. Она закончилась полной победой наших частей, уничтожением, почти целиком, петлюровских отрядов и захватом в плен большей части бандитов, брошенных в момент разгрома на произвол судьбы, позорно бежавшим Тютюнником. Как следствие этого разгрома—сразу же затихли все местные мелкие банды, и, в дальнейшем, части армии были заняты вылавливанием и ликвидацией остатков разгромленных банд и уничтожением отдельных грабительских шаек. В январе на территории Украины состояло на учете всего лишь 15 банд, с общим числом не более 400 бандитов; весь зимний период прошел совершенно спокойно и каких либо крупных проявлений бандитизма зарегистрировано не было.

В течение зимы войсковым частям удалось ликвидировать ряд петлюровских подпольных организаций, обыскать и обследовать все наиболее зараженные бандитизмом районы и выкачать из подполья немалое количество разного оружия. Эти успешные действия не ослабили, однако, боевой готовности частей и Красная Армия не упускала из виду возможности новой вспышки бандитизма нынешней весной. Основания к этому крылись в общем политическом положении Республики, вынужденной в условиях капиталистического окружения бороться с голодом, транспортными затруднениями и происками многочисленных зарубежных белогвардейских организаций.

Весеннее оживление бандитизма действительно началось в конце марта текущего года и проявилось больше всего в южной части Подолии, в Приднепровской полосе Киевщины и Кременчугщины и в части Николаевской губернии. Банды, находившиеся в скрытом состоянии и распущенные по своим домам главарями, начали вновь проявлять себя в налетах на продовольственные транспорты, склады и железнодорожные станции, а также в террористических выступлениях по отношению к местным представителям Советской власти. На Левобережьи оживление местного мелкого бандитизма носила по большей части уголовно-грабительский характер.

В общей сложности, число бандитских шаек на Правобережьи повысилось к апрелю до 25, с общим числом около 500 бандитов; увеличение бандитизма на Левобережьи сказалось в менее резких цифрах и не превысило 150 бандитов.

Благодаря принятым мерам, весеннее оживление на бандитском фронте было, однако, своевременно обезврежено. Подробности действий наших частей в апреле и мае выходят из рамок настоящего отчета; во всяком случае, удачная ликвидация весенней вспышки бандитизма частями Красной Армии, остающейся, несмотря на численное свое сокращение, твердым и надежным оплотом власти трудящихся масс, дает полную уверенность в такой же быстрой ликвидации и всех других бандитских вспышек и налетов закордонных бандитских шаек, использовать которые, возможно, попытаются в будущем враги Рабоче-Крестьянской власти.

В течении минувшего лета наиболее неблагополучной по бандитизму оказалась Подольская губерния. Появившаяся здесь с весны банда Гальчевского в составе всего 30 человек, в конце августа насчитывала до 300 пеших и конных бандитов, имевших связь с закордоном, откуда ими получались все необходимые средства. Одетая в форму червонных казаков, банда действовала часто под их видом, имея на руках даже соответствующие документы. Ядро банды, численностью в 150 сабель, действовало под руководством самого Гальчевского; остальная часть бандитов оперировала отдельными небольшими группами под командой атаманов Подковы, Галюка, Кохана и Кирилюка. Эти отдельные группы время от времени собирались для совершения налетов на большие пункты, как, например, на м.м. Бар, Елтушково, Летичев и другие. Борьба с бандой велась частями 1-го конного корпуса Червонного казачества имени ВУЦИК'а и 24 дивизии, организовавшими энергичное преследование банды, результаты которого не замедлили сказаться. Настигнутая несколько раз нашими истребительными отрядами, банда понесла значительный урон и, зажатая в тиски преследующими частями, на рассвете 2-го сентября, в количестве 60 чел. при 3-х пулеметах, перешла в районе Гусятина на польскую территорию. Остатки банды под командой атамана Кирилюка были через несколько дней уничтожены нашими частями.

Другой активной бандой, оперировавшей в южной части Подолии, являлась банда Левченко, об'единившего в этом районе все мелкие шайки. Зная прекрасно местность и будучи очень подвижной, банда рейдировала небольшими отрядами по Ольгопольскому, Брацлавскому и Гайсинскому уездам, опираясь на сочувствие местных жителей и легко ускользая от преследования. С переброской в район ее действий частей 9-й кавалерийской дивизии, борьба с бандой приняла успешный характер, и в начале августа банда потеряла убитыми больше половины своего состава, в том числе и самого атамана Левченко; остатки банды частью сдались добровольно, частью попали в плен.

Что касается положения на бандитском фронте в остальных районах Правобережья, то на Волыни и в Киевщине оперируют сейчас только мелкие уголовные банды, занимающиеся грабежами населения и, изредка, совершающие небольшие налеты.

На территории Кременчугской губернии, бывшей ранее всегда неблагополучной по бандитизму, в данное время наблюдается сравнительное

затишье. Для ликвидации банд в Знаменский район переброшена кавалерийская бригада незаможников. В остальных районах Правобережья за последнее время спокойно. На Левобережьи, в Полтавской и Харьковской губерниях, оперирует только ряд отдельных мелких уголовных шаек грабительского характера, состоящих исключительно из местного элемента и распыляющихся после произведенных налетов или ограблений; борьба с указанными бандами ведется милицией и отрядами ГПУ.

Заканчивая на этом обзор действий Красной Армии на бандитском фронте, необходимо отметить, что, несмотря на громадную работу, проделанную советскими органами в деревне, и на достигнутые уже нашими частями решительные успехи, активный бандитизм, глубоко вкоренившийся в жизнь украинской деревни, нельзя еще считать окончательно ликвидированным. Рассеявшись среди местного населения и образовав мелкие грабительские шайки, бандиты частично укрываются в подпольи и, не теряя связи с зарубежными белогвардейскими и контрреволюционными организациями, продолжают, где и чем могут, вредить мирному строительству на нашей территории. Не исключается возможность оживления бандитизма и в случае нового вторжения на Украину крупных бандитских шаек из-за границы; это также учитывается частями Красной Армии.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ РЕСПУБЛИКИ

Учитывая постоянное стремление наших зарубежных врагов использовать для своих контрреволюционных целей остатки местного украинского бандитизма, за последний период удалось осуществить ряд мероприятий стратегического и политического характера для наилучшего обеспечения государственных границ Республики от каких либо налетов и неожиданных нападений. Одной из главных мер явилась смена пограничных частей ВУЧК полевыми войсками, начатая 9-го декабря 1921 года и закончившаяся к концу января текущего года, а затем—сформирование в июне-июле текущего года за счет полевых частей трех дивизий специально для несения пограничной службы, благодаря чему надзор за пограничной полосой стал гораздо тщательнее. В настоящее время, ввиду необходимости самого тесного контакта с органами ГПУ, пограничные дивизии передаются в полное подчинение ГПУ.

К сожалению, чрезвычайная величина охраняемых частями участков ведет к распылению наблюдения, и части, поставленные на границе, часто при самом добросовестном отношении к своим обязанностям, физически не в состоянии предупредить нарушение границы и задержать всю контрабанду, чему способствует зачастую и неточно обозначенная линия границы, отделяющая нашу территорию от Польши и идущая по лесистой и болотистой местности.

Выдвижение на границу полевых частей, помимо установления более тщательного наблюдения за полосой, непосредственно прилегающей к границе, позволило провести планомерное обеспечение важнейших направлений и выдающихся стратегических железнодорожных узлов и пунктов,

установить тесную связь между пограничными частями и войсками, расположенными вглубь территории, и пополнить состав пограничных частей опытными политработниками—коммунистами. Результаты этих мероприятий не замедлили сказаться. После ликвидации вторжения петлюровцев в ноябре прошлого года, до сего времени не было ни одного крупного налета на нашу территорию из-за кордона и ни одного значительного бандитского выступления во всей пограничной полосе.

СОКРАЩЕНИЕ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ

Уже за полугодовой период, с октября прошлого года по 1-е апреля сего года, численность войск Украины и Крыма сократилась на 152.536 человек. Это было достигнуто, во-первых, демобилизацией красноармейцев 1897—1898 годов, во-вторых—частичной демобилизацией различных специалистов, временно задержанных в войсках, и, наконец, сокращением числа различных продовольственных, пересыльных и этапных пунктов.

Со второй половины мая текущего года сокращение и реорганизация армии пошли особенно усиленным темпом.

В результате проделанной огромной работы по реорганизации, армия сокращена примерно на 60% и сведена в настоящее время в определенное число войсковых соединений, установленное для мирного времени.

Реорганизация армейского аппарата была произведена планомерно и с полной постепенностью, благодаря чему организм армии не испытал никаких излишне-резких потрясений и, безболезненно перейдя на мирное положение,—готов к дальнейшему выполнению важных и ответственных задач, возлагаемых на Красную Армию Республикой.

ДЕЛО ОБУЧЕНИЯ И БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ

Стремясь к улучшению состояния Красной Армии и к укреплению ее военной мощи, командование обратило особое внимание на усиленное обучение и создание отлично подготовленного командного состава и на дело обучения всех полевых и специальных частей.

Реорганизация Красной Армии близко коснулась и военно-учебных заведений, следствием чего явилось значительное сокращение сети ВУЗ. В общем, за последние шесть месяцев сеть ВУЗ Украины и Крыма сократилась на 50% и на 1-е октября имеется всего 26 военно-учебных заведений, из которых: 3 школы для комсостава, одна национальная школа, 11 школ нормального типа и 11—командных курсов.

Несмотря на недостаток материальных средств, проделана огромная работа по правильной постановке учебно-строевого дела и по поднятию на должную высоту воспитания и политического развития курсантов. Все военно-учебные заведения выводились в течение минувшего лета в лагерные сборы, где центр тяжести производившихся занятий падал на прохождение курса стрельбы, полевых тактических занятий, производство топографических с'емок и фортификационных работ на местности. Время лагерных сборов, несмотря на самую усиленную работу по усовершенствованию своих

познаний, курсанты сумели использовать и для облегчения труда бедняка-хлебороба. Запорожью, Полтаве и Крыму будет памятна та реальная помощь курсанта, когда последний, пользуясь своим праздничным досугом, отдавал его бедняку-хозяину, разделяя с ним все трудности летней полевой страды.

В войсковых частях дело обучения и боевой подготовки встретило препятствия в привлечении частей к борьбе с бандитизмом, командировании на продовольственные и другие специальные работы, охрану транспорта, караульную службу и проч., а также в отсутствии учебных пособий, необорудовании лагерей, полигонов и стрельбищ. Не смотря на это, с 1 дкабря по 1 марта удалось осуществить обширную программу зимних занятий и упорядочить постановку дела боевой подготовки путем проведения в жизнь единой системы обучения. Все специальные команды полков, как-то: пулеметные, конных и пеших разведчиков, связи и саперные команды, менее отвлекаемые для выполнения разного рода посторонних заеаний, не голько прошли полностью положенную им программу, но частично и исновательно ее повторили. Независимо от прохождения программ зимних занятий, во всех частях был организован ряд сборов команд специального назначения, весь командный состав пропущен через особые комиссии, поверившие знания уставов, и в большинстве дивизионных школ произведен выпуск отдельных командиров, влившихся в полки и, таким образом, качественно усиливших младший комсостав полков.

СОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Несмотря на неблагоприятные бытовые условия своего существования и на выполнение ряда других заданий, войсковые части на Украине и в Крыму принимают все время деятельное участие и в чисто хозяйственной жизни Республики. До конца апреля войсковые части несли охрану желдорог, до 1 мая—охрану маршрутов и до 1 июня—охрану разного рода предприятий и складов гражданских учреждений (сахзаводы, ссыппункты, лесоразработки и пр.). Охрана огнескладов, заводов промвоенсовета и некоторые другие виды караульной службы остались еще и до настоящего времени на обязанности армии, и к 1 октября караульной службой было занято свыше 1300 человек.

Недостаток в деревне рабочих рук заставлял привлекать части и к работам по засеву полей и огородов, по заготовке продовольствия и фуража и по уборке урожая. Войска оказали большую помощь крестьянству, выделяя на эти работы разновременно до 5—8 тысяч человек.

Отдельно заслуживают быть отмеченными работы органов военного ведомства по восстановлению и капитальному ремонту разрушенных в гражданскую войну мостов, по ремонту шоссейных и грунтовых путей и по поддержанию телеграфной связи, неоднократно нарушавшейся зимою сильными ветрами и гололедом; все эти работы имели исключительное значение для восстановления хозяйственного благополучия страны.

ПОМОЩЬ КРАСНОЙ АРМИИ ГОЛОДАЮЩИМ

Армия также не могла не откликнуться на тяжелые испытания, которые пришлось выдержать Республике этой зимой в связи с голодом.

Еще задолго до получения из центра каких либо руководящих указаний об участии армии в деле помощи голодающим, в частях войск стихийно образовались органы, взявшие на себя организацию и изыскание средств для помощи голодающему населению. Во всех без исключения частях были вынесены постановления о денежном и продовольственном самообложении, достигавшем в первое время громадных размеров (отчисление пайка за 5—7 дней и целиком все месячное жалование): впоследствии, на места были преподаны указания об отчислении с каждого военно-служащего двухдневного пайка и до 13% месячного содержания, что дало за последний период громадную сумму денег и значительное количество продовольствия, послужившее немалой подмогой в деле помощи голодающим.

Помимо этого, во всех частях, Штабах, управлениях и учреждениях военного ведомства производился сбор пожертвований и отчислений, а также были сформированы два врачебно-питательных отряда, снабженных полным составом персонала, медикаментами и продуктами, которые отправлялись в Поволжье в августе 1921 года. Впоследствии, на средства, собранные военным командованием, были сформированы еще три отряда, кои были отправлены в Уральскую губернию. Отряды после годовой своей работы на голодном фронте, 15 сентября вернулись в Харьков, оказав помощь 50 тысячам детей и десяткам тысяч взрослого населения. Такова, в общих чертах, помощь голодающему населению, оказанная частями Красной Армии.

НЫНЕШНИЙ СОСТАВ И СОСТОЯНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ НА УКРАИНЕ

Обращаясь к нынешнему состоянию армии, приходится отметить, что, несмотря на резкое сокращение всего армейского аппарата, общие условия быта армии во многих отношениях остаются попрежнему неблагоприятными, вследствие недостатка в материальных средствах. Несмотря на это, в период демобилизации был выделен особый фонд вещимущества, специально назначенный для снабжения красноармейцев, уходивших в бессрочный отпуск, благодаря чему увольнявшиеся из армии бойцы получили при от'езде известную поддержку в обмундировании, белье и обуви.

В течение минувшей зимы обеспеченность частей обмундированием и другими предметами не поднималась выше 50—60%; однако, за последнее время в этом отношении удалось достичь значительного улучшения:

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ	Средний % обеспеченности к 1 окт. 1921 г.	Средний % обеспеченности к 1 апр. 1922 г.	Средний % обеспеченности к 1 окт. 1922 г.
Шинели	74	68	90
Пох. лет. шаровары	63	61	90
„ „ рубахи	59	68	90
Кож. обувь	92	72	91
Нательн. рубахи	87	59	97
„ кальсоны	88	58	95
Головные уборы	90	—	83

Подсобным источником для снабжения армии обмундированием являются мастерские и фабрики правления фабрично-заводской промышленности. За время работы с начала текущего года, правлением фабрично-заводской промышленности произведено и передано войсковым частям: шинелей—3622, одеял—6142, натрубах—3553, рукавиц—3500, перчаток—5000, сапог—424 пары, наборов на сапоги—368 пар, гимнастерок—1000, брюк—1000, брюк ватных—1000, простынь—100000 штук, наволочек тюфячных—50000 штук, наволочек подушечных—100000 штук.

Помощь учреждений правления Красной Армии становится постепенно все более и более действительной.

Неразрешенным является вопрос о ремонте обоза, коим войсковые части на Украине обеспечены не в полной мере. В области продовольственного снабжения положение войсковых частей можно признать относительно удовлетворительным, т. к. с октября текущего года норма красноармейского пайка доведена до нормы довоенного времени. Минувшей зимою и весной, в связи с голодом в южной части Республики, продовольственный кризис во многих частях достигал чрезвычайной остроты. В настоящий момент значительной помехой является недостаток мяса, овощей, жиров и об'емистого фуража, поступающих в крайне ограниченном количестве. Это обстоятельство требует к себе серьезного внимания.

Значительное содействие снабженческому армейскому аппарату оказывает Центральное Управление военно-промышленными хозяйствами Украины и Крыма (Цувоенпромхоз), в ведении которого находятся все сельско-хозяйственные и фабрично-заводские предприятия, а также все имущество и подсобные производства, находившиеся ранее в ведении органов Военно-Продовольственного Снабжения. Ему удалось оборудовать к весенней посевной кампании все военные сельские хозяйства живым и мертвым инвентарем, снабдить их посевным материалом и обработать и засеять в общем почти 70% всей пахотной и огородной земли, закрепленной за войсковыми частями.

Центральное внимание уделяется Цувоенпромхозом сельско-хозяйственной деятельности. Общее количество земли, находящейся в ведении Цувоенпромхоза—достигает 26.347 десятин, из числа коих 56% приходится на поля, 25%—на сенокосы, 8%—на огороды, 5%—на леса и парки и 3%—на сады и виноградники. Общее количество сельхозов—112, отдельных участков—19. Общая площадь засева полевых культур составила в текущем году—8821,5 десятин, в том числе озимые хлеба—2220,5 десятин и яровые—6601 десятин, под огородные культуры было занято 2216,7 десятин, под травы—345,7 десятин, а всего засеяно—11384 десятины.

Наконец, Цувоенпромхоз организует предприятия, главным образом, пищевого характера, перерабатывая продукты, поставляемые сельскими хозяйствами, для улучшения их питательности и вкусовых качеств и удобного хранения, производя те из продуктов, потребных армии, коими части не удовлетворяются обычным плановым порядком (производство мыла, пере-

работка зерна и проч.) и производя фабрикаты промышленного типа, потребные для развития хозяйственной деятельности сельских хозяйств, как кожевенные, ниточные, лесопильные и т. д.

Санитарные условия в войсковых частях Украины и Крыма в первую половину настоящего периода продолжали оставаться неблагоприятными.

Отсутствие топлива, сделавшееся особенно заметным зимой, крайне неблагоприятно отозвалось на санитарном состоянии армии и послужило причиной того, что заболеваемость паразитарными тифами не уменьшилась даже к концу весны.

Наконец, голод, вспыхнувший и на самой Украине, подорвал и без того недостаточное питание красноармейцев, особенно в дивизиях, расположенных в южных губерниях, вследствие чего усилилась восприимчивость к разного рода заболеваниям.

Число больных остро-желудочными болезнями, в частности дезентерией, также возрастало с каждым месяцем. Венерические болезни и заболевания держатся в общем на одних и тех же цифрах, не давая больших колебаний. Борьба с вышеизложенными заболеваниями потребовала огромных средств и усилий: кроме мероприятий лечебного характера, велась со вшивостью путем усиления работ банно-прачешных и дезинфекционных установок, организовывались ударные недели борьбы со вшивостью, устанавливались изоляторы и проч.

Работа бань и прачешных производилась с большими перебоями из-за отсутствия топлива.

С марта была начата регулярная кампания против холеры—были об'явлены обязательные противохолерные прививки и одновременно проводились другие необходимые мероприятия. Результаты прививочной кампании могут считаться вполне удовлетворительными: всего в войсках было иммунизировано около 90% (остальные 10% составляют красноармейцы и военнослужащие, находящиеся в командировках, отпусках, госпиталях и проч.)

В ряде мер, принимавшихся для оздоровления армии, главное место занимала госпитализация больных. В начале отчетного периода, было развернуто свыше 17.000 коек. С марта началось постепенное свертывание излишних госпиталей, достигшее к 1 октября 6.057, из коих 1.940 свободных.

Хотя в военных госпиталях красноармейцы и получали всегда высоко квалифицированную медицинскую помощь, общий вид госпиталей, как в смысле их оборудования, так и в смысле занимаемых ими помещений, часто не стоял на должной высоте, а госпитальное имущество продолжало ветшать и изнашиваться. Нельзя не отметить, что зачастую и откомхозы не шли навстречу нуждам санитарного ведомства, особенно с введением новой экономической политики, забывая, видимо, что здоровая и сильная армия—есть лучший оплот всей Советской Республики. Несмотря на неоднократно подтвержденные постановления Совнаркома об освобождении военных учреждений от уплаты за коммунальные услуги, Откомхозы

настойчиво требуют уплаты наличных денег, иногда выключая воду и электричество, в результате чего, госпиталя часто остаются без необходимейших элементов в своей работе—воды и света.

Санитарное состояние войск за лето значительно улучшилось и в последний период с мая по октябрь, как общая, так и инфекционная заболеваемость стали заметно сокращаться. В частности, холера, достигшая максимума своего развития в июне-июле, в августе—резко оборвалась и теперь совершенно исчезла; и только брюшной тиф с августа начал давать обычное для осеннего времени увеличение числа заболеваний. Так, в мае % больных в армии достигал 4,1, а к сентябрю он понизился до 1,1.

Состояние госпиталей в смысле их снабжения улучшается параллельно с сокращением числа коек. В настоящее время вещевое снабжение их достигает 100%; снабжение медикаментами—80%; хирургическими инструментами—50%. Хуже обстоит дело с ремонтом госпиталей, который идет весьма вяло. В общем, процент готовности госпитальных помещений к зиме—около 40%; топливом госпиталя снабжены в размере текущей потребности на 70—80%.

В ветеринарном отношении отчетный период следует признать неблагополучным. Чесотка, как во все годы, к весне обострилась, достигнув 4,5%, с постепенным падением к осени. Однако, усилиями ветперсонала, и с улучшением фуражного довольствия удалось чесотку преодолеть, доведя количество больных в некоторых воинских частях до единичных случаев.

Реорганизация и сокращение армии, сделавшие возможным расположение войсковых частей на постоянную стоянку, выдвинули вопрос об обеспечении их казарменными помещениями, пришедшими за время гражданской войны в полный упадок и требовавшими повсеместно большого ремонта. К моменту начала работ, т. е. к июню, почти все казармы нуждались в почти сплошном капитальном ремонте.

На помощь военному ведомству явились местные средства, в виде отчислений Губисполкомов, шефов, ВУЦИК и т. д., ассигновавшими на ремонт казарм, в общем, около ста тридцати миллионов рублей знаками 1922 года.

В настоящее время ремонт в среднем выполнен до 70%. В оставшийся период строительного сезона, т. е. до 15 ноября, предполагается, если не будет резкого поднятия цен на рабочие руки, ремонт казарм довести до 100% в казармах мирного времени. Широкое содействие местных советских органов и шефствующих учреждений желательно и в деле снабжения казарм предметами внутреннего оборудования, т. к. на это по смете военного ведомства не предусмотрено никакого отпуска, отремонтированные же казармы для придачи им жилого вида, нуждаются в дополнительном оборудовании койками, мебелью и проч.

В отношении обеспечения войсковых частей топливом, на 15-е сентября по всей территории Украины заготовлено всех видов топлива в дровяном эквиваленте 5.132.971 пудов, что составляет около 51% потребности.

Вот, в общих чертах, нынешнее состояние Красной Армии. Подводя итог сказанному, мы должны признать снабжение войсковых частей

и условия их быта—значительно улучшившимся, но все же доведение обеспеченности их всем необходимым до полной нормы—остается попрежнему нашей ударной задачей.

Одной из мер, имеющих громадное значение для улучшения быта военнослужащих, является предстоящее введение нового строевого тарифа, только что утвержденного РВСР. Увеличение ставок для находящихся в строю красноармейцев, командного и политического состава достигнет при новом тарифе 4—5 раз против прежнего скудного их содержания и улучшит, таким образом, материальное положение большей части военнослужащих. Затем следует подчеркнуть, что улучшение материального положения войсковых частей во многих отношениях может быть достигнуто также и в порядке шефства.

Введение института красного шефства находилось в связи с переходом армии на мирное положение. Шефством формально закреплялась хозяйственная и деловая связь между воинскими частями с одной стороны и советскими органами, промышленными предприятиями и профсоюзами—с другой. Уже к началу мая большинство войсковых частей и учреждений имели своих шефов. При этом, донесения с мест повсюду отмечали искреннее желание рабочих действительно помочь красноармейцам и улучшить их быт за счет своего, подчас очень скудного, пайка.

По имеющимся сейчас неполным сведениям, за последние два—три месяца, войсковыми частями на Украине и в Крыму получено от своих шефов: деньгами—25 миллиардов рублей; продуктами—20 тысяч пудов муки; крупы—600 пудов; мяса—200 пудов; сладостей—150 пудов; мыла—600 пудов; котелков—2000 шт.; ниток—2000 катушек; шинелей—5500; гимнастерек—600; шаровар—400; шлемов—250; простыней—600; наволочек—750; нат. рубах и кальсон—2500; сапог—2000; ткани на гимнастерки—40.000 арш.; бумазеи—2500 арш.; сукна защитного—500 арш.; всякой мануфактуры—6000 арш. и т. д.

В некоторых случаях материальная помощь шефов из меры вспомогательной принимает столь широкие размеры, что отпускаемое ими для частей довольствие превосходит даже основной красноармейский паек. Очень полезным оказывается и жертвование шефами продуктов, не входящих в норму обычного питания, что очень радует красноармейцев, или выдача таких предметов, которых нет у снабжающих органов, но в которых ощущается большая необходимость (электрические лампочки, посуда, канцелярские принадлежности, стекла, материалы для ремонта, химические продукты и проч.).

Из числа шефов, заслуживших особенную признательность частей Красной Армии, необходимо отметить—ВУЦИК, шефа 1-го конвойного корпуса Червонного казачества, СОВНАРКОМ УССР—шефа высшего Военно-Политического Техникума; Иркутский Губисполком—шефа 30-й стрелковой имени ВУЦИК'а дивизии; «Югосталь»—шефа 7-й Владимирской стрелковой дивизии и завод Электросила № 1-й, бывш. Всеобщ. Электрокампания—шефа 4 Танкбронеотряда.

Со времени последнего VI-го С'езда Советов большая работа проделана и в Черноморском флоте. Численный состав флота сведен до необходимого минимума, причем обращено особое внимание на улучшение качеств личного состава и техническую подготовку молодых моряков, а равно и на политическое воспитание. Военные суда планомерно и систематически проходят обучение как стрельбам, так и эволюциям, в одиночку и целыми соединениями; боевая подготовка флота быстрыми шагами идет по пути к улучшению. Снабжение флота топливом также значительно улучшилось, хотя иногда еще и происходят перебои. Значительно улучшилось снабжение обмундированием и продовольствием. Снабжение же техническим имуществом страдает, благодаря общему положению государственной промышленности.

В течение минувшего лета флотом закончены тральные работы по очистке фарватеров от мин во всей Западной части Черного моря и производятся также работы у Кавказского побережья.

Черноморский флот увеличился несколькими боевыми единицами современного типа.

На предыдущих страницах очерчена жизнь и деятельность Красной Армии на Украине за 5 лет ее существования, и в частности, за последний период мирного положения, протекший с момента предыдущего 6-го С'езда Советов. Красная Армия, несмотря на все материальные затруднения, лишения и недочеты, являлась всегда оплотом и надежной защитой трудящихся, и перейдя сейчас на мирное положение, сокращенная и реорганизованная, с новой энергией приступила к обучению и боевой подготовке. Об'единяя в своих рядах наиболее стойких, молодых и сознательных рабочих и крестьян, армия заслуживает к себе исключительного внимания и заботы, без чего невозможно действительное обеспечение ее мощи, являющейся залогом нашей силы и твердости нашего международного положения.

Поэтому, от имени всех красных бойцов и от лица Командования вооруженными силами на Украине и в Крыму, выражается твердая уверенность, что 7-й Всеукраинский С'езд Советов Рабочих, Красноармейских и Крестьянских Депутатов, своим содействием и вниманием, поможет нам улучшить положение и быт войсковых частей, призовет все органы и учреждения Республики к дружной работе по укреплению военной мощи Красной Армии и вместе со всеми трудящимися массами пожелает ей дальнейшей успешной и плодотворной работы.

Просвещение на Украине за годы революции

Культурно-просветительный процесс в бывшей Российской Империи, ныне Федерации Советских Республик, за годы Великой Пролетарской Революции, годы крушения буржуазной власти и гражданской войны представляет не меньший интерес, чем процесс социально-экономический. Правда, труднее проследить и подитожить процесс крушения культурных «надстроек», процесс переоценки идеологических ценностей, их неизменную трансформацию, «смену—вех» интеллигенции и т. п. Однако, за пять лет революции некоторые итоги возможны, общие выводы очевидны.

Прежде всего, можно смело констатировать, что все прежние «культурные надстройки», будучи в самой тесной связи с материальным базисом и общественными отношениями, радикально поколеблены, сдвинуты с прежних позиций и переживают коренные изменения соответственно экономике переходного времени и его социальным отношениям.

Нужно также признать, что, естественное в эпоху ломки, замедление роста производительных сил, материальное оскудение и всеобщее обнищание повлекли за собой неизбежное качественное понижение культурной деятельности. Падение добычи угля и чугуна неизбежно повлекло за собой и падение просветительного процесса.

Надо подчеркнуть, что культурно-просветительное строительство на Украине претерпевало все многообразие этапов и периодов революционной борьбы.

Наконец, необходимо отметить, что в стихии революционного разрушения и социального переустройства уже крепко внедрены начала новых культурно-просветительных организационных форм, заложены новые пути, намечены смелые перспективы, вызвана к жизни кипучая работа культурного творчества, соответствующего новому рабоче-крестьянскому бытию.

Достижения сегодняшнего дня и перспективы будущего в области культурно-просветительного строительства раскрывают такие возможности, о которых мечта в прежнее время была большой дерзостью.

Уничтожение отжившего и создание нового переплетается в горниле революционной практики и выкристализовывается в культуру будущего. Феодально-капиталистическая культура сменяется культурой трудящихся масс. Захват политической власти пролетариатом и разрушение помещичьей и капиталистической основы вводит в культурное творчество новые общественные группы и силы.

Как активный творец этих ценностей на историческую арену выступает рабочий класс, об'единенный в профессиональные союзы и овладевший

ныне всей государственной властью. В нашем революционном культурном строительстве мы наблюдаем самую активную роль пролетариата в лице профсоюзов.

Рядом с производственным пролетариатом, могучим проводником культурно-просветительного дела становится Красная Армия с ее политпросветами и коммунистическими ячейками. С оружием в руках, рабоче-крестьянская Красная Армия гонит и бьет своих врагов, распространяя и пропагандируя в то же самое время благую весть коммунистического освобождения. Нет ни одного уголка на громадной территории бывшей Империи, где бы Красная Армия не прошлась с новыми идеями власти Советов и Коммунизма. Необычайно ярко осуществилось это на территории Украины, где не раз приходилось наступать и отступать всюду скрещивая новые идеи с отжившими, традиционными, везде отвечая на нападение самых разнообразных противников. Кулацкая и бедняцкая деревня великолепно изучила обе сторочы медали. В результате, огромное большинство села пошло за Красной Армией и Советской властью.

В процессе пролетарской революции неизбежно шло освобождение женщины. Женщина-работница стала в единый фронт с пролетариатом, принимая все более и более активное участие в борьбе и в государственном строительстве. Мы видим, как в течение пяти лет женщины-работницы овладевают целой областью в культурно-просветительном строительстве—социальным воспитанием и организацией детства. Стихийно нарождается новое поколение воспитательниц в детских учреждениях. Одновременно на сцену культурного строительства выступает молодежь в лице Союза коммунистической молодежи. Ее первое внимание обращено на подростков, работающих в производстве, на организацию их в школы рабочей молодежи. Работа Союзов Коммунистической молодежи является одной из самых ярких красочных страниц нашего революционного культурного творчества, чреватого величайшими достижениями.

Наконец, в авангарде всей борьбы, всего революционного движения, как огненная лава, вдохновляющая и об'единяющая разрушительное и созидательное творчество сил революции,—сплоченная и крепкая, как сталь,—Коммунистическая Партия—душа пролетарского воспитания и просвещения.

Вот те общественные группы и силы, которые определяли и направляли ход культурной деятельности во всей федерации и на Украине. Они разрушали старое, закладывали новые организационные формы, они же вели всю гигантскую борьбу со всеми препятствиями и с идеологией буржуазии. Эта борьба не только не закончена, она возрождается с новой силой и становится все более и более актуальной. Если первые годы гражданской войны буржуазная идеология удалялась, как тень, перед восходящим солнцем, то, с возрождением НЭП'а, она вновь оживляется и оформляется Но на пятом году Революции рабочий класс владеет командующими высотами и позициями на культурно-просветительном фронте, линия наступления ясно обозначилась, а это является лучшей гарантией успешной борьбы.

Кто же вел за пять лет революции борьбу на культурном фронте с рабочим классом и его идеологией? Прежде всего мещанство и интеллигенция, которая дальше февральской революции не шла, ставши по ту сторону баррикады. С первых же дней Октябрьского переворота она повела тактику самого активного саботажа и сопротивления. Начиная от академиков-профессоров, адвокатов, врачей, инженеров, педагогов и кончая самыми захудалыми сельскими учителями,—вся эта масса встала против советского строительства. Черносотенное духовенство, дворянство и либеральная интеллигенция об'единились в единый фронт. Но ход борьбы предопределил судьбу каждой интеллигентской группы. Часть была разгромлена, часть эмигрировала, часть пошла на капитуляцию, а широкая масса интеллигенции, оставшаяся на своих местах, постепенно втягивалась в советскую работу. Весьма упорно держалась профессура и учительство, принимавшее участие во всех антисоветских движениях и операциях; но и оно на пятом году революции стало освобождаться от кулацко-бандитского гипноза. Новые культурно-просветительные формы и пути, широкий размах строительства неизбежно переводил учительство на деловую работу. В настоящее время на с'ездах и конференциях по просвещению не только в центре, но и на местах—в уездах, мы обнаруживаем значительное понимание и интерес учительских масс к задачам советского строительства. Упорную линию пока выдерживает наравне с русской черносотенной эмиграцией часть украинской интеллигенции, ориентирующейся и по-ныне на Украинскую Народную Республику с Петлюрой, автокефалистами и прочими авантюристами во главе. Не только эмигранты, но часть местного учительства, студенчества, работников кооперации и т. д. заражены шовинизмом этой марки и ведут свою нелегальную пропаганду. Советское государство по-прежнему противопоставляет им производственный пролетариат и незаможное селянство, далее—ту часть учительства и интеллигенции, которая сменила свои вехи; наконец, те тысячи пролетариев, которые ежегодно вливаются в состав учащихся высшей школы в рабочие факультеты, техникумы и школы рабочей молодежи и тысячи учащихся наших совпартшкол. Упорно отвоевывается каждый шаг на путях просвещения и закрепляется новыми организационными формами, методами и содержанием работы, которым суждено похоронить отжившую идеологию.

На Украине в настоящее время точно обозначился фронт носителей старой идеологии. Это значительная часть традиционного учительства, украинской (петлюровской) интеллигенции, отживающее российское черносотенство и духовенство, творящее ныне комедию обновления. Все эти группировки поддерживаются определенными хозяйственными группами: кулацкой деревней, спекулятивными городскими элементами, кооперацией и т. д. Борьба с идеологией этой буржуазии и ее присных стоит ныне в порядке дня. Эта борьба будет вестись организованно не только голой агитацией и пропагандой, а и самой деловой работой по всему фронту просвещения. Овладение школой на всех ее ступенях, организованное влияние пролетарского элемента является очередной задачей. Движение проле-

тарских трудящихся масс в школы и культурно-просветительные организации растет и крепнет; рост пролетарских культурных сил уже обозначился. Задача советского государства последовательно проводить и направлять это движение.

II

ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1919 г.)

Кризис в деле народного просвещения обозначился с первых же дней империалистической войны. Внимание правительственных кругов было обращено на войну, рессурсы страны стали направляться на военные фронты. Общественная мысль была захвачена буржуазным военным гипнозом. Еще в 1907 году Государственной Думой был принят закон о всеобщем обучении детей от 8 до 11 лет. Но, к началу мировой войны, по истечении 6 лет, намеченный план далек был от своего осуществления.

К 1-му января 1914 года в 3-х учебных округах нынешней Украины (включая и Бессарабию) числилось:

Наименование учебных заведений	Число учеб. заведений.	Преподаватели и служ. персонал.	Учащихся.
Высших учебных заведений	18	—	—
В том числе университетов	3	778	10.193
Учительских институтов	8	108	526
Учительских семинарий	35	415	3.236
Мужских гимназий и прогимназий	156	3.766	48.920
Женских гимназий и прогимназий	308	9.002	106.049
Реальных училищ	66	1.528	20.612
Технических училищ	15	341	2 663
Ремесленных училищ	86	732	5.372
Городских и уездных училищ	444	3.676	48.593
Начальных училищ разного типа:			
Городских	1.556	55.465	1.679.234
Сельских	18.176		
Еврейских (Хедера, Талмудторы и др.)	3.510	4.750	91.690
Частных учебных заведений:			
1-го разряда (средних учебных заведений)	100	3.057	40.528
2-го разряда	75		
3-го разряда	335		

С начала войны пошло неизменное сокращение и без того сравнительно незначительных расходов на просвещение. Здания учебных заведений реквизировались под лазареты и военные учреждения. Педагоги, студенты, учащиеся мобилизовывались в армию. Рост учебно-воспитательных заведений

приостановился, началось их сокращение и свертывание. Война выкачивала материальные и живые рессурсы, пошло оскудение и обнищание страны. Общий хозяйственный упадок давал себя чувствовать в культурно-просветительной жизни самым серьезным образом. Так страна докатилась до Февральской Революции 1917-го года. Казалось, что Революция спасет страну от дальнейшей бойни, развяжет ей руки. Однако, этого не случилось. Продолжалась политика «войны до победного конца». Было очевидно, что при таких условиях ни о каком культурно-просветительном сдвиге мечтать не приходится. Новый министр народного просвещения профессор Мануйлов, кадет, оказался менее радикальным в деле реформ, чем его царский предшественник граф Игнатьев. Оно и понятно: политика и тактика к. д. во Временном Правительстве сводилась к душению революции. Реформа школы была опасна для буржуазной профессуры. Если и ставились вопросы о школьной реформе, то лишь для того, чтобы отодвинуть ее ad calendas graecas. Продолжалось начавшееся в 1914 году прозябание.

Октябрьская революция внесла крупный переворот не только в социально-хозяйственной, но и в культурно-просветительной жизни страны. Произошло не только крушение помещичьего благополучия в деревне и промышленной буржуазии в городе, произошел также величайший крах традиционной интеллигенции, как в области ее материального базиса, так и идеологического бытия и настроений. С октябрьской революцией ушла из под ее ног материальная почва, у власти политически и экономически стал рабочий класс и крестьянство. Пресловутый покой интеллигенции был нарушен. Революция ликвидировала мещанское болото.

Кому и как служить? Либо с революцией, либо против нее, стать по одну какую-нибудь сторону баррикады. И она стала определенно против Октябрьской Революции, она поплелась за старым хозяином. Мало того, она вошла в гражданскую войну, участвуя во всех этапах ее, в составе всех группировок: Украинской Центральной Рады, гетмана, немцев, Петлюры, антанты, Деникина, Врангеля, поляков, до бандитов включительно. Она участвовала в лице квалифицированной ее части: профессуры, врачей, инженеров, адвокатов, педагогов и т. д. в руководстве этой борьбой, а в ее низах, в лице рядового мещанина, офицера, сельского учителя и священника в самой гуще гражданской войны. В процессе этой борьбы она докатилась до самого черносотенного мракобесия, самого махрового шовинизма вплоть до открытых погромов на всем пространстве Украины. В периоды своих временных побед она подвергала экспериментам те массы подрастающего поколения, массы городского мещанства и кулацкой деревни, которых она, как их идеологическая верхушка, призвана была воспитывать и просвещать.

Революция смыла построения старой интеллигенции, перекатываясь, через культурно-просветительные организации и учреждения. Начинания одного периода ликвидировались набегавшими новыми волнами; лозунги, планы и программы, выставленные сегодня, оказывались не у места уже завтра. Самая активная политика врывалась во все уголки просвещения от Академии Наук до сельской школы включительно. Школа была плац

дармом в социальной и национальной борьбе. Торжество украинских вывесок или восстановление буквы «ѣ» обозначало собой либо торжество желто-блакитного патриотизма, либо победу «самодержавия и православия». Здесь сплетались наука, литература, искусство и религия, разбиваясь на два лагеря по национальному признаку, и в то же время единым фронтом ведя борьбу с пролетарской революцией.

Рабочий класс и незаможное селянство, будучи втянуты в упорную борьбу, не могли поставить актуально дело культурного строительства; на это не хватало ни средств, ни людей. Все силы были мобилизованы на боевой фронт. Не было также достаточной органической связи с Советской Россией. В то же самое время отдельные губернии и районы, то и дело, отрывались от своего украинского центра и жили самостоятельной жизнью.

1917—1919 годы в культурно-просветительной работе Украины не являются беспрерывным процессом. Здесь было столько же перерывов и новых направлений, сколько раз сменялись власти.

Первый период Временного Правительства не дал Украине ничего нового в культурно-просветительном деле. Шла борьба Центральной Рады на первых порах за свое существование, затем за автономию и, наконец, за «самостийность». Временное правительство разрешило открыть пока две украинские гимназии и ассигновало 25.000 рублей.

Но в этот период нарождалась целая вереница культурно-просветительных организаций на местах под руководством городских дум и земств учительских организаций, просвит и кооперативов. Организации эти носили национально-шовинистический характер.

Четыре группы: первая—во главе с Всеукраинской Учительской Спилкой, Селянской Спилкой и Т-вом Школьной Освиты—украинская шовинистическая: вторая группа—во главе с Науменко и Василенко—украинская умеренная; третья группа—во главе с российским учительством, признающим украинскую школу, и четвертая группа—российская черносотенная—повели между собою борьбу.

Период Центральной Рады под руководством Генерального Секретариата Просвещения, при содействии упомянутых выше организаций, развернул шовинистические настроения во всем культурно-просветительном деле. Из положительных мероприятий этого периода нужно отметить проект реформы об единой общеобразовательной семилетней школе, принятый на Всеукраинском Учительском С'езде в 1917 году, в августе. Однако, этот проект остался на бумаге.

Первый период Советской власти.—(Январь—Февраль 1918 г.) был настолько короток и настолько являлся периодом напряженной военной борьбы, что о культурно-просветительном строительстве и речи быть не могло. Правда, по аналогии с Советской Россией в губернских и некоторых уездных городах организовались Отделы Народного Образования, но их структура, задачи и область деятельности была самая разнообразная и неопределенная. Новых учебно-воспитательных учреждений за краткий

период существования первой Советской власти не возникло. Единственными, но могучими культурно-просветительными факторами везде и всюду были: трибуна, советы, митинги, собрания.

Период Рады и Гетманщины. (Март—Декабрь 1916 года) характеризуется в начале шовинистическим уклоном Центральной Рады затем приобретает все более и более реакционный характер и в конце гетманщины переходит на путь «Единой Неделимой». Гетманщина приостановила всякий рост культурно-просветительных учреждений и занялась реставрацией дореволюционных порядков в области просвещния. Нечего было и думать о какой либо реформе. С одной стороны, украинский шовинизм, с другой российская реакция—продолжали начатую во времена центральной рады борьбу.

Период Директории. (Декабрь—Январь 1919 года),—является самым острым периодом украинского шовинизма, борьбы с Советской властью, затем периодом Петлюровщины, погромов и бандитизма. В этой борьбе против рабоче-крестьянской власти об'единились: украинская шовинистическая интеллигенция, учительство и кулачество.

Период Второй Советской Власти.—(Февраль—Август 1919 г.). Является первым периодом Советского культурного строительства на Украине. Дело просвещения ставится Народным Комиссариатом Просвещения в государственном масштабе впервые. Целая серия проектов и планов из практики РСФСР была поставлена в порядке дня. В основу просветительной политики и системы был положен Российский проект об единой трудовой школе первой и второй ступени с девятилетним курсом. Однако, практическое осуществление его затянулось и сводилось к ознакомлению работников просвещения с вопросами о советской трудовой школе. Наркомпрос УССР 1919 года в периоде гражданской войны не был еще организационно связан с местными губотделами. Единого центрального руководства, финансирования и снабжения не могло быть. Об'единение всего школьного дела Наркомпросом, введение светской школы, воспрещение преподования религии и практическое осуществление трудовой школы на местах при слабости центрального аппарата Наркомпроса и отсутствии связи с местами, а также вследствие каникулярного времени (весна и лето), оставались не реализованными.

Сколько ни толковали о трудовой школе, на местах занимались преимущественно организацией дошкольных детских учреждений, отводились под детские сады и площадки особняки, дачи, дома. Перед Советской властью прежде всего стал детский вопрос, но ни «Декларация», ни «Положение о единой трудовой школе РСФСР» не давали на него ответа. Не о школе нужно было думать, а об организации детей, о спасении тех, которых революция и гражданская война выбила из колеи, чья жизнь обострилась до крайности. Стихийно росли дошкольные детские учреждения, проводились курсы для дошкольниц.

Что касается средних учебных заведений и высшей школы, то они оставались пока без изменения. Практика РСФСР не находила еще своей реализации в этой области.

Значительная работа была проделана в области политического просвещения масс. Агитация и пропаганда проводились с большим напряжением под непосредственным руководством Коммунистической Партии и политпросветов Красной Армии. За короткий период сильно увеличилось распространение газет и политической литературы. Стихийно открывались рабочие и красноармейские клубы в городах и селянские будынки и хаты-читальни на селе.

Период Деникинщины начался жестокими репрессиями и преследованиями всех «виновников революции». Культурно-просветительные учреждения: клубы, читальни, детские сады, очаги и площадки, открытые за лето, беспощадно закрывались, дети выбрасывались на улицу. Все, что было планировано или намечено Советской властью беспощадно изгонялось. Всякая прогрессивная мысль должна была замолкнуть; школьные новаторы должны были оставлять свои места; на их места водворялись самые реакционные элементы. Реакция пошла в гору; даже левые либералы умилялись полевым судам Деникина и восхваляли порядки Добрармии, наступающей на Москву. Что касается материального положения школы, то оно стало катастрофическим. Дело ухудшилось, когда началось отступление Деникина, разложение и разгром белогвардейцев. По всей Украине разлилось невиданное и неслыханное разложение и маразм. Наряду с этим развернулась петлюровщина с неслыханными зверствами, массовыми еврейскими погромами, оставлявшими десятки тысяч детей сиротами. Культурная жизнь страны померкла. Интеллигенция пребывавшая доселе в лагере Деникина, воочию увидела и почувствовала собственное вырождение и разложение. Последняя генеральная попытка реставрации власти генералов и помещиков на Украине в начале 1920 года была ликвидирована.

Сравнивая период тяжелой гражданской войны (1917—1919 годы) на Украине с дореволюционным периодом и сопоставляя цифровые данные о культурно-просветительных учреждениях и организациях, мы должны констатировать процесс обновления и роста некоторых отраслей просвещения. Это не касается массовой начальной школы, где эти годы обозначился застой.

К 1 января 1919 г., по данным департамента Начальной Школы, состояние Народного образования Украины представляется в следующих цифрах:

Губернии:	Количество детей школьн. возраста	% детей в школе	% детей вне школы
Подольская губ.	394.701	51%	49%
Волынская „	378.711	45%	55%
Киевская „	461.564	59%	41%
Черниговская „	363.021	70%	30%
Полтавская „	372.095	84%	16%
Харьковская „	425.211	81%	19%
Екатериносл. „	363.559	97%	3%
Херсонская „	351.826	65%	35%

В общем, по этим данным на Украине (исключая Бессарабию и Донбасс) числилось около 44.575 комплектов одноклассных и 2.136 двухклассных; детей в школе—в среднем 67.7%; вне школы—32.3%.

В 1918 г. ассигновано было от казны 77.490.000 рублей, а в 1919 г. 245.065.355 рублей. Суммы эти, однако, реализованы не были. Высших начальных школ к 1-му ноября 1918 года на Украине (исключая Бессарабию) было 1.069, из них открытых до 1917 г.—312, в 1917-м г.—249, в 1918 году—389, к 1-му июля 1919 года—1210, из них казенных 1.108, местных—102.

Средние учебные заведения. В 1917—18 учебном году было открыто 30 новых украинских средних школ. Во всех учебных заведениях намечено введение украинознавства, намечены перевыборы директоров и автономных педагогических советов.

К 1-му января 1919 года средних школ на Украине числилось:

Название учебных заведений	Правительственных	Обществ.	Частных	Всего
Мужских гимназий	143	243	88	474
Женских „	18	166	178	362
Реальных училищ	41	20	9	70
Женских институтов	4	—	—	4
Коммерческих учил.	—	72	19	91
Торговых школ.	—	14	4	18
Духовных семин	9	—	—	9
Женских епарх. уч.	15	—	—	15
Духовн. епарх. учил.	30	—	—	30
Итого	260	515	298	1.073

Высшие школы. По отношению к высшей школе Всеукраинским учительским с'ездом 1917 года были поставлены две задачи: ее украинизация и открытие новых украинских высших учебных заведений. Первая задача натолкнулась на серьезное сопротивление неукраинской профессуры. Из открытых новых высших школ нужно отметить: 1) украинский народный университет в Киеве, открытый 5-го октября 1917 года; 2) педагогические курсы в Киеве, открытые 7-го октября 1917 года; 3) университет (с классическим и богословским факультетами) в Каменец-Подольске, открытый 22-го октября 1918 года; 4) историко-филологический факультет в Полтаве и 5) фребелевский институт в Киеве.

Все эти учебные заведения по своим программам и личному составу преподавателей были значительно ниже прежних высших учебных заведений и построены на словесности, классицизме, богословии и т. п., далеко не соответствуя современным требованиям. При директории в разгаре шовинизма постановлено все высшие школы с русским языком закрыть. Поражение Петлюры спасло их от ликвидации.

Что касается научных учреждений, то нужно отметить и «Українське Наукове Товариство» и открытую при Гетманщине Украинскую Академию Наук. Подготовка учительства. До революции на Украине суще-

ствовало 8 учительских институтов, 33 учительских семинарии, 5 церковно-педагогических школ, 34 педагогических курсов, 2 окружных педагогических курсов. В 1918 году открыты: 1 учительский институт, 11 учительских семинарий и краткосрочные курсы. Подготовка педагогов имела самый жалкий схоластический характер; за два года революции здесь ровно ничего не изменилось; не было ни системы, ни перспективы. Советская власть в 1919 году также не успела поставить еще педагогическое образование на новых началах.

Что касается старого учительства вообще, то оно не составляло до Революции единой, об'единенной своими профессиональными интересами, массы. Сельское учительство представляло обособленную группу с шовинистическими настроениями. Учительская среда городских учебных заведений по преимуществу была обособлена от села с руссификаторскими настроениями, а профессура ВУЗ не имела ничего общего в своих стремлениях ни с первой ни со второй группой. Уже в 1917 году пошла организация учительства в спилки под знаменем Украинской Центральной Рады с открытыми лозунгами шовинизма Так возникла Всеукраинская Учительская Спилка, поведшая борьбу со Всероссийским Учительским Союзом. Тот и другой союзы были враждебно настроены против советской власти и вели борьбу до их ликвидации в 1920 году.

Профобразование. Еще печальнее обстояло дело с профобразованием. Говорилось о значении его еще при Центральной Раде; в министерстве просвещения гетмана, существовал даже отдел профобразования, но в жизнь не проводилось ровно ничего. При советской власти в 1919 году профобразование также не пользовалось вниманием. Тогдашний Наркомпрос УССР держался практики РСФСР, где в то время над всем господствовала единая трудовая школа, а профобразование было на задворках.

Дошкольное воспитание детей. Дошкольное воспитание детей не пользовалось вниманием ни Центральной Рады, ни при Гетманщине. Организационно оно было даже пристегнуто к внешкольному образованию. Только при советской власти в 1919 году дошкольное воспитание было присоединено к системе единой трудовой школы. На местах росли стихийно дошкольные детские учреждения: сады, очаги, площадки, курсы. Это было исключительно творчество мест, но не Наркомпроса.

Внешкольное образование. Внешкольное образование не представляло единой государственной системы. Внешкольные учреждения и организации возникали на местах самостоятельно, не будучи об'единены. Самую крупную роль играли в первый период Революции просвиты и спилки на селе. При гетманщине рост их приостановился. При Советской власти 1919 г. внешкольные учреждения постепенно втягиваются в сферу политической пропаганды и воспитания широких масс. Актуальную работу политпросвещения проделала Коммунистическая партия и политпросветы Красной Армии. Но об об'единении политпросветработы с внешкольными учреждениями, о создании единой системы политпросвещения взрослого населения страны еще не было и речи. Это произошло гораздо позже, в 1921 году.

Издательство. С самого начала Революции оживилась также и издательская деятельность. Со времени Октябрьской Революции в первую очередь пошел целый дождь воззваний, листовок, летучек и т. п., а за ними туча брошюр, агитационной литературы, плакатов и т. д. По данным Книжной Палаты за 1917 год выпущено около 1.000 названий и более 200 периодических изданий. Сведения за 1918 год не полны. Они дают 677 названий в 4.660.000 экземпляров и около 4.000 периодических изданий. В 1919 году все издательское дело Украины было об'единено во Всеукраинском издательстве (Всеиздат). Недостаток бумаги, красок, необыкновенная дороговизна не давали возможности развернуть издательское дело. Оно ограничилось лишь газетной, листовочной и брошюрной мелкой литературой. Но массы стали требовать уже книгу и учебников. Между тем, эта задача была невыполнима. Положение стало катастрофическим. Целых два года шло прозябание. Только в 1922 году начинается возрождение издательского дела на Украине. Книжный рынок оживляется и заполняется толстыми журналами, книгами и учебниками.

1920-ый ГОД

В 1920 году генеральская и помещичья реакция была окончательно сломлена и Советская власть восстановлена на Украине в третий раз. Невероятное разорение и разгром оставили в наследство Советской власти деникинщина и петлюровщина. Всюду была смерть и развалины. В одном Донбассе осталось без приюта более 60.000 сирот, а на Правобережьи столько же бесприютных детей оставила погромная авантюра Петлюры и нашествие поляков. Поголовная резня в городах Правобережья превосходила своими жестокостями средние века. Если сюда присоединить еще рейды махновцев и бандитов атаманщины, то нужно говорить уже не о культуре, не об одичании, а об озверении. Только упорная борьба Красной армии и железная дисциплина Коммунистической партии в состоянии были положить предел разбушевавшемуся варварству.

Первым делом советской власти было—охватить, подсчитать все людское горе, голод, холод и нищету, свирепствовавший тиф и мор. И первым делом Народного Комиссариата Просвещения Украины была не школа (не о школе можно было думать!), а спасение детского населения, повергнутого в бездну страдания. Не трудовая школа, а социальное воспитание детей, их обеспечение государством стало основным лозунгом и ближайшей политикой Наркомпроса У. С. С. Р. Сама жизнь, двухлетняя гражданская борьба на Украине, поставила Наркомпрос перед детским вопросом не с точки зрения школьного подхода, а с точки зрения охраны, защиты и организации детства. «Декларация социального воспитания детей» шла дальше «Декларации об единенной трудовой школе РСФСР». Она могла родиться в украинской обстановке, где из $7^1/_2$ милл. детей, $^1/_8$ часть беспомощно стояла с протянутой рукой перед Советской Властью.

На разрешение детского вопроса спешил не только Наркомпрос, по этой дороге бросились и рабочие организации—профсоюзы, фабзавкомы, женотделы и союзы молодежи. Началось стихийное местное творчество в области социального воспитания детей, возникли сотни детских садов, площадок, очагов и детских домов. 1920-ый год должен быть назван годом местного творчества преимущественно в области социального воспитания детей. В то время, как школа стояла на прежней точке прозябания, число детских садов за год от 150 с 5.500 детей поднялось до 630 с 11.000 детей; число детских домов поднялось до 300 домов с 20.000 детьми; число учреждений охраны детства—до 7 с 350.

В связи с ростом детских учреждений сотни женщин—работниц втягиваются в дело социального воспитания. В число работников просвещения через учреждения Соцвоса вливается свежая революционная струя. Эти новые люди стихийно пропускаются через курсы дошкольного воспитания. Таких курсов на Украине без единого общего плана за год возникает более ста. Всюду и везде женщина—работница является будирующим элементом, поборницей социального воспитания детей. В некоторых местах, например в Одессе, возникают целые детские городки. Таким образом 1920-ый год становится на Украине годом стихийного движения от идеи единой трудовой школы к системе соцвоса. Идея единой трудовой школы не успела на Украине реализоваться.

В марте 1920 года состоялось 1-ое Всеукраинское совещание по просвещению в Харькове. Наркомпросом т. Гринько была опубликована «Схема Народного Просвещения УССР». По этой схеме все просвещение складывается из двух отраслей: социального воспитания детей до 15 летнего возраста и профтехнического образования, спроектированного на отраслях народного хозяйства. Схема эта, вызванная к жизни, с одной стороны, украинской действительностью в отношении детского вопроса, а с другой стороны широким плановым переходом на хозяйственное строительство в РСФСР, отличалась от системы просвещения РСФСР и послужила началом большой дискуссии при реализации системы просвещения в федеративном масштабе.

Места скоро ознакомились с новой схемой и всюду ее воспринимали; реализация ее шла преимущественно по линии социального воспитания детей. Дальше, циркулярами Наркомпроса были ликвидированы старшие классы средних учебных заведений, историко-филологический и юридический факультеты; ликвидировалось преподавание закона божьего и религии. Впервые создалась некоторая связь центра с местами и положено начало к об'единению всех учебно-воспитательных учреждений в ведении Наркомпроса.

Первым генеральным смотром и учетом сил было 2-ое Всеукраинское совещание по просвещению в августе 1920 года. Здесь были представлены все губернские и большинство уездных отделов народного образования, профсоюзы, женотделы и губкомсомолы в составе 256 делегатов. Перед совещанием прошла картина местного творчества. Был произведен

количественный учет полученного наследства и учет работы. Выяснилось, что местная работа шла по линии ликвидации неприемлемых форм бывшей средней школы и создания сети учреждений социального воспитания. На совещании была окончательно принята новая схема народного просвещения УССР и отвергнута мысль о создании единой трудовой школы первой и второй ступени. В основу социального воспитания был положен Детский Дом. Организационным завоеванием является также учреждение Всеукраинского Центрального Совета Защиты детей при Совнаркоме и губернских советов при губисполкомах. Их создание означало, что вопрос об организации и обеспечении детства является актуальной задачей государства. Оборудование детских домов, детское питание и снабжение шло под их энергичным воздействием.

Хуже обстояло дело со школой, унаследованной от прежнего режима в процессе ожесточенной гражданской войны и беспрерывной смены властей. Эта школа находилась в состоянии оцепенения, подавленная новизной, размерами и неотложностью надвинувшихся на нее задач. Школа в лице ее работников, а также учащихся была не только глуха, но враждебна к революционной стихии. Она только приспособлялась ко всяким режимам, сохраняя в нетронутом виде свою внутреннюю организацию. За годы революции школа растеряла массу детей и живую силу уходивших в более активную обстановку. Количество школ начальных—около 1500 городских и 18.000 сельских с 1.800.000 детей номинально числилось, но фактически убавилось. Что касается средних учебных заведений—гимназий, прогимназий, реальных училищ, то их число было до революции около 650 со 180.000 учащихся. Старшие классы были закрыты, а младшие проявляли слабую деятельность. Перед этой массой учащихся подростков стала задача перехода на новые пути профессионального образования. Такая же задача стояла и перед преподавателями и перед высшей школой Это была весьма сложная и трудная задача. Ни в Наркомпросе, ни в Губ-ОНО, несмотря на новую схему просвещения, еще не было даже единых административных органов профобразования, а посему не могло быть и воздействия в сторону перевода школ на рельсы профобразования. Эта сложная и огромная работа была развернута лишь в следующем 1921 г.

Итак, революция в деле социального воспитания началась в 1920 году, а в деле образования молодежи и юношества в области средней и высшей школы—только в 1921 году. В начале 1921 года разрешилась на Всероссийском Партийном Совещании по Просвещению также дискуссия о системе просвещения в значительной степени в пользу УССР. Если в 1920 году были точно установлены организационные формы соцвоса, то типы школ по профобразованию далеко еще не были ясны; не разрешена была еще и реформа высшей школы. По социальному воспитанию было аннулировано все многообразие и пестрота школ: младшие классы гимназий и прогимназий, уездные и городские высшие начальные училища, двухкласные министерские, начальные городские и сельские школы, церковно-приходские и т. д. Вместо них планированы учреждения охраны детства, детские сады

и площадки, дневные детские дома, детские дома полные и 7-летние школы. По профобразованию требовалось еще об'единение учебных заведений различных ведомств: технических, сельско-хозяйственных, медицинских, педагогических, художественных. Только после суммарного об'единения можно было поставить во всю глубину вопрос о ликвидации словесной, обще-образовательной системы и реформе высшей школы. Эта работа была проведена в 1921 году.

На ряду с учебно-воспитательными учреждениями Октябрьская революция унаследовала целую вереницу разнообразных организаций и учреждений внешкольного характера: библиотеки, читальни, музеи, народные дома, клубы, театры, кино и т. д. Революция выдвинула параллельно еще новые организации и способы воздействия на массы: революционную прессу, листовки, рекламы, собрания, митинги, агитпункты, рабочие клубы, партийные кружки, хаты-читальни, студии и т. п. Эти организации и мероприятия возникали в самой разнообразной обстановке, среди рабочих, красноармейцев и на селе на основе прежних нелегальных приемов и способов партработы. Революция внесла значительные перестановки как в теорию, так и в практику внешкольного дела. С самого начала 1918 года центр тяжести политической агитации и пропаганды лежал несомненно в Красной Армии. Мы видим быстрый рост органов политпросвещения во всех частях Красной Армии, начиная от ротных ячеек, и кончая дивизиями и армиями. Эта работа организовала красноармейские массы, вдохновляя их на борьбу не только с внешними врагами, но и с внутренними кулацко-бандитскими элементами. Являясь могучей революционной организующей силой, политпросветы воспринимали много внешкольных учреждений (клубы, читальни, студии, театры, кино) и использовывали их в своих агитационно-пропагандистских целях.

На сколько роль политпросветов была активна, на столько внешкольные учреждения народного образования отставали от жизни. Их медленный методический темп работы не был согласован с политпросветительной работой.

Параллельно с политпросвет-работой в армии развертывалась политпросвет работа по линии профсоюзов и женотделов. За 1920-й год мы отмечаем стихийный рост рабочих клубов, читален и кружков.

Совершенно обособленно развивалось искусство, органически не связанное с указанными видами работы и далеко не выросшее из революционной обстановки, но обслуживающее и тех, и других. Оно труднее всего поддавалось революционному воздействию и мало изменило своим методам и приемам. В большинстве случаев, оно вырождалось в «халтуру». Студийно-кружковые искания и пролеткульты мало развились на Украине за первый период революции.

Все эти многообразные проявления революционной энергии, идущей по линии партии, Красной Армии, профсоюзов, женотделов и Наркомпроса, не представляли ни единства плана, ни цельности системы. В 1920 году, когда только наметилась схема народного просвещения на Украине, вопрос о слиянии внешкольной и политпросветительной работы остался еще

открытым. С завершением периода «военного коммунизма» и переходом на экономическое строительство назревал вопрос о слиянии всех видов внешкольной и политпросветительной работы, который и был разрешен окончательно партией. Формально Главполитпросвет был основан еще в декабре 1920 года, но об'единение относится только к Третьему всеукраинскому совещанию по просвещению в 1921 году.

В общем и целом за период гражданской войны на Украине главная ударная работа вне школы проведена партией и политпросветами Красной Армии. Стихийный рост рабочих клубов, хат-читален, селянских будынков, национализация театров и зрелищ, революционный плакат и лубок, являясь преимущественно местным творчеством, координировались Наркомпросом весьма медленным темпом.

В порядке дня был поставлен также вопрос о ликвидации неграмотности, осуществление каковой расчитано на последующие годы.

К 1920-му году относится также национализация книжной торговли и об'единение этого дела во Всеукраинском Государственном Издательстве. Кампания по национализации была проведена делеко не достаточно полно и закончена лишь в следующем году.

Книгоиздательство сводилось преимущественно к газете, листовкам, брошюрам и мелкой агитационной литературе. Крупной научной и учебной литературы за эти годы Украина не знает. По неполным данным Всеиздата за 1920 г. издано: 676 названий в 8.067.450 экземпл., из них русских 406 названий в 4. 596.950 экземпл., украинских 268 названий 3.366.500 экземпл.

В 1920 году было положено на Украине начало организации единого профсоюза работников просвещения и социалистической культуры, составляющего часть Всероссийского Союза. С организацией его, естественно, ликвидировались бывший Учительский Союз, Всеукраинская Учительская Спилка и прочие национальные об'единения. В дальнейшем, намечено об'единение также работников искусства. В союзе работников просвещения, долженствующего об'единить более, чем 120.000 работников, шла организационная работа по выявлению группировок и работников, стоящих на платформе Советской Власти.

IV

ПЛАНОМЕРНОЕ КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (1921—22 ГОДЫ)

Если первые два года гражданской войны, были годами беспрерывных перемен и хаоса в культурном строительстве, если 1920 год является годом собирания прежнего наследства и стихийного роста организации социального воспитания детей, при слабом развитии профобразования, и полной разобщенности и отсутствия единства в области внешкольной и политпросвет-работы, то 1921—22 годы являются периодом окончательного об'единения дела просвещения, выявления всей системы и планомерного культурного строительства. В эти годы произведена, крупная реформа высшей школы и осуществлен большой размах профессионального образования. Укрепилась не только связь центра с местами, но и организованное

воздействие центральных, губернских и уездных аппаратов. За истекший 1921 год проведено с'ездов и совещаний: Всеукраинских—4, с общим числом делегатов 1.150; губернских—96, с общим числом делегатов 8.745; уездных и волостных—1.018, с числом делегатов 86.513. Как на завершение об'единительного и организационного процесса нужно указать на III-е Всеукраинское совещание по просвещению в 1921 году, собравшее 831 делегат—представительство всех без исключения военных, гражданских, и союзных органов и организаций, ведущих сколько нибудь ответственную просветительную работу в Республике. Сложный путь организационного развития Наркомпроса и его местных органов закончился.

1922 год может быть назван уже периодом улубления работы внутри учебно-воспитательных учреждений. Совершается переход от административной организационной работы к работе учебно-методологической и научной, от административного управления к административному контролю и инспектированию.

Социальное воспитание. В области соцвоса окончательно разрешена проблема социального воспитания. В единой системе воспитания детей до 15-ти летнего возраста установлены следующие организационные формы: учреждения охраны детства, детские сады, площадки, дневные детские дома, детские дома, охватывающие жизнь ребенка полностью, и 7-ми летняя трудовая школа. Разработаны положения, планы и программы работы в этих учреждениях. Развернута сеть в государственном масштабе.

Дело социального воспитания пошло бы самым быстрым темпом, если бы не кошмарный неурожай и голод во всех южных и юго-восточных губерниях Украины. Голод дезорганизовал налаживающуюся воспитательную работу. На первый план выступило питание детей. Началась переброска детей из голодных местностей Донбасса и Поволжья. Число детей переброшенных из Поволжья на Украину достигло до 50.000. Работа органов соцвоса превратилась, главным образом, в борьбу с голодом. Совершенно ясно, что мало приходилось думать о нормальных занятиях, о качестве работы,—дело шло о количестве.

Если проследить динамику учреждений и учащихся начальной школы и социального воспитания, то получится, приблизительно, следующая картина

Название учрежд.	1914 год	1919 год	1920 год	1921 год	1922 год
Нач. школы . . .	24,096 шк.	19,800 шк.	20,000 шк.	21,962 шк.	19,803 шк.
Дет. сады:	1,840,000 уч. —	1,860,000 уч. 65	1,900,000 уч. 130 „	2,123,689 уч. 830 „	1,804,208 уч. 638
Дн. дет. дома. . .	—	5,500 „ —	11,000 „ —	45,859 102	33,088 383
Детск. дома . . .	—	200	300	4,900 806	18,133 1,750
Учр. Охр. дет. . .	—	10,000 —	20,000 „ 7	48,614 54	104,740 122 уч.
			350	2,025	7,000 дет

Примечание: В числе начальных школ соцвоса за 1920—22 г.г. значатся и младшие классы всех средних учебных заведений.

Цифры показывают, несомненно, количественное сокращение числа начальных школ. Это сокращение становится еще больше, если принять во внимание, что в последнее число (19.803) входят также младшие классы бывших средних учебных заведений. Если учесть еще фактическое состояние 6 голодающих губерний, то число школ и учащихся придется сократить еще минимум на 15%. В тоже самое время, нельзя не отметить создание внушительного числа действительно новых учреждений социального воспитания, советских, совершенно чуждых прежнему буржуазному обществу. Сюда относится детские сады, площадки, детские дома, и учреждения охраны детства, число которых растет весьма быстрым темпом. Детская беспризорность далеко не исчерпывается существующей сетью учреждений, но в огромной степени растет в связи с продолжающимся недородом в части неурожайных губерний Украины, как в прошлом, так и в текущем году. Наркомпрос Украины не отказывается от своих обязательств перед слабыми, беспризорными звеньями детского населения. Перевод детских учреждений и школ на местные средства означает лишь привлечение всей массы местного населения к активному делу организации, обеспечения и обучения молодого поколения. К настоящему времени местный бюджет по народному просвещению, по поступившим сведениям, уже вырос в достаточную величину. Несмотря на тяжелое хозяйственное положение Республики, задачи социального воспитания детей будут выполнены рабоче-крестьянской властью во всем их об'еме.

Профобразование. Окончательная разработка системы профобразования, как основы советского просвещения вообще, и реализация ее, стала во весь рост перед Наркомпросом в 1921 году. Местное творчество было здесь бессильно. Главный Комитет профессионального и специально-научного образования (Укрглавпрофобр), учрежденный 23-го декабря 1920 года, и его местные органы—губпрофобры, проектированные не по старым схоластическим делениям, а по новому, по отраслям народного хозяйства, с представительством различных ведомств, призван был осуществить систему профобра.

Самым решительным образом было проведено собирание и об'единение распыленного по различным ведомствам наследства. При сведении всего в единую систему монистического просвещения без параллельной обще-образовательной школы стало очевидно, что поднять это наследство, выстроить на новых хозяйственных целевых основах можно лишь в том случае, если сосредоточить силы не на простом их восстановлении и исправлении, а на решительной ломке, по совершенно новому плану. Потребовался также пересмотр схемы 1920 года, ее углубление, исправление и конкретизация. Всю массу учебных заведений, построенных на основе отчасти научной, отчасти безнадежной схоластической классификации, пришлось перестроить применительно к отраслям народного хозяйства и государственного строительства. Отсюда, беспощадное вертикальное рассечение от высшей школы до нисшей и собирание в каждой вертикали учреждений данной группы. В соответствии с этим рассечением Университет разбит

на ряд специальных Институтов, кафедры распределены между ними. Такая же работа проделана в области так называемого среднего образования.

Массовое образование проектировано на двух отраслях: индустрии и сельском хозяйстве. За ними, как производные отрасли—социально-экономическое, педагогическое, медицинское и художественное образование.

В отношении организационных форм (типов) школы строятся по строго целевому, функциональному признаку; не мыслится школа без цели, без жизненной квалификации. Так, для двух основных—индустриально-технической и сельско-хозяйственной вертикалей установилось три типа: профшкола и две высших школы—техникум и институт. Для социально-экономической вертикали установлены на нисшей ступни только курсы, а на высшей техникумы и институты. По педагогическому образованию лишь одна форма—Институт народного образования.

Профшкола,—подготовляющая квалифицированного рядового работника, является завершением 7-ми летней школы соцвоса для подростков до 17 лет включительно. Техникум,—как высшая школа, подготовляет инженеров, агрономов, экономистов узкой специальности, (высшая дифференциация), а институт подготовляет инженеров, агрономов, педагогов, экономистов организаторов (высший синтез).

Преемственность между учебными заведениями профобра устанавливается только через трудовой жизненный стаж.

Особое внимание Главпрофобра в 21 г. было обращено на организацию и комплектование институтов, дабы положить решительное начало к завоеванию высшей школы трудящимися массами. Текущий 1922-ой год направлен на организацию жизни техникумов. Самым детальным образом разработаны и проводятся в жизнь уставы, учебные планы и программы учебных заведений профобра. Масштаб работы профобразования УССР конкретно определен в «производственных программах 1921 и 1922 годов».

Введение в институты и техникумы сплошной массы трудящейся рабочей молодежи производится путем разверстки всех мест по губерниям и уездам партией, профсоюзами, армией и комнезамами. Для организованного орабочения высшей школы открыто 13 рабочих факультетов с 4.500 учащимися-пролетариями. Особым завоеванием нужно признать открытие сотен индустриальных курсов для рабочих, а также вечерних рабочих техникумов.

Особое видное место среди всех завоеваний революции в области просвещения занимают, несомненно, школы рабочей молодежи (фабрично-заводского ученичества), стихийный рост и укрепление каковых ведется при активнейшем руководстве и содействии КСМУ. На ряду со школами рабочей молодежи в крупных промышленных центрах открыты дома рабочих подростков. Школы рабочей молодежи ставят своей ближайшей целью полный охват всего населения подростков, работающих в производстве и развертываются в сеть подлинной советской пролетарской школы.

В области организаций научной работы по всей Украине учреждено несколько десятков научно-исследовательских кафедр с аспирантами, подготовляющимися в профессора. Научные достижения этих кафедр, равно и прочих научных учреждений, (музеев, библиотек, ботанических садов, метеорологических станций, обсерваторий) об'единяются вокруг Украинской Академии Наук, а в отношении административном—вокруг Научного Комитета Наркомпроса.

Весьма значительная работа за два года по профобру выполнена по индустриализации и агрономизации учебных заведний, по их хозяйственному обростанию, наделению землей и инвентарем, проведению посев-кампаний и т. д. Целый ряд учебных заведений, как высших, так и нисших, в связи с этим стали подлинными трудовыми коллективами.

В цифровых данных профессионально-техническое и специально-научное образование УССР за 2 года по операционным планам представляется в следующем виде:

Название учреждений	1921 год			1922 год		
				По операционному плану		
	Число уч. зав.	Число препод.	Число учащихся	Число уч. зав.	Число препод.	Число учащихся
1. Научных учреждений.						
Академ. наук.	1	142	—	1	97	50
Науч. ис. каф.	38	172	154	100	420	750
Астр. обсер.	4	45	—	4	45	62
Ботанич. сады.	3	35	—	3	24	—
Научные музеи.	11	60	7	15	119	—
Научные библ.	2	20	—	3	49	15
Научные общест.	—	—	—	29	422	—
2. Индустриально - техническое образование.						
Институты	4	472	13964	5	830	12300
Техникумы	64	1377	11758	77	1921	17750
Профшколы.	251	2841	22930	278	3315	29730
Рабфаки	6	50	1200	9	—	2550
Веч. раб. тех.	13	240	1300	18	290	2100
Рабочие курсы	343	1375	15050	549	2964	23975
Транспр. курсы	45	250	2000	79	395	3160
Школы раб. мол.	32	145	2000	249	2123	14231
3. Сел.-хоз. образование.						
Институты	5	101	5861	7	433	6902
Техникумы.	30	415	2429	61	894	7812
Рабфаки.	2	—	—	4	—	1450
Профшколы.	109	905	5900	195	1712	15012
Шк. перех. типа	—	—	—	95	475	5000
Курсы	36	108	2500	203	609	10150

Название учреждений	1921 год			1922 год		
				По операционному плану		
	Число уч. зав.	Число препод.	Число учащихся	Число уч, зав.	Число препод.	Число учащихся
4. Соц.-экон. образование.						
Институты	3	270	5717	3	295	6775
Техникумы	—	—	—	19	309	4480
Школы	19	336	3312	—	—	—
Курсы	160	1403	16739	43	337	5080
5. Медиц. образование.						
Институты	5	1300	11600	10	1716	15132
Техникумы	—	—	—	5	140	350
Школы	54	402	6100	90	903	9128
Курсы				8	40	400
6. Педагог. образование.						
Институты	14	595	10160	14	1369	15566
3-х летн. курсы	45	697	5128	122	1661	16456
Краткосрочн. курсы	76	350	4600	131	370	9550
7. Художеств. образование.						
Институты. (По Главполитпросвету.)	—	—	—	5	120	600
Техникумы. (По Главполитпросвету.)	—	—	—	20	573	6120
Школы. (По Главполитпросвету.)	—	—	—	57	420	6180

В пояснение этих цифр нужно отметить, что данные 1921 года включают всех учащихся, кто номинально в учебных заведениях числился. За год произведена всеобщая проверка и перерегистрация, которая понизила число учащихся в среднем на 20%. Что касается операционного плана на 1922—23 год, то в связи с сокращением рессурсов и переводом профшкол на местные средства, происходит сокращение плана в среднем на 25%. Общее выполнение операционного плана предвидится на 90%.

Рост деятельности Профобра представляется в следующем виде:

I. Рост учебных заведений.

Название учреждений	К 1 окт. 1921 г.	К 1 янв. 1922 г.	К 2 апр. 1922 г.	Операцион. план на 1922 г.	
	Количество	Количество	Количество	Количество	% сравн. с операц. планом
Институты	36	36	41	42	97,6%
Рабфаки	6	9	12	14	91,7%
Техникумы	142	168	181	230	70,9%
Профшколы	505	579	641	874	75%
Школ. раб. мол.	32	80	133	249	53,4%
Курсы долгоср.	200	260	220	475	47,7%
Курсы краткоср.	—	—	852	1062	80%

Название учреждений	К 1 окт. 1921 г.	К 1 янв. 1922 г.	К 2 апр. 1922 г.	Операцион. план на 1922 г.	
	Количество	Количество	Количество	Количество	% сравн. с операц. планом
II. Движение педагогического и обслуживающего персонала					
Институты.	3188	6761	7357	4763	154%
Техникумы	2777	5555	5567	4122	135%
Профшколы	5235	8604	9883	8845	123%
Курсы долгоср.	2181	5102	3808	4057	94%
Курсы краткоср. . . .	579	—	2005	3627	56%
III. Движение учащихся					
Институты.	47145	46047	53744	57278	94%
Техникумы	24667	29916	26937	38612	71%
Профшколы	44758	43081	45119	69903	66%
Школы раб. мол.	2000	5460	8305	14231	58,5%
Кур. долгоср.	17798	23107	22117	39709	57%

Выросшая в течение 1921 и 1922 годов, система профессионального и специально-научного образования, эта тяжелая индустрия просвещения в новой экономической обстановке становится предметом величайших забот советского государства. Только курсы и Профшколы, имеющие исключительно местный характер, переводятся на местные средства. Все остальные учебные заведения остаются на центральном Государственном финансировании. Эти командующие высоты должны быть основательно заняты; к ним должны быть привиты те производственные и хозяйственные навыки, от которых так бесконечно далека была старая схоластическая школа.

Наступление пролетариата на учебные заведения Профобра в настоящее время идет широкой организованной волной и полное их завоевание трудящимися массами уже не за горами.

Политпросвещение. Главполитпросвет, учрежденный формально в начале 1921 года, только к 3-му Всеукраинскому совещанию по просвещению закончил свою организационную и об'единительную работу. Первая половина года ушла на преодоление центробежных тенденций различных заинтересованных ведомств и на организацию аппаратов. Установление правильных взаимоотношений с партийными органами, профсоюзами, полит'отделами Красной Армии, КСМУ и т. д. требовало больших усилий тем более, что органы Главполитпросвета не располагали еще достаточными силами, чтобы направлять всю работу. Тысячи разбросанных по всей территории Республики, разобщенных между собой, с различной инерцией внешкольных учреждений и политпросветительных мероприятий (митинги, лекции, выставки, экскурсии, музеи, агит'пункты и поезда, рабочие клубы, просвиты и сель-будынки, хаты-читальни и библиотеки, народные дома, студии, театры, кинематографы, школы взрослых, сов. партшколы и т. д.), либо доставшиеся по наследству

от капиталистического общества, либо возникшие в ходе самой революции, нужно было превратить в единый государственный организм и поставить на службу рабоче-крестьянской власти.

Об'ем и сложность этой работы огромны. Несмотря на ограниченное число опытных политпросвет работников, на недостаточность государственных средств, а также на наступавшую волну НЭП'а, Главполитпросвету удалось сохранить единство системы, четко очертить пределы работы и приняться за углубление внутренней работы политпросвет учреждений на местах. В соответствии с характером работы и учреждений за годы существования единого политпросвета деятельность его представляется в следующем виде:

1) По агитации: Пролетарская революция подняла все бывшие нелегальные и полулегальные внешкольные начинания, противостоящие буржуазии (революционная пресса, митинг, массовка, рабочие кружки и т. п.), на уровень государственных мероприятий и создала целую организованную систему агитационных учереждений. Революционная пресса развернулась во всю ширь и глубь самых широких трудящихся масс. Митинги и собрания вспыхивают безпрерывно повсюду по всем животрепещущим вопросам революционной борьбы, хозяйственного и государственного строительства. В городах и на селе и на путях сообщения работают агит'пункты. Все эти агитационные мероприятия революционного слова всюду восполняются воздействием искусства (театр, кино, плакат). Работа агит'отделов Главполитпросвета и его местных органов находится в сфере воздействия и контроля партийного агитпропа. Работа агит'пунктов проходила в проведении текущей агитационной работы, в обслуживании ударных политических и хозяйственных компаний. В настоящее время числится 33 Агитпунктов на путях сообщения, обслуживших за 1921 год более двух миллионов красноармейцев, 728.000 крестьян и до полумиллиона железнодорожных работников. На агитпунктах проведено более двух тысяч митингов, около шести сот бесед и двух сот спектаклей. В 1922-м году агитационная работа идет на убыль: ударные кампании превращаются постепенно в длительные, центр внимания переносится на углубление работы и длительную пропаганду.

2) По пропаганде. В этой области проведена систематическая работа по советизации бывших внешкольных учреждений и согласованию и об'единению их работы с учреждениями и мероприятиями, возникшими в процессе революции В прошлом 1921 году числилось 1298 рабочих клубов, 72 Совпартшкол, 3142 библиотек, около 70 музеев, 215 народных домов, 116 сель-будынков, 4107 Просвит, 5504 Хат-читален, 1300 культпросветительных кружков, 2789 пунктов по ликвидации неграмотности и т. д. В связи с переводом огромной массы этих учреждений и организаций на местные средства в настоящее время идет сокращение количества этих учреждений в целях их об'единения, усиления и улучшения их качества. Центром политпросвет-работы в городе становятся окончательно рабочие клубы и кружки, а также совпартшколы, а на селе—сель-будынки, хаты-читальни и просвиты. Актуальной задачей главполитпросвета и его

местных органов является ныне инспектирование и инструктирование. Особое внимание главполитпросвета в настоящее время обращено на Коммунистический Университет и Совпартшколы, в которых ныне обучается около 5000 курсантов при 1500 преподавателях. Кризис, наблюдаемый в течение текущего года в связи с переводом политпросвет учреждений на местные средства, их недостаточное финансирование, несомненно, временное явление, которое будет из'жито по установлению и укреплению местного бюджета.

3) Искусство. В первый период советской власти, эпоху так называемого «военного коммунизма» все учреждения и организации искусства (театры, кино, хоры, оркестры и т. п.) были национализированы. Задачей Советской власти в эти годы, годы гражданской войны, было, сломив сопротивление, подчинить искусство хотя бы внешне и заставить служить в целях агитационно—пропагандистских рабочим и крестьянским массам. Несмотря на средоточение всех органов искусства в руках государства и на жесткие рамки и задачи, поставленные перед ними, за первые три года революции, искусство по своей сущности и проявлениям оставалось глубоко буржуазным. Новый курс экономической политики неизбежно резко коснулся органов искусства, возрождая все явления прежнего капиталистического рынка Особенно это проявляется на профессиональном театре, содержать который государство в данное время не в состоянии. С переводом театров и зрелищ на самоокупаемость, эти организации и мероприятия еще более ускользают от непосредственного воздействия главполитпросвета и его местных органов. Главная задача в отношение всей массы художественных учреждений и организаций—серьезный контроль и инспектирование.

В прошлом 1921 году художественный сектор Главполитпросвета и его местных органов охватывал: более 1.000 театров, 350 кинематографов, 83 передвижных труппы, 160 студий, 1480 художественных кружков, 844 хора, 370 оркестров и т. п. В настоящее время число это значительно сократилось в целях экономии и хозяйственного расчета. Под непосредственным воздействием государства остаются более крупные театры академического характера, а также все кинематографы. Последние образуют государственный кино-трест. На ряду с профессиональным искусством мероприятия политпросвета сводятся к созданию обстановки для нарождения нового искусства в недрах самого пролетариата. Линия творческих исканий, студийного самоусовершенствования и учета молодых сил пролеткульта, несомненно, дает ряд реальных достижений, но стоит под постоянной угрозой извращений в своеобразный пролетарски-интеллигентский индивидуализм. В сущности, борьба в области искусства находится только в самой первоначальной стадии развития. Только укрепление власти пролетариата и хозяйственного базиса на новых коллективистических началах в состоянии создать предпосылки к зарождению и расцвету пролетарского искусства.

Итак, несмотря на новыя условия экономики, на недостаток опытных коммунистических сил, скудость материальных рессурсов для огромного количества учреждений и организаций, нужно все же констатировать реальные

воздействия главполитпросвета и губполитпросветов на направление и ход политпросветительной работы. Ни одна ударная политическая или хозяйственная кампания не проходит без активного участия и направляющего воздействия политпросвета. При проведении этих кампаний политпросвет-учреждения практически являлись теми первичными ячейками, через которые в самую гущу трудящихся масс проникали директивы и призывы Советской власти.

Работа, проходившая в 1920 и 21 годах, еще стихийно, непланомерно, в настоящее время становится углубленной, систематической. Назревает научно-политическая борьба с возрождающейся буржуазной идеологией. На эту борьбу направляются все подготовляемые ныне молодые силы марксистских кафедр, Коммунистического Университета, а также обучающиеся в институтах студенты-коммунисты.

Советские праздники и празднества, ставшие ныне регулярными, проводятся с большей предварительной подготовкой, созданием соответствующей литературы, с устройством лекций, рефератов и т. п.

Особенно видное участие Политпросветы принимают в длительных кампаниях—посевных, продналоговых, борьбы с бандитизмом, помощи голодающим, антирелигиозных и т. п. По этим вопросам создана своя небольшая литература, репертуар для сельских театров. Изготовлены и разосланы десятки—тысяч плакатов, сотни—тысяч воззваний, брошюр и книжек.

Нет никакого сомнения, что политпросветы в дальнейшем в ходе своей работы станут нормальными руководителями всего политического воспитания и просвещения взрослого трудящегося населения. Отсюда задача—сохранение в руках пролетарского государства всей полноты контроля и направления работы огромной массы политпросвет учреждений и организаций.

Издательство. В 1921 году Всеукраинское Государственное Издательство от ВУЦИК'а перешло в ведение Наркомпроса. Этот переход означал по существу дела, то, что Всеиздат расширяет круг своей деятельности от издания ударной агитационной литературы в сторону литературы, необходимой для обслуживания и советизации огромного количества учебных заведений. Этот переход означал углубление задач и переход на плановый характер работы. Первый операционный план Всеиздата был расчитан на 6.000 печатных листов с расчетом выполнить часть его заграницей. В счет этого плана за 1921 год было издано около 700 названий в количестве свыше 1500 печатных листов. Таким образом, Всеиздату удалось выполнить только 25% своего годового плана; причина этому лежала в крупнейшем кризисе полиграфической промышленности, в колоссальном недохвате бумаге и отсутствии оборотных средств.

На ряду с издательской деятельностью Всеиздат был также и единым распределительным органом всей литературы Республики; на нем лежала не только вся тяжесть распределения, но и транспортирования. Одновременно шел также учет и распределение литературы на национализованных складах и магазинах.

В конце 1921 г. функции и об'ем деятельности Всеиздата кардинально меняются: вводится платность произведений печати, открывается сеть государственных книжных магазинов, Всеиздат разгружается от функций распределения и транспортирования литературы. Из единого монополиста он превращается в выполнителя только государственного издательского плана (Госиздат), сохраняя за собой лишь регулирование и координацию возникающих ведомственных, профессиональных, кооперативных и частных издательств.

С начала 1922 года Госиздат окончательно реорганизуется в государственное издательство на началах самоокупаемости. На основе платности распределения прежней национализированной, а также вновь издаваемой литературы и отпускаемых государством оборотных средств, Госиздату удалось в текущем году развить и оживить свою издательскую деятельность. За первое полугодие текущего года по Госиздату вышло в свет более 200 названий в количестве 1550 печатных листов, в $2^1/_2$ миллионов экземпляров. Из них на Украинском языке 89 названий в 595 печатных листов т. е. 42%, в 1.740.000 экземпляров т. е. 69%.

РАБОТА СРЕДИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

В течении 1921 года удалось создать и органы, руководящие просветительной работой среди национальных меньшинств Украины. В настоящее время Совет Национальных Меньшинств при Наркомпросе об'единяет деятельность 5 бюро: еврейского, польского, немецкого, татарского и латышского. Наиболее широкую деятельность развернуло еврейское бюро. В настоящее время функционируют следующие еврейские культурно-просветительные учреждения: по соцвосу—760 учреждений, из них трудовых школ—326, детских домов—250, детских очагов—78, детских садов—76; по политпросвету—381 учреждение, из коих библиотек—132, клубов—53, пунктов ликвидации неграмотности—46; вечерних школ—44, литературных и драматических кружков—101; по Профобру—38 учреждений, из которых профшкол—26, педагогических курсов—12, а всего 1.179 учреждений со свыше 60.000 учащихся. Польский культурно-просветительных учреждений по Соцвосу насчитывается 234 с 18.300 учащихся по профобру—5 учреждений, по Политпросвету—30 учреждений. Немецких культурно-просветительных учреждений по Соцвосу—946 с 1620 преподователей и 53.600 учащихся, по Профобру—10 учреждений. Менее значительна работа татарского бюро, которое должно обслуживать татарских рабочих в Донбассе.

В заключение настоящего обзора нужно подчеркнуть, что вся работа Наркомпроса за 1920—22 годы шла по пути самой коренной и глубокой реорганизации всей системы Народного Просвещения и по восходящей линии развития. Передача детских учреждений из Сообеза в Наркомпрос, сосредоточение в Главпрофобре всего дела профтехнического и научного образования, распыленного раньше по целому ряду ведомств и организаций, создание Главполитпросвета, как центрального органа политпросвещения в Республике, передача в Наркомпрос Всеиздата—отмечают путь этого

развития. За означенные годы Наркомпрос фактически стал единым центром всего дела воспитания и просвещения в Республике. Путь его отмечен решительной ломкой прежней схоластической системы просвещения и его традиций и напряженнейшей творческой работой над организационно-идеологическим оформлением и пропагандой новой просветительной советской системы, проникшей в конкретно-разработанном виде в самые отдаленные углы Республики.

К пятилетию годовщины Октябрьской Революции Рабоче-Крестьянская власть имеет широко развернутую сеть перестроенных и новых просветительных учреждений, имеет ясно и четко очерченные задачи и перспективы культурно-просветительной работы. Планомерное укрепление органов Наркомпроса, усиление внутренней работы учебно-воспитательных учреждений, усиление его материальных рессурсов должно стать категорической задачей ближайшего периода. Эту обязанность должны безоговорочно принять на себя, как центр, так и места. Нет сомнения, что Советское Государство выйдет победителем также на фронте просвещения, на фронте идеологическом и осуществит в полном об'еме заветы Великой Октябрьской Революции.

Организация труда

I

ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДА ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В царской России, по существу, не было никакой государственной защиты труда. Правда, под напором массового рабочего движения, которое время от времени принимало формы грандиозных забастовочных форм, было издано несколько худосочных законов—о воскресном отдыхе, о страховании на случай болезни, от несчастных случаев и т. п. Однако, действие этих законов парализовывалось, во-первых, сужением сферы их применения (по преимуществу такие законы распространялись лишь на часть фабрично-заводской промышленности), во-вторых, передачей надзора за соблюдением этих законов в руки царских чиновников и капиталистов.

Немногим лучше дело обстояло после февральской революции в период существования Временного Правительства. Можно без преувеличения сказать, что из всех ведомств Временного Правительства, наихудшей славой у широких рабочих масс пользовалось именно Министерство Труда. И не даром: за 8 месяцев своего существования оно не провело ни одного из основных законов по труду; даже 8-ми часовой рабочий день, установленный революционным путем, не был закреплен в законодательном порядке. В жертву коалиции приносились даже революционные завоевания рабочих

Убеждаясь в том, что органы Министерства Труда не способны оказать поддержку рабочим организациям в их экономической борьбе, пролетарские массы инстинктивно направили свои поиски защиты к Советам Рабочих Депутатов, тогда еще безвластным. При Советах во многих местах были организованы т. н. Конфликтные Комиссии. Соглашательские вожди тогдашних Советов, создавая эти комиссии, предназначали их в сущности не для поддержки рабочих в борьбе с предпринимателями, а для «успокоительного» давления на самих рабочих.

Однако, под напором революционных настроений рабочей массы, Конфликтные Комиссии почти с первых же шагов своей деятельности начали причинять не мало «забот» меньшевистским вождям Советов рядом «назаконных» нажимов на предпринимателей (предоставление вооруженной силы союзам для борьбы с штрейкбрехерством при забастовках, принудительный привод владельцев предприятий для разрешения их споров с рабочими и т. п.). Эти то Комиссии по революционным методам их работы можно считать в гораздо большей степени, чем ублюдочные, рахитичные органы Министерства Труда, зачаточными формами будущего Советского Комиссариата Труда.

УСЛОВИЯ РАБОТЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НКТ

Наступает октябрьский переворот. Советская власть, несмотря на хозяйственную разруху, вынуждена поставить политические задачи на первый план. Никакое экономическое строительство не было возможно до тех пор, пока с оружием в руках не был отражен натиск буржуазии. В эти годы активной борьбы, основные интересы пролетариата требовали освобождения всех его сил—и в особенности массовой энергии профсоюзов—для борьбы на фронтах и для политической защиты октября. Наркомтруд же должен был принять на себя почти целиком защиту повседневных экономических интересов рабочих. Закрепляя в законодательном порядке программу—максимум рабочего движения в области защиты труда, Наркомтруд выполнил свою важнейшую задачу перед Революцией, укрепив тем самым доверие широких трудовых масс к Рабоче-Крестьянской Республике

Широкий размах рабочего законодательства, равно как и принудительное разрешение конфликтов в частновладельческой промышленности в пользу рабочих ускорили ликвидацию частного капитала. С ликвидацией же частного капитала и сосредоточением всех рабочих в государственной промышленности, центр тяжести задач Наркомтруда переносится из чисто политической на деловую почву. В области тарифов мы наблюдаем поиски таких форм заработной платы, которые стимулировали бы увеличение производительности труда. Энергичной работой в области охраны труда Наркомтруд добился того, что, несмотря на все трудности, основные законы о 8-ми часовом рабочем дне, о женском и детском труде вошли в обиход жизни. В области распределения рабочей силы Наркомтруду удалось справиться с волной безработицы, оставшейся в наследство от дооктябрьского периода и возросшей в связи с демобилизацией армии после империалистической войны 1914—1918 г.г. Впоследствии, когда безработица сменилась недостатком рабочей силы, Наркомтруд сумел удовлетворить насущную потребность в рабочей силе введением принудительной трудовой повинности для крестьянства и городского мещанства и трудовыми мобилизациями квалифицированных рабочих.

Однако, по условиям гражданской войны, значительная часть работы Наркомтруда не могла быть проведена, значительная часть программы вынужденно оставалась декларативной. Живительный толчек получили вопросы организации и защиты труда с ликвидацией фронта и оживлением экономической деятельности Республики. Далее, при изложении отдельных отраслей работы Наркомтруда, будет видно, какое значительное продвижение нами сделано при новых экономических условиях. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что со всеми этими огромной важности и сложности вопросами никакой государственный аппарат без содействия массовых рабочих организаций не справился бы. Но в том то и сила Наркомтруда, что сверху до низу—от Народного Комиссара до инспектора труда, обследующего предприятия—он составлен из работников, вышедших из недр и пользующихся доверием и содействием профессиональных организаций Только

благодаря доверию рабочих масс, он может продуктивно выступать в качестве третейского судьи в конфликтах между государственными хозорганами и профсоюзами, только опираясь на массовое содействие организованных рабочих, он может оказать достаточно весское давление на частного предпринимателя в защиту интересов труда.

Именно этой абсолютной спайкой с союзами мы об'ясняем то, что переход в период 1920—1921 годов тарифной работы и работы по охране труда к союзам (отчасти огосударствленным в этот период) и возвращение этих отраслей деятельности в 1922 году в НКТ ничем существенным не отразилось на линии, методах и направлении работы, облегчающей труд и быт рабочего.

ТАРИФНАЯ ПОЛИТИКА

В капиталистических условиях уровень заработной платы является показателем соотношения сил и результатом борьбы классов. В совершенно другую зависимость попадает уровень заработной платы в Советской Республике. Исходной точкой здесь являются рессурсы государства—чем полнее государственный котел, тем выше оплата труда. Поэтому в российском профессиональном движении по отношению к государственной промышленности тарифная политика в основном исходит из следующего принципа: правильно построенный тариф должен способствовать заинтересованности рабочего в повышении производительности и тем самым росту рессурсов рабочего государства. Отсюда—ряд попыток Наркомтруда и профсоюзов установить разного рода сдельные и премиальные системы в оплате труда, которые однако в период гражданской войны не дали ожидаемого эффекта. Причина в том, что государство по условиям военного времени вынуждено было прибегнуть к бесплатному снабжению всего населения продовольствием и важнейшими предметами первой необходимости, а также жилищем и коммунальными услугами. При таких условиях, имея к тому же ввиду и беспрерывное обесценивание денег, заработная плата играла в бюджете рабочего весьма слабую роль и не могла служить побудительным средством к повышению интенсивности его труда. Большого эффекта также не дало устремление в сторону натурализации заработной платы; тут сказалось отсутствие достаточных запасов продовольствия и предметов первой необходимости. Но самым большим препятствием для правильной тарифной работы являлась система жестких, централизованных тарифов. Такая система была неизбежна при общей централизации всего управления и снабжения нашей промышленности, в период гражданской войны и в связи с необходимостью восполнить недостаток рабочей силы принудительным ее привлечением. Но централизованный характер тарифа не давал возможности приспособления его к условиям каждого предприятия, не давал возможности даже при наличии каких либо местных благоприятных условий, корректировать его таким образом, чтобы получить максимальный эффект в продуктивности труда

При новой экономической политике значительная часть прежних тарифных препятствий отпала. Освободившись от военных расходов, государство получило возможность бросить дополнительные средства в фонд заработной платы. С другой стороны, разгрузившись от ряда убыточных предприятий и произведя сокращение штатов в учреждениях, государство уменьшило контигент рабочих и служащих, оплачиваемых из государственного фонда заработной платы. Таким образом создалась реальная возможность общего поднятия уровня заработной платы.

Данные Высшего Тарифного Совета обнаруживают, что за короткий срок с начала текущего года удалось повысить в 2—3 раза реальную заработную плату даже в промышленности, оставленной на государственном снабжении, т. е. наименее прибыльной. Еще лучше обстоит дело в производствах самоокупающихся с ходкой продукцией: в некоторых реальная заработная плата с начала текущего года повышена в 6 и более раз. Наряду с положительным значением роста реальной заработной платы, о котором мы выше говорили, резкое несоответствие оплаты труда в двух областях производства, принадлежащих в конечном итоге одному и тому же государству, имеет свою отрицательную сторону. Нельзя забывать, что в особенно неблагоприятном при этом положении находится именно тяжелая индустрия, т.-е. основная база Рабоче-Крестьянского Государства. Наркомтруду вместе с руководящими хозяйственными органами придется принять ряд мер к улучшению положения в тяжелой индустрии, не останавливаясь для этого и перед некоторой задержкой роста заработной платы в самоокупающихся и прибыльных производствах».

В новых условиях Наркомтруд не устанавливает детальных тарифов. Он лишь гарантирует нисший предел их уровня. Установление детальных условий труда на почве этого минимума Наркомтруд представляет сторонам (администрации и владельцам предприятий, с одной стороны, и профессиональным союзам с другой стороны) путем коллективных договоров. Эти договоры имеют различный смысл для промышленности государственной и частновладельческой: по отношению к первой они должны исходить из максимальных возможностей, которыми располагает производство для улучшения положения рабочих; по отношению ко второй (частновладельческой) они должны фиксировать достигнутые завоевания рабочих союзов. Наркомтруд, исходя из огромной пользы и значения коллективных договоров для экономически организованного пролетариата, принимает на себя посредничество в спорах, возникающих при этом между сторонами, причем это посредничество, в силу указанной природы коллективного договора в государственной промышленности, может быть превращено и в принудительный арбитраж. Там, где нет борьбы классов, где происходит лишь спор между двумя организациями одного и того же класса, вопрос может быть вполне разрешен принудительным вмешательством нейтрального органа одновременно «профсоюзного» и «государственного», каковым и является Наркомтруд. Небольшая практика, которой мы располагаем, вполне убеждает нас в правильности такой линии и в полном ее соответствии интересам рабочего класса и его государства.

Наступление Харьковских рабочих против Каледина в 1918 г.
Красноармейцы Харьковского пролетарского отряда у братской могилы на ст. Гуково.

ОХРАНА ТРУДА

Октябрьская революция дала возможность рабочему классу закрепить в законодательном порядке программу—максимум рабочего движения в области Охраны Труда. Последняя была распространена на все виды труда фабрично-заводской, ремесленный, домашнее услужение, сельско-хозяйственные работы и т. п. Был зафиксирован 8-ми часовой максимум рабочего времени с понижением его для умственного и конторского труда и для особо-вредных производств. Для ряда отраслей производства устанавливалось обязательное снабжение рабочих специальной одеждой и предметами специального питания (для нейтрализации вредности работы). Социальное страхование было распространено на всех трудящихся и на все виды потери трудоспособности. Особой регламентации в законодательном порядке был подвергнут труд женщин и подростков, широко развито специальное санитарное и техническое законодательство.

Конечно, на первых порах Наркомтруд не имел возможности провести в жизнь всех предначертаний закона. Для этого требуется время и более или менее благоприятные условия развития промышленности, которых тогда не было. Однако и в декларативной форме законы по труду и дополнительные постановления Наркомтруда сыграли огромную роль. Они выявили перед массами перспективу и программу Советской власти в области защиты труда, они в удобопонятной для широких масс форме иллюстрировали различие в подходе к интересам рабочих между прежней буржуазной и новой пролетарской властью, Тем самым они способствовали закреплению кровной связи и созданию теснейшего единства между экономической и политической организациями рабочего класса.

Основным методом работы Наркомтруда по проведению в жизнь нормы охраны труда является теснейшая связь с рабочими организациями и привлечение рабочей массы к непосредственному участию в этой работе, В этих целях надзор по охране труда возложен на выборную инспекцию. руководство которой Наркомтруд осуществляет в тесном согласовании с профессиональными союзами, а самую органическую работу на предприятиях—с низовыми ячейками профдвижения—фабзавкомами. Такое размеживание и согласование функций по охране труда сообщает работе Наркомтруда и профсоюзов весьма полезный, взаимно дополняющий характер. Небезинтересно в связи с этим отметить выраженный в цифрах состав инспекции труда. У нас, на Украине, работает, по данным на I/X—22 г., 138 инспекторов, из числа коих 82% приходится на лиц физического труда. 90% всех инспекторов труда получили нисшее и равное ему домашнее образование. Среди инспекторов около 40% металлистов—этого наиболее стойкого и сильного отряда профессионального движения.

При инспекторах труда работают в качестве ассистентов представители союза молодежи и в качестве специалистов инженеры и врачи—технические и санитарные инспектора, помогающие рабочему инспектору в области специальных вопросов, требующих квалифицированных знаний.

В течение последнего года в основу работы был положен принцип сужения задач в соответствии с практической осуществимостью. Сейчас мы имеем возможность убедиться в правильности этой линии и серьезности достигнутых результатов. Число обследований в предыдущие годы неизменно падало. Так, в 1919 г. на одного инспектора приходилось в среднем 10,6 в месяц, в 1920 г.—8,6 и в 1921 г.—5,9. В 1922 г. количество обследований, приходящихся на одного инспектора повышается вдвое: для 1-й четверти года—до 11,4, а для 2-й четверти—до 13,4. Внимание аппарата надзора обращено, главным образом, на те предприятия, где заранее надо ожидать повышенной эксплоатации труда—это, во первых, частновладельческие предприятия, а, во вторых, мелкая промышленность. Так, из общей массы посещений предприятий инспекцией Наркомтруда в 1922 г. 62% падает на арендованную и частную промышленность и лишь 38% на государственную. Из той же массы посещений 51,5% падает на предприятия мелкие с числом рабочих менее 10 чел. 29,9% на предприятия с числом рабочих от 10 до 50 человек.

Некоторое повышение материальных рессурсов не замедлило сказаться на уменьшении количества замеченных закононарушений: если в 1 четверти 1922 г. на I предприятие падает 5,1 нарушений, то во II-й четверти оказывается уже только 3,6.

Падение нарушений замечается по всем без исключения группам законов. Нарушений законов о рабочем времени, отдыхе и отпусках приходилось в I-й четверти 1922 года 72 на каждые 100 предприятий, во II-й четверти их оказывается уже 55; по труду подростков аналогичное падение с 44 до 26; по женскому труду с 17 до 12, по охране труда в особо вредных производствах с 22 до 12. И даже по группе нарушений, наиболее распространенной и устойчивой—по санитарии и технике безопасности,—где улучшение связано с необходимостью больших материальных затрат, мы наблюдаем значительное улучшение: по санитарии количество нарушений падает с 172 до 91, по технике безопасиостп с 106 до 66 (на 100 предприятий).

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ

В тесной связи с охраной труда, призванной предупреждать заболеваемость и инвалидность рабочих, стоит вопрос об их обеспечении при утере трудоспособности и заработка. Эту функцию первоначально выполняли больничные кассы и кассы безработных за счет страховых взносов от предприятий и учреждений. Вскоре, однако, с национализацией всей промышленности и торговли, обязанность по страховым взносам, естественно, была перенесена исключительно на государство. Государство, как монопольный потребитель рабочей силы, приняло на себя непосредственно обеспечение трудящихся во всех случаях утери трудоспособности и заработка и возложило эту задачу на специальный орган в лице Народного Комиссариата Социального Обеспечения.

В новых условиях, с переходом большей части государственной промышленности на начала хозяйственного расчета и с возрождением частно-

владельческой промышленности, возникла необходимость в возврате к методам социального страхования. Последнее проводится в большей части выборными страховыми кассами под контролем Государства. Таким образом, и в данном случае применен основной метод Советской работы по обслуживанию нужд рабочего класса, именно, привлечение к работе широких рабочих масс.

Мы указали, что охрана труда и социальное страхование неразрывно связаны. 5-й С'езд Профсоюзов учел это обстоятельство и признал целесообразным организационное об'единение этих двух функций в одном и том же государственном органе, осуществляюшем всю работу по государственной защите труда. Мнение верховного органа профессионального движения, как и следовало ожидать, оказалось решающим для рабочего государства и в настоящее время социальное страхование переходит к Народному Комиссириату Труда.

Наши достижения в области социального страхования еще достаточно далеки от той перспективы, которую ставит себе Советская Республика. Однако, мы можем с гордостью констатировать, что несмотря на тяжелые препятствия, которые экономическая разруха ставила на пути развития социального страхования, наши достижения по сравнению с буржуазными странами и с дооктябрьскими периодами в России достаточно значительны. Это можно констатировать не только в плоскости закрепления принципиальных позиций рабочей страховой программы—освобождение рабочих от взносов, распространение страхования на все виды утери трудоспособности, исключение из состава руководящих органов представителей от предпринимателей и т. п. Не мало достигнуто и в отношении практических задач по обеспечению рабочего: полный заработок при болезни, пособие работницам за 8 недель до и 8 недель после родов, пособие на кормление ребенка, обеспечение безработных и т. д., и т. д. То, чего не могут добиться рабочие в богатых буржуазных странах, это оказалось посильно для нищей рабочей Республики.

РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА

До Октябрьской Революции рынок труда был предоставлен стихии: ни государственная власть, ни общественные организации не занимались серьезно вопросами его регулирования. Министерство Труда Временного Правительства точно также ничего существенного в деле овладевания рынком труда не сделало. Правда, в августе 1917 г, на шестом месяце своего существования, им был издан закон о Биржах Труда. Но крайне ограниченная сеть Бирж, установленная этим законом (города с населением не менее 50 тыс. человек), состав комитетов Бирж Труда (паритет с участием капиталистов), и что еще важнее, допущение частного посредничества по найму, делали заранее безнадежной такую попытку оказать регулирующее влияние на рынок труда. Это вынудило Профсоюзы к самостоятельной, классовой попытке регулирования рынка рабочей силы путем создания при союзах Бюро Труда и включения в тарифные договоры пункта об обязательности приема рабочих через эти Бюро. Революционный

пролетариат прошел мимо беспомощных начинаний Министерства Труда и самостоятельно указал путь, по которому должно было пойти после Октябрьской Революции регулирование движения рабочей силы.

Октябрьская Революция получила в наследие от прежней власти не только анархию на рынке труда, но и колоссальную безработицу. К тому же впереди еще предстояло усугубление безработицы в связи с демобилизацией старой армии. Январь—апрель 1918 года являются наиболее угрожающими месяцами по безработице. Как результат угнетенного состояния рынка труда—на 100 предложений труда в среднем приходилось лишь 32 посылки на работу. Но уже с мая в значительной степени под влиянием правильных и энергичных мероприятий Наркомтруда, начинается улучшение состояния рынка труда. В мае на 100 предложений уже приходится 37 мест, а к началу 1919 г. на рынке труда достигается почти полное равновесие: на 100 предложений—93 места. В течение 1919 года равновесие нарушается в сторону превышения спроса на рабочую силу над предложением (на 100 предложений—130 мест). Это положение характеризует собою весь последующий период до последней четверти 1921 года.

На преодоление безработицы в период 1919—21 гг., конечно, повлиял ряд положительных и отрицательных экономических условий того времени: налаживание организации народного хозяйства, отход части рабочей силы в деревню в связи с разрешением аграрного вопроса, повышенный спрос на рабочую силу в связи с падением производительности труда и т.п. Быстрая организация разветвленной сети Бирж Труда, твердо проведенный принцип государственной монополии на трудовое посредничество, авторитетный для рабочих состав комитетов Бирж Труда (исключительно из представителей Профсоюзов), наконец, ряд специальных мер по переброске рабочей силы и страхованию по безработице—также помогла быстрейшим и безболезненейшим образом справиться с волной безработицы.

В течение всего дальнейшего периода развития революции вплоть до 1922 года Советская Республика не знала больше безработицы. Этот период, наоборот, характеризуется недостатком рабочей силы, который временами создавал опасную угрозу для основных отраслей промышленности, обслуживавших фронт и тыл. На Наркомтруд пала тяжелая задача принудительного собирания и целесообразного распределения рабочей силы. Эту работу Наркомтруд проводил различными методами: об'явлением ряда профессиональных мобилизаций, привлечением в порядке поголовной трудовой повинности для выполнения массовых черных работ (погрузка и выгрузка, пилка и колка дров, чистка снега и т. п.), трудовым использованием резервных сил Красной Армии (трудовые армии и т. п.).

В настоящее время мы относимся критически к хозяйственной целесообразности принудительных трудовых мобилизаций, дающих, вполне понятно, низкий уровень производительности. Но для правильной оценки смысла этих форм привлечения рабочей силы в период гражданской войны необходимо принять во внимание, что неизбежное при уравнительных тарифах и системе продпайков падение производительности труда требовало сроч-

ной компенсации за счет привлечения новых кадров рабочих. С другой стороны, нарушившееся экономическое равновесие в отношениях города и деревни делало очень незаманчивой перспективу жизни в городе и не только приостановило пролетаризацию крестьянства, но и оттянуло из промышленности часть рабочих в деревню.

В этих условиях трудовые мобилизации, давшие промышленности на Украине до 200 тыс. человек, сыграли свою несомненно положительную роль и были единственным средством снабдить рабочей силой основные нужды нашего хозяйства и тем спасти последние от окончательного распада.

Лишь с изменением всей хозяйственной политики изменились и методы привлечения и распределения рабочей силы. Сужение государственной промышленности и принцип максимальной экономии при повышении заработной платы и продуктивности труда побудили предприятия освободить часть рабочей силы и резко понизить спрос на рабочие руки. Тем самым отпала необходимость в принудительном привлечении к труду. Наоборот, центр тяжести работы Наркомтруда на рынке труда теперь переносится в плоскость борьбы с безработицей. Уже в начале 1922 года на 100 предложений труда приходилось лишь 31,8 мест [1]), в январе 1921 г. на 100 предложений труда было 209 мест. В течение первой четверти 1922 года, правда, спрос повысился—50,3 мест на 100 предложений труда, но в дальнейшем состояние рынка труда вновь ухудшается, и безработица, продолжая расти, достигает к 1 октября приблизит. цифры в 90—100 тыс. человек. Анализ состава безработных указывает на то, что ее рост в значительной мере идет за счет промышленных кадров пролетариата.

Наша безработица отличается от той, которая наблюдается в капиталистических странах, не только интенсивностью (в этом отношении мы имеем сравнительно с ними благоприятное положение: 11% у нас против 20—30 и более процентов на Западе), но и происхождением. В буржуазных странах безработица является следствием перепроизводства товаров и анархического хозяйствования.

Наша безработица есть следствие оскудения рессурсов производства из-за империалистической и гражданской войны. Мы не можем использовать свободной рабочей силы, потому что пока располагаем в промышленности недостаточными основными и оборотными капиталами. Поэтому наша безработица носит временный характер и будет изживаться с под'емом промышленности. У капиталистов она вечный спутник их «порядка» и к тому же желательный для буржуазии спутник, ибо она дает ей возможность понижать заработную плату и увеличивать эксплоатацию работающих.

Советская власть, заинтересованная политически и экономически в сохранении сил пролетариата, сумела поставить помощь безработным так широко, как не ставят ее даже самые богатые капиталистические страны.

---

[1]) Все дальнейшие данные, относящиеся к периоду 1921—1922 г.г. взяты по Украине.

Помимо организации общественных работ и выдачи денежных пособий рядом постановлений безработные освобождены от оплаты коммунальных услуг, им и членам их семей предоставляется бесплатная медицинская помощь, им понижена на 50% против остальных рабочих квартирная плата, они освобождаются от налогов и т. д.

Так справлялся Наркомтруд в течении пяти наиболее трудных лет Революции со своими задачами.

Как орган классового рабочего государства—он в этот переходный период диктатуры пролетариата был неизменным и верным стражем экономических завоеваний рабочего класса.

Отчет Наркомздрава

Отчет Наркомздрава обнимает собой период с 1920 г. по 1922 г. Материалов, относящихся к более раннему периоду, почти не сохранилось, да их почти и не было, так как бесконечная смена властей, военные действия, бандитизм, разруха в хозяйственной жизни страны,—все эти условия не могли не отразиться неблагоприятно на советском строительстве вообще и на здравоохранении в частности.

Образование Наркомздрава в последний приход Советской власти на Украину относится к февралю 1920 г., когда украинским Ревкомом была организована комиссия по здравоохранению, впоследствии реорганизованная в Народный Комиссариат Здравоохранения. Весь 1920 и начало 1921 г. ушли, главным образом, на приведение в порядок разрушений, оставшихся после белых. Лишь с 1921 г. Наркомздрав получил возможность приступить к органическому строительству в области здравоохранения, но темп строительства задерживался в силу развития беспрерывных эпидемий.

С момента своего основания, Наркомздрав поставил себе задачу пробить брешь в той пассивности трудящихся масс в области здравоохранения, которая характеризовала предшествующие века невежества и рабства, а также орабочить весь аппарат здравоохранения. Это стремление нашло свои организационные формы в виде санитарных комиссий,—волостных, сельских, фабрично-заводских, рудничных и пр., которые являлись выборными ячейками трудящихся. Начав организовываться в 1920 г., санитарные комиссии становились жизненнее и организационно крепче, сыграв не малую роль в поднятии санитарного благополучия местностей Украины, а также в переводе сельской сети на местные средства; и там, где аппарат Санкомов был особенно силен, этот переход прошел почти безболезненно. Орабочение аппарата и привлечение трудящихся к делу здравоохранения наиболее ярко произведено в области охраны материнства и детства, которая встретила живой отклик со стороны женского пролетариата. Но не этим только ограничилось участие трудящихся. Работа в области контроля, экспертизы, а также по отбору больных в санатории и курорты протекала при непосредственном участии профессиональных организаций.

Взаимоотношения с Союзом «Всемедикосантруд», в которых наблюдались сначала шереховатости, позднее значительно улучшились, и работа органов Здравоохранения протекала при самом тесном содружестве с союзом. Так, распределение медперсонала производилось специальной комиссией, составленной на паритетных началах из представителей Наркомздрава и союза. Ответственные работники по здравоохранению выдвигались обычно по соглашению с союзом. Многие заведующие губздравами являлись одновременно и членами правления Губотдела союза.

В 1921 г. Наркомздрав об'единил путейскую и военную медицину в единый аппарат. В области путейской медицины об'единение было полное.

В военно-же санитарной области по оперативным соображениям об'единение выразилось в частичном подчинении военно-санитарного управления Украины Наркомздраву в отношении противо-эпидемических мероприятий и организации лечебной помощи Красной Армии.

Самым больным вопросом в работе Наркомздрава являлось состояние связи центра с периферией. Если в 1920 г., налаживанию связи мешали военные действия, то в 1921 г. их место занял бандитизм и отсутствие транспортных средств. Тем не менее Наркомздравом принимались всяческие меры к тому, чтобы эту связь наладить. Помимо высылки инструкторов и комиссий на места, в 1920 г. в Харькове состоялось 8 Всеукраинских с'ездов, по отдельным отраслям здравоохранения, и Всеукраинский с'езд здравоохранения с участием представителей Санкомов. В 1921 г. было созвано пять с'ездов и два совещания и, наконец, за неполный 1922 г. состоялось 4 с'езда и 2 совещания.

В 1922 г. начала завязываться связь с Западной Евролой.

Самый аппарат Здравоохранения за три с лишним года в достаточной степени окреп, а за последнее время сокращен и упрощен. С 1920-21 г. он сокращен в центре и на местах больше, чем в четыре раза.

Одной из главнейших задач, которую ставил перед собой Наркомздрав, с самого начала, является учет и распределение медицинского персонала. В крупных центрах Украины скопилось громадное количество высоко-квалифицированного медицинского персонала в то время, как периферия стонала от отсутствия его. Необходимо было произвести перераспределение и нивелировку в этом отношении, но тем не менее полностью этого осуществить не удалось, в частности,—из-за войны, бандитизма и плохой связи. Лишь с 1922 г. удалось получить более или менее правильный учет врачей по Украине. По не совсем точным сведениям в 1920 г. врачей на Украине числилось 5950, в 1921 г.—7332, в 1922 г.—7375.

В 1922 г. положение с медперсоналом резко изменилось. Если раньше Наркомздрав встречал колоссальные затруднения в случаях необходимости командировки в ту или иную губернию медперсонала, то теперь, в связи с безработицей, наоборот, в органах Здравоохранения не находится достаточного количества мест, чтобы заполнить их безработным персоналом. За последнее время Наркомздрав понес тягчайшие жертвы в связи с колоссально развитыми эпидемиями и голодом. Смертность среди медицинского персонала, особенно врачей, резко увеличилась, доходя в некоторых местах Украины до 33—38%. И в то-же время материальные условия жизни медперсонала оставались крайне тяжелыми. Невыплата жалованья по целым месяцам, неудовлетворение продовольственным пайком и получавшаяся вследствие этого колоссальная задолженность, — приняли на Украине характер хронического явления.

Новая экономическая политика вызвала пересмотр основ строительства здравоохранения, с одной стороны, а, с другой стороны, заставила нас

вступить в борьбу за сохранение советской медицины с точки зрения материального базиса. Натиск на советскую медицину начался приблизительно год тому назад и выразился в попытке восстановления ведомственной медицины дореволюционного периода и в упорном стремлении пересмотра двух основ советской медицины—бесплатности и общедоступности. И в том и в другом случае причиной явились наша бедность и недостаток рессурсов. Особенно силен был напор на единство советской медицины. И это было понятно.. Поскольку НЭП в известных отраслях восстановила буржуазные отношения, постольку вместе с ними воскресли и разговоры о ведомственной медицине. Правда, они раздавались весьма слабо, но тем не менее известный вред делу принесли. Началось с попытки восстановления фабрично-заводской медицины и этим был нанесен удар по самому чувствительному месту, ибо фабрично-заводская мидицина не только вернула бы нас к далекому прошлому, не только резко понизила бы квалификацию медицинской помощи рабочим, но она лишила бы советскую медицину ее классового характера. Выход был найден в декрете Совнаркома от 2-го сентября 1921 г. о прикреплении лечебных заведений к фабрично-заводским предприятиям. В дальнейшем был выдвинут вопрос о страховой медицине, которая лишь к декабрю 1921 г. получила организационные формы, выразившиеся в соответствующем декрете Совнаркома.

Следует еще остановиться на опыте создания Горздравов. Наркомздрав с самого начала был противником этой организации, ибо он в этом видел опасность дробления сил и средств, что являлось неприемлемым в наших условиях, когда город своими средствами обернуться не может и когда фактически город должен еще некоторый период времени жить за счет села. Результат работ Горздравов оказался весьма плачевным, и мы кроме колоссальной задолженности, почти по всем губерниям, ничего не имеем. Наконец, прорывом в области единства советской медицины является решение последнего с'езда Наркомздравов в Москве, который остановился на создании окружных железнодорожных отделов здравоохранения при областных органах НКПС. Это было резкое нарушение принципов советской медицины и фактически такая точка зрения до сих пор еще не нашла своего применения в жизни.

Вторая «ревизия» советской медицины происходила по линии платности или бесплатности медицинской помощи. Эти разговоры начались как только мы перешли к НЭП, т. е. в результате стремления найти добавочные рессурсы. Наркомздрав-же все время указывал, что самоокупать медико-санитарное дело нельзя, что этого никогда не было и в старое время и тем более невозможно сейчас. II практика показала правильность этой точки зрения, ибо проведение платности в лечучреждениях блестящим образом провалилось. Да и самая сдача в аренду больниц или аптек не приняла широких размеров, так как желающих не находилось. Остальные принципы советской медицины, ее временно-классовый характер, общедоступность и квалифицированность координальному пересмотру не подвергались.

Общая обстановка работ за отчетный период ни в какой мере не являлась благоприятной. Когда мы в 1920-21 г. ликвидировали фронт, то казалось, что непосредственно с прекращением войны мы сможем приступить к воссозданию хозяйства и наряду с этим воссозданию нашей культурной жизни,—в частности, дела Здравоохранения. Но 8-ми-летняя война не могла пройти совершенно бесследно, а летом прошлого года мы стали перед новым голодным бедствием, которое в смысле разрушения основ хозяйственной жизни и медико-санитарного дела ни в какой мере не уступало войне. Нам пришлось спешно менять наш фронт. Скудные рессурсы, отпускаемые государством, были в большей степени брошены в голодающие губернии. Связанное с голодом колоссальное развитие эпидемии сильно усугубило положение вещей. Если все-таки в течение последних 4-х месяцев мы кое-чего достигли, то это благодаря тому, что рессурсы Республики несколько увеличились, финансовый аппарат окреп, а отчасти, может быть, и благодаря эпидемиям, которые давали возможность получать несколько больше средств.

Колоссальный рост заболеваемости и смертности является непосредственной причиной голода, охватившего пять губерний Украины, и как следствие этого—громадная убыль населения, заставила Наркомздрав создать специальный аппарат, в задачи которого входило изыскание рессурсов, а также руководство работой Губздравов по борьбе с голодом. Работа велась в направлении организации медицинской помощи больным на почве голода, восстановления участковой лечебной сети в голодающих губерниях, перевода ее на государственное снабжение, улучшения снабжения Губздравов голодающих губерний, усиления медицинским персоналом голодающих губерний, а также формирования врачебно-контрольных отрядов и пунктов.

В целях изучения вопросов, связанных с голодом, научной комиссии при Наркомздраве было дано задание в первую голову разработать вопрос о суррогатах питания. Эта работа ведется еще и поныне. Полученные достижения в этом направлении были опубликованы в специальной книге, изданной под заглавием «О голоде». Были организованы выставки по голоду. В виду особенной уязвимости голодающего населения заразными заболеваниями, особенное внимание было обращено на проведение в жизнь в голодающих губерниях противо-холерной кампании. Не имея каких-либо особых средств на работу по борьбе с голодом, Наркомздрав должен был проводить ее за счет ослабления работы в урожайных губерниях. Лишь с проведением общегражданского налога эта работа получила более твердый базис и стала заметно улучшаться и усиливаться.

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Как уже указывалось выше, вся работа органов здравоохранения проводилась под давлением двух факторов—голода и эпидемий. В силу этого, целям предупредительным было уделено значительно меньше внимания. Тем не менее за отчетное время проделана большая работа по изучению санитарного состояния страны и отдельных населенных пунктов.

Водоснабжение в городах почти до последнего времени шло с перебоями, а местами пришло в такой упадок, как в ряде приморских городов, что совсем остановились. Из 40 городских водопроводов на Украине едва ли одна пятая кое как сохранилась, а остальные лишь, благодаря поддержке центра, более или менее начали ремонтироваться и восстанавливаться. Водоснабжение сельских местностей находится в не менее критическом положении. Из 4500 абиссинских колодцев едва ли одна треть сохранилась, а остальные нуждаются в ремонтах. Благодаря неделям и месяцам чистоты и неустанному надзору местных санитарных органов, удалось местными силами отремонтировать до 1000 колодцев. Расстройство городского водоснабжения отразилось неблагоприятным образом и на городской ассенизации. Из пяти канализованных городов Украины ни один не обошелся без поддержки со стороны центра. Наркомздрав и его местные органы неусыпно обращали внимание всех инстанций на угрожающее для народного здоровья положение дел и содействовали получению средств для улучшения этих сторон коммунального хозяйства.

Питание городского и промышленного населения резко ухудшилось. Вместо 3—3$^1/_2$ тысяч калорий взрослый рабочий получал в среднем не более 1500—1700 калорий, а члены семьи еще меньше. Благодаря голоду, охватившему почти половину Украины, питание сельского населения также резко нарушилось. Население в значительной степени поддерживало свое существование разного рода суррогатами, дававшими почву для усиления болезней, поведших к резкому увеличению смертности, уменьшению рождаемости и даже вырождению населения в целом ряде городов (Одесса, Херсон, Николаев и др.).

Для производства прививочнаго материала и научной разработки вопросов эпидемиологии и бектериологии в ведении Наркомздрава находилось пять бактериологических институтов: в Харькове, Одессе, Киеве, Екатеринославе и Чернигове. Несмотря на крайне тяжелые материальные и финансовые затруднения, в которых находились эти институты, последние выполнили свыше половины плановых заданий, в отдельных-же случаях удалось выполнить план полностью, а в некоторых отраслях работ они превзошли все ожидания, как напр., в деле диагностических исследований. Институтами за отчетное время выработано громадное количество бактериальных препаратов, особенно дивакцины, которая выпущена для нужд губерний в количестве до 28.000 литров. Это количество позволило удовлетворить все гражданское население и военное ведомство Украины, а временами даже отпускать дивакцину для нужд РСФСР. Кроме этого бактериологическими институтами проведен ряд курсов для пополнения знаний по бактериологии, в них ведется также целый ряд научных работ. В пастеровских отделениях прошло около 17.000 больных укушенных бешенными собаками. Между прочим, следует отметить громадное увеличение обращаемости укушенных за последнее время. И если не ослабнет финасирование и снабжение, то в ближайшее время масштаб работы бактериологических институтов превзойдет довоенное время. Все институты

почти полностью отремонтированы, снабжены топливом и могут работать в более спокойной обстановке. Для производства оспеннаго детрита на Украине функционировало 9 оспотелятников, сокращенных в 1922 г. до 7-ми Выработано ими детрита свыше 30 миллионов доз.

По всей Украине числится 77 санитарных лабораторий, которые только за 1922 г. выполнили около 110.000 анализов, несмотря на материальные недостатки и недостаток квалифицированных работников. Открыты в этом году пять лабораторий в Киевской и Черниговской губерниях.

Одной из боевых задач Наркомздрава за последнее время было воссоздание санитарной организации и пополнение ее рядов, поредевших за последние 6—7 лет. Путем улучшения материального положения удалось возвратить ряд санитарных работников, ушедших было в лечебное дело, а также удержать наличных работников на местах, а устройством специальных курсов на мечено создание из участковых врачей свежих кадров санитарных работников.

Движение главнейших эпидемических болезней более или менее полно и правильно учитывалось лишь с 1920 г. До этого времени статистические сведения крайне неточны, отрывочны, почему ими нельзя пользоваться. Движение эпидемических заболеваний по Украине за отчетное время видно из следующей таблицы:

	Сып. тиф.	Воз. тиф.	Брюш. тиф.	Оспа	Холера
За весь 1920 г. . .	630487	321216	123134	35171	11228
За весь 1921 г. . .	170632	326884	174821	36372	15444
За $^1/_2$ 1922 г. . . .	284370	299409	66002	8239	15714

По позднейшим сведениям число холерных случаев на 1-е октября 1922 г. достигает—44395, таким образом, втрое превышает размер эпидемии предшествовавших лет. В сельских местностях холера не отличалась особой интенсивностью. С мая 1922 г. эпидемия стала сильно расти, достигнув максимума в июле, с августа наметилось падение. Эпидемия холеры носила исключительно контактный характер. Водный тип холеры почти отсутствовал. Процент смертности от холеры был чрезвычайно разнообразен и колебался от 30—60%. За время эпидемии было произведено более 80.000 бактериологических исследований на холеру, причем было установлено до 15.000 бактериологических диагнозов и обнаружено 2.500 бациллоносителей которые были изолированы и взяты под санитарное наблюдение.

В 1922 г. отмечается усиление эпидемии паразитарных тифов. Лишь в июне месяце эпидемия стала спадать. Надо полагать, что в предстоящие осенние и зимние периоды мы встретимся с новым под'емом тифозных заболеваний, главным образом, в 14 голодающих уездах. Противо-эпидемические мероприятия велись главным образом в направлениях госпитализации, изоляции заразных больных, дезинфекции, очистки зараженных предметов

и мест, предохранительных прививок и различных форм общего специального надзора. При недостаточных рессурсах, только холерные больные госпитализировались в количестве 80—90%. Что касается тифозных, то изоляция их была проведена в 30—40%.

Гораздо лучше производилась вторая противо-эпидемическая мера—дезинфекция. При холере она выполнялась почти на 100% и лишь при тифах и прочих заболеваниях, в силу обилия последних и испытываемого недостатка в дезинфекционных установках и дезинфекционных средствах, дезинфекция не могла достигать необходимых размеров. На Украине к 1922 г. осталось всего 700 дезустановок и 4 дезстанции, а остальные за время войны и революции настолько износились, что не могут быть использованы. Что касается банно-прачешного дела, то оно все время было в неудовлетворительном положении. Общественных бань на Украине числится 260, в воинских частях 106 и на путях сообщения 161. Из этого количества часть бань вовсе не функционировала, часть работала с перебоями, в результате все эти бани удовлетворяли не более 20% потребности. В смету 1922—23 гг. внесены расходы на устройство 24-х банно-прачешных отрядов.

Наиболее положительные результаты противо-эпидемической борьбы дали предохранительные прививки, которые в 1922 году достигли наибольшего размаха. Не малую роль сыграл в этом декрет от 28-го февраля, предусматривающий обязательность предохранительных прививок для определенных групп населения. За 1920 год было сделано всего 300.000 прививок, за 1921 г.—800.000, а в 1922 г. количество прививок достигало почти 4-х миллионов. В общем, можно считать, что за прививочную кампанию 1922 года привито около 8% всего населения Украины, что являлось неиболее действительной мерой борьбы с холерной и брюшно-тифозной эпидемией. Противо-оспенные прививки проходили слабее: так в 1920 году их было сделано около 1 миллиона, в 1921 году—около $3^1/_2$ миллионов и за половину 1922 г. всего 273.000. Причина слабой успешности оспенных прививок заключается в недостатке, а подчас, и в полном отсутствии транспортных средств для проезда оспопрививателей, а самое главное в малом участии и содействии со стороны сельских органов. Наконец, последняя противо-эпидемическая мера—санитарный надзор—осуществлялся в течении всего отчетного периода и в 1922 г. достиг наиболее удовлетворительной степени, когда началось создание санитарных организаций. Вся противо-эпидемическая кампания была сосредоточена в руках Наркомздрава. Тем самым было обеспечено единство воли, но в то же время следует отметить, что некоторые органы, как напр. сельисполкомы, горсоветы, особенно коммунхозы, далеко не всегда шли навстречу начинаниям здравоохранения, а нередко своей пассивностью затрудняли и осложняли осуществление противо-эпидемических мероприятий. Основным дефектом в деле борьбы с эпидемиями следует признать постоянно ощущаемый недостаток финансов, недостаток инфекционных коек, недостаток дезинфекционных установок, бань, прачешных, и т. д., плохое состояние транспорта и недостаточное понимание той

основной истины, что борьба с эпидемиями не есть дело одного Наркомздрава, а всех органов государственной власти, и должна проводиться их совокупными усилиями.

Отдел Путей Сообщения располагал следующим санитарным аппаратом, который был создан, вырос и окреп только после установления на Украине Советской власти: 47 санитарных районов, 22 изоляционно-пропускных пункта с 810 койками, 16 санитарно-наблюдательных пунктов на железных дорогах и 9 на водных путях, санитарно-гигиенических лабораторий: постоянных 3 и подвижных 9, дезинфекционных отрядов—25. Кроме того, на 25 станциях имеется по два дезинфектора. Всего санитарного персонала работает: 110 врачей, 391 фельдшер и 938 человек младшего персонала.

Вся работа организации за отчетный период шла почти исключительно по борьбе с эпидемией паразитарных тифов и холеры, а также по ликвидации ужасающей антисанитарии, вызванной передвижением и скоплением на путях сообщения передвигающихся голодных масс. Путем невероятных усилий уже к началу весны пути сообщения были приведены в должное санитарное состояние. За отчетное время упорядочены и отремонтированы все источники водоснабжения, все без исключения станции обеспечены кипятком и остуженной кипяченой водой, организован тщательный санитарный надзор за продажей с'естных припасов в полосе отчуждения. Движение эпидемии за зимний и летний период выражается в следующем виде.

	Сыпной	Возвратный	Брюшной	Неопред.	Прочие инфекц.	Итого
1921 г. (3 м-ца)	3155	3946	4615	2139	11842	26697
1922 г. (7 м-цев). . . .	32255	28876	5685	9510	14061	90487
Всего	36410	32822	10300	11759	25903	117184

Из таблицы видно, что сыпной и возвратный тифы не только не дали обычного понижения в весенние месяцы, но резко увеличились весной и летом, что в высшей степени затрудняло борьбу с возникшей эпидемией холеры. По контингенту эпидемические болезни распределяются следующим образом: служащих и рабочих 39%, членов их семейств 46%, пассажиров и посторонних 13%, красноармейцев 2%. Кроме того с первого января 1922 г. для заболевших на путях сообщения имелось 40 заразных бараков и отделений при больницах с 1600 койками. За период зимней и весенней кампании силами санитарного надзора было убрано на путях сообщения до 40.000 трупов. Холерная эпидемия в 1922 г. на путях сообщения дала всего 2484 случая, госпитализация ее была осуществлена почти полностью. Привито до 75—80% служащих и от 20—30% членов семейств. Далее персоналом санитарно-наблюдательных, изоляционно-пропускных пунктов осмотрено с первого января 7145 эшелонов, с общим количеством людей около 1 миллиона, амбулаторной помощи на них оказано 15529, произведено прививок дивакцины—7334, для изоляции подозрительных

больных в пути следования курсировало с поездами 58 изоляторов, кроме того в одном из вагонов каждого скорого и почтово-пассажирского поезда для той же цели выделялось отдельное купе.

Недостаток дезинфекционных средств и топлива, а также изношенность камер и аппаратов давали возможность выполнения всех заданий не свыше 60%.

Не маловажное значение в деле санитарного оздоровления страны играет санитарное просвещение. И в этой области Наркомздрав ставил своей основной задачей ликвидацию санитарной безграмотности. На пути к ликвидации санитарной безграмотности встречались непреодолимые препятствия как в смысле недостатка рессурсов, так и подготовленного персонала для осуществления поставленных заданий.

Издательская работа санитарно-просветительных органов Украины в течении 1920 г. и первой половины 1921 г. отличается значительным оживлением. Но уже с октября 1921 года санитарно-просветительная работа значительно ослабевает. Сокращение сметных ассигновок особенно больно отразилось на работе санитарно-просветительных органов. Только периодическая печать в течение 1922 г. была в достаточной степени использована в связи с противо-холерной кампанией. Музейно-выставочное дело в 1922 году также подверглось сокращению. Всего за отчетное время было прочитано лекций, проведено бесед и т. д. около 17.000, с числом слушателей около двух с половиной миллионов человек. Наглядных пособий изготовлено свыше 18.000, издано листовок около 2-х с половиной миллионов, брошюр около 500.000 и плакатов около 325.000.

ЛЕЧЕБНОЕ ДЕЛО

Работа Наркомздрава по организации лечебного дела началась при условиях небывалого в истории разрушения его. Разгромленные и разрушенные белогвардейцами больницы, громадное количество больных, валявшихся на гниющей соломе, умиравших от голода, замерзавших, погибавших в домах с выбитыми стеклами, на вокзалах и просто на мостовых без всякой помощи, при колоссальном развитии эпидемий,—вот что оставили в наследство Советской власти доблестные сыны «доброй армии», пришедшей спасать русский народ от варваров-большевиквв. Ранее всего с делом восстановления лечебных учреждений справились города, которые скоро даже пошли по пути дальнейшего расширения. В 1921 году в городах у нас имелось уже 339 больниц и в них 48.746 коек. Что касается амбулаторной, особенно квалифицированной поликлинической помощи, то в дореволюционной России ее было недостаточно, как в количественном, так и в качественном отношении. Годы 1920-21 были периодом особого развития амбулаторной и поликлинической помощи. В 1920 г. в городах Украины было 203 амбулатории, 42 поликлиники. В 1921 г. количество амбулаторий достигло 527 и поликлиник 89. Благодаря тому, что лечебная сеть была частично снята с государственного снабжения, пришлось прибегнуть к сокращению ее и к августу по Украине в городах

оставалось 27260 коек, что далеко не удовлетворяет потребностям, принимая во внимание, что 78% коек занимались голодающими и беженцами из голодных мест.

Несравненно хуже обстояло дело с организацией медицинской помощи в сельских местностях. В то время, как в городах количество коек большей частью превосходило цифры, выработанные для нормальной сети, в сельских местностях их было в несколько раз меньше нормы. В 1921 г. имелось 1238 участков и 1086 больниц с 29543 койками. Тем не менее эти цифры далеко превосходили цифры довоенного времени. В 1922 г. перед Наркомздравом стала необходимость сокращения лечебной сети в связи с переходом части ее на местные средства.

Что касается специальной помощи, то она имеется в недостаточном количестве, да и то по преимуществу в городах. Кроме того, в виду наплыва беженской волны, пришлось большинство специальных квалифицированных лечебных учреждений превратить в заразные. В 1921 г. по Украине имелось 20000 специальных коек, в 1922 г. эта цифра дошла до 14.000. Далеко не блестяще обстоит дело с психиатрической помощью. Новые же экономические условия вынудили и в этой области пойти на резкое сокращение. В 1922 г. имелось 16 психиатрических больниц и отделений, в которых количество коек достигало 2300. В связи с тежелым продовольственным положением, смертность в них резко увеличились, дойдя в 1922 г. до 30%.

Особенно остро чувствовалось отсутствие рессурсов и разруха хозяйственной жизни страны в области организации квалифицированной лечебной помощи: глазной, ушной и т. д. Тем не менее, 397 глазных коек в 1920 г. в 1921 г. и в 1922 г. количество их увеличилось до 580.

Борьба с венеризмом, который достиг на Украине громадных размеров, не могла быть поставлена на должную высоту вследствие отмечавшихся уже выше причин. За период 1920 и 21 г. в общем на Украине было открыто новых венерических коек 1957. На январь 1922 г. это количество увеличилось до 2613. Несколько шире развилась амбулаторная помощь за 1920—21 г.г. В 1922 г. пропускная способность в специальных кожно-венерических амбулаториях увеличилась в день до 1800. Но к концу 1922 г. эта сеть должна была сократиться.

Что касается рентгеновской помощи, то она на Украине находится почти в зачаточном состоянии. Тем не менее в этой области следует отметить некоторые достижения. В Харькове и Киеве открыты показательные рентгенологические учреждения, рентгенакадемия и рентген-институт, которые помимо лечебных задач имеют также своей задачей подготовку рентгенологов.

Институт помощи на дому был организован к концу 1920 г. Для этой работы были привлечены участковые и амбулаторные врачи. В старой России этот вид лечебной помощи был мало развит. В 1916 г. по всей Украине было всего 83 врача, оказывавших помощь на дому, которые делали 10319 посещений в месяц. В 1920 г. по Украине было таких врачей 199, которыми

делалось 21457 посещений в месяц, в 1921 г. количество врачей достигло 749, делавших посещений в месяц 97588. В 1922 г. этот институт должен был несколько сократиться и он был доведен до 629 врачей с количеством в 82787 посещений в месяц.

Следует отметить довольно большое усиление в 1921 протезного дела. В 1921 г. на Украине имелось 10 заводов и мастерских. Месячная производительность их доходила до 150 новых протезов, 90 пар ортопедической обуви, 85 бандажей и 200 починок старых протезов. С переходом на твердый бюджет в 1922 г. пришлось количество заводов сократить, доведя их до 2-х в Харькове и Киеве.

Лечебная помощь на путях сообщения оказывалась с одной стороны главным образом транспортным рабочим и служащим, с другой стороны— пассажирам. На всех железных дорогах и водных путях Южокруга, имеющего протяжение в 16967 верст, с количеством служащих 129.221 (плюс членов семьи 323.051), имеется врачебных участков 191, фельдшерских пунктов 103, поликлиник 8, приемных покоев 131, акушерских пунктов 132.

Указанные амбулаторные организации за полугодие 1922 г. обслужили несколько миллионов больных

Для оказания коечной помощи пути сообщения Южокруга располагают сетью, состоящей из 35 больниц и 26 заразных бараков. Во всех больницах имеется 2982 койки.

В заключение следует остановиться на внутренней жизни лечучреждений. Прежде всего нужно отметить хронические недостатки продовольственного, медикаментозного, топливного и финансового снабжения. В то время как физиологический минимум для больных являлся не менее 2700 калорий, в 1920 г. в среднем паек больного не превышал 1000 калорий. В 1921 г. в связи с голодом он был меньше и лишь в 1922 г. положение несколько улучшилось, но все таки паек далеко не достигал физиологического минимума.

Более остро обстоял вопрос с топливом В некоторых местах из-за отсутствия его приходилось закрывать целые больницы. По данным Наркомздрава в общем топливное снабжение в 1920 г. не превышало 20%, а в 1921 г. и 22 г.—30%.

Недостаток чувствовался также и в отношении медикаментозного снабжения. Так, в 1920 г. он колебался от 5 до 40%, в 1921 г. от 8 до 45% и в 1922 г. он редко доходил до 50%.

Материальное положение медицинского персонала за все отчетное время оставалось тяжелым. К печальным фактам жизни лечучреждений следует также отнести недостаток средств на ремонты помещения. Лишь в 1922 г. в связи с получением средств из общегражданского налога удалось почти все крупные учреждения Украины привести в порядок, отремонтировать и многие из них поставить в этом отношении в гораздо лучшее состояние, чем были в довоенное время.

Сокращения лечебной сети происходили все время, даже по несколько раз в год. К январю 1922 г. Наркомздрав вынужден был включить в свою смету вместо 78000 коек только 52000 коек. Наконец в новую смету 1922—23 г.г. включено всего-на-всего $22^1/_2$ тысячи коек.

Состояние аптечного дела в Республике рисуется в следующем виде. В данный момент имеется около 800 национализированных аптек, из них 600 в городах и до 200 в селах. Приблизительно такое же количество имеется аптек при лечебных учреждениях. В своей работе Наркомздрав руководствовался двумя основными принципами: 1) приближение лекарственной помощи к беднейшему населению и 2) оказание бесплатной лекарственной помощи там, где оказывается бесплатная медицинская помощь. В связи с Нэп'ом в этой области пришлось внести некоторые коррективы, как, например, перевод части аптек на хозяйственный расчет и сдача в аренду. Но как то, так и другое, нарушив принципы советской медицины, тем не менее реальных практических результатов не принесло.

Принцип преимущественного обслуживания пролетариата был одним из основных лозунгов советской медицины. В условиях старой экономической политики и, когда вся продукция передавалась государству, Наркомздрав рассматривал себя общегосударственной страховой кассой, оказывая всему трудящемуся населению бесплатную медицинскую помощь, причем и тогда рабочему классу всегда предоставлялось преимущество в оказании квалифицированной медицинской помощи. Целый ряд лечучреждений был выделен специально для обслуживания рабочих. В связи с Нэп, а также переходом к твердому бюджету, когда рессурсы Наркомздрава значительно сократились, лечебное дело для трудящихся получило несколько иные организационные формы. Был проведен через Совнарком декрет о прикреплении лечебных заведений к предприятиям. Этот декрет, являясь суррогатом социального страхования, несомненно принес целый ряд положительных результатов, ибо предприятия, заинтересованные в правильном функционировании своих лечебных заведений, этим декретом обязывались приходить всячески им на помощь.

В декабре 1921 г. был проведен декрет о социальном страховании, и тем самым под сеть рабочей медицины была подведена твердая материальная база. Для того, чтобы эту работу оставить, как ударную, пришлось внутри органов здравоохранения выделить отделы рабочей медицины в центре и также под'отделы на местах, которые, являясь органами Наркомздрава, в то же время более тесно связывались с профессиональными организациями. Отделу Рабочей Медицины была передана сеть в 9500 коек, —наиболее лучших из числа существующих. Несмотря на свое недолгое существование, отдел Рабочей Медицины добился уже значительного улучшения в постановке лечебного дела как в больницах, так и в учреждениях амбулаторного типа (поликлиниках). Обеспечение рабочих коек происходит в ударном порядке, для чего в Наркомздраве бронирован специальный фонд. По плану на 1922-23 г.г. лечебная сеть рабочей медицины должна выра-

зиться в следующих цифрах: 52 поликлиники, 250 фабрично-заводских амбулаторий, 15 туберкулезных диспансеров, 9.500 лечебных коек, 750 коек санаторных и 1000 курортных коек.

Санаторно-курортное дело, находившееся в 1920 г. в чрезвычайно разрушенном состоянии, за последний период удалось значительно улучшить и расширить.

Для отбора больных в санатории и курорты были организованы врачебно-отборочные комиссии из пяти членов: трех представителей совпрофа и двух врачей. По плану 85% всех мест на курортах и санаториях должно предоставляться рабочим физического труда и лишь 15% трудящимся умственного труда.

Количество санаторных коек доведено до 5228. Это количество превышает таковое же в 1920 году на 28%.

С введением НЭП наметился переход на хозяйственный расчет курортов. Часть коек была об'явлена платными. В результате к началу летнего сезона 1922 г. оказалось переданными организациям: в местных санаториях 385 коек, в курортах общегосударственного значения 520 коек и Украинскому Красному Кресту для детей голодающих губерний 325 коек.

Подведя итоги трехлетней деятельности Наркомздрава в области санитарно-курортного дела, необходимо указать, что в первые два года работа развивалась преимущественно в ширь. В 1922 году было обращено главное внимание на качественное улучшение постановки дела. Материальные рессурсы не дали возможности развить работу до тех пределов, как это предусматривалось планом. Неустойчивое положение с финансами и продовольствием вызывало постоянный пересмотр плана. Первый год применения НЭП'а в области санитарно-курортного дела в общем дал благоприятные результаты. В будущем летнем сезоне на государственном снабжении предполагается оставить 1.000 санаторных коек и 950 курортных. Цифры эти можно будет уменьшать или увеличивать в зависимости от тех рессурсов, которыми будет располагать Наркомздрав к летнему сезону. В качестве подсобных статей дохода при санаториях организованы сельские хозяйства, в задачу которых входит пополнение продовольственных рессурсов санаторий и курортов. Необходимо отметить, что на курортах лиц, занимающихся физическим трудом, насчитывалось 47,5%.

Туберкулез за последние годы принял размеры настоящей эпидемии. Некоторые статистические данные показывают, что этот по истине бич человечества уносит в могилу гораздо больше, чем даже эпидемии тифов, холеры и проч. Работа в этой области не получила широких размеров, опять таки в силу чрезвычайно ограниченных рессурсов. Основным типом учреждений в области борьбы с туберкулезом являются диспансеры, вокруг которых группируются остальные вспомогательные учреждения: санатории, специальные отделения при больницах, летние колонии и т. д.

В 1922 г. имелось в Харькове 2 диспансера, в Одессе—2, в Киеве—4, в Екатеринославе—2, в Кременчуге, Полтаве и Чернигове—по одному. В 1921 г. были организованы диспансеры в Запорожье, Подольской

и Николаевской губерниях, и также открыт детский диспансер в Харькове. Туберкулезные отделения при больницах имелись в Запорожье, в Екатеринославе, в Житомире, в Харькове, в Одессе, в Киеве, Полтаве, Донбассе, Подолии и Чернигове. Кроме того, в 1921 г. организованы туберкулезные институты в Харькове и Одессе. В области санитарно-просветительной были выделены в 1921 г. на общих выставках по здравоохранению отделы по туберкулезу: в Полтаве, Киеве и в Волынской губернии. В остальном санитарно-просветительная деятельность сводилась главным образом к организации губздравами чтений популярных лекций по туберкулезу с демонстрациями в клубах, диспансерах, на предприятиях.

Помимо недостатка рессурсов организация борьбы с туберкулезом тормозилась отсутствием квалифицированных специалистов в этой области. Для пополнения этого дефекта в 1921 г. были проведены курсы для врачей по туберкулезу в Харькове, Киеве и Одессе. В будущем такие кадры специалистов должны будут выпускаться существующими туберкулезными институтами.

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

Отдел Охраны материнства и детства своей первой задачей ставил установление тесной организационной связи с женскими пролетарскими массами и их организациями, стремясь сделать охрану материнства и детства делом женщин-работниц и крестьянок.

Сейчас орабочение аппарата пошло чрезвычайно далеко. За отчетное время в непосредственно-активное участие в работе по Охране материнства и детства были втянуты тысячи работниц и селянок через комиссии содействия на предприятиях и сельские гуртки.

На ряду с повседневной плановой работой отделу приходилось проводить и ударные кампании, как например кампанию по организации летних детских яслей, для чего со всех губерний Украины было вызвано в Харьков свыше 100 крестьянок и работниц, прошедших организованные трехнедельные курсы руководительниц детских яслей.

В общем деятельность отдела протекала по пути развертывания сети учреждений преимущественно открытого типа: ясли, консультации, молочные кухни, а также пропагандирование и укрепление на местах идеи открытого призрения, как наиболее отвечающего задачам Охраны материнства и младенчества. С конца 1920 г. и начала 1921 г. число детских учреждений открытого типа растет из месяца в месяц и к концу 1921 г. этот тип учреждений уже становится преобладающим в сети учреждений Охраны материнства и детства.

Учитывая полное отсутствие подготовленных работников, служившее основным тормозом в деле развития Охраны материнства и детства, в ряде губерний и в Харькове были созданы курсы по подготовке сестер по уходу и вскармливанию грудных детей, давшие свыше тысячи подготовленных сестер.

В области школьно-санитарной работы по охране здоровья детей старшего возраста, Отдел Охраны материнства и детства установил самый тесный контакт с Главным Управлением по социальному воспитанию Наркомпроса в центре и Губсоцвосами в губерниях. Благодаря этой тесной связи на местах удалось несколько улучшить санитарное состояние учреждений социального воспитания, что незамедлило сказаться и в падении числа острых инфекционных заболеваний в детских учреждениях. Школьно-санитарная работа особенно оживилась с конца 1921 г. в связи с голодом. В результате, несмотря на сильное распространение холеры в некоторых городах, холерные заболевания в детских домах дали единичные случаи.

С конца 1921 г. начала развиваться работа по борьбе с детским голодом, которая вскоре поглотила все силы и средства отдела. В этом отношении проделана огромная работа. Отдел принял самое активное участие в приеме на Украине 25.000 детей Поволжья, прибывших организованным путем, и такое же приблизительно число самотеком. В урожайных губерниях были созданы дома ребенка для детей Поволжья и эвакоприемники для голодающих детей, из которых некоторые, как Харьковский и Киевский, достигли большой мощности. Были развернуты новые и расширены старые детские больницы с числом коек свыше двух тысяч. В голодных губерниях развита была громадная работа по развертыванию новых детских учреждений и расширению существующих. Но наплыв голодных детей был настолько велик, что никакая сеть не могла удовлетворить всей потребности, вследствие этого отмечается колоссальная перенаселенность детских учреждений, что несомненно отражается также на их санитарном состоянии. Одновременно с этим в целом ряде мест была проведена организация столовых для детей, для беременных и кормящих матерей. В Запорожской и Донецкой губерниях развернуты ясли и питательные пункты. Отделом было организовано и направлено в голодающие губернии 14 детских врачебно-питательных отрядов и свыше 20 отрядов отправлено в голодающие губернии из урожайных.

Социальное обеспечение

I

ЭПОХА «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

Советское законодательство по социальному обеспечению трудящихся насчитывает всего лишь пять лет. На Украине этот срок уменьшается значительно, благодаря оккупациям, гражданской войне и проч. условиям минувшей украинской действительности. Однако, и за такой короткий срок в области социального обеспечения сделано на Украине неизмеримо больше, чем в буржуазных странах за много лет борьбы рабочего класса.

Уже через пять дней после политической победы пролетариата в России (30 октября 1917 г.) Рабоче-Крестьянское Правительство в своем сообщении о социальном страховании возвещает всему рабочему люду России о полном государственном обеспечении трудящихся во всех случаях утраты трудоспособности (болезнь, инвалидность, безработица и пр.) в размере полного заработка. Решительная и последовательная в своих действиях Советская власть в декабре того же 1917 года издает декреты о страховании на случай болезни и безработицы. Завершением этой работы является изданное 31/X 1918 года положение «О социальном обеспечении трудящихся», об'единяющее и централизующее все виды социального обеспечения в едином государственном органе—отделе социального обеспечения и охраны труда (Обеструд).

Проводимое в условиях национализации торговли и промышленности, всеобщей трудовой повинности и уравнительного распределения, это положение, естественно, не могло допустить существования организаций, параллельно осуществляющих социальное обеспечение. Логическим выводом, поэтому, явилась ликвидация больничных касс и об'единения Обеструда с Наркомсобесом, проводившим до того свою деятельность по линии обеспечения нетрудоспособных вообще, и материнства и детства, в частности. Об'единение диктовалось не только необходимостью экономии сил и средств, но и теми производственными отношениями, которые существовали в тот период. Изменившиеся в 1920 году отношения привели вновь к разделению Наркомтрудсобеса на два самостоятельных органа (Наркомтруд и Наркомсобес) и к передаче медицинских функций Наркомздраву, детской помощи—Наркомпросу. Такие изменения проистекали, прежде всего, от невозможности проводить организационно-разросшуюся работу социального обеспечения в рамках одного из отделов Наркомтрудсобеса. В результате, к июню 1920 года, мы имеем на Украине организационно-самостоятельный аппарат

социального обеспечения—Наркомсобес, в котором об'единены все виды и формы обеспечения трудящихся при постоянной и временной утрате трудоспособности, при вдовстве, сиротстве, стихийных и социальных бедствиях, а равно обеспечение семей красноармейцев, инвалидов войны, жертв контр-революции и т. п. С этого момента и начинается планомерная работа Наркомсобеса Украины.

Несколько сухих цифр позволят судить о практической деятельности Собеса за истекшие два года—1920 и 1921-й (Деятельность Собеса за 1922-й год изложена ниже). За 1920 год обеспечивалось 337.500 семей красноармейцев с количеством свыше миллиона душ. Выдано было денежного пособия 2.354.000.000 рублей. Натурой помощь оказана в виде отпуска 448.000 пудов муки и хлеба, 46.500 пуд. соли и приблизительно такого же количества сахару. Топлива отпущено 3.275.000 пудов дров и 292.000 пуд. угля, мануфактуры выдано около 1.500.000 арш. Помимо того, помощь оказывалась в виде освобождения от налогов, платы за квартиры, отпуском сельско-хозяйственного инвентаря, поддержанием сельского хозяйства и многим друг.

Инвалидов-пенсионеров обеспечивалось в 1920 г. свыше 200.000 чел. Для обеспечения рабочих при временной утрате трудоспособности и на погребение отпущено 1.820.000.000 р., для помощи жертвам контр-революции и стихийных бедствий—1.042.981.434 рубля. Натуральная помощь также достигла значительных размеров. Так, в 210 инвалидных учреждениях обеспечивалось свыше 20.000 инвалидов труда и войны. Помимо этого отпущено было значительное количество (свыше миллиона пудов) продовольствия, а также мануфактуры, одежды, обуви и др. предметов широкого потребления. Перечислять подробно размеры оказанной помощи заняло бы много места. Достаточно сказать, что денежный расходный бюджет Наркомсобеса выразился за 1920 г. в сумме около 10.000.000.000 рублей.

За 1921 г. помощь значительно расширилась, что доказывает увеличением расходов (без центра) до 103.000.000.000 руб. В этом году на обеспечении находилось 183.750 пенсионеров, для пенсионирования которых отпущено было 4.635.970.300 руб. Семейств красноармейцев обеспечивалось 255.482 с числом душ в 753.860 чел. На пособия семьям красноармейцев отпущено было 3.385.060.483 руб. Сверх того семьям красноармейцев было отпущено 1.551.381 арш. мануфактуры, свыше 650.000 пудов продовольствия и овощей. Как и в 1920 г. производилась помощь трудовая, жилищем, освобождением от разных налогов и т. п. Сделаны были большие достижения в области возвращения инвалидов труда и войны к нормальной жизни, для каковой цели имелось 50 учебно-профессиональных мастерских, 25 производственных, 9 трудовых колоний, несколько заводов и 1.200 десятин земли, не считая некоторых учреждений Всеукраинского масштаба. Социальное обеспечение, благодаря густой сети органов Собеса, проникло во все углы Советской Украины. К концу 1921 г. имелось: волостных Отсобесов—1.972, уездных—96, районных—27 и губернских—12.

II

ПРИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В эпоху «военного коммунизма» Социальное Обеспечение свою роль сыграло более или менее удовлетворительно.

Провозглашение новых основ экономической политики поставило НКСО перед необходимостью изменить формы и методы социального обеспечения. В виду тяжелого положения страны, рассчитывать по прежнему на проведение социального обеспечения исключительно на средства государства нельзя было. Из этого вытекала необходимость отказаться от обеспечения всех без исключения граждан за счет государственных рессурсов и изыскания таких путей обеспечения, которые сократили-бы до минимума расходы государства и одновременно не ухудшили бы положения обеспечиваемых. Отказ от всеобщего социального обеспечения не означал вообще отказа от обеспечения социально-слабых групп трудящихся. Исходя из этого положения, в дальнейшей работе по соц. обеспечению были положены принципы оставления на гособеспечении лишь тех элементов трудящихся, которые ни в каком другом порядке, кроме государственного, обеспечены быть не могут. Старые формы должны были уступить место новым формам социального обеспечения, для реального и правильного проведения которого в настоящую переходную эпоху наметились три пути: 1) социальное страхование; 2) государственное обеспечение и 3) общественная взаимопомощь. На ряду с этим, весьма важным методом социального обеспечения в настоящих условиях явилось вовлечение обеспечиваемых в трудовую, полезную для государства, работу и проведение ряда хозяйственных мероприятий, направленных к укреплению материального положения органов Собеса и его подопечных, как обработка земли, организация и эксплоатация производств, колоний и т. п.

СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ

Основной работой органов Собеса за 1922 г. несомненно явилось проведение социального страхования, декретированного на Украине 10-го декабря 1921 г. Целый ряд обстоятельств потребовали коренного изменения подхода к обеспечению рабочих в смысле введения социального страхования. Эти обстоятельства известны: развитие основных начал новой экономической политики, сокращение области применения государственной промышленности, переход ее на начала бездефицитности и коммерческого расчета, требующие прежде всего точного учета себестоимости продукта производства, рост государственной, частной, концессионной и пр. промышленности и торговли и необходимость возложения на эти промышленные предприятия целиком всех расходов на социальное обеспечение нанятых в них рабочих и служащих.

Утвержденный 10/XII—21 г. Совнаркомом декрет о социальном страховании лиц, работающих по найму, содержит в себе все те основные требования, которые выдвигались рабочей страховой программой в буржу-

азных условиях; из них главнейшими являются—возложение всех расходов на социальное страхование исключительно на предпринимателей, без права обложения страхуемых и распространение страхования на всех лиц, занятых по найму и на все случаи утери трудоспособности и заработка. Кроме того, декрет заключает в себе ряд положений, гарантирующих наиболее правильное и целесообразное проведение его в жизнь. Из них основным является сосредоточение в Собесе, как органе, осуществляющем дело социального страхования и, следовательно, заинтересованном в наиболее успешном взимании взносов и в наиболее экономном расходовании фондов, всего дела управления страховыми фондами, назначения и взимания взносов и контроля над нетрудоспособными, пользующимися обеспечением.

Тарификация предприятий, наблюдение за взиманием взносов, назначение и выдача пособий сосредоточено в руках страховых касс. При такой организационной системе социального страхования сохранены все те положительные стороны работы, которые характеризовали в свое время больничные кассы—самодеятельность, заинтересованность рабочих, непосредственная близость к рабочим массам.

Помимо той непосредственной цели, которая достигнута была таким путем—заинтересованность самого рабочего класса в проведении дела социального страхования—мы получили возможность провести его немедленно, не создавая сложного аппарата и качественно улучшить оказываемое рабочим обеспечение.

Нормы обеспечения рабочих по отдельным видам социального обеспечения основывались на следующих принципах: за рабочим, временно утратившим трудоспособность, сохранен его жизненный уровень, т. е. действительный его заработок, так как интересы производства требуют наиболее быстрого восстановления выбывшей из него рабочей силы; для рабочих, утративших трудоспособность навсегда, сохранен средний уровень существования, причем здесь центр тяжести перенесен на утилизацию труда инвалидов, об'единение их в кооперативы, артели и т. п. и обращение средств, предназначенных для пенсионирования инвалидов и на субсидирование их организаций до того момента, пока они не станут на ноги и не перестанут нуждаться в помощи государства; при обеспечении от безработицы в основу была положена необходимость предохранения от распыления основных кадров пролетариата, главным образом, квалифицированных рабочих, предоставив им, по возможности, минимальные условия существования.

Тяжелое экономическое положение нашей промышленности поставило социальное страхование перед необходимостью ограничить намеченную страховую программу. В этом смысле для госпромышленности был установлен ряд льгот по выполнению ее обязательств в отношении уплаты страховых взносов. Так, при общем среднем проценте взносов в 25%, для госпромышленности размер таковых установлен в 17 процентов. Кроме того, задолженность предприятий по 1-е июля постановлениями СНК была

ликвидирована. Но и при наличии допущенных льгот, не всеми предприятиями обязательства по производству взносов выполнены полностью. Это обстоятельство значительно отразилось, как на поступлении страховых взносов, так и на успешности страховой кампании вообще. Однако, благодаря содействию профорганов и репрессиям в отношении неаккуратных плательщиков, поступление взносов удалось довести к 1-му сентября до 44,17% предполагавшихся поступлений (на 1-е июня—12,68%).

К сожалению, полных данных о степени тяжести взносов для отдельных видов хозяйства пока не имеется, но если взять за основу данные по Харьковской губ., то получится следующая картина:

Предприятия	Поступило за время с 1/IV по 1/IX	В % к итогу
Государственные	39.675.927	64,75
Кооперативные	13.149.695	21,7
Частные.	7.727.796	12,55
Итого	60.564 418	100%

Такие же данные, с некоторыми отклонениями в ту или иную сторону, можно принять и для других губерний Украины. Таким образом мы видим повышение поступлений госпредприятий над всей остальной промышленностью почти в два раза.

По отдельным фондам поступившие страховые взносы распределяются следующим образом:

А. Временная утрата трудоспособности. .	49.815.107.	В%	отн. к	итогу	34,5
Б. Постоянная утрата трудоспособности .	24.615.522.	»	»	»	17,5
В. Безработица	21.379.878.	»	»	»	16
Г. Врачебная помощь.	44.824.634.	»	»	»	32
Итого . . .	140.635.131.	В%	отн. к	итогу	100%

В отношении об'ема социального страхования имеющиеся данные не дают еще возможности заключить о полном обхвате всех занятых по найму лиц. Недостаток этот следует в большей мере отнести за счет уездов, не давших еще до настоящего времени полных сведений о своей деятельности. В общем, охвачено страхованием 9357 предприятий с 401.303 застрахованными лицами по всей Украине.

На первом месте по количеству застрахованных стоит Донецкая губерния. В среднем на одну кассу падает свыше 3.000 застрахованных.

Более благоприятная картина наблюдается в отношении организации страхового аппарата.

Если принять во внимание, что на Украине предположено организовать около 150 страховых касс, то к настоящему времени мы имеем уже

организованных более 80%—1121 кассу. Остальные 20% находятся в стадии организации.

В области организационной (взимание взносов, учет предприятий, организация касс), как мы видим, органы Собеса успели за сравнительно короткий период проделать значительную работу. Таким же темпом проводилась работа по непосредственному обеспечению застрахованных. В этой области, как уже указывалось, пришлось допустить временно некоторые ограничения, главным образом, в отношении групп, получивших стойкую утрату трудоспособности (инвалидность). Данные по операционной деятельности социального страхования еще более скудны по причинам: 1) молодости аппарата; 2) неполного учета обеспечения оказывавшегося через предприятия за счет страховых взносов; 3) ограниченности сведений с уездов. Вследствие этого, приходится ограничиться общими цифрами о помощи, оказанной по отдельным видам без особой их детализации.

Данные говорят о следующем:

№№ по порядку	Оказано пособий	На сумму	В проц. к общ. сумме
1	По случ. времен. нетруд. (вид «А»).	27.342.723,90	59,01
2	По инвалидности (вид «Б»).	1.498.842.31	13,78
3	По безработице (вид «В»)	9.993.318	21,22
4	Врачебная помощь (вид «Г») . . .	7.849.043,18	16
	Всего	46.683.927,39	100%

Кроме денежной помощи, безработным оказывалась помощь натурой, главным образом, в виде выдачи обедов. Так, Кременчугом отпущено 24900 обедов. Подолией—2836 обедов. Кроме обедов оказываются и другие виды натуральной помощи, проводятся льготы по оплате коммунальных услуг, квартир и т. п.

5-м С'ездом Профсоюзов решено передать дело социального страхования из НКСО в НКТ.

Быстрый темп развернутой на Украине страховой кампании, близкой в настоящее время к своему завершению, доказывает лишний раз, что соц. страхование с самого начала построено на реальных основах и имеет под собой твердую почву.

ГОСОБЕСПЕЧЕНИЕ.

Переход страны на мирное положение не мог, конечно, означать, как некоторые предполагали, уменьшение забот государства о социально-слабых элементах, какими являются инвалиды войны и семьи красноармейцев.

С введением социального страхования на гособеспечении остались следующие группы: а) семьи красноармейцев, б) инвалиды войны (империалистической и гражданской), в) семьи инвалидов, г) жертвы стихийных

и социальных бедствий, а также инвалиды труда, временно не вошедшие в круг социального страхования, причем в зависимости от нахождения этих двух—в городе или на селе, методы обеспечения совершенно различны.

Из семей красноармейцев и инвалидов войны на гособеспечении оставлены были только те из них, которые действительно нетрудоспособны и не имеют никаких других источников к существованию. Полное государственное обеспечение распространено было на инвалидов 1-й и 2-й категории, совершенно неспособных к какому либо труду, которые должны остаться в учреждениях социального обеспечения. Остальные инвалиды 3-й, 4-й, 5-й и 6-й категорий, не имеющие сельского или какого-либо другого доходного хозяйства или промысла, имеют право на получение обеспечения от органов Собеса путем предоставления им трудовой помощи, которая является в настоящих условиях единственно целесообразным видом помощи.

Для правильной постановки дела трудовой помощи подопечным, Наркомсобес разработал план организации производственно-потребительской кооперации инвалидов. Все трудовые об'единения инвалидов, как артели, товарищества, сельско-хозяйственные колонии и т. п., должны по плану функционировать на началах хозяйственного расчета, причем размер и условия материального участия Собеса в их содержании определяется в особом порядке. Роль Наркомсобеса и его местных органов, главным образом, заключается в общем руководстве и контроле, предоставляя определенную самостоятельность, инициативу и самодеятельность самим инвалидам.

Все эти мероприятия преследовали задачу улучшить качество обеспечения этих групп за счет уменьшения их количества, ибо, нужно сказать, что размеры обеспечения, вследствие общих тяжелых условий страны, были столь незначительны, что многие отказывались от получения помощи.

Для этой цели проведены были: 1) перерегистрация подопечных, 2) снятие с обеспечения лиц, не имевших прав на таковое, 3) сокращение и концентрация учреждений соц. обеспечения.

К концу октября достигнуто сокращение количества учреждений в среднем на 50%, а обеспечиваемых в среднем на 70%. Обращений за социальной помощью было за 1922 г. 12348, вместо 163440 случаев, имевшихся на 1/I—1922 г. Лишь такой жестокой мерой удалось органам Собеса, хоть в слабой степени, удовлетворить минимальные нужды тех групп, которым вне обеспечения оставаться никак нельзя было.

Необходимо указать, что центр тяжести помощи, по примеру прошлых лет, падал на натуральное обеспечение. Денежное обеспечение, за некоторыми исключениями, большого значения не имело. Так, средняя норма пайка для пенсионеров и семей красноармейцев колебалась от 3060 руб. до 50.000 руб. (старыми деньзнаками). Наркомпродом отпущено около 290.000 пуд. продуктов.

Если проследить отпуск продуктов по месяцам, то мы увидим постепенное падение снабжения. Так, если в январе 22 года хлеба отпущено было 40.000 пуд., то в апреле отпуск выразился в 29.199 п., а в сентябре—18322 п. Постепенное уменьшение количества отпускаемого продовольствия

поставило органы Собеса перед необходимостью значительно сузить контингент потребителей. На снабжении оставлены были лишь 13333 семей красноармейцев в голодающих губерниях, 20,000 призреваемых и специальные пайки (на обеспечение погромленных и семьям погибших полит. и профработников) на 20000 человек.

Помимо продовольствия производился отпуск различных предметов обмундирования и оборудования. Так, за отчетный период отпущено: мануфактуры—71.769 арш. и разных предметов—24.612 штук.

На ряду с продовольственной и вещевой помощью, производилось оказание трудовой помощи, направленная, главным образом, на поддержание сельского хозяйства. Так, отведено было семьям красноармейцев 83619 дес. земли, засев произведен для 5443 семей, посевматериала отпущено 27060 п., помощь живым инвентарем оказана в 691 случае.

Приведенные данные страдают значительной неполнотой. По отдельным отрывочным сведениям можно сделать заключение, что на местах инициатива шагнула далеко вперед и к средствам, отпущенным Центром, изыскивались дополнительно другие источники средства. Наиболее показательным в этом смысле является развитая Собесами хозяйственная деятельность, как в сельской, так и производственной. В общем, по Украине у Собесов имеется предприятий производственного характера около 62 с занятыми в них несколько сот рабочих,—преимущественно инвалидов. В области сельского хозяйства обработано в 1922 г. свыше 1000 десятин земли, урожай с которой, по неточным данным, достигает 65.000 пуд. Такого рода деятельность позволила многим Собесам выйти из того затруднительного положения, перед которым их поставил «НЭП». Взятый в 1921 г. курс на хозяйственное обростание Собесов дал свои положительные результаты и в будущем перед нами вырисовывается перспектива проведения соц. обеспечения на основах самосодержания обеспечиваемых при минимальных затратах со стороны государства. Это положение тем более верное, что третий путь, по которому пошло соц. обеспеч.—взаимопомощь—также в значительной степени снял с плеч государства расходы по обеспечению.

ВЗАИМОПОМОЩЬ

Жесткий государственный бюджет прежде всего отразился на волостных отделах Собеса, которые были ликвидированы. Отмена принудительного перераспределения продуктов, практиковавшегося при продразверстке, лишила селянскую бедноту единственного реального обеспечения за счет богатых хозяев (куркулей). Естественно, пришлось подумать о такой организации социального обеспечения, которая создала бы собственную материальную базу и этим самым имела бы возможность оказывать действительную социальную помощь селянской бедноте, главным образом, семьям красноармейцев, инвалидам войны, вдовам и сиротам. Изыскивая новые пути в деле социального обеспечения села, мысль Собеса остановилась на идее взаимопомощи.

Если комнезамы, как органы государственно-политические, не могли заменить сельские комитеты взаимопомощи, то все же для недопущения окулачивания комвзаимопомощи пришлось их создание возложить на комнезамов. Комнезаможам предоставляется право отводить от участия в сходе кулацкий и эксплоататорский элемент; комнезамы, далее, вправе делегировать в комитеты своих представителей с правом решающего голоса и делается обязательным вхождение в комитет одного представителя от семей красноармейев.

Основные задачи сельских комитетов взаимопомощи в общих чертах таковы: а) организация взаимопомощи селянства при стихийных и социальных бедствиях (пожарах, градобитиях, наводнениях, неурожаях, падеже скота, военных разрушениях, бандитизме, набегах и т. п.); б) забота о своевременном обеспечении проживающего в районе деятельности комитетов селянского населения—сирот, вдов, инвалидов, больных, семейств красноармейцев, демобилизованных, больных и раненых красноармейцев и проч. нуждающихся в помощи; в) организация всесторонней помощи и защита хозяйственных и правовых интересов семейств красноармейцев, инвалидов и граждан, впавших в нужду; контроль за правильным наделением лесными и луговыми угодиями, за выселением из занимаемых помещений, за своевременной обработкой их полей и т. п.); г) содействие государственным органам в устройстве учреждений социального обеспечения, в снабжении их и проч.

Для осуществления возложенных на комитеты взаимопомощи обязанностей им предоставлено право: а) производить внутреннее самообложение (добровольное) селянства, как через посредство кооперации, так и самостоятельно; б) организовать сборы и устанавливать отчисления при товарообмене; в) производить распределение предоставленных государственными органами комитетам, для осуществления их целей, денежных средств и продуктов потребления; г) организовать общественную трудовую помощь нуждающимся.

Под знаком этих задач начата была организация комитетов по всей Украине. Но сразу же сказался ряд обстоятельств, имевших решающее значение для дальнейшего развития взаимопомощи на селе: безразличное отношение органов власти к делу, отсутствие средств для создания комитетов, боязнь, что комитеты станут центром организации кулаков и, наконец, голод.

При таких неблагоприятных условиях организационно и практически развернуться комитеты не могли повсюду. Тем не менее, идея взаимопомощи нашла широкий и дружный отклик среди селянства и оказалась для него близкой и понятной. По 10 губ. Украины имеется 4473 сельских и 598 волкомитетов.

Если принять во внимание, что по Украине имеется около двух тысяч волостей и в среднем на каждую волость по 5 селений и неполноту имеющихся цифр, то можно констатировать, что организация волкомитетов достигла к настоящему времени 35%, а сельских до—50%. Отдельные губернии, как например, Кременчугская и Подольская закончили уже почти

период организации комитетов и ставят вопрос о поуездном и погубернском их об'единении. Состав комитетов в среднем таков: незаможных селян 75%, семей красноармейцев и инвалидов—15% и друг.—10%.

Работа сельских комитетов взаимопомощи за небольшой промежуток их существования выразилась в целом ряде самых разнообразных проявлений и творческой самодеятельности. Комитетами Запорожья, Киевщины, Екатеринославщины и Кременчугщины созданы фонды взаимопомощи как натурой, так и деньгами. В других губерниях закреплялись за комитетами участки земли, обсеменялись и, таким образом, создавались материальные фонды, не прибегая к самообложению. Почти повсюду оказывалась широко трудовая общественная помощь, открывались столовки, проводилась борьба с голодом, устраивались самообложения, взяты в аренду хозяйственные предприятия и т. д.

По мере развернувшейся фактической работы комитетов, комнезамы уже не только подтверждают необходимость их существования, но настоятельно требуют от органов государственной власти государственного содействия их деятельности. Так, пленум Киевской губкомиссии комнезамов от 1-го сентября 1922 года в резолюции по докладу Губсобеса постановил: «Учитывая исключительное значение комитетов взаимопомощи для беднейшего крестьянства, принять решительные меры к скорейшему окончанию организации комитетов взаимопомощи на Киевщине, войдя в контакт по проведению этой работы с Усобесами и Упаркомами на местах». Аналогичные резолюции выносились также и друг. совещаниями комнезамов, которые имели место в других губерниях Украины.

Таким образом, уже сейчас вполне можно установить, что опыт практического осуществления идей взаимопомощи среди крестьянства удался, идея оказалась близка и понятна крестьянству. Необходимо этот опыт популяризировать, вести еще более энергичную агитацию за дальнейшее расширение сети комитетов взаимопомощи.

Транспорт

I ОБЩИЙ ОБЗОР ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Истекший 5-ти летний период в жизни дорог Украины можно разделить на две части:

С октября 1917 г. по декабрь 1919 г., т.-е. два года подряд, в районе украинских дорог происходила непрерывная смена власти, и для дорог Украины это время является периодом их разрушения. Мало того, что в этот период была разрушена масса крупнейших железнодорожных сооружений, при следовавших одна за другой эвакуациях,—из складов были вывезены почти все их материальные запасы и эвакуирован весь здоровый подвижной состав.

На большинстве дорог, к концу 1919 г., когда на Украине окончательно утвердилась Советская власть, как на линии, так и в Управлениях, почти не осталось старого, высоко квалифицированного, знающего местные условия, технически-распорядительного персонала. Управления двух важнейших дорог—Южных и Донецких—оказались совершенно уничтоженными, ибо из них были увезены не только старший командный состав, но и весь средний, все дела, рабочие архивы и инвентарь. Несколько меньше, но все же значительно пострадали Управления Екатерининских и Киево-Ворон. дор. и лишь Юго-Западные дороги полностью сохранили свои аппараты.

Характернее всего цифра разрушенных мостов в 1047 штук общим протяжением свыше 26 верст, из них мостов значительных пролетов, т. е. свыше 10-ти сажен—261, протяжением $22^1/_2$ верст.

Из 14 главных мастерских в начале 20-го года с приходом Советской власти лишь 3 могли быть немедленно пущены в работу, как равно лишь половина участковых могла работать при неполном числе своих рабочих средств.

Таково в общих чертах было состояние украинских железных дорог к началу 1920-го года, когда на Украине окончательно утвердилась Советская власть. Как от руководителей транспорта, так и всей массы служащих и рабочих, в этот момент потребовалась исключительная энергия, чтобы, следуя за наступавшими советскими войсками, восстанавливать движение поездов и тем дать возможность к продвижению. Это исключительное напряжение, когда одновременно приходилось и восстанавливать и вести военные действия на Юге с Врангелем и на Западе с поляками, продолжалось весь 1920 г. В это время кое-как налаженные, но еще неорганизованные дороги Украины были заняты перевозкою войск и снабжения.

Тяжесть положения усугублялась непрерывным топливным голодом. Однако, оглядываясь на прошлое, можно с чувством удовлетворения сказать, что разрушенные украинские дороги с честью справились со всей этой

работой. В ликвидации польского и врангелевского нажима им не может не быть отведено должного места. С этой ликвидацией последовавшей к концу 1920 г., наступает второй период—1921-1922 г. в жизни украинских дорог—работы созидательной по их восстановлению.

В конце 1920 г., вместо окружного комитета по перевозкам, был организован Южный Округ Путей Сообщения.

Компетенция его была распространена не только на железнодорожные пути сообщения, но и на водные.

В состав Округа вошли: нынешние Южные дороги, Юго-Западные, Екатерининские и Донецкие, кроме того в порядке организационного упорядочения дела, в целях лучшего администрирования сетями небольшого протяжения, к концу 21-го года были выделены на правах самостоятельных Управлений: из состава Юго-Западных дорог—Одесский Отдел—1128 верст, Южных—Крымский—410 в., и бывших Екатерининских—Таганрогский—930 верст, (первоначально сеть Таганрогского Отдела еще в 1920 г. была из'ята из состава Екатерининских дорог и включена в состав Донецких).

По речному транспорту Округу подчинены: Верхне-Днепровский и Южно-Днепровский Линотделы, входившие прежде в состав Киевской, Днепровской области.

Всего в ведении ЮжОПС'а ныне: железных дорог 12597 верст эксплоатационной длины, при общей длине всех рельсовых путей (т. е. считая вторые пути, станционные и ветви) в 23209 верст и 4985 верст водных путей. Кроме того Южному Округу, в лице возглавляющего его Уполнаркомпуть РСФСР при Совнаркоме УССР, подчинено Украинское Управление местного Транспорта и подотчетен в смысле обслуживания транспортных нужд Украины Черноморско-Азовский Морской Транспорт.

ЮжОПС, организуясь сам, преодолевая ряд трудностей, поставил себе задачу воссоздания нормального хозяйства на дорогах, их восстановления, как физического, так и в смысле трудовой и технической дисциплины. И едва ли можно сомневаться в том, что со времени занятия Украины Советской властью в общем проделана громадная работа. Все вышеуказанные мосты, за исключением нескольких пограничных, восстановлены, при чем 450 штук, общим протяжением одиннадцать слишком верст, уже капитально отремонтированы. Все главные и участковые мастерские работают. Восстановлено большинство разрушенных водоснабжений. Вместо нескольких десятков оставшихся после белых паровозов-калек, дороги Округа располагают сейчас 1330 здоровыми паровозами. Их провозоспособность по наличию паровозного и вагонного парка, правда на половину негодного для ценных перевозок, достигает ныне 220 вагонов своей суточной погрузки. Однако, провозоспособность эта далеко не всегда используется из-за недостатка топлива.

В отношении материалов положение дорог Юга было очень тяжелым. Материальные рессурсы Республики так истощены, что потребности транспорта оставались неудовлетворенными в 1921 году на 80% и в 1922 г. примерно на 75%.

Вот почему и ремонт подвижного состава, и ремонт пути, зданий и сооружений выполнены и выполняются много ниже минимальной потребности, т. е. несмотря на достигнутые успехи, все же период устойчивого технического благополучия еще не наступил и продолжается период истощения и ослабления. Наиболее ярким примером тому вагонное и шпальное хозяйство. Так, в 1922 г. для того, чтобы сохранить состояние пути на том же уровне, на каком оно было к началу года, требуется сменить 3.300.000 штук шпал, будет же сменено всего 1.500.000 штук, т. е. путь к 1923 г. будет еще слабее, чем к началу 1922 г. То же и со зданиями, особенно с их кровлями. С восстановлением паровозов, если дело обстоит не так остро, то только потому, что потребность в перевозках упала против довоенного времени; с вагонами же дело обстоит чрезвычайно плохо. Хотя их численно и вполне достаточно, но кузова их так разрушены, что перевозки ценных грузов и грузов, боящихся подмочки, испытывают серьезные затруднения. Период разрушения продолжается и о восстановлении вагонных кладбищ не приходится пока думать.

Однако, нельзя не отметить, что количество перевозимых грузов растет, при чем и самый состав грузов имеет тенденцию приближаться к нормальному для Украины.

Параллельно с этим, Округом проделана большая работа по улучшению и упорядочению технической работы. Повышение коммерческой скорости слишком на 25%, увеличение веса поездов, уменьшение оборота вагонов и паровозов, при одновременном слишком на 40% сокращении штатов служащих и рабочих, свидетельствуют о проделанной работе.

Работа дор. Округа (тысячи пудо-верст) и число работников.

	1000 пудо-верст	Число работник. в м-ц	1000 пудо-верст на единицу рабсилы в м-ц
Весь 1921 год	90253930	2151275	42,0
1922 г. Январь	8309192	163002	50,9
» Февраль	6816082	160891	42,3
» Март	12823413	147616	86,9
» Апрель	13094531	145855	89,7
» Май	13968252	139898	99,8
» Июнь	16579965	133169	124,5

Продкампания 1921-1922 г., весенняя и осенняя посевные 1922 г., с вывозом всего пред'явленного груза, говорят за то, что транспорт организационно находится на правильном пути восстановления своих сил.

Новая экономическая политика, с постепенным переводом транспорта на хозяйственный рассчет, с введением платности его услуг, правда еще не приведенной до конца, явилась могучим фактором в смысле оздоровления и упорядочения транспортного хозяйства.

Переход к платности перевозок, установленной декретом СНК от 16/I-1922 г., потребовал большой работы по восстановлению и налаживанию деятельности органов, ведающих коммерческою и финансовою стороною железнодорожного дела. К настоящему времени Службы Сборов уже могут

дать цифры действительных доходов дорог, а Счетно-Финансовые Службы точно учитывают их расходы. Такой точный учет доходов и расходов уже вызвал резкий поворот в сторону хозяйственности и бережливости. Попутная децентрализация во всех хозяйственных отраслях явилась призывом к проявлению местной инициативы и к извлечению местных рессурсов, и есть основание думать, что вышеуказанное материальное оскудение транспорта находится в периоде изживания.

Однако, учет этих сил показал, что розово на будущее еще смотреть нельзя. При нынешних размерах движения, железнодорожный транспорт Украины покрыть свои расходы далеко еще не может: его доходы составляют лишь 70% необходимых расходов. Идти дальше с целью увеличения доходности по пути увеличения тарифов нельзя: уже и сейчас платежеспособность большинства грузов перенапряжена, а такое же перенапряжение может убить рост производительных сил страны и необходимый для нее товарообмен, а, следовательно, в конечном результате, понизить доходы самих дорог. Вот почему, разрешение задачи бездефицитности дорог вообще и дорог Украины в частности, кроется не в огульном увеличении тарифов, а в увеличении перевозок; и в этом отношении перспективы на Украине благоприятны, ибо нужда в перевозках несомненна. Если дороги грузят сейчас всего 1,560 вагонов в сутки и имеют дефицит, то только потому, что по недостатку топлива и частью вагонов, годных под насыпь, они больше к перевозке принять не могут. Уже при достижении погрузки в 2.100 вагонов в сутки дороги Округа смогут покрыть свои расходы.

II. ДНЕПРОВСКИЙ ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ

Национализация речного Днепровского транспорта относится к 1919 году. Главную роль в этом деле сыграл союз водников. Начиная с первых дней национализации и кончая всем последующим временем, союзу принадлежит главная руководящая роль в деле строительства водных путей.

Революция уничтожила частновладельческий характер водного транспорта, и прежде существовавшая система управления путями и сооружениями была об'единена в одну систему: Государственного Управления, как коммерческим флотом, так и техническими судами Службы Пути

Вместо прежних частновладельческих пароходов Киевского и Виленского Округов Путей Сообщения было образовано в городе Киеве Областное Управление Водного Транспорта с Рупводами на местах.

Начиная с первых дней революции и кончая навигацией 1921 года, речному транспорту пришлось испытать слишком многое.

Обостренная гражданская война, впоследствии широко развившийся бандитизм на Украине тяжело отразились на водном транспорте. Много судов было потоплено, сожжено, много транспортного имущества пострадало. Навигация в 1919 и 1920 году протекала в исключительно тяжелых условиях фронтовой и прифронтовой полосы.

Обмеление русла, уничтожение дневной и ночной обстановки рек, боевая обстановка—сильно мешали работе флота, обслуживающего Красную Армию.

В конце августа 1919 года с продвижением Деникина на Киев весь флот принужден был эвакуироваться в Гомель и Чернигов. В Гомель переехало из Киева и Управление Водного Транспорта. Зимняя стоянка флота оказалась в открытых местах при отсутствии ремонтных мастерских, что не дало возможности основательно залечить нанесенные флоту раны. Во время хозяйничанья Деникина флот потерял более 150 единиц.

С уходом же деникинцев флот снова сосредоточился в Киеве вместе с Управлением.

В это время значительная часть судов вооружается и подготовляется для борьбы с бело-поляками.

С занятием Киева поляками флот эвакуируется в Екатеринослав, Чернигов и Гомель, Управление переезжает в Екатеринослав. Здесь интенсивную работу по ремонту судов и в том числе Днепровской Военной флотилии выполняют местные мастерские.

Через сравнительно небольшой промежуток времени флот возвращается снова в Киев.

Поляки в районе Днепра, Припяти, Десны сожгли, потопили и обсушили более 60 судов. Зимняя стоянка флота 1920 года была уже в Киеве. В 1921 году навигация на Днепре открылась не в обстановке военных фронтов прежних лет, а в обстановке развившегося на Днепре бандитизма. Особенное мелководье, про которое старожилы говорили, что такого не запомнят 30 лет, тяжело отразилось на водном транспорте. Но несмотря на все трудности навигации, все же удалось до замерзания реки перевезти 15 миллионов пудов груза, считая по верхнему и нижнему Днепру.

С образованием в г. Харькове Южного Округа Путей Сообщения, Управление водными путями было реконструировано. Областное Управление в Киеве было упразднено и в ЮОПС'е были образованы три Водных отдела. Это был второй этап в организационном развитии водного транспорта.

Новая экономическая политика на транспорте сказалась лишь в конце 1922 года. Собравшийся в середине августа по инициативе Водных отделов Округа С'езд Начальников Линотделов рек высказался за образование двух государственных пароходств, выделение Службы Пути в самостоятельное управление с об'единяющим водным центром Украины в Харькове и Правлениями пароходства в Киеве и Херсоне.

Таким образом навигация 1923 года уже будет происходить в новых организационных формах Управления водным Днепровским транспортом.

Это будет третий этап в развитии деятельности национализированного речного флота.

Здесь также необходимо отметить один факт. Судовладельцы при новой экономической политике хотели широко воспользоваться неполнотой государственного законодательства о национализации судов на Днепре и одно время предприняли чрезвычайно сильный поход в связи с денационализацией флота. Но своевременно принятыми мерами этот поход судовладельцев кончился полной неудачей.

За первую половину навигации 1922 г. Днепровский речной Транспорт перевез уже: грузов 13.269.591 пуд., пассажиров 281.199 человек. На первое июля работало всего по верхнему и нижнему Днепру товаро-пассажирских пароходов 57 единиц; буксирных и катеров—49, непаровых судов—189. Производится восстановительный ремонт судов и строится небольшая часть новых непаровых судов. Навигация 1923 года будет лучше, чем в 1922 году.

Для политического руководства и наблюдения за работой спецов в 1919 году был введен и окончательно оформлен институт комиссаров. После того, как он сыграл чрезвычайно важную и ответственную роль, институт комиссаров в средине 1922 г. был упразднен и заменен институтом Уполномоченных Народного Комиссара Путей Сообщения.

III. ПРОФ. И ПОЛИТРАБОТА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ НА ТРАНСПОРТЕ

Отмечая состояние транспорта удовлетворительным и наличие данных к прогрессу улучшений, а также и то, что транспорт в целом выполнил свою великую миссию в деле развития революции, необходимо отметить участников всей проделанной работы и их заслуги перед революцией.

Ограниченность места не позволяет развернуть всю многообразную картину работы партийных и профессиональных организаций. Однако, главные этапы должны быть отмечены. Всем памятны дни 17 года, когда так называемые специалисты инженеры и техники оставили транспорт почти без управления и вели борьбу за сохранение своих привилегий и единоличия, и кто знает, до какого состояния дошел бы транспорт, если бы во главе Управления транспортом не стояли Революционные Советы Депутатов, в Управлении дорог—Райкомы, Комитеты на крупных узлах и коллективы в цехах и мастерских. Роль этих организаций, руководимых Партийными Ячейками и Центральными Дорожными и Районными Комитетами Партии (до 22 г. партийные организации были самодовлеющими), неизмеримо велико. Массы железнодорожных рабочих поддавались влиянию только своих выборных организаций. Призывы их принимались с большим энтузиазмом. Можно с глубокой уверенностью сказать, что первый этап революции на Украине—февраль 17 и апрель 18 года, управление транспортом, эвакуация имущества в период германо-гайдамацкой оккупации, местами доходившая до 100% всех паровозов, вагонов, инвентаря, инструментов и пр.—было делом исключительно самих рабочих. Второй период Советской власти на Украине был короток: декабрь 1918 года, август 1919 г., транспорт Украины снизу до верху управляется самими рабочими организациями во главе с Коллегией НКПС Украины. В этот период принципы выборности под давлением событий военного характера уступают место принципу назначенчества, но характерно, что эти назначенцы в дорожных районных и узловых органах встречают от масс широкое доверие и уважение, что и дает возможность справляться с огромной военно-перевозочной восстановительной и прочей работой. Уже в первой половине декабря 1919 г. отдельные члены партии и целые группы под руководством ветеранов

Революции—Котлова, Скорохода и др. ведут свою работу подпольно, подготовляя железнодорожный пролетариат к приходу Советской власти и новой напряженной работе. В эту пору во главе Дорожных Управлений становятся Военно-Коммунистические Организации—Дорполиты. В их задачи входит мобилизация и распределение партийных и профессиональных сил для политического контроля над работой специалистов—инженеров и техников, чуждых классовой революции, выдвижение красных спецов с одной стороны, и с другой—для политпросветительной, агитационной и организационной работы.

Профессиональные организации ведут свою просветительную и организационную работу в строгой координации с Политотделами. Этот период охватывает почти весь 20 год; характерна для этого периода необычайно суровая дисциплина внутри Дорполита, Райполита, Райпрофсожей и т. д. Нечего и говорить, что такая строгость вызывалась необычайно тяжелой боевой обстановкой, но, по мере улучшения положения, политотделы заменяют чисто профессиональные организации—появляются Южбюро Цектрана во главе дорог, дорпрофсожи и учкпрофсожи, месткомы и производственные ячейки,—все эти организации теснейше связаны через Комячейки с партийными организациями. Этот период отличается еще тем, что силы партии и профорганизаций строго разделяются. Одни подготовляются к административно-технической работе,—работают как красные спецы, а менее подготовленные занимают места политических комиссаров, другие—идут на агитационно-пропагандистскую, просветительную и организационную работу. Кроме этого, профессиональные организации приближаются к непосредственному участию в намечении и исполнении производственных программ, но проделывают это с большой осторожностью, дабы не нарушать общей стройности работы. К настоящему моменту эта тенденция отпала.

Отдавая должную дань всей массе трудящихся на транспорте и их партийным и профессиональным штабам, было бы несправедливо умолчать и о том, что в этой работе принимали участие и непартийные специалисты—инженеры и техники, которые, быть может, и слабо изживают свои классовые традиции и идеологию. Но все же и тут успели многое сделать партийные и профессиональные организации. Уже теперь не мало насчитывается таких спецов, которые уже не за страх, а за совесть увлеклись творческой работой.

Связь

К концу империалистической войны народная связь представляла уже картину полного разрушения. Все узловые пункты ведомства были завалены грудами почтовых отправлений. Февральская же революция совершенно дезорганизовала ведомство народной связи. Качество работы п. т. учреждений пало до последней степени, трудовая дисциплина пришла в полнейший упадок. Центральный Комитет Союза почтель работников времени Керенского, состоявший из закоренелых чиновников царского времени, ограничивался работой соглашательского толка, идя рука об руку с зарвавшимися администраторами, еще более сгущая тяжелую атмосферу. В таком виде застала аппарат народной связи Октябрьская революция.

С самого начала октябрьского переворота руководящие круги верхов почтель работников обнаружили свою контр-революционную сущность, сея среди более инертных, умственно-отсталых почтель работников недовольство рабоче-крестьянским правительством и призывая к его непризнанию, к открытой с ним борьбе, результатом чего в декабре 1917 года вспыхнула забастовка почтель работников. Ставший во главе народной связи на Украине молодой еще неокрепший, административным опытом, Совет 15-ти напрягал все усилия к регулированию связи, но работа эта, продолжавшаяся до петлюровскаго переворота, протекала при чрезвычайно трудных условиях. Вновь последовавший затем петлюровский переворот поставил Совет 15-ти в положение нелегального существования, но продолжая работать в подполье он сумел, однако, держать полную связь с остальными политическими организациями, ведущими свою работу на пользу Советской власти.

За время петлюровской власти, затем власти Гетмана, состояние народной связи еще более ухудшилось. Почтово-телеграфное имущество вследствие эвакуации частью было расхищено, частью приведено было в негодность. С призывом немцев, последние довершили дело разрушения ведомства, увезя при отступлении колоссальное количество телеграфных аппаратов и другого технического, телеграфного и телефонного имущества. Помимо этого административный хаос, падение трудовой дисциплины, полная внутренняя дезорганизация ведомства, конечно, не могли не отразиться пагубно на работе ведомства.

После ухода немцев и возвращения Советской власти на Украину, вновь ставшему во главе народной связи Совету 15-ти предстояла колоссальная работа регулирования связи при столь тяжелом наследстве. Несмотря на это, благодаря энергии и напряжению всех сил при содействии

создавшихся революционных пролетарских комитетов служащих, дело восстановления связи и повышения производительности труда хотя и медленно но неуклонно шло вперед, вплоть до прихода деникинской власти.

Деникинщина вновь нанесла свой разрушительный удар ведомству.

Вакханалия произвола насилий и грабежа со стороны деникинцев в отношении почтово-телеграфного ведомства не имела границ: посылочные почты, следуемые в товарных вагонах и скопившиеся в крупных узловых пунктах беспощадно грабились, письменная и газетная корреспонденция уничтожалась, телеграф при том работал исключительно для военных властей.

Жестокие репрессии в отношении почтель работников лишь озлобляли массы и подавляли всякое стремление к поднятию производительности труда, посеяв в них полную инертность, расхлябанность и распущенность. Эвакуация деникинцами при отступлении телеграфных, телефонных аппаратов, коммутаторов и другого п.-т. имущества, а равно порча аппаратов и коммутаторов и разрушение линий и проводов довершило эпопею разрушения связи на Украине.

Перед Ревкомом почтель работников, существовавшим подпольно еще при Деникине, по изгнании деникинцев, вновь предстояла тяжелая задача восстановления связи. На этот раз здоровый инстинкт, проснувшийся в низовых массах почтель работников вполне правильно подсказал, что в таком положении оставаться нельзя, что надо вместе с восставшими рабочими и крестьянами браться за дело восстановления почтово-телеграфного аппарата. Шаг за шагом с большими усилиями п.-т. массы постепенно восстанавливали в своей среде пролетарскую трудовую дисциплину. Ставшие во главе народной связи, образованные по примеру Р. С. Ф. С. Р., Губернские Отделы Народной Связи, руководимые партийными работниками, достаточно уже приобревшие за время революции административный опыт, с революционным под'емом при поддержке комитетов и более сознательных рядовых почтель работников, принялись за дело излечения тяжело больного аппарата народной связи. Работа эта на Украине была исключительно тяжелая. Приходилось стягивать аппараты, имущество, дабы хотя как нибудь снабдить по возможности всем необходимым опустевшие п.-т. учреждения. В Харькове, например, оставалось в телеграфной конторе не более 7-ми аппаратов Морза при полном отсутствии таковых в провинции и мечтать о какой либо связи при таких условиях не приходилось, а между тем она так кровно требовалась для революционной победы.

По Украине было вывезено 754 аппаратов Морза, 44—Юза; 9—Бодо, 3—Уитстона, 2549 телеф. аппаратов на сумму в 43,154.547 довоенных руб.

Война с Польшей и Крымский фронт с Врангелем заставили народную связь служить, главным образом, целям военного характера.

Наконец, и борьба с бандитизмом относится к тяжелому периоду для народной связи.

Путем тяжелых усилий органы Уполнаркомпочтеля постепенно налаживали работу связи. Несмотря на все неблагоприятные внешние условия

всеже скоро удалось перейти к положительной творческой работе. Сравнительно с теми препятствиями, какие пришлось встретить на пути к этой работе, достигнуто было не мало. Установлена была связь центра с губернскими пунктами и последних между собою в зависимости от потребностей по той или другой системе телеграфных аппаратов.

Создано было ряд проф-технических школ и курсов в целях поднятия квалификации работников, в каковых ощущалась крайняя нужда. Нормированы штаты всех без исключения п.-т. учреждений. Введен принцип 6-ти и 8-ми часового рабочего дня в порядке кодекса о труде. При содействии пролетарских слоев почтель работников в ведомстве наведен революционный порядок, практически проведено в жизнь начало трудовой дисциплины. Небрежное отношение к своим служебным обязанностям почтель работников стало встречаться все реже и реже. Настроение широких масс почтель реботников резко изменилось в пользу рабоче-крестьянского правительства и в последнее время работа ведомства протекала в полном контакте с их профессиональными организациями.

В период времени до новой эноономической политики все усилия были направлены на то, чтобы приблизить почту, телеграф и телефон к населению. В этих целях было открыто в сельских местностях более 250 почтово-телеграфных отделений и вспомогательных пунктов. Следуя постановленной задаче предоставления широким слоям населения возможности пользования почтой, телеграфом, телефоном и радио-телеграфом первоначально была установлена бесплатность услуг, оказываемых почтель ведомством. Но по мере изменений хозяйственно-экономической кон'юнктуры нашей страны ведомство вынуждено было отречься от этого принципа и установить таксы за указанные услуги, каковые введены 15 августа 1921 года.

С проведением в жизнь твердого бюджета для государственных учреждений и предприятий в связи с финансовым кризисом республики перед ведомством была поставлена задача перехода на самоокупаемость; для осуществления этой меры необходимо было прежде всего принять ряд мероприятий для увеличения дохода и уменьшения расхода по почтово-телеграфному ведомству. Почт.-тел. ведомство было поставлено в необходимость во-первых повести борьбу с чрезмерным разбуханием учреждений, нормировав их штаты согласно выработанных производственных норм и во-вторых, произвести передачу на местные средства содержание тех учреждений, которые по своей деятельности не могут себя окупить, а при несогласии на это местных органов—закрывать такие учреждения. Ввиду этого количество п.-т. работников на Украине, состоявшее в 1914 году из 15.419 человек, в 1920-21 г. из 35.341 человека, в настоящее время с 15 июля с. г. доведено до 15.000 человек.

Количество учреждений, составлявшее в 1914 году—1.246 учреждений, в 1921/22 г.г.—1.743 учреждений, после массовых закрытий в связи с сокращением штата и закрытием неоправдывающих себя учреждений доведено до 1.317; при чем принятых на местные средства—232 учреждения, а всего в настоящее время число действующих учреждений составляет 1.549.

С той же целью уменьшения расходов, экономии материальных и денежных средств и равно концентрирования необходимых сил, существующие Губернские Отделы Связи с 1-го ноября с/г. ликвидируются и взамен их создаются три мощных управленских аппарата, построенные по принципу дореволюционных округов: южный, юго-западный и черноморский.

Совершенно новую страницу занимает в ведомстве связи дело радиотелеграфного строительства, применение в широком масштабе которого впервые встречается при Советской власти. Сейчас по Украине имеется 46 радио-телеграфных установок.

Предполагавшаяся программа построений в 1922 г. 32 радио-станций не осуществлена за отсутствием средств. Наоборот, за изношенностью и отсутствием средств пришлось остановить Николаевскую радио-станцию. В общем же, несмотря на все тяжести, Советской власти удалось заметить ряд нанесенных ран и в области своей почтово-телеграфной связи. Будущее сулит дальнейшее ее улучшение.

Рабоче-Крестьянская Инспекция— Госконтроль

Октябрьский переворот, поставивший перед всеми государственными органами задачи, не имевшие себе претендентов в истории, еще в большей степени требовал от контроля равняться по перевороту,—требовал от него стать действительным «оком» пролетариата и беднейших крестьян. Новизна задач и выдвинула различного рода проекты организационного строения контроля, проводившиеся в разное время в жизнь. От реорганизованного Госконтроля (17-ый год) через параллелное существование последнего с Верховным Социалистическим контролем, через идею «Рабочей инспекции», через орган РКИ—Украина в настоящий момент пришла к «Рабоче-крестьянскому государственному контролю». Это не значит, что каждое последующее изменение организационной формы являлось показателем напрасно затраченных времени, труда и средств предыдущей формы контроля. В определенный момент каждая из перечисленных выше форм имела свое право на существование и оправдывала свое назначение.

История организации Государственного Контроля на Украине представляется в главнейших ее этапах в следующем виде:

В 1918 г. Всеукраинский ЦИК («ЦИКУК») образовал в составе Правительства Народный Секретариат Государственного Контроля во главе с Народным Секретарем (как тогда именовались Наркомы) тов. Гальпериным. К сожалению, не сохранилось достаточно характеризующих материалов о деятельности Контроля за этот краткий период. Одно надо констатировать, что Народный Секретариат не мог развить свою деятельность, и работа его выразилась в поверке отчетов Народных Секретарей.

В 1919 г. после низвержения Гетмана, был организован Комиссариат Государственного Контроля в Харькове, который затем развернул свою деятельность уже в Киеве. Наряду с ним существовал (выделенный из него) Комиссариат Верховно-Социалистической Инспекции. Последняя почти никакой деятельности не развивала. Народный же Комиссариат Государственного Контроля, во главе которого стоял т. Скрыпник, развил довольно стройную работу, как в центре—в Киеве, так и на местах. Контрольными наблюдениями почти полно были охвачены все центральные учреждения (особенно продорганы). Фактическая ревизия поставлена была в широких размерах. Были произведены первые попытки летучих ревизий с привлечением рабочих, например, обследование продорганов в Киеве с привлечением свыше 400 рабочих. Местные отделы Контроля были организованы с обязательным

участием в Коллегии представителя губсовпрофа и губпаркома. Привлекались рабочие и делегаты профсоюзов и в качестве фактических контролеров. В этом году Контроль на Украине пошел значительно вперед, по сравнению с Госконом того времени в России. Но, вместе с тем, основным кадром сотрудников Наркомгосконтроля оставались кадровые спецы-контролеры и деятельность его все же была значительно ограничена поверкой расходов и, прежде всего, документальной ревизией. Комиссариат стоял на пути к широкому привлечению трудящихся к активной работе контроля, но эта работа была сорвана нашествием Деникина и петлюровцев. В общем, следует отметить, что работа Госкона, а потом на первое время и РКИ, протекавшая в условиях эвакуации и реэвакуации, гражданской войны, смены властей, постоянной близости фронта, носила скорее характер полевого контроля, чем контроля мирного времени.

После освобождения Украины, при Всеукрревкоме (в феврале 1920 г.) организовался Отдел Государственного Контроля и одновременно были попытки создания самостоятельной рабочей инспекции. Начало строительства совпало с столкновением идеи рабочей инспекции, с идеей контроля чисто государственного характера, вовлекающего на выборных началах пролетарские массы. Украине пришлось на деле пережить борьбу этих двух течений, осложнивших в первые периоды строительства аппарат Контроля. В марте 1920 г. организовалась Всеукраинская Рабоче-Крестьянская Инспекция, которая возглавлялась уполномоченным от РКИ РСФСР, причем неопределенность этой формы организации усугублялась частой сменой руководителей.

Несмотря на это, Всеукраинская РКИ (ВУРКИ), при совершенно незначительном аппарате, проделала значительную организационную работу.

Главный и основной момент организационной работы было инструктирование перехода от бюрократических форм Государственного Контроля к РКИ, согласованной с общим характером пролетарского строя.

Открывшийся 13-21 апреля 1920 г. 1-ый Всеукраинский с'езд РКИ, стоял перед лицом новой задачи, как осуществить переход к Рабоче-Крестьянской инспекции, как достичь орабочения РКИ и начать работать по-новому, отойдя от бездушной формалистики бумажных ревизий. Действуя ощупью, не имея ни опыта в строительстве массовых организаций, ни точно регламентированных форм этой новой организации, с'езд определил организационные формы этого нового красного Контроля, дал инструкцию кружкам содействия РКИ, инструкцию отделу массовых обследований, план массовых обследований и целый ряд резолюций по вопросам новых методов работы и структуры РКИ.

Этот же период после с'езда был поворотным моментом в организации РКИ. 4-ый Всеукраинский с'езд Советов (май 1920 г.) принял решение о возобновлении РКИ как самостоятельного, не об'единенного в пределах Федерации, Комиссариата. 1 января 1921 г., на основании союзного договора между РСФСР и УССР, было заключено между Комиссариатами РКИ УССР и РСФСР соглашение, по коему военная инспекция, инспектировавшая

воинские части и учреждения и инспекция путей сообщения, инспектировавшая все органы транспорта, функционировали на правах отделов НК РКИ УССР.

18 и 25 октября 1921 г. поднят был вопрос с РСФСР о том, чтобы ЦПКП Донбасса и все транспортные инспекции перешли в контрольном отношении в ведение РКИ РСФСР. И до сего времени, постановлением ВЦИК'а, означенные органы в контрольном отношении остаются в ведении РКИ РСФСР.

В поисках наиболее гибкой системы, соответствовавшей бы поставленным в каждый данный момент перед собой заданиям и в соответствии с методами работ, аппарат РКИ, как в отношении количества самостоятельных органов, разбросанных на Украине, так и в отношении внутренней структуры, больше чем какой-либо другой под'отчетный орган реконструировался, реорганизовывался и видоизменялся. Аппарат контроля строился по примеру структуры под'отчетных учреждений. На каждый отдел последнего имелось отделение РКИ. В среднем для каждой губернии количество самостоятельных отделов определялось цифрой 18-20 (По Проду, СНХ, Просу, Труду и т. п.), которые в свою очередь разбивались на отделения, соответственно отделам под'отчетных учреждений.

Количество же органов в каждом городе на первое время даже не удавалось учесть. Возникали они стихийно и давали о себе знать только случайными запросами. Об'ездом в 1921 г. специальных комиссий по всей Украине производились непосредственно на местах слияния и ликвидации целых органов. (В некоторых местах по 6-8 органов РКИ сливались в один). Система организации специальных инспекций, вызывавшаяся необходимостью ударности работ, была отменена и специнспекции по инспектированию органов народного хозяйства (ЛЗИ, Горнопром, сахарная, соляная, Внешторг и др.) были слиты в Нархозинс.

В настоящий момент, в связи с реорганизацией РКИ в РКГК и уточнением задач Контроля, имеется 12 губотделов, 2 уполномоченных с небольшим штатом (1—в Киеве по трестовой промышленности Правобережья и 1—в Сумах по сахарной промышленности), в центре же оставлено всего 3 ревизионных отдела: фактических ревизий, документальных ревизий и отдел военного контроля.

Что же касается уездных органов РКИ, то с начала 1922 г., в связи с общим пересмотром и сокращением штатов в советских учреждениях уездные отделения РКИ были ликвидированы и взамен их был введен институт уполномоченных РКИ. В настоящий момент, в зависимости от хозяйственно-экономического значения уездов, только в некоторых уездах осталось по одному контролеру с одним или двумя помощниками.

Большим тормазом в области выполнения работы в намеченном масштабе и желательных размерах являлся низкий качественный, в контрольном смысле, уровень личного состава. Спецы частью эвакуировались, частью ушли в другие учреждения, некоторые губотделы, поэтому, не имели ни одного спеца, а некоторые—по 2—3.

Партийный состав в РКИ был весьма незначителен и, несмотря на предпринятые в этом отношении шаги, и данных со стороны парторганов обещаний, в «лучшие времена» количество коммунистов не превышало 8—10%. В настоящий момент в Наркомате (в центре) на 150 сотрудников всего 8 партийных (включая и Комсомол).

Считая, что привлечение широких трудящихся масс к инспекционной работе—было основной организационной задачей РКИ и исходя из мысли, что только пути «орабочения контрольного аппарата» дадут возможность добиться действительного рабоче-крестьянского контроля, все усилия РКИ были направлены в эту сторону. В этих целях необходимо было во-первых информировать массы трудящихся о целях и задачах инспекции, во-вторых привлекать, как отдельных представителей рабочего класса, так и широкие массы к разного вида инспекционной и ревизионной деятельности, сначала подготовляя их к этим новым и незнакомым для многих задачам, а затем, поручая наиболее выдвинувшимся ответственную работу. Для выполнения намеченных задач, РКИ повсеместно велась устная и письменная агитация, созывались конференции, с'езды и совещания, устраивались митинги, доклады, организовывались кружки содействия, производились массовые ревизионные обследования, привлекались к делу социалистического контроля представители профсоюзов, Комсомола, фабзавкомов, комнезамов, женотделов и др., устраивались специальные курсы, велись переговоры с профсоюзами и компартией, одним словом—использовывались все представлявшиеся возможности для воплощения в жизнь новых задач, стоявших перед рабоче-крестьянскими массами. Организуемые в целях привлечения внимания масс «дни», «недели», а также происходившие с'езды были широко использованы РКИ, как в целях пропаганды «идей РКИ» и ознакомления широких масс, с задачами и методами РКИ, так и в смысле непосредственного их участия в инспекционной и ревизионной деятельности.

Для вовлечения трудящихся к непосредственной работе известно несколько организационных форм: 1) избираемые для временной работы в РКИ профсоюзами или непосредственно фабриками, а также сельским населением члены РКИ, несущие обязанности фактических контролеров, 2) избираемые тем же путем практиканты РКИ, посылаемые для практического ознакомления с работой соворганов, 3) кружки содействия, избираемые на фабриках и заводах, а также в селах и деревнях, задача коих—пропаганда идеи РКИ, вовлечение всей массы своего предприятия в порядке постепенности в работу РКИ, наблюдение за работой своего предприятия, прием жалоб и предварительная и фактическая проверка—эти кружки дают возможность осуществить 4-й вид участия рабочих и крестьян, а именно единовременное привлечение трудящихся масс к единичным обследованиям и ревизиям. Эти рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки привлекались к таковым обследованиям через отдел массовых обследований; всего через отдел массовых обследований прошло 27.498 трудящихся: произведено 7.366 обследований. Характерно отметить, что среди деллегированных членов ком. партии было всего 46 человек.

Участие трудящихся в постоянной работе Контроля выражается в количестве по всей Украине 2.123 человек, из которых на 22-й год приходится 144 человека (вледствие общего сильного сокращения штатов).

Кружки содействия организовались стихийно и точно учесть их нельзя было. Как выяснилось при инспекционных об'ездах, данные Наркомата были меньше действительного количества в 2—3 раза, а по сведениям НК РКИ значилось фабрично-заводских и волостных кружков 7.501. Здесь мы считаем нужным оговориться, что несмотря на большое количество ячеек, польза от них была скорее агитационная, чем инспекционная. Об'ективные условия, в особенности новая экономическая политика—отсутствие, вследствие этого, достаточных средств—заставило ячейки содействия хиреть и в настоящий момент они находятся в стадии отмирания.

Институт волостных инспекций, которых насчитывалось до 950, также в связи с новой экономической политикой—самоликвидировался.

Популярные в массах Бюро жалоб, являющиеся той отдушиной, через которую выливались отдельные случаи справедливого недовольства трудящихся волокитой и злоупотреблениями соворганов. Бюро жалоб функционировали во всех губернских и уездных городах Украины. В самом Харькове, кроме центрального Бюро жалоб (при Наркомате) действовало Бюро жалоб при органах чрезвычайных Комиссий и при Земжилотделе, в силу особой важности работы последних. Статистика жалоб представляется в следующем виде: всего по день закрытия Бюро жалоб было принято 56.452 жалобы, по коим даны справки и раз'яснения и удовлетворены частично и полностью около 75%.

При рассмотрении статистических данных число жалоб постепенно падает и в 1922 г. представляет собой совсем уже незначительное количество. Если присмотреться к характеру жалоб и социальному положению жалобщиков, то можно отметить, что в 1920 и в половине 1921 года, т. е. до НЭП'а большинство жалоб приходилось на органы ЧК и Жилотдел и поступали в значительной своей части от рабочих и крестьян. В последнее же время средний социальный состав жалобщиков скорее походит на буржуазный, причем самые жалобы касаются торговых отделов Комхозов. Вследствии организации прокуратуры, новое положение о РКГК фактически не предусматривает Бюро жалоб, и, как временный орган, оставлено Бюро по приему жалоб для соответствующего их направления.

Переходя к освещению оперативной части деятельности РКИ за время с марта 1920 года (фактическое начало работ органов Контроля), мы считаем необходимым разбить ее на инспекционную и собственно-контрольную часть.

Инспекционная деятельность могла бы быть выражена в перечислении более характерных случаев содействия под'отчетным учреждениям, инспекционных нажимов на подконтрольные органы, но за неимением места, мы не ставим это целью настоящей статьи. Ограничимся указанием, что перед РКИ открывалось необ'ятное море, организационных нецелесообразностей, междуведомственных чресполосиц и трений, технической безграмотности и политической безличности рядовых исполнителей, необоснованности

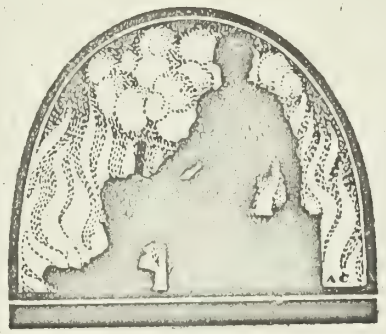
сметных планов и проектов, бессистемности работ, расхлябанности и падения труддисциплины, бездействия и превышения власти—наконец, просто хищения государственного имущества. Методически—шаг за шагом, по мере возможности и сил, устранялись эти дефекты. С 20 года по I/VII—22 года РКИ приняла участие в 103.970 случаях.

К собственно-контрольным методам работы относится предварительная фактическая и последующая документальная ревизия. Эпоха военного коммунизма—эпоха строгого учета и контроля—выдвинула на первое место предварительную и фактическую ревизию. Предварительная ревизия занимала, в особенности в местных органах РКИ, до 75% времени и личного состава. Ячейками-щупальцами внедрялись РКИ в под'отчетные учреждения и проводили предварительную поверку расходов. Тут нужно оговориться, что, чем слабее был орган РКИ, тем больше внимания он уделял предварительной ревизии.

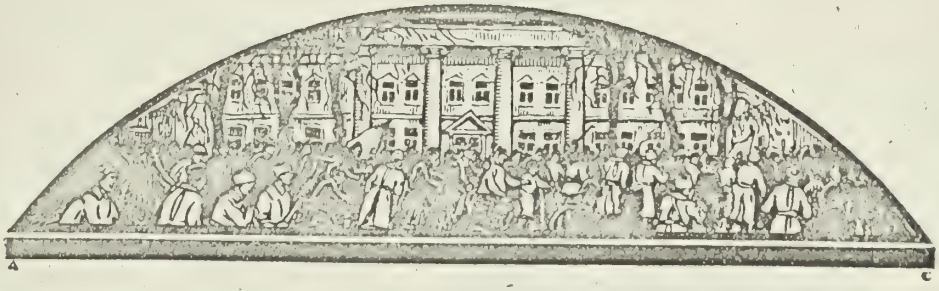
Всего за время с начала 1920 г. по сентябрь 1921 г. просмотрено дензнаков 21 г. документами путем предварительной поверки на сумму 670.081.400.000 (дензнаки 1921 года). По тому времени—цифра колоссальная. С развитием новой экономической политики и необходимости представления свободы развития хозяйственным органам предварительный контроль отменен. Все же должно признать, что в свое время этот метод ревизий принес государству сбережение 25.421.664.000 рублей по финансовому контролю и совершенно не поддающиеся учету сбережения предварительной поверки материальных ценностей.

Фактический контроль продолжал и продолжает играть самую видную роль в деятельности как РКИ, так и ныне Госконтроля.

Всего произведено фактически инспекционно-контрольных выступлений 70.450. Процент обнаруженных дефектов, хищений и злоупотреблений—около 3%.



Эпизоды борьбы



Водоворот

(Из прошлого)

не собираюсь писать истории. Для этого нужно время и материалы, какие можно кое-где разыскать по архивам, и целый ряд условий об'ективного и суб'ективного характера. Просто постараюсь вызвать в памяти и передать, не мудрствуя лукаво, какой-нибудь эпизод из столь недавнего, если считать по календарным годам и столь далекого, (по богатству пережитого) прошлого.

Сейчас по штату полагается поминать великий октябрь 1917 года, но на Украине Октябрь был иным, чем в русских промышленных центрах и тяготеющем к ним центральном районе. У нас Октябрь растянулся на многие месяцы, и даже годы, так что трудно, по существу, сказать когда он кончился. Я поэтому чувствую себя свободнее в выборе периода.

Весна 1919 года. Петлюра разгромлен усилиями организованного пролетариата и примкнувшего к революции крестьянства. Нам чрезвычайно легко далась эта победа. Мы начали наступление в конце 1918 года, двумя повстанческими дивизиями, первая на Киевском, вторая на Харьковском участке. Докатились с невероятной быстротой до Черного моря на юге и Галиции—на западе, впитывая по пути десятки тысяч партизан-повстанцев.

Я помню работу наших штабов периода наступления. Что где делается не разберешь. От частей по неделям нет сведений. Известно, что идут к югу или югозападу. Расчитываешь, к примеру, что, двигаясь со скоростью 40 верст в сутки (это факт—части летели как на крыльях, передвигаясь преимущественно на тачанках и подводах), такой то полк должен быть в Кременчуге. Вдруг получается телеграмма из Елисаветграда за подписью «атаман Григорьев». Содержание: «Поймал кота, жму к Знаменке, жду ваших распоряжений, куда идти дальше».

Атаман Григорьев как будто в списках наших командиров не числится, а как раз наоборот командует одной из петлюровских частей. Почему он адресует телеграмму Командующему Украинской армией тов. Антонову и о каком коте идет речь—непонятно.

Через день—новая телеграмма оттуда же: «котик кусается»... Еще несколько часов—телеграмма из Знаменки «отрубил коту хвост, решил идти к грекам в Николаев».

Только после прибытия действительно нашего полка в Знаменку, вся эта кабалистика расшифровывается. Оказывается, атаман Григорьев перешел на нашу сторону и ударил в тыл другому Петлюровскому атаману Котику (это фамилия такая), оставшемуся верным Петлюре. В первом столкновении потерпел неудачу (котик кусается), но затем одолел, и захватил обозы (отрубил хвост), после чего действительно ударил на Николаев и с горсточкой таких же как сам отчаянных партизан, разбил греков, высадивших там свой дессант, численностью раз в сто по меньшей мере больше всего Григорьевскаго воинства.

Мы были вынесены стихией, притом стихией крестьянской, весьма сочуствовавшей большевизму, но весьма подозрительно, чтобы не сказать больше, относившейся к коммунизму.

Крестьянин партизан с энтузиазмом воспринимал наши боевые лозунги периода разрушения старого строя, видел в нас желанных союзников в его борьбе с помещиком. Но одолев последнего, желал он одного—чтоб все чуждое ему, наносное (городское) оставило его в покое, ибо он желал быть хозяином на своей земле, которую он собственными усилиями—исключительно,—как ему казалось, отвоевал у своего врага.

До мировой революции, до исторической миссии пролетариата, до всей сложности классовой борьбы в городе и деревне, вооруженному, сознавшему свою силу, но столь же темному, как и до переворота, крестьянину—собственнику не было дела. Он видел одно. Большевики говорят: «бей помещика, бери его землю, вооружайся»... коммунисты поют: «давай для государства хлеб, подчиняйся дисциплине» (несколько позже: «сдавай оружие»). Диалектика менее всего соответствует мужицкому способу мышления, и не мудрено, что разворушенная сплошь вооруженная и организованная на свой манер (отряды) стихия, обернулась против нас с такой почти же силой, как только что против гетмана или неудачника Петлюры.

Крестьянская масса в то время еще не успела расслоиться, бедняк (даже батрак) еще целиком находился в плену старых собственнических, типично мужицких настроений и сплошь да рядом выступал против коммунистов активнее, нежели более степенный кулак, сохранивший лишь идейное руководство над движением отстаивавшей его интересы голытьбы.

Многие детали этого взрыва крестьянской массы против коммунистов требуют подробного исследования и освещения, как, например: движение атамана Зеленого на юге Киевщины, движение, в котором принимали участие преимущественно беднейшие элементы села, движение с которым боролась и Советская власть из Киева, и кулачье из Кагарлыка.

Как бы там ни было—весной 1919 года вся Украина клокотала и бурлила. То там, то сям вспыхивали крестьянские восстания, каждое село имело свой отряд, оборонявший стратегические подступы к своей деревенской республике, а подчас выступавший в поход против соседнего городка или местечка.

Не редкость можно было найти вполне организованные волости (например Большая и Малая Половецкая, Киевской губ.), выставлявшие в случае нужды целые полки с пулеметами и даже артиллерией.

По железным дорогам движение поддерживалось преимущественно бронепоездами. Атаманы, только что перешедшие на сторону Советской власти, как Григорьев и десятки ему подобных, или даже старые советские вожди, выступавшие под большевистским флагом при гетмане (Коцур, Гребенка и т. п.) один за другим подымали бунт против Советской власти или, вернее, против коммунистов (понятно не обходилось дело и без «жидов», которых резали по всякому случаю).

Атаманы восставали то потому, что их стесняла всякая дисциплина, а им хотелось безшабашной вольницы, то потому, что они были сознательными нашими врагами, часто действовавшими по указке Петлюровского подполья. Иногда атаманы, долго и честно работавшие с Советской властью, шли поддаваясь стихии, шли нехотя и нерешительно с оглядкой.

Во всем была презанятная смесь революционности, авантюризма, беспросветной темноты, самого дикого мракобесия, беззаветной отваги и трусливой жадности... Все стороны крестьянской души, веками забитой, темной, неожиданно проснувшейся, вечно колеблющейся и революционной и реакционной в одно и то же время, страшной в своей жестокости и в конце концов, детски наивной и детски беспомощной—отразились в судорожных корчах мужицкой Украины.

Наше положение было довольно пиковое. Выручала лишь организованность партии, выручал инстинкт пролетария, который хоть и подчас волынил из-за недостачи питания и прочих жизненных тягот, но в конечном счете все же предпочитал Советскую власть возвращению гетмана. Выручала неорганизованность крестьянской массы да отчасти тот авторитет, который мы, как большевики, все же имели в ее глазах.

По существу, любой наш полк в то время мог поднять против нас восстание и подчас не всегда было понятно, почему та или иная часть борется на нашей стороне, а не против нас? Так, например, Махно оказал безусловно нам поддержку в борьбе против Григорьева (нет ничего невероятного, что Григорьев поддержал бы нас против Махно, если бы тот выступил раньше).

Тот же Григорьев, уже замыслив восстание, уже фактически начав его переброской своих полков в сторону Кременчуга, принимал Командующего Украинскими армиями тов. Антонова и дал ему спокойно уехать, не рискнувши или не догадавшись захватить в плен или пристрелить его. Ясное сознание, что и во имя чего надо делать, решительность—были целиком на нашей стороне, и только потому мы победили. Победили не

только силой оружия, но и морально, заставив признать наше превосходство и необходимость нашего руководства; более того, мы нашли внутри самого крестьянства силы, на которые смогла опереться пролетарская революция (Комнезамы).

....Т. Антонов вернулся от Григорьева и делает доклад в Совнаркоме. По его мнению, опасения, что Григорьев восстанет, преувеличены. Получается телеграмма Григорьева на имя тов. Раковского, как будто подтверждающая оптимизм Главкома.

Однако, следующая весть—бои под Кременчугом.

У Григорьева тысяч шестнадцать организованной армии. Как отнесется Махно, никто не может сказать. Какую воинскую часть (все такие же партизанские и у всех почти командир полка по существу—батько), можно двинуть без риска, что она перейдет на сторону повстанцев?

Часа в 4 ночи меня будит Пятаков, говорит—у Раковского экстренное заседание. Собираемся... Раковский, Бубнов, Пятаков, Кассиор, кажется Ворошилов, не помню кто еще из Наркомов, сообщают, что один из полков снятый с Петлюровско-польского фронта (номера не помню сейчас, восьмой, кажется), направленный против Григорьева, по дороге уже разгромил ЧК в Бердичеве, Казатине и Фастове, и в данный момент в Фастове же обсуждает вопрос двинуться ли ему дальше на юг, через Б. Церковь, Бобринскую на Григорьева или завернуть раньше в Киев и разделаться там с Чекой и коммунией.

В Киеве ничего надежного нет, что можно было бы двинуть против мятежного полка. Остается использовать доводы разума и силу красноречия. Предлагают мне ехать в Фастов, по крайней мере, задержать полк разговорами пока здесь хоть что нибудь сорганизуют для встречи, если не удасться уговорить полк идти по прямому назначению. Еще в темноте отправляюсь на вокзал. Сажусь в вагон. Мощный паровоз тащит за собой мою служебную трехоску, которая болтается, как собачий хвост, и грозит слететь с рельс на поворотах. Самочувствие довольно таки скверное. К рассвету в'езжаю на ст. Фастов. Я, да проводник вагона, который ничего не знает.

Несмотря на ранний час, станция кишмя кишит солдатами в самых разнообразных одеяниях—вплоть до котелка на голове у какого нибудь босого парня с обрезанной для легкости винтовкой. Мой поезд уж заметили и обратили внимание. Бросаются к вагону. Слышны возгласы: «Комиссар приехал». Тон нельзя сказать чтобы очень радушный. Энтузиазма по случаю приезда Члена Правительства не видно. У большинства винтовки в руках.

Выхожу... Вдруг какой то молодой парень в старой немецкой фуражке с радостной физиономией бросается ко мне и обеими руками хватает меня за руку: А, тов. Затонский... а помните, как мы с Вами в Глухове встречались.

Я, понятно, не помню, но от этого не менее рад его встретить здесь в Фастове. Он сейчас же представляет меня солдатской массе, сообщает,

что я, «тот самый Затонский», который вместе с Пятаковым помогал партизанам в нейтральной зоне. Лед сломан. Я уже не комиссар, а свой человек. Вызываю командира полка и предлагаю немедленно собрать ребят в каком нибудь помещении (под открытым небом мешал моросивший дождик), чтобы можно было потолковать. Через 10 минут уже начинается митинг в каком то летнем театре здесь же у станции. ЧК действительно разгромлена. Недалеко от вокзала валяется труп одного из расстрелянных. Настроение полка вполне определенное (определенное именно в своей расплывчатости, путанице понятий в этих крестьянских головах). Они, понятно, за Советскую власть, все большевики, немного коммуны боятся, но в общем не особенно активно против нее настроены. В полку есть и коммунисты, такие же партизаны, как и все остальные. К ним отношение великолепное—они свои. Командир полка вместе с тем атаман, организовавший его, но как это ни странно (на деле это часто встречалось) не он полком командует, а полк им. Вернее, он—командир—целиком во власти той стихии, какая его окружает и от которой он еще не отпочковался. Он не достаточно по уровню своего развития выделяется из общей массы, и настроения окружающего крестьянства имеют слишком большое влияние на него. Он отнюдь не контрреволюционер и даже старался удерживать полк от эксцессов, принимал меры, чтоб полк отправился против Григорьева. Это он—комполка—донес в Киев, что его полк не благополучен. Но если-б полк пошел на Киев, он бы отправился с ним (как тот цыган, что—по народному сказанию—за компанию повесился).

Митинговал больше часу. Привел всевозможные, кажется, доводы за Советскую власть и против бандита Григорьева. В общем соглашались, но чувствовалось что-то недоговоренное. Удалось вызвать на разговор. Засыпали вопросами,—все больше на счет коммуны. Правда-ли, что будут сгонять с своих хозяйств, забирать все в общий котел? Правда-ли, что собираются забирать весь собранный хлеб крестьянина?

От моих раз'яснений повеселели. Наконец, один—уже пожилой дядько—спрашивает: «а чи правда що Раковський жид, бо кажут що раніш більшовики були, а потім жиди коммуниста Раковського посадили»...

Удостоверяю, что т. Раковский самаго православнаго происхождения, что коммунисты—это те-же большевики, что я сам коммунист, что председатель ЧК в Киеве т. Дегтяренко простой рабочий—украинец. Все это, видимо, не совсем хорошо укладывается в партизанских головах, но в общем я свой человек—мне можно верить.

Удалось под конец раскачать публику, посыпались шутки, пошли вопросы даже на счет того, как в других странах. С большим самоудовлетворением послушали, что они первые во всем мире выгнали своих панов, что на них смотрят с упованием рабочие всего света, что их боится мировой капитал. Под конец с большим под'емом спели Интернационал (не обошлось и без Заповіта, конечно) и дали торжественную клятву идти на Григорьева и даже не трогать ЧК по дороге.

И обещание сдержали.

На обратном пути спал до самого Киева как убитый. В Киеве до моего возвращения не спали.

Это вовсе не какой нибудь исключительный случай. Подобных историй были десятки. В самом Киеве происходили восстания полков—такие же бестолковые. Я взял Фастовский случай только потому, что в его ликвидации пришлось мне лично принять исключительное участие. Между прочим, довольно много хлопот причинил нам суд над тем полком (9-й кажется), который устроил волынку в самом Киеве. Не так просто было судить этих ребят-партизан. Мы решили поручить защиту их т. Мануильскому, чтобы создать действительно показательный процесс, после которого подсудимые другой раз не поддались бы на провокацию. Хорошо было бы, если бы товарищ Мануильский как нибудь описал это довольно любопытное дело и то, как он блестяще выиграл процесс. Его даже упрекали некоторые товарищи за излишнюю мягкость.

Кстати, товарищ Мануильский попал на Украину и в Украинское Правительство довольно оригинально. Его в 19 году командировали на С'езд Советов в Венгрию. Сообщение было исключительно по воздуху. К нам прилетал в Киев член Венгерского Совнаркома т. Тибор Самуэли, вскоре после того убитый во время падения Советской власти в Будапеште. Мануильский должен был лететь на аэроплан, даже упражнялся в полетах над Киевом, кажется, вследствие какой то неисправности аппарата отложил свой отлет, а то мог бы попасть уже не в Советскую Венгрию, а прямо в лапы победившей реакции, тем более, что летчик, который должен был т. Мануильского везти, оказался потом белогвардейцем...

С Григорьевым кое как справились, но положение было грозное. Нужно было принять решительные меры против той партизаншины, какая раз'едала Красную Армию. Верховному командованию Р. С. Ф. С. Р. казалось, что здесь на Украине недостаточно обращают на это внимания и ведут недостаточно твердую линию. Товариш Антонов был отозван, украинские армии (всего их было 3) расформированы; из них создали на Правобережьи—12-ю и на Левобережьи—14-ю, еще ближе к дону из бывшей Кожевниковской группы—13-ю Армии. Командующим 12 Армией, штаб которой находился о Киеве, был назначен генштаба Семенов, как потом выяснилось получивший не только определенную директиву насчет большего нажима в смысле превращения армии в регулярную, но и инструкции относительно взаимоотношений с Украинским Центром, в смысле большей независимости от последнего. Но очень скоро выяснилось, что дело не в каком нибудь уклоне со стороны нашего центра, а в об'ективной обстановке. Не вина наша в том, а беда. Генштаб Семенов с членом Реввоенсовета т. Араловым, (нынешним послом РСФСР в Турции), потребовали установления более тесной связи с нами (Ц.К.К.П.У. и Совнарком Украины). Было признано необходимым, чтобы кто нибудь из Совнаркома вошел в Ревсовет. Я получил назначение в 12-ю армию. Одновременно т. Бубнов был направлен в 14-ю, а Пятаков в 13-ю.

И было отчего командарму Семенову требовать с нашей стороны поддержки. Дня через 3 после об'явления по армии о моем вступлении в число членов Ревсовета меня срочно вызывают в Штаб (я одновременно был тогда еще и Наркомпросом.) Оказывается, командир кавалерийского полка Гребенка не желает говорить по проводу ни с кем, кроме Затонского. Гребенка не просто комполка. Это тот самый Гребенка, который в 18-ом году при гетманщине организовал в Тараще грандиозное восстание, охватившее несколько уездов. Немцы вынуждены были бросить против него три дивизии и лишь после полуторамесячной борьбы заставили его покинуть Таращанские дебри. И вот с отрядами своими, с конницей, пехотой, пулеметами и даже артиллерией Гребенка совершает знаменитый рейд из Киевской губернии через Днепр, всю Полтавщину, часть Черниговщины и приходит в Курскую губернию. Сам Гребенка, правда, до границы РСФСР не дошел. Он с небольшой группой отделился на Полтавщине и остался продолжать мелкую партизанскую работу на Украине. Главные же силы прибыли в Курск под командой его помощника Баляса. Этот отряд лег в основу знаменитого в истории Советской Украины Таращанского полка Первой Украинской, впоследствии, 44 Киевской дивизии. Так вот этот самый Гребенка, когда мы навалились в 1919 году на Украину, успел сорганизовать конный полк, который, в описываемый момент, находился на западном участке. Вел себя полк несколько странно, от боев с поляками почему то уклонялся и имел тяготение продвинуться в свою Киевщину,—вернее, в Таращу,—так как главный контингент полка были опять таки таращенские повстанцы.

Командир полка, старый известный партизан, сам полк свой сорганизовавший и сам его содержавший, так как, понятно, все решительно вплоть до вооружения не доставалось в порядке армейского снабжения. Он добился всего исключительно собственными силами. Такой комполк, естественно, не имел особенного стимула подчиняться высшему начальству и вел себя довольно независимо. При всем желании ввести регулярные порядки, командарм не имел никаких реальных сил заставить какого нибудь Гребенку подчиниться себе и приходилось, опять таки, прибегать пока что больше к методу увещания до той поры, пока обстоятельства не позволили взять всех Гребенок за шиворот и поставить их на надлежащее место.

Так вот подхожу к аппарату: «Я—Затонский»,—в ответ—«А чи правда, что вы Затонський?» отвечаю: «Правда». Я—Гребенка, чтобы удостовериться, прошу ответить, как я был одет, когда мы с вами встречались в последний раз в Глухове?».

Отвечаю: «В синей бекеше».

«Теперь я верю, что вы Затонский. Я получил приказ за подписью какого то генштаба Семенова с предписанием отправиться в район Полтавщины на Деникинский фронт, чі виконувати цей приказ чі ні».

Я, понятно, отвечаю, что приказ правильный и т. п., и что впредь всегда нужно выполнять приказы т. Семенова, который является командующим Армией. Гребенка соглашается, но с оговоркой, что под приказом будет и моя подпись.

Маленькая подробность: командир Семенов стоит тут же у аппарата, слушает непонятную украинскую речь (весь разговор шел по украински, я только привел его в переводе). Когда дело дошло до «виконуваты» (выполнять) т. Семенов решил, что это имеет отношение к коннице и спрашивает: «Что это у него с конским составом происходит?».

История с Гребенкой на этом не окончилась. Несмотря на обещания, он приказ не совсем выполнил. Взял направление на Полтавщину, но, дойдя до Таращи, там застрял, и мы случайно тоже, (между прочим, характеристика связи) от Белоцерковского Исполкома узнали, что Гребенковцы уже четыре дня сидят в Тараще и ведут себя более, чем подозрительно.

Было решено, что я лично поеду к ним, произведу смотр частей и окажу воздействие в смысле направления полка против белых.

14-го июля 1919 года около 5 часов я приехал на автомобиле в Таращу. Под'езжаю к штабу. Какая то странная картина: на захолустной, обычно пустынной улице маленького городишки огромное оживление. Толпа крестьян стремится проникнуть в штаб. Я минут 5 не мог протиснуться внутрь, все галдели и толковали о каких то «квитках». К моему изумлению я узнал, что квитки—это ордера на получение спирта из местного винного склада и что в штабе происходит выдача этих ордеров окрестному населению.

Гребенка, видимо, был смущен моим появлением, и на мой вопрос, что это значит, он об'яснил, что средств он ни откуда не получает (это было верно) и, отправляясь в далекий поход, он расчитывал в Тараще подкрепиться, перековать лошадей, добыть нужное обмундирование, снаряжение, отчасти фураж и единственным средством, по его мнению, было купить все необходимое у крестьян в обмен на спирт. Это было не совсем так. Спирт, повидимому, давался не только при товарообмене, а по более сложной системе. Совершенно ясно было, что в обмен на спирт Гребенка старается приобрести, главным образом, популярность среди таращанских «дядьков».

Я приказал немедленно приостановить выдачу спирта, что было исполнено. Как раз в этот момент кто то сообщил, что в местечке начался погром. Я приказал Гребенке ехать вместе со мной на место. Мы сели в мой автомобиль и поехали в центр города. Настоящего погрома еще не было, но несколько лавочек с мелкой галантереей было разбито, и толпа жадно разбирала валявшиеся в пыли пуговицы, катушки ниток и прочую дребедень. Кругом было много гребенковцев, не принимавших активного участия в грабеже, но смотревших на сие весьма благосклонно.

Достаточно было Гребенке вытянуть кого то хлыстом по спине и цыкнуть, как все шарахнулись от нас, бравые кавалеристы немедленно подтянулись, и погром был прекращен в четверть секунды. Оттуда поехали на винный склад: его только что по приказу Гребенки закрыли, и громадная толпа—особенно, счастливцы, имевшие квитки в руках,—старались продавить массивные дубовые ворота, искренно негодуя на внезапную и непонятную отмену выдачи драгоценного спирта. Особенно понятна мне одна

древняя старушенка, которая бросилась к Гребенке и стала убеждать его, что уж кому-кому, а ей он должен выдать обещанную четверть, она же его вынянчила, она его еще вот каким помнит (жест, показывающий, что Гребенка был ростом не свыше аршина).

Но достаточно было Гребенке твердо и властно заявить, что выдача прекращена и что он не допустит разгрома склада, как толпа успокоилась и, хотя с ворчанием, но мирно стала расходиться. Видно было, что Гребенке верят и что он здесь действительно хозяин.

Любопытнее всего то, что он вовсе не имел характерной для большинства партизанских атаманов силы характера. Это—вовсе не железный характер, каким можно было бы его вообразить, а наоборот весьма неказистый по внешнему виду и нерешительный по внутреннему содержанию человек. Я никак, ни тогда ни после, не мог понять тайны его, действительно, огромного влияния и популярности. Возможно, что нерешительность его в те минуты, когда мне приходилось с ним встречаться, об'яснялась невыдержанностью его политической линии, неясностью желаний, обычной и понятной неопределенностью крестьянских настроений. Возможно, что в борьбе с определенными безусловными врагами крестьянства, какими являлись на Украине немцы и гетман, он становился иным. Но когда ему приходилось вести игру против советской власти, он, по существу был беспомощен и жалок, и чувствовалось, что опять таки не сколько он руководит стихией, сколько эта последняя им. Может быть, поэтому именно он и выдвинулся, что был великолепным выразителем всех противоречий крестьянской души. Он происходил из зажиточной семьи, имевшей десятин 20 поля и во время войны дослужился до чина прапорщика или даже подпоручика.

Вернувшись в штаб, я взял Гребенку в оборот, разнес его за его спиртную политику, и потребовал немедленно вывода частей из Таращи. Гребенка извинялся и обещался все выполнить.

Было условлено, что на следующий день часов в 10, бригада соберется на площади за городом, будет устроен парад, затем я ее поздравлю с походом против Деникина, и Гребенка, не давая возможности никому рот открыть, тут же об'явит приказ о выступлении с таким расчетом, чтобы к вечеру уже выйти из города. Между прочим, забыл упомянуть, что мы считали отряд Гребенки полком, а оказалось что он уже успел развернуться в бригаду, и Гребенка просил санкционировать совершившийся факт. Вечером Гребенка куда то исчез из штаба. Со мной оставался Баляс—его помощник и еще один из штабных работников, кажется, в чине помощника начальника штаба (между прочим, тот самый, который писал квитки на спирт, забыл, как его фамилия). Вот он то, когда Баляс куда то вышел, успел мне передать, что дело в общем неладно, что полк настроен против существующей Советской власти, (против «Коммунии»), что Гребенка еще колеблется, но что «все может случиться». При Гребенке и комиссар был как полагается, коммунист и больше того—рабочий откуда то из Иваново-Вознесенска, кажется, по фамилии Иванов,—шляпа, какую редко можно

встретить, особенно среди пролетариев. Он был влюблен в Гребенку, ничего не понимал, что творилось вокруг него, но верил Гребенке настолько, что в случае восстания остался бы с ним. Между прочим, у него самого настроение было несколько похожее на то, что в последствии вылилось в форму, так называемой, рабочей оппозиции.

Выехал я в Таращу не один, со мной был т. Кокошко и еще один паренек—Зеленский. Т. Кокошко я взял для подкрепления партийных сил Таращи, а Зеленского в качестве политработника, предполагая его оставить в полку. Я даже распорядился, чтобы ему был выдан соответствующий мандат указанным выше т. Ивановым. Поздно вечером пришел ко мне в штаб Кокошко и сообщил, что партия в Тараще перешла на легальное положение, (в это время было там, кажется человек 6 коммунистов), а помещение Укома было разбито. Кокошке удалось разыскать секретаря Укома, который передал, что по его сведениям, все данные за то, что Гребенка выступит против Советской власти. По совести сказать, другие наши партизанские части были мало чем лучше гребенковцев, хотя и оставались формально частями Красной Армии, и фактически дрались за власть Советов.

На утро, как было условлено, поехали на смотр: Гребенка показал товар лицом.

Полторы тысячи великолепно вооруженных, отлично одетых, хотя не по форме, кавалеристов, около 100 пулеметов на тачанках, лошади—звери, 16 орудий тоже с великолепной упряжкой.

Встретили меня честь-честью. Когда полагается «ура» кричали, затем продефилировали перед нами конница на галоппе, артиллерия вскачь,—любо смотреть: затем все построились в каре, и я, взобравшись на какой то плетень, обратился к ним с речью. Говорить дали, но чувствовалась скрытая враждебность. По окончании речи даже «ура» кричали. Все же я ожидал, что Гребенка выполнит свое обещание и даст условленный приказ. Вместо этого он предоставляет слово какому то типу весьма подозрительной наружности, (позже выяснилось, что говоривший был деникинский офицер, служивший в полку в качестве рядового). Он начинает речь с того, что де только что вернулся из отпуска из Черниговщины, куда он ездил будто бы проведать родных, и дома застал такую картину: отец арестован, сидит в Ч. К., сестру увели—куда—неизвестно, было два брата, один—расстрелян, другой—в лесу скрывается, дома все разгромили, последнюю корову увели, одна старая мать на развалинах осталась, почти ослепла от горя, и все это, понятно, «жиды-коммунисты» сделали, за то, что его семья не хотела в коммунисты идти. Выводов он не делал, но этого и не требовалось. Возгласы, раздававшиеся со всех сторон, свидетельствовали о том, что ребята не прочь немедленно же расправиться с этой «жидовской коммуной». Выступило еще 3 или 4 оратора все в таком же стиле. Последний требовал прямо об'явить поход на Киев, разделаться с правительством и только уже после этого поставить вопрос о деникинском фронте.

Гребенка слушал, кусая губы, бледный, стараясь не смотреть в мою сторону. Я подошел к нему и спросил, что это значит. Он и тут

ответил, что просто вышла ошибка, и что он не думал, что будут так резко выступать.

— «Вот видите, какое настроение ребят, как нужно изменить все порядки, которые установлены вами—коммунистами».

Я потребовал, чтобы он немедленно прекратил безобразные выступления и об'явил условленный приказ. Гребенка действительно выступил вперед и об'явил поход... на Киев. Партизане встретили это известие с энтузиазмом.

Была довольно жуткая минута. Я ждал, что нас с тов. Кокошко,—тот тоже зачем то пришел на смотр и стоял возле меня—тут же разорвут. Но этого почему то не случилось. Сейчас же был дан приказ строиться. Бригада в полном порядке, как полагается, снова развернулась и двинулась шагом в город. На нас просто не обращали внимания. Я поручил т. Кокошко немедленно идти к партийным товарищам и принять меры, чтобы как нибудь известить Белую Церковь, откуда уже можно передать в Киев о случившемся. Сам же решил ехать в штаб. Скрыться мне было все равно невозможно: слишком меня знали и общее настроение кругом было вполне определенное. Кроме того, приходилось соблюдать приличие: не гоже было члену Ревсовета перед этими головорезами—партизанами обнаружить признаки страха. По дороге в штаб никто не остановил моего автомобиля. Вскоре верхом приехал Гребенка. Я заявил ему, что он играет весьма опасную игру, которая может кончиться плохо прежде всего для него самого, упомянул, что у Григорьева было свыше 16.000 бойцев и, однако, мы с ним справились.

Гребенка уклонялся от разговоров на эту тему и вместо этого предложил идти обедать. Делать было нечего,—пошли обедать. Я только успел еще сказать, приехавшему со мной Зеленскому, чтобы он немедленно, каким угодно путем, хотя бы пешком, постарался добраться до Белой Церкви и передал с ним несколько слов т. Пятакову да своей семье.

За обедом было очень весело. Собралось большое общество,—весь командный состав, Военком-Бриг т. Иванов, сидевший, как ни в чем не бывало (он и после всего происшедшего не верил, что Гребенка контрреволюционер). Были еще представители местного общества: бывший судебный следователь, в квартире которого помещался штаб, бывший мировой судья, отец протоиерей и еще несколько представителей «местной интеллигенции». Между прочим, помню, хозяин квартиры подсчитывал, сколько раз Тараща переходила из рук в руки и, по его статистике, выходило, что до этого дня, до 15-го июля 1919 года—в Тараще власть сменялась 27 раз. Кто-то вспомнил, что в этот день мои именины (Владимира). И должен сказать, что в отношении ко мне не было ничего искусственного и натянутого, как то все было типично по обывательски мирно, добродушно и нелепо.

Очевидно ориентировались на Гребенку, который вел себя по отношению ко мне, как радушный хозяин, встречающий почетного гостя.

Помню, мороженное несколько запоздало, обедающие разошлись и сладкое подавали нам кому куда. Я устроился в саду, куда мне принес порцию т. Балясс, заявивший, что он сделает все возможное для ликвидации неприятного происшествия, и думает, что ему еще удастся спасти положение.

Вскоре подошел Гребенка. Балясс отошел. Гребенка тоже мне заявил «Не думайте, что я контр-революционер, но вы видите настроение хлопцев. Я постараюсь избежать лишних жертв». Что он подразумевал под этим—не знаю. Я еще предупредил его на счет того, что он рискует головой, и заявил, что мне здесь больше нечего оставаться, и я намерен немедленно уехать обратно. Спрашиваю его, накормлены ли шофера, а у самого то мысль, что вряд ли меня отсюда выпустят. Во всяком случае если это случиться, то гребенковцы дураки будут, однако считаю излишним подсказывать необходимость моего ареста.

Гребенка вдруг заявляет, что не советывал бы мне уезжать (ну, думаю, начинается). Однако, тон у Гребенки какой то подкупающий, искренний. Он говорит: «Скажу прямо—на вас готовится засада. Если вы поедете, вас по дороге перехватят и убьют, а я бы не хотел, чтобы это произошло. Вы меня, правда, считаете контр-революционером и изменником, но я вас глубоко уважаю, как человека, с которым встречался в прежнее время в общей борьбе с гетманом, кроме того—вы мой гость, вы после всего происшедшего вернулись ко мне в штаб, и я считаю долгом чести вас безопасно доставить в Киев. Я предлагаю вам сейчас отправиться на лошадях окольными путями в сопровождении трех верных хлопцев».

Видно было, что он говорит искренно, но я все же не особенно расчитывал на верность хлопцев и решил: погибать—так погибать, попробую проскочить на автомобиле, тем более, что и машину было жалко оставлять. Тогда Гребенка выдвинул другой проект. Он предложил отправить в Белую Церков грузовик, которому все равно нужно было туда ехать. На грузовик он обещал посадить небольшую команду, которая конвоировала бы меня до Белой Церкви. На этом и порешили.

Но тут выяснилось, что с моей машиной что то неладное. Нужен был какой то маленький ремонт, а пока там возились—уже стало близиться к закату. Выехали в сумерки. Еще в городе грузовик остановился. С полчаса возились над его починкой. Еще проехали версты две, грузовик опять испортился, а уже было темно. Я приказал своим шоферам не дожидаться грузовика и мы поехали в темноте.

Под'ехали вполне брагополучно. Около самой Белой—Церкви нагнали т. Зеленского. Он первым делом спросил меня, не встречал ли я по дороге в лесу недалеко от Таращи команду гребенковцев человек 15 с пулеметами. Они его, говорит, остановили и потребовали документы. На счастье у него был мандат, подписанный Военкомом полка т. Ивановым, и его, как своего отпустили. Между прочим, спрашивали, не видал ли он меня в Тараще и стоит ли там еще у штаба мой автомобиль.

Позже выяснилось, что действительно это была засада на меня. Но прождавши до ночи, они решили, что я задержан в Тараще и ушли лесными тропинками обратно.

В Белой Церкви я разыскал партийных товарищей, поручил им вести тщательное наблюдение за Таращей и условился шифром, как им сообщать о дальнейшем развитии дела. На утро я уже был в Киеве. Против Гребен-

ковской кавалерии мы были абсолютно бессильны. Все силы были брошены уже частью на деникинский и частью на Петлюровский фронты. В то время Деникин уже подходил к Полтаве, а с петлюровцами киевские курсанты вели отчаянные бои под Жмеринкой.

Гребенке ничего по существу не стоило взять столицу советской Украины, к которой он мог подойти в 3—4 перехода.

Вечером тревожное заседание Совнаркома.

Вдруг звонок, по всему городу разыскивают по телефону Затонского—кто то вызывает из Таращи к прямому проводу на телеграф Губвоенкома.

Пока я пришел—провод пропал. Телеграфисты ищут, щупают час—другой, наконец, появляется Тараща. Еле-еле слышно, кто-то все время вмешивается в разговор, как обычно в таких случаях. С трудом разбираю: «У аппарата Балясс»,—спрашивает, выполнять ли прежний приказ или будут новые распоряжения.

Ничего не понятно, из обрывков фраз выходит, что там произошла какая то кутерьма, кто-то кого то застрелил, командует бригадой уже Балясс, который тут же просит не винить Гребенку. Тут уже совершенно ничего не поймешь.

Приказываю нащупать Белую Церковь и вызвать секретаря тамошнего Укома. Только к утру удается этого добиться.

Удостоверяюсь при помощи шифра, что это действительно Белая Церковь. «Сообщают, что взаправду в Тараще произошел новый переворот. Подробностей пока не знаем, но известно, что полк ночью снялся и вышел из города, но не по направлению к Белой Церкви. Куда—неизвестно».

Только на другой день из Белой Церкви же были получены более подробные сведения. Оказалось, в полку был целый ряд деникинских офицеров во главе с неким Катхе, который при развертывании бригады получил командование вторым полком (первым командовал Балясс). Также оказался деникинцем тот бывший следователь, который нас угощал мороженным. Они вели работу в полку, не открывая своего лица, а возбуждая лишь ненависть к «коммуне». Когда же Гребенка выступил открыто и об'явил при мне поход на Киев, деникинцы решили на радостях, вероятно, что теперь можно действовать во всю, и на собрании командного состава, открывшемся через полчаса после моего от'езда, Катхе прямо предложил разгромить Киев и итти на соединение с Деникиным, обещая от имени последнего за разгром Советской власти великие и богатые милости.

Это наглое выступление белогвардейцев так возмутило крестьян, какими оставались по существу большинство командиров партизан, что Катхе тут же был застрелян и вместе с ним было зарублено еще 12 деникинцев, в том числе следователь и отец протоиерей, бывший на обеде.

Гребенка растерялся, расплакался и заявил, что он введен в заблуждение и что он готов исправить свою ошибку. Его только арестовали,

но и то больше для того, чтобы доказать лойяльность по отношению к нам так как тут же постановили ходатайствовать, чтобы не только была прощена его вина, но чтобы ему вернули командование ибо это необходимо из стратегических соображений (точная формулировка просьбы).

Раньше, чем мог притти ответ от штаба, Гребенка фактически вступил в командование бригадой. Мы с ним связались, когда он уже выдержал пару боев с Деникиным. Гребенковцы честно дрались, сам Гребенка был ранен и лечился в армейском госпитале. Его по выздоровлении все же арестовали и отправили в Москву в В.Ч.К. Он был потом расстрелян (слишком он был неустойчив и имелись сведения, что его снова окружила подозрительная публика). Балясс тоже погиб, в 20 году,—погиб славной смертью: его часть возмутилась, но он, умудренный опытом Таращи, остался верен Советской власти и был убит на своем посту.

Прошло немного времени после гребеновской истории. Положение становилось все грознее. В Киев приехал т. Троцкий. На совещании Ревсовета с т. Троцким и т. Раковским выяснилась безнадежная картина. 13-я Армия, разбитая, бежит, бросая оружие, 14-я сильно потрепана, почти небоеспособна. Деникинцы уже подходят к Харькову и нет надежд на его спасение.

Ставится вопрос, не пора ли самим очистить Правобережье, чтобы не оказаться отрезанными и зажатыми между белыми и Петлюровцами. Военное командование считает невозможным удержать Правобережье, особенно Одесский район. Мы с товарищем Араловым тоже присоединяемся к этому мнению. Т. Егоров будущий командующий Южным фронтом, его т. Троцкий привез с собой из Царицына, еще больного с перевязанной рукой после ранения) молчал—повидимому, не считая себя достаточно компетентным, или не желая противоречить Троцкому, категорически требовавшему удержать Одессу во что бы то ни стало.

Пришлось выслушать несколько довольно ядовитых, как всегда бывает у Троцкого, замечаний на счет нашей нерешительности и неуверенности. Было решено, по настоянию Троцкого, что один из членов Ревсовета 12-й армии поедет немедленно в Одессу, чтобы там организовать сопротивление и на месте назначить командующего одесской группой. (В том районе стояла 45 дивизия под командой Якира и были части 58 дивизии, вышедшие из Крыма с начдивом Федько).

В Киеве не могли решить, кому поручить командование об'единенными силами. Для нас с Араловым было совершенно ясно, что предприятие это безнадежное и что ехать приходится почти на верную гибель. Т. Аралов выдвинул свою кандидатуру, но я настоял на том, что ехать нужно именно мне. Дело в том, что в Киеве у нас положение было очень скверное. Требовалась огромная работа по сколачиванию хоть каких нибудь сил. Товарищ Аралов—бывший военный—имел гораздо больший опыт в этом деле, я же больше годился тогда на роль главного уговаривающего в сношениях со всевозможными партизанами и просто бандитами.

Экстренно был снаряжен бронепоезд, и я на следующий же день выехал через Фастов и Бобринскую на Одессу. По дороге уже выяснилось,

что в бронепоезде,—понятно, «соломенном», сколоченном из угольных площадок—действует лишь переднее орудие, в заднем замок не работает. Вообще бронепоезд никуда не годился и расчитывать на него было нечего. Ехали больше полагаясь на удачу.

До Помошной добрались благополучно, дальше двигаться нельзя было, так как Вознесенский мост был подорван, а исправить его предполагали не раньше чем через неделю.

Ехал я вместе с т. Голубенко. Он был тогда военкомдивом 45, приезжал с докладом в Киев и старался пробраться обратно в дивизию. Т .Голубенко нужно было из Помошной проехать на Голту-Бирзулу. В Помошной разыскали какой то бронепоезд—еще хуже моего и т. Голубенко отправился с небольшой командой по указанной линии.

Пробраться ему не удалось, его команда была почти вся перебита (команда состояла впрочем преимущественно из 3 турок, хорошие, бравые были солдаты) и он должен был вернуться в Помошную.

К тому времени меня вызвали в Елисаветград—там было не ладно: деникинцы уже заняли Знаменку и начальник Елисаветградского боевого участка т. Шамов чувствовал себя не весело. Помню, приехали на станцию Елисаветград в сумерки. Я пошел в штаб, находившийся, понятно, в вагоне.

Только что начальник участка начал мне делать доклад и едва успел сообщить, что в Елисаветграде все обстоит благополучно, как на вокзале началась перестрелка. Я бросился к своему бронепоезду, чтобы собрать свою команду. Творилось что то невообразимое, в чем дело нельзя было понять. Только кругом все трещало. Чтобы ориентироваться и иметь возможность действовать единственоой пушкой бронепоезда нужно было выехать за станцию на мост—в версте от вокзала. Но оказалось, что машиниста уже на паровозе нет,—он немедленно улетучился. Стали искать машиниста, поймали какого типа в одежде, измазанной маслом, и под дулом наведенного револьвера он согласился вывести бронепоезд, хотя только что клялся и божился, что никакого понятия в паровозе не имеет.

Послал одного из своих курсантов с машинистом на паровоз, тот был еще на парах и поезд тронулся задним ходом. Я уже на ходу вскочил к себе в вагон, но в тот же момент поезд получил толчок, что то сзади треснуло. Оказалось, уже успели перевести стрелку и наша задняя броневая площадка врезалась в эшелон командующего участка. Двигаться назад нельзя было.

Отцепили заднюю площадку и решили продвинуться вперед по направлению к Знаменке, чтобы оттуда ориентироваться, но в это время оттуда влетел на станцию поезд это был, как оказалось, отправленный в сторону Знаменки на разведку броневик. Он врезался в бок нашего броневика. Теперь уже ни взад ни вперед. Все это под обстрелом. Стрельба со стороны завода Эльворти, стреляют также из окон вокзала. Мы с т. Шамовым решаем собрать в кулак свои силы и удержаться на товарной станции до утра, с тем, чтобы на рассвете, если возможно, отбить город. По всем данным, это еще не деникинцы, а местные повстанцы.

Тут же на товарной станции стоит готовый к отправлению эшелон; туда грузили еще раньше Елисаветградские ценности и грузилась местная власть. Распоряжаемся как можно скорее этот эшелон отправить, тем более, что его пассажиры только мешают нам, создавая панику.

Мы не рассчитали лищь одного, что на отправляющийся эшелон сядет, вернее облепит его, бросая оружие, почти все наше воинство.

Когда эшелон ушел, оказалось, что с нами почти никого не осталось. Все же достали пулеметы (стащили даже пулеметы с задней площадки нашего бронепоезда, в то время, как паровоз и передняя площадка были уже захвачены бандитами) и стали отстреливаться со стороны товарной станции.

Неразбериха была изрядная.

В это время получены были известия,—верные или неверные трудно было установить,—что деникинцы начали наступление из Знаменки и уже находятся в 15 верстах от Елисаветграда.

Нам оставаться там было нечего. Мы решили поджечь вагоны с фуражем и продовольствием, оставшиеся на товарной станции, чтобы они не попали белым, и начали отходить.

Шло нас немного,—не осталось и сотни человек. Шли ночью по шпалам. Кругом в окрестных селах слышны были свистки, вероятно, условные сигналы. Иногда откуда-то издалека по нас стреляли. Кое где попадались по дороге свежие трупы—очевидно, тех товарищей, которые решили до общего отступления бежать в одиночку и попадали под нож бандитов.

Утром на полях (как раз было время жатвы) можно было видеть крестьян; с оружием с винтовками выходили: косить хлеб. Смотрели на нас волком, но тронуть не решались, так как шли мы кучей.

Шли пешком до станции Плетенный Ташлык. Отправленный нами елисаветградский эшелон ушел оттуда в такой панике, что по дороге все разбежались. На эшелон позабирали и телеграфные аппараты со станции и только с Ново-Украинки, благодаря тому, что телеграфист был петлюровец, спрятавший аппарат, удалось связаться с Помошной и вызвать оттуда паровоз и пару вагонов. Когда приехали в Помошную, там уже было почти пусто. Бежавшие из Елисаветграда довезли панику до Помошной. Мы еще захватили какой-то поезд, не успевший отойти. Оставалось прицепиться к нему. Состав был так длинен и тяжел, что на некоторых под'емах поезд останавливался и начинал ползти обратно.

Тем не менее благополучно добрались до Бобринской.

Только в Бобринской удалось задержать бежавшую волну. Попытались организовать там сопротивление. Я там застал уполномоченного на это дело из Киева т. Дафтьяна. Собрали мы несколько военных, в том числе и т. Голубенко, и стали сортировать публику и формировать части. В районе Цыбулевки между нами и деникинцами находился Коцур, бывший комполка, ушедший потом с полком вместе с фронта и засевший в Чигиринских лесах в районе Фундуклеевки-Цыбулевки. При приближении белых Коцур вел себя по отношению к нам лойяльно и предложил установить связь,—так

сказать, единый фронт. И, действительно, Коцур сдерживал деникинцев довольно удачно. Без этого буффера нам бы в Бобринской не долго продержаться. Впоследствии белые взяли Бобринскую, обойдя Коцура со стороны Черкасс.

Из Бобринской я связался с Киевом и потребовал, чтобы выслали подкрепление и новый бронепоезд, на котором можно было бы все-таки пробраться в Одессу, хотя положение Одессы стало уже совсем безнадежным.

Дня через три, примерно, пришло сразу два бронепоезда: один тяжелый с дальнобойными Канетовскими орудиями, другой—полегче, соломенный. На поездах—дессант из курсантов в человек 50, какой-то уфимской роты человек 70; во главе отряда командир, некий Огинский, по партийности анархист, по существу—горький пьяница.

Я сразу же послал в Киев протест по поводу этого номера, но получил ответ, что лучшего не нашли и предлагают мне, если у меня есть лучшие, самому произвести смену. Лучших и в Бобринской не было, пришлось довериться.

Поехали. Откатили от Бобринской верст 10. Слышен взрыв сзади, остановились, послали разведку. Говорят—мостик взорван. Значит назад ходу нет.

Едем дальше. У станции Ардабаш машинист первого поезда заметил, что на рельсах что-то копошиться вдали. Дал остановку. Поезд с большим трудом остановился в саженях $1^1/_2$ от снятых рельс. Удалось поймать злоумышленников. Оказалось три железнодорожника, захваченные с «орудием» производства—гаечными ключами и т. д. Сознались, что посланы Махно, который находится на станции Ардабаш. Пока мы под'ехали туда, Махно перекочевал на Помощную. Между нами и Помошной разбитый поезд—это ехало из Одессы «бессарабское правительство». Его спустили под откос, часть перебили и лишь малая часть спаслась, укрывшись в соседних местечках. Поезд загромоздил пути. Установлено было, что легче провести обходный путь, чем стаскивать разбитые вагоны.

Три дня шла работа. Кругом в степи маячат махновские всадники; откуда то из-за бугра время от времени бухает единственное махновское орудие.

Потом узнали, что эта пушка действовала без ударника. Выстрелы производились каким-то гвоздем. Вероятно, от того меткость была не блестящая,—хотя шрапнели разрывались довольно близко от места работ и приходилось нашей артиллерии приводить махновскую пушченку в молчание.

Наконец путь восстановлен. Чуть головной поезд соломенного броневика продвинулся вперед—заметил идущий навстречу паровоз. То махновцами из Помошной был пущен паровоз, рассчитывали произвести крушение.

В начале пытались сбить паровоз снарядами, потом стали громоздить на рельсы обломки шпал и камня в надежде, что паровоз соскочит. Одновременно дали задний ход броневику.

Свалить паровоз с рельс не удалось. Он налетел на переднюю площадку нашего броневика, но благодаря тому, что тот уже шел задним ходом удар был смягчен, и дело кончилось тем, что площадка и махновский паровоз соскочили с рельс. Бронепоезд же остался невредим.

Опять повозились часов шесть над опрокинувшимся паровозом, пока удалось совсем свалить его в сторону и уже без пересадки двинулись на Помошную. Вместо эстафеты с извещением о прибытии послали туда пару шестидюймовок. Это произвело надлежащее впечатление. Один из снарядов, выпущенный на расстоянии 18 верст, попал прямо в станцию. Махновцы очистили Помошную. Бой был несколько правее ея, там, между прочим, едва не погиб т. Голубенко, у которого заскочило что-то в его «Люське» (пулемет Люиса), и он каким то чудом спасся, потеряв, правда, пулемет. На Помошную вскочили с шиком и с большим треском всех орудий, пулеметов и бомбометов, бывших в соломенном броневике. Больше всего пострадали стекла на вокзале. Махновцы отступили в село Песчаные Броды, родину жены Махно.

В Помошной ориентировались. Оказалоеь, что Вознесенский мост все еще непроходим, но что его чинит экспедиция, высланная из Одессы, и мы решили ждать в Помошной ея подхода. Пока, что совершили экспедицию в Песчанные Броды, зашли в махновский штаб, находившийся в школе, пощупали учителя—оказалось—петлюровец, нашли кое-какие интересные документы. Как раз брат учителя был секретарем местного Ревкома, так и звался — «Революционный Комитет селения Песчаные Броды». В протоколах этого комитета нашли обращение к батьке Махно. Ревком Песчаных Брод жаловался на крестьян соседнего села и искал у батьки справедливости. А обида была вот в чем: по инициативе Ревкома Песчаных Брод было организовано крушение советского эшелона, который вез кое-какое обмундирование и вооружение, но бандочка песчанно-бродовцев, производившая операцию была застигнута превосходными силами крестьян соседнего села, которые смяв песчанно-бродовцев, перехватили у них законную добычу.

Резолюция батьки была: «Не хорошо честным партизанам ссориться, а делать нужно по справедливости; в оружии нуждаются и те и другие одинаково, поэтому нужно установить количество добычи и распределить пропорционально населению обоих сел».

На следующий день вдруг кто-то кроет по станции, рвутся шрапнели, благо на высоком разрыве. Как будто не махновцы, они вряд ли развили бы такой ураганный огонь. Видно, что стреляют не меньше двух орудий сразу. По всей видимости, это идет Одесская экспедиция, решившая на всякий случай обстрелять станцию.

Посылаем верховых, устанавливаем связь. Так и есть, то подошла одесская экспедиция под начальством т. Княгницкого, Мы его оставили в Помошной, а сами двинулись дальше на юг. Судьба этой экспедиции была печальная: махновцам удалось их захватить врасплох и разгромить совершенно. Мы об этом узнали позже

Едем на юг: саботаж всюду невозможный. В Вознесенке, например, стояли 5 часов. Наконец, после 3 звонка, выясняется, что смазчики еще не осмотрели поезда и поэтому отправить его нельзя. Идем искать смазчиков. Находим троих из них тут же на вокзале, один сваливает вину на другого и говорит—не моя очередь. Пришлось одного из них расстрелять тут же, но, видно, не судьба ему была помереть: пуля, пробившая щеку, вышла в затылок, но прошла лишь под кожей. Остался жив.

В наши задачи не входило обязательно убить его. Оставили его. Говорят, потом выздоровел, рана легкой оказалось. Зато поезд шел дальше без сучка, без задоринки. На всех станциях уже встречали нас начальники. Смазчики на ходу почти проверяли колеса и т. д, и отправляли дальше, чтобы не задерживались.

Так ехали до ст. Сербки.

Там получили телеграмму из Одессы: «Дальше бронепоезда пусть не идут, выезжайте сами на паровозе, подписи Якир и Ян». Трудно об'яснить в чем дело. Говорят, — «сами выезжаем навстречу». Я решил тоже ехать с одним вагоном. Встретились на одной из безчисленных «Одесса», не то Сортировочной, не то что-то в этом роде. Слышна была стрельба, на станции рвались снаряды. То, оказывается, белые как раз в этот день высаживали дессант, и часть города была уже занята ими. Морские батареи, благодаря измене командного состава, повернули орудия на город, вместо того, чтобы обстрелять дессант. Спасти Одессу было невозможно. Станция была под обстрелом, и одесские товарищи именно поэтому и настаивали, чтобы мы броневиков сюда не везли.

Я решил к своему отряду не возвращаться, а присоединиться к Якиру. Командир отряда поехал назад один. Мы с товарищами Якиром, Яном и Голубенко поехали на Одессу—Главную. Раза два пришлось остановить паровоз, чтобы пережидать усиленно рвущиеся снаряды. Но все же доехали. Здесь присоединились к штабному поезду 45 дивизии и тронулись на Бирзулу, где решено было поместить штаб. Так началось известное отступление южной группы. О нем как-нибудь в другой раз.

В. ЗАТОНСКИЙ.

Памяти Перекопа и Чонгара

(Страничка воспоминаний)

Сейчас, когда пишутся эти строки,—3-е ноября.

В этот день два года тому назад завершился отходом Врангелевских войск за Крымские перешейки—первый акт кровавой трагедии, известной под именем борьбы с южно-русской контр-революцией. Невольно мысль переносится к этим незабвенным дням, становящимся уже историческим прошлым, и в сознании одна за другой всплывают картины этого, одного из наиболее драматических периодов истории нашей борьбы.

Армии Южного фронта, выполнив с успехом поставленную им первоначальную задачу: разгрома живых сил противника к северу от перешейков—к вечеру 3-го ноября стали вплотную у берегов Сиваша, начиная от Геническа и кончая районом «Хорлы».

Началась кипучая, лихорадочная работа по подготовке форсирования Чонгарского и Перекопского перешейков и овладения Крымом.

Так как вследствие стремительного продвижения наших армий вперед и неналаженности новых линий связи, управление войсками из места расположения штаба фронта (г. Харьков) было невозможно, я с полевым штабом и членами Р.В.С. т.т. Владимировым и Смилгой выехал 3-го ноября на фронт. Местом расположения полевого штаба мной был намечен Мелитополь, куда мы и поставили задачей добраться в кратчайший срок.

Задача эта была не из легких. Дело в том, что белые, отступая, сожгли и взорвали все железнодорожные мосты и восстановить их, несмотря на все применявшиеся старания и героические усилия ремонтных отрядов, так скоро было нельзя. В результате уже перед Александровском пришлось бросить поезд и двигаться дальше на автомобилях. Но и этот способ передвижения оказался ненадежен, так как в районе Васильевки (к югу от Александровска), вследствие отсутствия переправы через реку Янчокрак машины пришлось оставить и двигаться дальше по способу пешего хождения.

Еще в Александровске мной было приказано подать из Мелитополя паровоз с вагоном и в ожидании его мы расположились на ближайшей от реки станции.

Ждать пришлось не мало, так как весь железнодорожный путь до Мелитополя был в разрушенном состоянии, затем не хватало топлива и топить приходилось чем попало. Но, наконец, так долго жданный паровоз явился и вся наша компания расположилась в вагоне, взятом из только что отбитого от белых бронепоезда.

К Мелитополю подвигаемся очень медленно. Всюду по дороге—следы разрушений, огромные массы брошенного белыми военного имущества: снаряды, пушки, лафеты, сломанные повозки и проч. Поздней ночью с грехом пополам добираемся до Мелитополя.

Отдав необходимые организационные распоряжения по налаживанию связи с армиями и дождавшись наших автомобилей, мы трогаемся дальше с целью лично ориентироваться в обстановке на местах и об'ехать штабы всех армий.

До станции «Большой Утлюг» доехали по железной дороге, а отсюда двинулись на машинах, ибо дальнейшему продвижению поездов мешал взорванный на реке Большой Утлюг железнодорожный мост.

У самой станции находились огромные пакгаузы, в значительной части заполненные хлебом, пшеницей и ячменем. За мостом и перед ним—груды обломков вагонов, паровозов и всякого военного имущества и снаряжения. Здесь, как оказалось, белыми было взорвано и сожжено несколько составов с боевыми припасами, вывести которые они не успели вследствие стремительного продвижения вперед нашей конницы (3-го Кавалерийского корпуса т. Каширина),

Маршрут был намечен следующий: станция Юрицыно, станция Юзкуя (местопребывание штаба 3-го Кавалерийского Корпуса), Геническ и станция Рыково (полевой штаб 4-ой армии).

Дорога все время идет по ровной, лишь местами пересекаемой неглубокими балками, местности, ярко выраженного степного характера. Населенные места—сравнительно редки. Сама дорога была в превосходном для езды состоянии. Уже несколько дней как стояла ясная, довольно морозная погода и о распутице, которой я так опасался при начале нашего наступления, не было и помину.

Все проселочные дороги, шедшие в направлении с севера на юг, полны следов только что разыгравшихся кровавых событий. Прежде всего бросалось в глаза огромное количество павших лошадей. Вся степь и особенно вблизи дороги буквально была покрыта конскими трупами. Я, помню, несколько раз принимался считать,—сколько трупов проедем мы в течение двух-трех минут,—и всякий раз получал цифры начинавшиеся десятками. При виде этих кладбищ ближайших друзей нашего пахаря, как-то особенно больно становилось на душе и перед сознанием вставал вопрос: каково-то будет впоследствии и как будем справляться мы с фактом такой колоссальной убыли конского состава.

Участок железной дороги от станции «Б. Утлюг» и вплоть до Рыкова представлял картину хаотического разрушения. Почти на всем протяжении он был забит остатками многочисленных железнодорожных составов, выброшенными белыми с севера, но неуспевшими проскочить в Крым. Большинство из них было уничтожено огнем и взрывами, но большое количество и уцелело. Многие составы продолжали гореть и оттуда то и

дело раздавались глухие снарядные взрывы и треск взрывающихся патронов. Все пространство, на протяжении 15—20 сажен от пути, было усеяно гильзами от патронов и снарядов разных калибров.

К вечеру 8-го ноября приезжаем на станцию Рыково.

Станция сплошь забита вагонами. Станционные постройки сильно пострадали: это место было свидетелем целого ряда боевых схваток. Полевой штаб армии с Командармом 4-й т. Лазаревичем и членом РВС Анучиным помещался в комнатке одной из сравнительно уцелевших станционных построек.

В штабе шла кипучая работа. Надо было, прежде всего, обеспечить размещение частей и их снабжение. Задача же эта при сравнительно слабой населенности района, отсутствии или крайнем недостатке фуража, полном отсутствии топлива, отсутствии—местами (весь Чонгарский полуостров и целый ряд районов прилегающих к Сивашу) даже питьевой воды —была необычайно тяжелой. К этому надо добавить установившуюся необычайно холодную погоду—морозы доходили до 10°, тогда как огромное большинство войск не имели теплого обмундирования, вынужденные в то же время сплошь и рядом располагаться под открытым небом.

Такова была внешняя, материальная обстановка, в условиях которой шла с напряженной энергией работа по подготовке последнего решительного наступления.

На ряду с этим, штабу приходилось спешно проводить реорганизацию частей. Некоторые дивизии, крайне ослабленные предыдущими боями, имели почти одни тылы. В это же время другие,—наспех перекинутые на фронт с разных сторон, не имели достаточной материальной части и положенных обслуживающих аппаратов. В виду этого, согласно отданных мной указаний, спешно производилось слияние некоторых частей. Вообще говоря, с военной точки зрения, такая мера особенно в разгаре боевых операций, является нецелесообразной, ибо не дает времени вновь сливающимся элементам освоиться друг с другом и слиться в единое, органическое целое. Но при создавшейся обстановке, и, особенно при обилии скопившихся на ограниченной территории войсковых частей, штабов и учреждений, эта мера являлась вполне целесообразной.

И, наконец, шла самая энергичная работа по подготовке штурма Чонгарского перешейка.

Для этой цели все время по ночам производились поиски наших разведывательных отрядов на тот берег, при чем отряды переправлялись через Сиваш или на лодках, или на скоро сколоченных плотах; со всех сторон побережья, и главным образом, из Геническа свозились перевозочные средства (лес, лодки и пр.), совершенно отсутствовавшие в намеченных для удара районах; устанавливались береговые батареи для прикрытия штурма, приводились в оборонительное состояние позиции и пр.

Чтобы оценить всю грандиозность производившейся работы, надо как я уже отметил, помнить, во-первых, что никаких технических средств у войск под рукой не было, и, во-вторых, что работу эту производили люди

в условиях страшной стужи, полураздетые и разутые, лишенные возможности хотя где-нибудь обогреться и не получавшие даже горячей пищи и питья. Дело в том, что на лицо были лишь боевые части; что же касается войсковых тылов, технических средств и пр., то все это оставалось далеко в тылу, ввиду полной невозможности поспеть за полками при том темпе нашего наступления, который имел место, и при абсолютном отсутствии перевозочных средств.

Только небывалый под'ем настроения и величайший героизм всего состава армии фронта позволял не только совершать невозможное, но и делать то, что почти не было слышно жалоб на вопиющие условия боевой работы. Каждый красноармеец, и командир и политработник держались лишь крепко засевшей в сознании всех мыслью: во что-бы то ни стало ворваться в Крым, ибо там будет конец всем лишениям...

В этот период времени (1—2—3—4—5 ноября) фронтовое командование уделяло очень большое внимание левому флангу нашего боевого расположения, занимавшемуся войсками 4-ой армии (от Геническа до района «Воскресенка», что, примерно, на середине общего протяжения Сиваша).

Это вытекало из общего плана намечавшейся операции.

Как известно, Крым соединяется с материковой частью тремя пунктами: 1) Перекопским перешейком, имеющим около 8 верст ширины, 2) Сальковским и Чонгарским мостами (первый железнодорожный), представляющими ниточки мостовых сооружений, возведенных частью на дамбе до 4 сажен шириной и протяжением до 5 верст и 3) так называемой Арабатской стрелкой, идущей от Геническа и имеющей протяжение до 120 верст при ширине от полуверсты до 3-х верст.

Перекопский и Чонгарский перешейки и соединяющий их южный берег Сиваша, представляли собою одну общую сеть заблаговременно возведенных укрепленных позиций, усиленных естественными и искусственными препятствиями и заграждениями. Начатые постройкой еще в период добровольческой армии Деникина, позиции эти были с особенным вниманием и заботой усовершенствованы Врангелем. В сооружении их принимали участие как русские, так, по данным нашей разведки, и французские военные инженеры, использовавшие при постройках весь опыт империалистической войны. Бетонированные орудийные заграждения в несколько рядов, фланкирующие постройки и окопы, расположенные в тесной огневой связи, все это в одной общей системе создало укрепленную полосу, недоступную, казалось бы, для атаки открытой силой.

Наиболее сильно укреплены были участки Перекопский и Чонгарский, особенно первый, имевшие по несколько укрепленных линий, богато вооруженных тяжелой и легкой артиллерией и пулеметами.

На Перекопском перешейке наши части 6-ой армии, еще до 30 октября, развивая достигнутый в боях к северу от перешейков успех, овладели с налета двумя укрепленными линиями обороны и г. Перекопом, но дальше продвинуться не смогли и задержались перед третьей наиболее сильно

укрепленной линией, так называемого, «Турецкого вала» (земляной вал, высотой в несколько сажен, сооруженный еще во времена турецкого владычества и замыкавший перешеек в самом узком его месте).

Между прочим, в тылу этой позиции на расстоянии 15—20 верст к югу, была возведена еще одна полоса укреплений, известная под именем «Юшунских позиций».

На Чонгаре мы, овладев всеми укреплениями Чонгарского полуострова, стояли вплотную у взорванного Сальковского железнодорожного моста и сожженного Чонгарского.

Таким образом, при определении направления главного удара, надо было выбирать между Чонгаром и Перекопом. Так как Перекоп, в силу большей ширины, открывал более широкие возможности в смысле развертывания войск и, вообще, представлял больше удобств для маневрирования, то, естественно, наш решающий удар был нацелен сюда.

Для выполнения его были предназначены дивизии 6-ой Армии, бывшей под командой т. Корка. В непосредственном тылу 6-ой Армии и, отчасти, четвертой были сосредоточены конные массы 1-й и 2-й конных армий.

Но так как, с другой стороны, здесь перед нами были очень сильные фортификационные сооружения противника, а также, естественно, здесь должны были сосредоточиться его лучшие части, то внимание фронтового командования было обращено на изыскание путей преодоления линии сопротивления противника ударом со стороны нашего левого фланга.

В этих видах мной намечался обход по Арабатской стрелке Чонгарских позиций с переправой на полуостров в устье реки Салгира, что верстах в 30 к югу от Геническа.

Этот маневр в сторону в 1732 году был проделан фельдмаршалом Ласси. Армии Ласси, обманув Крымского Хана, стоявшего с главными своими силами у Перекопа, двинулась по Арабатской стрелке и, переправившись на полуостров в устье Салгира, вышла в тыл войскам Хана и быстро овладела Крымом.

Наша предварительная разведка в направлении к югу от Геническа показала, что здесь противник имел лишь слабое охранение из конных частей.

Оставалось обеспечить операцию со стороны Азовского моря, где действовала флотилия мелких судов противника, иногда подходившая к Геническу и обстреливавшая там наше расположение. Эта задача была возложена мной на нашу Азовскую флотилию, стоявшую в Таганроге.

Командующему флотилией приказано было идти на Геническ. Приказ должен быть выполнен не позднее 8-го ноября. К сожалению наш флот не явился. Как оказалось, он не мог пробиться через льды, сковавшие, благодаря наступившим морозам, Таганрогскую бухту. Напротив того, неприятельская флотилия продолжала навещать район Геническа и тем мешать всяким операциям в этом направлении.

Лично обрекогносцировав все побережье и убедившись, что на скорое прибытие нашего флота надежд нет, время же не терпело, я с велачайшим

сожалением отказался от намерения использовать для удара Арабатскую стрелку. Если бы наш флот смог прибыть своевременно, то нет ни малейших сомнений в том, что из Крыма армия Врангеля не ушла бы. Как бы то ни было, но отныне приходилось возлагать все надежды на прямую атаку в лоб Перекопских и Чонгарских позиций.

В связи с изложенным, решающим направлением отныне являлось исключительно Перекопское и туда направилось наше главное внимание.

5-го ноября на ст. Рыково мною отдается директива, согласно которой на войска 6-ой армии (51, 52, 15 и Латышская дивизии) возлагалась задача не позднее 8-го ноября, переправившись на участке Владимировка-Строгоновка—Малый Кугаран через Сиваш, ударить во фланг и тыл Перекопских позиций, одновременно атакуя с фронта Турецкий вал. Для обеспечения операций и немедленного развития успеха, в подчинение Командарма 6 тов. Корка были переданы 2-я конная армия в составе 3-х кавалерийских дивизий, одной бригады и группы повстанческих войск Махно, насчитывавшая около 2000 бойцов при большом количестве пулеметов. 6 ноября я с товарищами Владимировым и Смилгой выехали лично в район расположения частей 6-ой армии. Попутно мы об'ехали штабы 1-ой и 2-ой конных армий, где непосредственно подробно договорились с Командованием этих армий—т. т. Буденным и Ворошиловым в 1-ой конной, и т. т. Мироновым, Полуяном и Горбуновым во 2-ой, относительно плана и способа проведения в жизнь намеченной операции.

7 и 8 ноября мы провели в расположении частей 6-ой армии. 8-го около 4-х часов дня, захватив с собою Командующего 6-ой армией тов. Корко, мы приехали в штаб 51-ой дивизии, на которую была возложена задача штурма в лоб Перекопского вала. Штаб стоял в сел. Чаплинке. Настроение и в Штабе и у Начдива тов. Блюхера было приподнятое и в то же время несколько нервное. Всеми сознавалась абсолютная необходимость попытки штурма и в то же время давался ясный отчет в том, что такая попытка будет стоить не мало жертв. В связи с этим у командования дивизии чувствовалось некоторое колебание в отношении выполнимости приказа о ночном штурме в предстоящую ночь. В присутствии Командарма мною было непосредственно в самой категорической форме приказано Начдиву штурм произвести.

Надо признать, что действительно на войска дивизии возлагалась задача неимоверной трудности. Нужно было без сколько-нибудь значительной артиллерийской подготовки, на самом узком пространстве и по абсолютно ровной, лишенной всяких складок местности, аттаковать сильно укрепленную позицию.

Отдав все необходимые указания и оставив тов. Корка в Чаплинске, мы двинулись дальше по направлению к Перекопу. Были уже сумерки. Когда мы приблизились к берегу Перекопского залива, поднялся туман, закрывавший на расстоянии нескольких шагов все предметы. На юге и юго-востоке непрерывно раздавался грохот орудийной пальбы. Подвигались

мы довольно медленно; с каждым шагом вперед пушечная канонада становилась все слышнее и слышнее. Скоро впереди и вправо от нас мы стали различать огневые вспышки орудийных залпов.

Линия неприятельского расположения обнаруживалась непрерывными снопами лучей прожекторов, старавшихся пронзить мрак и раскрыть движение наших частей. На огонь противника отвечали сильным огнем и наши батареи, расположенные перед Перекопской позицией.

Приезжаем в линию расположения резервных полков 51 дивизии. В них идет подготовка к последнему решающему акту. Настроение у красноармейцев спокойное и лишь несколько приподнятое. Полки ждут приказа двигаться на подкрепление своих товарищей, занимающих передовые, исходные для аттаки позиции. Холодно. Огни разводить запрещено, даже курить приказано тщательно укрываясь. Озябшие красноармейцы прыгают на месте, стараясь хоть сколько-нибудь согреться. Едем дальше. Наталкиваемся на новые части: это подходящие к полю боя полки армейского резерва—Латышской дивизии.

Огонь со стороны противника усиливается, отдельные снаряды попадают в район дороги, идущей по Северному берегу Сиваша, по которой едем мы. Впереди и несколько влево от нас вспыхивает сильный пожар. Это—неприятельские снаряды зажгли скирды соломы у какого-то хуторка возле села Перво-Константиновка.

Ближайшей своей целью мы ставим добраться до станции Владимировка, где стоит штаб 52-ой дивизии. Приезжаем, наконец, в штаб дивизии. Начдива 52 т. Германовича в штабе нет. Он со своими полками уже переправился в город через Сиваш и ведет бой в районе деревни «Кара-Дженай», что к Юго-Востоку от Перекопского вала. Части дивизии переправились еще ночью с 7-го на 8-ое и энергично проведенной атакой на рассвете овладели укреплениями, так называемого, Литовского Полуострова. Развивая свое наступление дальше во фланг и тыл Перекопским позициям противника, дивизия после первых успехов натолкнулась в районе «Кара-Дженая» на упорное сопротивление противника, бросившего в контр-атаку одну из своих лучших дивизий—Дроздовскую, подкрепленную отрядом бронемашин. По отрывочным сведениям, поступившим в Штадив, можно было сделать тот вывод, что части дивизии несколько отброшены назад и обороняются на линии, составляющей Южную границу Литовского полуострова. Бой идет непрерывно с предыдущей ночи. Бойцы все время не ели; имеются жалобы на полное отсутствие питьевой воды. Все обозы находятся на Северном берегу и о налаживании хоть сколько нибудь сносного снабжения в условиях боя не может быть и речи.

Очень выгодным для нас обстоятельством, чрезвычайно облегчившим задачу форсирования Сиваша, было сильное понижение уровня воды в Западной части Сиваша. Благодаря ветрам, дувшим с запада, вся масса воды была угнана на восток и в результате в ряде мест образовались броды,—правда, очень топкие и вязкие, но все же позволявшие передвижение не только пехоты, но и конницы, а местами даже артиллерии.

С другой стороны, этот момент совершенно выпал из расчетов командования белых, считавшего Сиваш непереходимым и потому державшего на участках наших переправ сравнительно незначительные и при том мало обстреленные части,—преимущественно, из числа вновь сформированных.

В результате первых боев была сдача нам в плен целой Кубанской бригады генерала Фостикова, только что прибывшего из Феодосии. Ознакомившись с обстановкой и отдав все, вызывавшиеся ею, распоряжения, мы поехали дальше в штаб 15-ой дивизии, стоявшей в селе «Строгановка».

В штаб добрались уже к полуночи. Начальник дивизии тов. Раудмец точно также был при своих полках, уже закрепившихся на Южном берегу Сиваша и выдерживавших там яростные контраттаки противников.

Из поступивших за ночь и за день донесений, было ясно, как правильно поступили мы, решившись идти на штурм без всяких проволочек и даже не дождавшись прибытия отставшей сзади тяжелой артиллерии. Противник совершенно не ожидал такого быстрого удара с нашей стороны. Уверенный в безопасности, он к моменту нашей аттаки производил перегруппировку войск, заменяя на Перекопском направлении сильно потрепанные части своих 13 и 34 дивизий 2-го Армейского корпуса Дроздовцами, Марковцами и Корниловцами из состава своего лучшего 1-го Армейского корпуса. В результате часть позиций занималась еще прежними гарнизонами, а часть новыми, еще не успевшими даже ознакомиться с местностью.

Бои на участке 15-ой дивизии протекали успешно. Ею было захвачено несколько орудий и части дивизии, не встречая особого сопротивления, продвигались вперед.

Также, как и в 52—ой дивизии, главным неудобством была оторванность от обозов и полное отсутствие воды, фуража и провианта по ту сторону Сиваша.

Не больше чем через полчаса после нашего приезда, в дивизию с линии связи, проложенной через Сиваш к боевому участку, поступают донесения о повышении уровня воды начинавшей медленно затапливать брод. Проверили, оказалось действительно так. Положение создавалось чрезвычайно опасное. Стоило воде подняться еще немного и тогда полки 15, а вслед затем и 52 дивизий окажутся отрезанными по ту сторону Сиваша. Надо было немедленно же принимать самые решительные меры,—иначе, все дело могло погибнуть.

Такими мерами явились следующие мои распоряжения, отданные к немедленному исполнению: 1) подтверждение немедленной аттаки в лоб частями 51 дивизии Перекопского вала под угрозой самых суровых репрессий в случае оттяжки в исполнении; 2) мобилизация всех жителей селений Строгановки, Владимировки и проч. для предохранительных работ на бродах; 3) приказ 7 кавалерийской дивизии и повстанческой группе, стоявшим в 10 верстах от Строгановки сейчас же садиться на коней и переправлятся через Сиваш для подкрепления 15 и 52 дивизии.

Отдав изложенные распоряжения и установив наблюдение за их исполнением, мы решили оставаться в Строгановке впредь до выяснения обстановки.

Примерно в 3 часа ночи в Строгановку прибыла 7-я кавалерийская дивизия, осмотрев которую, тотчас отправил к боевым линиям. Вода за это время уже сильно испортила брод, но переправа все же еще была возможна. К часам 4 явились и Махновцы. Вызвав к себе их командующего Каретникова и Начальника штаба, фамилию которого сейчас не помню, я изложил им обстановку и потребовал немедленного отправления на тот берег. На переговоры пришлось потратить целый час. Видимо, Махновцы не совсем доверяли мне и страшно не хотели двигаться в поход, опасаясь, быть может, какой нибудь ловушки. Несколько раз Каретников и Начальник Штаба то уходили, то вновь приходили ко мне, под предлогом получения тех или иных данных. Только под утро, часам к 5-ти удалось и их переправить к месту боя.

В это же время я получаю донесение из штаба 51 дивизии, переданное через Штадив 52, о том, что части 51 дивизии в 3 часа 30 минут по-полуночи овладели штурмом Перекопским валом и продолжают наступление на Армянский базар. Прочитал донесения, и с плеч словно гора свалилась. Правда, это еще не означало окончания задачи, ибо дальше путь в Крым преграждали сильные Ющунские позиции и главная развязка всей операции должна была произойти там, но все же со взятием Перекопа для нас в значительной мере ослабела опасность погубить целиком две дивизии, отрезываемые водами Сиваша. Теперь являлась возможность установления с ними связи по твердому грунту, что резко улучшало всю обстановку.

Дав директиву Командованию 6-ой армии об энергичном продолжении дальнейшего наступления, я со спокойной совестью направился отдохнуть.

На другой день, убедившись, что события на фронте 6 армии развиваются нормально, мы выехали к ст. Рыково, в Штаб 4-ой армии, дабы ускорить наш удар отсюда и тем не дать противнику возможности обрушится всеми силами на Перекопское направление.

В Рыков приехали поздно ночью. Здесь узнал, что наше продвижение к югу от Геническа по Арабатской стрелке, начавшееся 8-го ноября и протекавшее вполне благополучно, было ликвидировано огнем нескольких подоспевших судов противника. Двигавшийся в авангарде полк 9-ой стрелковой дивизии, подвергнувшийся ожесточенному обстрелу, не имея никакой возможности укрыться от огня на узенькой и совершенно открытой стрелке, был вынужден с большими потерями отойти назад.

В районе мостов заканчивались спешные приготовления полков 30-ой стрелковой дивизии к ночному штурму. Настроение полков было выше всяких похвал. Переданное мною частям сообщение о взятии 6-ой армией Перекопа еше более подняло настроение и вызвало горячий дух соревнования.

Не могу забыть следующего факта: когда я в Штабе 4-ой армии сообщил Начальнику 3-ой стрелковой дивизии тов. Грязнову, и бывшему

с ним одному из командиров бригад, что Блюхер (он между прочим, был прежде Начальником Грязнова на Восточном фронте) взял Перекоп, то оба побледнели. Через несколько минут, смотрю Грязнова и его Комбрига уже нет; они укатили на позицию. А через несколько часов начался знаменитый ночной штурм полками 30-ой дивизии Чонгарских позиций противника. Утром 11 ноября, после кровопролитного боя части дивизии уже были на том берегу и, опрокинув противника, стремительно наступали на Джанкой.

Так решилась участь Крыма, а с ним и судьба всей южно-русской контр-революции.

Победа, и победа блестящая, была одержана по всей линии. Но обошлась она нам дорогой ценой. Кровью десяти тысяч своих лучших сынов оплатили рабочий класс и крестьянство свой последний, смертельный удар контр-революции. Революционный порыв оказался сильнее соединенных усилий природы, техники и смертоносного огня.

Память об этих десяти тысячах красных героев легших у входов в Крым за рабочее и крестьянское дело, должна быть вечно светла и жива в сознании всех трудящихся. Если нам теперь легче, если мы, наконец, окончательно закрепили торжество труда не только на военном, но и на хозяйственном фронте, то не забудем, что этим мы в значительной мере обязаны героям Перекопа и Чонгара. Их незабвенной памяти посвящаю эти строки и пред ними склоняюсь обнаженной головой.

М. ФРУНЗЕ.

Борьба за Советскую Власть в Харьковщине

(Из «Вечера Воспоминаний» старых харьковских партийных работников[1])

ИВАНОВСКИЙ РАЙОН. КРАСНАЯ ГВАРДИЯ. ПЕРЕХОД ВЛАСТИ К СОВЕТАМ

Т. Гулый

Я могу поделиться воспоминаниями о работе, которая во время подготовки и самого октября протекала, большей частью, в Ивановском районе. Ивановский район, наряду с Петинским, в то время представлял собою базу Харьковского революционного пролетариата. Сам Октябрь у нас не потребовал в жертву таких потоков крови, таких больших сражений, как, скажем, в Питере или Москве, но все-же без проявления героизма и у нас не обошлось. В Ивановском районе большевики политически овладели рабочими массами еще в феврале 1917 года. Уже тогда Ивановский район обладал сплоченным большевистским ядром, которое руководило рабочим движением, устраивало забастовки, массовки и т. д. Еще до февраля наша организация выбрасывала некоторые лозунги. Сейчас же после февральского переворота были организованы коллективы Ивановского района, в частности, на Сортировке, которая являлась зачинщицей всех выступлений и была наиболее революционна. Члены коллективов были сплочены и хорошо понимали свои революционные задачи. Здесь необходимо вспомнить тов. Скорохода, который уже тогда сеял лозунги октября и говорил, что после февральского переворота в скорости придет время другого переворота, когда рабочим придется действовать иным путем. Когда после переворота у нас был заложен рабочий дворец, Скороход, глядя на него, говорил: «Сейчас вот мы закладываем рабочий дворец, а будет время, когда нас вокруг него будут вешать». Его предсказания оправдались во время гетманщины и деникинщины. Мы с первых дней февральской революции вели приготовления к будущему Октябрю. Как только собиралось собрание старых царских подпольников, так и обсуждался вопрос о вооружении. На собраниях обычно бывали т.т. Котлов, Грязев, Сербиченко, Скороход, Кабаненко и много других,

Это была та активная группа, которая руководила всем движением в районе. Мне тогда поручено, после февральского переворота, добыть

[1]) От редакции. Не смотря на естественную отрывочность воспоминания все же дают достаточно яркую общую картину борьбы за Советскую власть в Харькове, что и побуждает редакцию к помещению их в Сборнике.

устав Красной Гвардии. Я его добыл у Алексея Иванова, работавшего в то время на заводе Шиманского. Он ездил в Петроград, чтобы разыскать материалы по организации Красной Гвардии. Когда было решено организовать ее, у нас отряды были уже готовы. Это было приблизительно, в июле. Тогда был создан отряд числом до 200 человек. Больше всего в нем было рабочих Харьковских вагонных мастерских. Оружие для этого отряда,—около 600 винтовок, при участии городского Комитета было добыто из Тулы и было спрятано в вагонных мастерских. Отряд Красной Гвардии был вооружен полностью. Приготовления к вооружению были лихорадочны. Со дня на день ждали тогда событий в Харькове.

Следует еще отметить из области работы Харьковских большевиков—выход нашего органа «Донецкий Пролетарий». Он нам обошелся очень дорого. Печатать его было негде; единственные надежды—на рабочих. Типографии не было. Нужно было его распространять среди рабочих, дать освещение жизни Питера и Москвы, дать ему общее направление и популяризовать революционные лозунги. Была об'явлена подписка на типографию. которая дала 2.000 рублей с чем-то. Когда деньги были собраны и типография куплена, ее установили на Вознесенском пер.

Грязев, Щербина, Покко, Семен Шварц и я—все мы принимали самое горячее участие в ее работе. Шварц был назначен заведующим издательством газеты. Мы еще не закончили ее установки, когда власть в Петрограде была уже в руках большевиков. Как раз, когда мы пришли заканчивать установку, нам в самой типографии был сообщен состав Совета Народных Комиссаров.

Дальнейшие мои впечатления относятся к наступлению Каледина и Корнилова. Наш отряд Красной Гвардии был уже сформирован, как появились корниловские ударники, которые пытались пройти на Харьков. Их задержали у Сум, тогда они пошли на Белгород. Наш отряд первым пошел на этот фронт. Это было боевое крещение Ивановского района, с оружием в руках отбивавшего наступление калединских батальонов. В Харькове тогда атмосфера была сгущена. В Петрограде и Москве переход власти уже совершился. У нас загвоздка, которая нас удерживала от захвата власти, была в броневиках Керенского. Столкновение с ними угрожало кровопролитием, которого мы избегали. В Харькове, таким образом, не было никакой власти. Меньшевики и эс-эры были в полной растерянности, а большевики власти не решались взять. Как раз в то время, помню, приехала сюда Брешко-Брешковская, которой думали эс-эры поддержать настроение в отходивших от соглашателей массах.

Были колебания и внутри Харьковской организации, которые рассеялись после широкой пропаганды тезисов т. Ленина.

Ломка настроений у нас произошла с момента приезда Антонова, который остановился на знаменитой «седьмой линии», терроризовавшей харьковскую буржуазию. Решительность в действиях его отряда была большая. Отряд был подобран, большей частью, из анархического элемента, состоявшего из матросов, которые иногда себя проявляли не совсем

в нашем духе. Вопрос о власти и в Харькове стал остро. Нужно было ее брать в свои руки. Из Питера нажимали и запрашивали, чего мы тут так долго спим. В Харькове в то время был губернским комиссаром от правительства Керенского—Кузнецов и у нас фактически была одна угроза—броневики, которые оставались верными временному правительству. На нашей стороне был 30-ый полк, командиром которого был т. Руднев, погибший впоследствии под Царицыном. Вот те силы, которые могли столкнуться при сдаче власти. Тогда-то отряд Антонова сыграл громадную роль. Броневики были взяты с незначительными жертвами, потери были всего несколько раненых, а убитых вовсе не было.

Что касается перехода гражданской власти в Харькове, к Советам, то дело помнится произошло с анекдотической простотой: тов. Кин, придя в кабинет к Кузнецову, сорвал со стены телефонную трубку и заявил: «Ваших больше нет». Кузнецов, бессильный сдал власть представителю революционного пролетариата, т. Кину.

Когда была взята власть в Харькове, у нас состоялось совещание активных работников, на котором присутствовали: Иванов Алексей, Лугановский, Данилевский, Покко, Артем. Рухимович и др. Мы обсуждали вопрос, как строить советский аппарат. У нас по этому вопросу были большие дискуссии. Одни говорили, что нам надо всех старых чиновников удалить и строить все заново. Лугановский говорил, что нам надо только захватить аппарат, который имеется и поставить во главе его своих товарищей, которые внесут в него свое новое, реорганизуют его и заставят работать служащих на Советскую власть.

Когда была взята власть, когда мы захватили броневики, у нас единственной опасностью была Чугуевская юнкерская школа, которая была настроена в пользу Керенского. Училище нужно было перетянуть на свою сторону или же взять его насильственным порядком. Был здесь в Харькове Мартынович, который поехал туда для переговоров. Юнкера его оставили заложником и предложили признать правительство Керенского, если он желает, чтобы его освободили и пустили на волю. Они потребовали от Мартыновича подписки об этом. Он подписку дал и был освобожден, а затем вернулся к нам. У нас стал вопрос, оставить ли его в партии, или исключить за данную подписку. Организация признала, что его поступок заслуживает снисхождения. Впоследствии он оказался провокатором и был расстрелян.

ПЕТИНКА. АРТЕМ

Тов. Киркиш

В подпольи у нас в Харькове было всего 150 членов партии, из них было 120 латышей которые приехали из Риги. Об этом может подробнее рассказать тов. Покко, который входил в подпольный комитет в 1915 г. и до 1916 г. был оффициальным представителем большевиков по Харькову. Как раз в 1916 г. комитет партии целиком был арестован. Председателем его был тогда Медведев. Вместе с ним был арестован Ляхин. Представителем после ареста остался Покко. Нам нужно было тогда написать

прокламацию против военно-промышленных комитетов. У нас не было ни одного интеллигента, который мог-бы составить или проредактировать ее. Мы для этого вынуждены были взять беспартийного, чтобы он технически обработал прокламацию. Она была средактирована и ее распространяли. Через несколько дней был освобожден комитет, который был направлен на фронт. Нужно было от'езжающим товарищам сделать паспорта.

Дальше, может быть, расскажут об этом времени Покко и Буздалин, потому что Буздалин был тоже перед революцией один из оффициальных представителей партии. В подпольи у нас организация была поставлена достаточно конспиративно. Вместе с тем, система кружковщины и конспирации не давала возможности членам партии знать друг друга. Только случайно, на массовках мы могли друг друга узнавать, а кто входил в кружок—знал только его руководителей. Даже работавшие на одном заводе члены партии часто не знали друг друга.

У нас ко времени февральской революции был представителем Сумс. Кажется, 28—29 февраля прибыл оффициальным представителем партии и Буздалин. В таком положении мы пробыли до февраля 1917 года. У нас не было организованности. Когда надо было выдвинуть кандидатов в первый совет, мы их не сумели выделить, а меньшевики выдвинули самих себя. Мы выдвинули Пастора и только он один от большевиков вошел в Совет. Затем была выпущена первая летучка, в которой был провозглашен лозунг гражданской войны.

К тому времени у нас в организации было двоякого рода мнения Целый ряд товарищей был против нашей, особой большевистской летучки. Когда мы собрались первый раз в медицинском о-ве,—кажется, в 19 комнате,—эти разногласия резко обозначились. Тов. Лугановский был против летучки; с оговорками высказывались против и т.т. Иванов Алексей. Тиняков, Николай Безчетвертов. Они держались тогда позиции о необходимости контактирования работы с меньшевиками. Большинство все же стало на сторону лозунгов воззвания. Был избран тогда первый партийный комитет. Насколько я помню, в него были избраны: т.т. Сурик, Буздалин, Покко, Иванов Алексей, Лассовский, Артем и Аронштам.

Другой момент, на котором хочется остановиться—это организация районов, Гулый отмечал здесь, что Ивановский район играл первенствующую роль. Не стану отрицать заслуг этого района, но по многочисленности первым был Петинский район, главным образом—ячейка ВЭК'а. На Паровозном тогда работал Романовский. Там было засилье эс-эров, которые по своему влиянию шли впереди меньшевиков, а коммунистов — тогда большевиков—было 30 человек. В ячейке ВЭК'а, со времен подполья, было 17 т.т., но когда была об'явлена легальная запись, число членов ячейки быстро возросло до 200 членов партии. Перед июньскими днями на ВЭК'е было уже 600 членов, на Паровозном—160, на Гельферих-Саде—30. Во всем-же районе было около 1.000 человек. В Ивановском районе было в то время около 300 членов партии. Существовал тогда и Основянский район, в котором было вообще мало рабочих, а потому и мало членов партии.

В 1918 году в городском районе насчитывалось около 300 членов. У нас в организации в июльские дни было 2 течения, одно—более «левое», другое—«правое». Эти течения отмечались, приблизительно, до Октябрьской революции. До взятия власти у нас было совещание ответственных работников, которое вынесло постановление власти не брать. Ивановский район, кажется, был за то, чтобы власть взять. К тому времени тяжесть работы в Советах мы взять на себя не могли и перенесли работу овладения на фабзавкомы и полковые комитеты. Причины: фабзавкомы и полковые комитеты были наши, а в Совете—большинство принадлежало еще меньшевикам и эс-эрам.

Вскорости начался перелом настроений в массах в нашу сторону. К началу июля приехал к нам Артем. Он взял на себя руководство всей организацией, так как оказался как организатор и политический деятель сильней всех. Его же послали на Областной с'езд в Киев. В июне или июле появился и Рухимович. Он был тогда рядовым солдатом—сапером. Он скоре завоевал симпатии организации и был избран в комитет и редакционную коллегию «Пролетария». Ответственным редактором газеты тогда был—Сурик. «Пролетарий» сначала редактировался, как газета нашей партии, одним Суриком, хотя поставлена она им была, сказать надо правду, не важно.

Помню, в связи с газетой характерный момент, когда меньшевикам удалось овладеть всеми печатниками и они решили путем всеобщей забастовки приостановить выпуск всех газет, в том числе и нашей, несмотря на то, что мы подобрали в типографию сочувствующих нам печатников. На деле эта забастовка проявилась так: меньшевики продолжали выпускать свою газету «печатников», свой орган, выходил также и «Южный Край» и газета Погодина. Оказалось, в конце концов, что единственная газета, которая была прикрыта меньшевиками была наша. Нам приходилось выступать на общих собраниях печатников и указывать им, что большинство рабочих, борющихся за революцию, об'единяются нашей организацией, а что если они отказываются выпускать рабочую газету, то рабочие найдут средства, чтобы заставить ее набирать и печатать. После таких разговоров через несколько дней газета стала вновь выходить.

О создании Красной Гвардии. Первоначально оружие, как сообщил т. Гулый, прибыло из Тулы, и перевезено было в Ивановский район, но там его трудно было хранить. Так как одной из самых наших крупных ячеек была ячейка ВЭК-а, то оружие перевезли туда. Всего было 600 ящиков и 2.000.000 патронов. На ВЭК было доставлено 100 пулеметов, из них мы оставили на заводе только 30. Завод ВЭК стал тогда страшен всей буржуазии. К нам на завод приезжал прокурор (правительства Керенского) и его помощник. Они нас спрашивали и меня, как председателя Завкома, в том числе, сколько у нас имеетси винтовок и оружия и зачем мы это держим. Это, по их мнению, «угрожало целости завода». Убеждал прокурор, чтобы мы повлияли на рабочих отказаться от хранения оружия. Мы этот приезд обсуждали на заседании завкома и решили никаких ответов не давать.

У нас из 6000 рабочих 1500 человек было к тому времени с винтовками. Завод стал крепостью с сильным гарнизоном и пулеметами, которую не так легко было бы взять.

Октября у нас собственно не было—если себе его мыслить в виде вооруженного выступления. Появление Антонова фактически решило дело. Меньшевиков стали отовсюду гнать, с офицеров срывали погоны, некоторых отправляли на «седьмую линию», где их ждала, за активные выступления, революционная расправа.

В моих воспоминаниях нет хронологической последовательности, но я хочу все же вспомнить еще небольшой, но исторически ценный, по моему, факт. Артем выступал, однажды, возле Рабочего Дома. Помню, тогда в Харькове была Брешко-Брешковская. Когда Артем появился на трибуне, его многие рабочие узнали и отнеслись к нему с большим сочувствием, но мещанская публика (это было во время особой травли большевиков) забросала его камнями. Артем, несмотря на это, продолжал свою агитацию. Артем всюду вызывал обострение, возбуждая революционные настроения у рабочих и ненависть у мещанства. Его агитация в немалой мере помогла тому, что через два месяца мы с паровозного завода получили в Совете свое большинство. От Гельферих-Саде было послано 8 большевиков и 4 меньшевика, эс-эров же не было. От ВЭК-а были посланы исключительно большевики, да один полу-анархист, полу-большевик.

ВЭК. ЧУГУЕВ. СИВЕРС

Т. Покко

Я пополню воспоминания тов. Киркиша о подпольной работе на ВЭК-е с того времени, когда мы эвакуировались из Риги. ВЭК, который раньше назывался «Унион», всегда был на плохом счету у полиции. Возле него всегда стояли казаки—особенно под дни протеста как-то: под 9 января, 12 апреля (день ленских расстрелов) 1-го мая и др. Когда мы эвакуировались, ВЭК был разбит на три части, из которых одна была направлена на Петроград, другая в Москву и третья в Харьков. В последней группе была часть подпольников: Медведев, Ляхин, Тулиновский и др. Как только мы прибыли сюда, мы сейчас же установили связь с существующей в Харькове подпольной организацией. Основной бедой был недостаток денег. Членов организации приехало сюда 25—27 человек. Выпустили подписной лист и собрали 33 рубля. Типография и набор у нас были. Через несколько дней была выпущена летучка против войны. Когда такие летучки появились в Риге, то говорили, что это прокламации, выпущенные немцами, которых было очень много в Риге. Это отражалось известным образом на части отсталых и оборончески настроенных рабочих. Но такое положение было понятно там в Риге, но откуда эти прокламации в Харькове? Здесь они имели уже другое значение и к ним относились по иному. Рабочая ячейка стала пользоваться популярностью у рабочих. Для оценки этого интересен следующий факт. Стал вопрос о ликвидации рабочего дома из-за отсутствия

средств. Нужно было найти материальные рессурсы для спасения рабочего дома, который за долги должен был продаться с аукциона. Мы обратились к рабочим с призывом о помощи Рабочему Дому. Деньги были собраны.

Невольно напрашивается вопрос, чем группа большевиков могла на ВЭКе завоевать такую симпатию и доверие? Ком'ячейкой большевиков в дни реакции и царизма для рабочих очень много сделано в отношении экономического улучшения их бытия. К примеру: когда мы эвакуировались из Риги, был издан приказ губернатора выдать всем эвакуированным рабочим полуторамесячный оклад, но его не выдали в Риге и нам пришлось взяться за дело, чтобы добиться его получения уже здесь, в Харькове. Сделать это было очень трудно, так как военно-промышленный комитет выдачу истолковывал так, что получают те, кто эвакуирован в глубь России и расчитан, а те, кто работает, компенсации не получают; но такой оговорки в приказе Рижского губернатора не было. Тогда ячейка большевиков ВЭКа взяла на себя инициативу во чтобы то ни стало деньги получить. За это дело ячейка поручила взяться мне и т. Медупису. Тут пошли хождения по властям. Первым делом написали прошение Харьковскому губернатору, собрали около 100 подписей от рабочих и с кипой замасленных бумаг направились в качестве делегатов. Губернатор принял нас недружелюбно. Мы настаивали. Губернатор, растерявшийся при виде этой неожиданной делегации, велел придти через три дня за ответом. Прошение нам было возвращено с резолюцией губернатора старшему фабричному инспектору: «срочно разобрать». Пошли хождения от инспектора в военно-промышленный комитет и обратно, но после каждой «прогулки» мы являлись на завод, устраивали митинг и давали отчет о тех или иных результатах. Под угрозой забастовки мы эти деньги получили,—в среднем на каждого по 50 р. В результате, на нашей стороне были все рабочие, которые видели в большевиках своих защитников. Рабочих теперь мы могли собрать в любой момент. После этого рабочие нам, делегатам, сделали отчисления, кто 3%, кто 5%—собралась сумма больше 300 руб. Деньги мы внесли в подпольную организацию, и у подпольного комитета после этого не было нужды в деньгах. Вернусь к истории с Рабочим Домом: благодаря товарищам и симпатии рабочих к нашей ячейке мы начали вести запись в члены Рабочего Дома, чтобы его спасти. Это удалось. Мы пошли на компромисс и дали большинство мест меньшевикам, так как прежнее правление состояло из черносотенца Наливайко да провокаторов: Рудый, Сигарев и Мяненький, но Дом был спасен. Затем началась кампания по выборам в военно-промышленные к-ты. Уже три наших партийных комитета были провалены, почти весь комитет последнего состава был арестован, связи с центром мы не имели, но все же мы взяли на себя задачу провести провал выборов в военно-промышленные к-ты. На заводе появился, присланный из Петрограда меньшевик Абросимов, который оказался провокатором. Он вел агитацию за военно-промышленные к-ты, но нам все же удалось выборы провалить. О Наказе делегатам, посылаемым в военно-промышленный комитет,

о котором упомянул тов. Киркиш, мы писали. Мы не теоретики, школ никаких не оканчивали, а наказ обязательно должен был быть дан уполномоченным.

Наказ был всего из 7 пунктов, и мы над ним потели целую ночь, но в конце концов мы его выработали. На ВЭК-е мы, собравши митинг, провели наказ делегатам, посланным в военно-промышленный комитет, в котором требовали свободы слова, свободы печати, отчетности посланных перед рабочими и только на этих условиях соглашались послать представителей. Но зная, что этого нам не дадут, мы, таким образом, сознательно создали повод к бойкоту.

Все уполномоченые всех заводов собрались на Сумской ул., в военно-промышленный комитет, открыли собрание, избрали меня председателем. Представители промышленников оставили нас одних. Мы осмотрели помещение, чтобы узнать, не были ли где шпики спрятаны, никого не обнаружили и приступили к обсуждению вопроса о посылке трех в комитет от всех уполномоченных. Прочитали мы свой наказ, но все же вопрос о провале выборов висел в воздухе. Тогда мы нашли еще один выход: поскольку выборы происходили на заводах «немые», без собраний, мы поставили вопрос, правомочны-ли мы избирать; большинство голосов признало—не правомочны и потребовали открытых выборов на заводах, но этого нам не дали. Таким образом, выборы были провалены.

Перейду к другому моменту, из другой эпохи: когда произошло продвижение на Украину калединцев, наша организация почти вся была безоружна. Стали искать оружия. Через 30-ый полк у нас была связь с Тулой. Туда поехали—Пастор, Сербиченко, Коваленко, Поляков, (бывш. меньшевик). Пока они туда ездили, мы взялись за военное обучение. Почти половина рабочих ВЭК'а после работы выступала на площадь и обучалась. Здесь были не только мужчины, но и женщины. Обучались на Конной площади, возле Райпаркома. Там-же всегда дежурил наш отряд на случай тревоги. Около 100 винтовок пока достали из 30-го полка и ночью, впотьмах, перенесли их в «Дом Трудолюбия», а затем уже привезли оружие из Тулы. В это время Корнилов приблизился к Белгороду. Нам передавали, что перевес на нашей стороне. К нам поступали пленные, большей частью солдаты царской армии, обманутые и ничего не понимавшие, которых мы человек по 30—50 отправляли в 30-ый полк. Там-же мы достали старый пулемет, который был сейчас-же отремонтирован на ВЭК'е. Из Тулы получили револьверы и «Наганы», которые продавали членам партии по 85 р. Деньги пошли на типографию. Для того, чтобы собрать деньги на типографию, мы устраивали также лекции и кружечные сборы, действовали всякими средствами и с большим трудом сколотили эту типографию. Когда приблизился Корнилов, началось восстание Чугуевских юнкеров, но наша Красная Гвардия была уже подготовлена. На ВЭК'е нужно было установить прожектор. Мне было поручено это сделать во что бы то ни стало, действуя всеми средствами, вплоть до расстрела администрации, в случае необходимости С огромным трудом все подобрали (не хватало то зеркала, то других

частей), и на ночь прожектор был установлен. У завода Блейтнера имелся броне-отряд, который был на нашей стороне, и мы двинулись навстречу юнкерам. Мы прошли до конца шоссе, но двигаться дальше нельзя было в виду большой грязи. Тогда рабочие быстро выложили дорогу досками и стали ждать, но юнкера не появились. Мы их ожидали всю ночь; лежа цепью в грязи, несмотря на то, что многие одеты были довольно легко, но юнкеров не дождались. Инициатором выступления был Плакса-Жданович, Кузнецов и Поддубный.

В ликвидации чугуевщины и корниловщины сыграл огромную роль Сиверс с отрядом матросов. Он захватил центральный телеграф и управление Южн. ж. д. и, таким образом, власть была в наших руках. Комитет Бунда взял на себя инициативу созыва всех социалистических комитетов. Мы собрались днем в Городской Думе. Сюда тогда приехал сам Петлюра из Киева. Рубинштейн—меньшевик играл роль примирителя, чтобы избежать пролития крови. Мы требовали, чтобы прекратили высылку русских, чтобы разрешили вывоз сырья, так как петлюровцы тогда связались с Донбассом и задерживали провоз его; чтобы не задерживали провоза хлеба в Россию и пропускали красно-гвардейцев на Дон, где был Каледин (украинские националисты казаков, ехавших на соединение с Калединым, пропускали, а красногвардейцев задерживали). Нам обещали, что насильственной высылки русских на север не будет, они смогут добровольно уезжать. Согласились также на вывоз сырья. Относительно вывоза хлеба в Россию заявили, что радовцы не будут ни помогать, ни препятствовать этому. Красногвардейцев на Дон пропускать согласились, но только с их ведома, а цель их, конечно, нам была ясна: сообщать Каледину, какие силы и части двигались на Дон.

Был еще один острый вопрос, поднятый меньшевиками и комитетами других партий о судьбе отряда Сиверса. Мы настаивали, чтобы он остался в Харькове, а все остальные комитеты настаивали, что он должен уехать из Харькова, куда хочет, хотя-бы на Дон. Но мы прекрасно отдавали себе отчет, что если Сиверс уедет из Харькова, то Петлюра с меньшевиками и социалистами-революционерами скрутят нас в бараний рог, ибо он, имел значительные силы: полк пехоты на Москалевке и полк кавалерии в Балаклее. На уступки мы не шли. Говорили часов пять ни до чего не договорившись. Должно было быть заседание Совета, и мы перешли в другое помещение, где говорили опять несколько часов, но все же не договорились и пошли на заседание горсовета, где силы наши и меньшевиков были равные.

После этого опять решили собраться (было уже час ночи). Мы собрались и стали опять вести разговоры, но в это время готовилась уже операция—взятие броневиков по Мироносицкой площади. Их было семь. Командир говорил, что он не за большевиков, не за меньшевиков, но за Советскую власть. Мы разработали план, как их взять. Пока мы вели переговоры, Сиверс взял свою часть матросов, часть рабочих ВЭК'а, паровозного и др. заводов и, пока мы ночью торговались, выступил.

На заседание вдруг вбегает Петренко (теперь коммунист) и говорит: «большевики нам тут зубы заговаривают, а сами дело делают!» Тут стал

вопрос, как прекратить стрельбу. Большевики пошли на совещание. Сиверс заявил, что если даже будет постановлено броневиков не брать и ему это предложат, как коммунисту, он не подчинится, так как, если мы их не возьмем сегодня, то завтра будем расстреляны или арестованы. Тыл наш был обеспечен, везде были расставлены пикеты кавалеристов. По улицам прибывшие из Питера уланы с тов. Сиверсом, в ожидании возможного выступления из москалевских казарм украинского полка, также начали подтягивать со всех сторон красногвардейцев, так как мы полагали, что легко взять автоброневики не удастся. В это время меньшевики поднимают вопрос о прекращении ночной стрельбы. Тогда мы заявляем, что пойдем на совещание. Думали этим оттянуть время. Была послана делегация, чтобы прекратить стрельбу. Мы поехали, заранее зная, что, пока доедем, дело будет сделано. Когда мы приехали к Мироносицкой площади, командир, проводивший операцию, нам заявил: «готово уже!». Жертв не было. Все было сделано с налета, броневого нападения не ожидали, сопротивления не было и солдаты после боя очень дружелюбно относились друг к другу, по товарищески закуривали с сиверцами и рабочими. Броневики были наши.

Оттуда мы пошли к дворянскому собранию с частью отряда, рассыпались, поставили «Максима», вошли и без сопротивления разоружили части петлюровцев. Арестовали Николу Петренку и начгарнизона Чеботаря, но на завтра они были освобождены, так как после совершенного эти генштабисты нам не были опасны. Остался вопрос о Москалевском украинском полке и кавалерии в Балаклее. Полк был разоружен, а кавалерия сама исчезла. Таким образом, мы стали господами положения в Харькове.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ, ДОНБАСС

Т. Папков

Мои воспоминания не будут систематичны. Прежде всего я отмечу некоторые моменты в дополнение к воспоминаниям Киркиша и Покко. В июльские дни в Петинском районе было 870 членов партии. Тогда было соперничество в отношении членов между ВЭК-ом и Паровозным, но большинство было за ВЭК-ом. Дальше Покко говорил о работе Артема. Я раз'езжал вместе с ним на митингах по поводу выборов в Городскую Думу. Из Петрограда и Москвы к тому времени прибыло много меньшевиков и эс-эров, которые не только старались, чтобы не прошел список № 3, (большевиков), но чтобы даже не допустить на трибуну наших ораторов. Киркиш был прав, когда указывал, что Артема на первых его митингах рабочие узнавали. Было, конечно, другое отношение к Артему и у солдат, которые знали его. Он выступал, помню, перед казармами, против Рабочего Дома. Там в толпе было много солдат. Он стал защищать список № 3. Один солдат взял номер «Южного края» и стал оттуда цитировать: «кто был Ленин?». Несколько человек направили в Артема штыки. Мы стали Артема останавливать, но он продолжал говорить с большим энтузиазмом в том же большевистском, горячем духе. Тогда

несколько рабочих, знавших его, начали убеждать солдат, что Артем не шпион и играл огромную роль в 1905-м году и т. д. Артему немного удалось смягчить своей речью то настроение, которое сначала создалось против него у солдат.

Я остановлюсь на нескольких ярких моментах, которые сумею вспомнить. До октябрьского переворота при каждом заводе, даже небольшом, была своя ячейка Красной Гвардии. Уже с сентября началась организация этих рабочих дружин. Был выбран Петинский районный штаб. Постепенно все эти ячейки Красной Гвардии начали принимать более оформленный вид. В Доме Трудолюбия до глубокой ночи упражнялись в винтовочных приемах, так как многие никогда не были на фронте и не знали даже, как держать винтовки. В Красную Гвардию больше всего входило рабочих с ВЭК-а: всего же около 800 человек. Она сыграла большую роль в юнкерские дни. Я был рядовым красногвардейцем и еще не знал, как обходиться с винтовкой. Нас выстроили,—мы не знали куда идем.

Нам был отдан приказ по заводам закончить работу в три часа дня и каждый, даже не перекусив, взял винтовку. Нас направили к Воронежским казармам. Солдаты, которые стояли у окон, нас спрашивали—«куда идете, в чем дело? Но мы сами не все это знали. Было уже часов 11 ночи. Очень грязно. Команда «лечь». Легли. Светился прожектор, о котором рассказывал Покко. Ждали до утра. В бой с юнкерами мы не вступили. Руководил нами тогда Пастор. В этот же день мы направились в город и захватили совершенно неожиданно для «Южного края» и газеты Погодина—обе редакции.

Затем я остановлюсь на моменте, относящемся к периоду власти Ревкома. Но, решив направить вместе с 30-м полком, во главе которого стояли Руднев и Глаголев, и тех красногвардейцев, которые были организованы вокруг Дома Трудолюбия. Вместе с ними, кроме Руднева, выехал и Артем. Прибыв на место в Белгород, отряд получил боевое назначение и действовал в том районе. К тому времени подошли к Белгороду и некоторые эшелоны Антонова.

Отряд красногвардейцев вернулся вскоре обратно в Харьков. На собрании его у Дома Трудолюбия мы постановили, что на фронт пойдем лишь вместе с т. Рухимовичем, который как раз был на собрании и согласился на это. Это было 2-го декабря 1917 года. Был приказ грузиться. В отряде было около 950 чел. С Рухимовичем отправился и Сапельник, а командиром был Гагнус. За два часа до отхода эшелона, было получено спешное распоряжение двинуть часть нашего отряда, наиболее способную и боевую, обезоруживать сводный полк, который был на Москалевке. Мы тогда были уже на вокзале. Солдат мы застали в полусонном виде. Некоторые сразу сказали «это наши», некоторые хотели оказать сопротивление, но ничего из этого не вышло и нашу задачу мы выполнили. Отряд, который двинулся в поход 2-го декабря, потом получил название Харьковского Пролетарского Отряда. Он проделал громадную работу в борьбе с гайдамаками и Калединым. В то время началась организация

Красной Гвардии в Юзовке и других районах Донецкой губ. Чтобы координировать действия всех отрядов, в Донбасс был послан Тиняков.

Первое боевое крещение мы получили на ст. Зверево. Положение было таково: штаб, который руководил действиями отряда, имел сведения, что никакой опасности нет, противник по близости отсутствует, и что можно смело двигаться дальше. Мы все, и красногвардейцы, и командиры спокойно спали, а те секреты, которые были впереди, были обмануты противником.

После обнаружения вражеской разведки, нам был отдан приказ выступить против противника, но тот оказался у нас в тылу. В результате: за неделю мы потеряли 51 чел. оставленными, ранеными, убитыми и пропавшими без вести. Мы отступили в эшелоны и вдруг слышим крики: «выходи из вагонов». Оказывается, что в тылу у нас был прорван путь. Но железнодорожники из нашего отряда исправили его, и мы уехали.

В дальнейшем наш Харьковский пролетарский отряд, которым руководил Рухимович, доходил до Новочеркасска, который был взят отрядом вместе с одним из полков отряда Саблина и Антонова. Затем отряд вернулся в Харьков и больше на фронт не отправлялся. Он был расформирован, часть красногвардейцев была направлена в Воронежскую казарму, а часть в другие. К этому времени здесь организовалась Красная гвардия из рабочих паровозного и других заводов.

Характерен и еще один случай, дающий некоторое представление о духе того момента. Перед отступлением перед немцами в Харькове существовал штаб. Начальником его был Кин, который расстрелял бандита. Ночью прибыл представитель командира полка Лебедев с требованием, чтобы в полк немедленно явились Рухимович и Артем. Я ответил, что так как сейчас час ночи, то они поедут утром. В это время заседал красногвардейский комитет, который постановил найти Кина и расстрелять. Когда утром прибыл Рухимович и Артем, им заявили, что разговаривать с ними будут тогда, когда в полк приедет Кин, ибо он может расправляться с буржуазией, но не с солдатами полка. Вечером было совещание, на котором присутствовали все представители власти. Кина решили на время спрятать и его перевезли из «Метрополя», где он находился, в поезд к Антонову, который сначала не хотел его принимать и заявил, что не хочет его прятать, так как он обязан предстать перед судом полка, но впоследствии его спрятал в поезде. После того, как в полку выступил Антонов, все утихло и Антонов уехал. Но в дальнейшем, в процессе прений почувствовалось, что какой бы авторитетный товарищ ни выступал, это ни к чему не приведет: опять настаивали на появлении Кина. Когда мы все направились к дверям Совета, чтобы уйти, нам заявили: «Вы арестованы, а потому должны здесь сидеть». Никто из нас этого не ожидал, пошли к Лебедеву, который стал говорить, что никаких распоряжений на счет ареста он не давал. Выступил Артем, которому удалось разрядить атмосферу, и мы были освобождены. Потом оказалось, что возле здания стояло наготове несколько пулеметов и охрана. На другой день в доме Губисполкома было заседание в присутствии Кина. Защищать Кина

взялся Рубинштейн. Кин первый взял слово и заявил, что того парня нужно было расстрелять. В это время здание губисполкома охранялось броневиками. Мы вдруг увидели, что наши броневики зашевелились. Кто то бросил в залу гранату, которая никого не ранила. Затем Кин был перевезен на вокзал.

Т. Покко

Хочу сделать поправку. Кин был тогда комендантом города. Этот красногвардеец был расстрелян вот из-за чего: некий инженер получил подметное письмо с требованцем денег, которые должны были быть принесены в определенное место. Там была устроена засада, но вместо вымогателя отозвался красноармеец, который был пьян. Его по ошибке и расстреляли.

ПАРОВОЗНЫЙ

Т. Гаврилин

Сначала об организации ячейки на паровозном заводе. Ячейка была организована из 15 человек. Затем, после того, как мы стали вести агитацию среди беспартийных по цехам о вступлении в партию, она возросла до 30 человек. Завод в то время был определенно под влиянием эс-эров. На заводе еще до революции был большевик—Марков, который, однако, не обладал ораторскими способностями, и рабочие его мало знали. Эс-эры имели большое влияние, и часть рабочих даже не знала, что такое большевики, и была уверена, что они защищают интересы буржуазии. Но скоро появился Романович, который повел работу усиленно, но замкнуто. К нам приходили из других заводов, но от нас требовали проводить работу своими силами.

Затем в заводе показался тов. Михайленко, рабочий с электрической станции. До его прибытия меньшевики и эс-эры пользовались влиянием, но он вел борьбу и поставил ребром вопрос об организации вооруженной силы. Меньшевики и эс-эры решили его мобилизовать и убрать, чтобы избавиться от него на заводе. Пошла борьба. Силами коллектива и завкома на общем собрании рабочих удалось добиться постановления—его не давать. В июне появился и Зарывайко.

Михайленко действительно положил много сил для организации коллектива. Когда началась организация дружины на ВЭК'е, нам проделать того же не удалось. Рабочий сегодня брал винтовку, а завтра ее бросал. Пришлось привлекать молодых. Когда мы получили «Наганы», мы об'явили, что их могут получить по 85 рублей члены партии и желающие. Рабочие стали тогда вооружаться. У них уже тогда появилась тяга к оружию.

После октября, когда была об'явлена мобилизация на защиту Советской власти, был собран митинг, на котором выступавшие меньшевики и эс-эры выступили против вооруженной поддержки Советской власти.

Благодаря инициативе Михайленко, рабочие вынесли постановление всем итти на мобилизацию, и пошли в Ващенковские казармы. Туда пошло

около 7.000 человек, но через два-три дня осталось всего в казарме 2.000 человек. Первым командиром был выбран Михайленко, заместителями Лебедев и Минаев. Это и был 1-ый пролетарский полк.

Когда мы приходили из казарм на завод, рабочие выражали симпатии к нам и Советской власти, но относились иронически к нашим боевым силам и способностям. Когда мы приходили на завод с винтовками, над нами посмеивались, хотя и добродушно. С этим недоверием к собственным силам пришлось бороться. Были назначены маневры на Павловке, которые привлекли внимание рабочих.

Когда Михайленко ушел с завода, партработа на нем затихла. Так продолжалось, пока не было Артема. Когда приехал Артем, был устроен митинг. Выступило 15—20 ораторов—и ни одного большевика; но когда на трибуне появился Артем, рабочие вскоре стали кричать: «меньшевиков долой!» и стали в наши ряды. Большое участие в работе принимал, не бывший тогда членом партии, Захаров. Характерно, что меньшевики к этому времени создали на заводе свою рабочую дружину, которая обучалась отдельно военному делу. На все вопросы рабочих, против кого они вооружаются, меньшевики отвечали молчанием.

ФЕВРАЛЬ-ОКТЯБРЬ

т. Буздалин

Моей задачей является описать события, предшествовавшие утверждению советской власти в Харькове. В апреле, в организации были разногласия в руководящей верхушке—харьковском комитете Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) по вопросу об об'единении с меньшевиками. В комитете сторонниками об'единения были: Иванов Алексей, Тиняков Федор, впоследствии убитый на Корниловском фронте в Донбассе в январе 1918 г., Лугановский Эмануил, и группа против об'единения: Судик, Сурик, Буздалин, Поко и др. Вторая группа была в большинстве двумя голосами. Организация в своем большинстве была полнее против об'единения. Весь апрель и часть марта прошла в дискуссиях в Харьковском комитете, и группа большинства выдержанно проводила позицию против об'единения с меньшевиками. Первое мая прошло в агитации и выступлениях ораторов Харьковского комитета, по вопросу о захвате власти рабочим классом, и в раз'яснении широким беспартийным рабочим массам контр-революционной сущности временного правительства и роли в нем меньшевиков и эс-эров.

Май, июнь и июль прошли под усиленным натиском со стороны нашей организации на заводах и фабриках, за овладение Харьковским советом. На крупных фабриках и заводах: ВЭК, Паровозостроительном, Герлях-Пульс, Мельгозе, Гельферих Садэ, железной дороге, Русско-Французском заводе, проходили делегаты в большинстве от нашей партии но у меньшевиков было преобладающее влияние в непроизводственных союзах и, поэтому, фракции меньшевиков и эс-эров были представлены в совете большинством: они руководили советом при благосклонном сочувствии буржуазии. За то в рабочих кварталах билась жизнь в такт с нашей партией.

Во время подготовки к выборам в Городскую Думу, прежние сторонники об'единения с меньшевиками выдвинули снова вопрос о блоке на выборах в думу с меньшевиками. В организации по этой линии вновь образовалось два течения. И на этот раз в комитете несколькими голосами было отвергнуто блокирование с меньшевиками на выборах в Думу. Сторонники блока остались недовольными своим поражением в комитете и перенесли вопрос на общее собрание городской организации, состоявшееся в помещении быв. Дворянского собрания в конце июня. Резолюция противников блока прошла всего большинством трех голосов. Недовольные своим поражением заявили, что они не берут на себя ответственности за дальнейшую работу Харьковского Комитета и при выборах отказались войти в него. Собрание на этом особенно не настаивало. До этого тов. Иванов Алексей ссылался на собрании на возможность, что Холодногорская районная организация не подчинится этому решению и, вопреки мнению общего собрания организации, будет блокироваться с меньшевиками. Мы дали понять увлекающимся, что дисциплина обязательна и что всякое нарушение поставило бы нарушителей вне рядов партии. События не заставили себя долго ждать. День выборов был назначен вскоре после 3-го июля и нам пришлось проводить выборную кампанию в обстановке озверелой травли большевиков со стороны буржуазии. В поток буржуазной контрреволюции была увлечена и большая часть меньшевиков и эс-эров. Это поведение меньшевиков отрезвило головы наших «соглашателей», сторонников блока с меньшевиками. С тех пор вопрос о блоке ими больше не поднимался, и ни о каких компромиссах с меньшевиками речи больше не было.

Насколько сильна и свирепа была клевета на большевиков—«агентов Вильгельма» видно было хотя бы из того, что ей поддавались и некоторые отсталые члены партии—рабочие. Приведу один случай: 6-го июля я отправился в Москалевские казармы с тов. Рудневым прочитать солдатам доклад на тему «Наша земельная программа». Солдаты—их было с тысячу человек,—собрались во дворе полка. Председательствовал штабс-капитан—председатель полкового комитета, называл он себя эс-эром. Речь его сводилась к тому, что соберется—мол—Учредительное Собрание и наделит крестьян землею. Зная заранее свое поражение, он убеждал собрание, что чужого слушать не стоит, и что, мол, пришедшие большевики—германские шпионы. На собрании присутствовали раненые солдаты полка. Как по команде, стали раздаваться угрозы. по нашему адресу, но большая часть солдат требовала, чтобы мне дали слово для изложения нашей большевистской программы. Офицеры натравливали раненых против нас сами, конечно, не принимая в этом непосредственного участия. Я долго стоял среди этого бушующего моря возражая против тактики офицеров. Как офицерня ни хотела, чтобы меня растерзали, им этого добиться не удалось. Офицеры, видя, что солдаты не хотят заниматься самосудом, командуют «в шеренгу» и я очутился в пустом пространстве; это было сделано, чтобы я вынужден был пройти через строй. Коля Руднев стоял в стороне во дворе и звал

меня идти. Под свист, шум, ругань и угрожающе протягивающиеся костыли я вышел из рядов и направился к выходу со двора казармы.

Еще до июльских дней владельцы типографий отказывались печатать нашу газету «Пролетарий». Организация вынуждена была поставить вопрос о приобретении собственной типографии, но денег не было. Были распространены среди членов организации паи по 5 руб. пай и были посланы ответственные сборщики-агитаторы по Донбассу. От'езд совпал с июльскими днями. В числе таких агитаторов был и я. Мне пришлось быть в Горловке и на ближайших рудниках. Помню рудник «Бунге» и Петровский завод. Я провел кампанию по раз'яснению июльских событий, а в Енакиеве выборную кампанию в Городскую Думу. Сочувствие рабочих было на нашей стороне, они все поддерживали нашу партию и охотно после доклада давали деньги собиравшим их нашим товарищам из этих ячеек партии, для создания партийной рабочей газеты. Скоро деньги были собраны и в сентябре типография была куплена у Брука за 40 тысяч рублей и заведующим ее был назначен старый партиец тов. Семен Шварц. Типография помещалась на Вознесенском переулке, 3, и там же помещался Харьковский Комитет.

Июль. Наша Харьковская организация была исключительно рабочей: как в своей массе, так и в составе Харьковского Комитета. По социальному положению интеллигентами были только т.т. Сурик и Лугановский, остальные все рабочие: Судик, Данилевский, Покко, Буздалин, Алексей Иванов. Состязаться нам приходилось с книжной публикой из интеллигентов. Поэтому приезд тов. Артема встретили с энтузиазмом, особенно те, кто знал его по революции 1905 года и по работе его в Харькове, где он принимал активное участие в нашей работе. Тов. Артем, по силе своего интеллекта, занял место лидера, которого, строго говоря, до того времени не было, и нам стало легче тягаться с книжной публикой эс-эрами и меньшевиками, хотя в обиду себя на рабочих собраниях не давали и раньше. Наши задачи были просты и ясны и нас рабочие понимали классовым чутьем и всем ходом предшествующей борьбы рабочего класса.

Август-Сентябрь. Наступление на фронте. Политика правительства Керенского убеждало рабочих в никчемности меньшевиков и эс-эров. Рабочие эс-эры на заводах стали одиночками и группами уходить от эс-эровской партии. Сентябрь и октябрь были лебединой песней их господства. На заводах, фабриках и железной дороге август-сентябрь прошел под знаком интенсивного возрождения нашей организации и создания кадров Красной Гвардии и баз оружия. В организации господствовало убеждение, что в ближайшее время или буржуазия вызовет рабочий класс на бой или мы опередим ее и дадим ей бой, чтобы покончить навсегда игру меньшевиков и эс-эров в социальный мир с буржуазией.

В момент октябрьского переворота мне пришлось быть в Донбассе по делам Харьковского Совета, и я вернулся числа 30-го октября. Мне сообщили, что заседал Совет и постановил всю власть передать Советам. На собрании в качестве гостей присутствовало необычайно много рабочих, так как последние боялись, что предложение большевиков не пройдет, если

не будет давления с их стороны. Рабочие требовали перехода власти к Советам, и с нами за то голосовало несколько эс-эров. С этого дня Харьковский Совет стал парламентом рабочих Харькова. Но наша фракция, руководимая на этом заседании тов. Алексеем Ивановым, (Артема не было в Харькове), не поставила тогда же вопроса, вытекающего из первого постановления о переходе власти к Советам, то-есть о перевыборах Харьковского Исполнительного Комитета, который в это время был в своем большинстве меньшевистским и эс-эровским. Это была тактика выжидания и постепенного захвата. А через две недели Исполнительный Комитет был избран в своей массе из большевиков.

30 октября или 1 ноября приехавший из Москвы товарищ докладывал об октябрьском перевороте в Питере. В театре «Буфф», где происходило собрание активных работников Харьковской организации в чиеле 30 человек (тов. Артем был в отсутствии, в Питере), присутствовали т.т. Судик, Сурик, Покко, Киркиш, Буздалин, Данилевский, Рухимович, Алексей Иванов и др. На собрании обсуждался вопрос, справится ли партия, как руководящая рабочим классом, с властью. На собрании были товарищи, пессимистически настроенные оправдывавшие позицию тех Питерских товарищей, которые в момент октябрьского переворота пятились назад и советовали «не спешить». Выступившие товарищи категорически требовали призвать к порядку колеблющихся питерских товарищей, доказывая, что их уход—есть малодушие и неверие в силы рабочего класса. В этом духе была принята собранием резолюция.

Ноябрь прошел под знаком открытого формирования отрядов Красной Гвардии и организации специального штаба как в городе, так и на заводах. На заводе ВЭК'а организатором Красной Гвардии был член ХК тов. Пастер, и в ноябре гвардия уже получила боевое крещение в боях с белогвердейщиной. На фабриках и заводах владельцы об'являли локаут и отказывались платить рабочим. Пришлось посылать кимиссаров на заводы и работу их продолжать.

С декабря по день ухода из Харькова Советской власти 8-го апреля Харьков занял на всем Левобережьи место организационного Центра вооруженных сил и базы снаряжения всеми родами оружия рабочего класса и Красной Гвардии и посылки его в Донбасс, где происходили сражения рабочих с контр-революцией. Вся работа организации резко изменилась, от агитации и борьбы с меньшевиками и эс-эрами, она перешла к борьбе с вооруженной буржуазией.

В январе уходят на фронт все работники, которые раньше были одними из лучших агитаторов нашей организации. Тут т.т. Тиняков, Данилевский, Пастер, Сапельник и др. Многие из них не вернулись с фронтов вновь в наши ряды. Убиты были за великое дело освобождения рабочего класса: тов. Тиняков—в Донбассе, тов. Данилевский—на южном фронте, тов. Сапельник—под Харьковом.

ПОСЛЕ ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ. ВЗЯТИЕ ВЛАСТИ

т. Кин

После июльских дней мы провели работу по перевыборам в Совет рабочих депутатов, в котором наша фракция получила свыше 120 мест. В Исполкоме 2/3 оказались избранными большевики, которые повели всю работу к захвату власти Советов. Работа заключалась в создании Красной Гвардии, усилении военного совета большевиками и борьбе с соглашательскими партиями. О том, что в скором времени будет сделана решительная попытка передать власть в руки Советов, мне стало известно на происходившем в Москве С'езде Союза городов, на который я был послан делегатом от Харьковской демократической думы—от фракции большевиков. На этот с'езд был прислан из Петрограда тов. Урицкий и Лозовский, которые представляли две различных точки зрения. Урицкий был за немедленный переход власти к Советам и выражавший точку зрения т. Ленина, а Лозовский был против этого, стоя на точке зрения Луначарского и Зиновьева. На об'единенном заседании представителей большевиков,—большевиков было всего 16 человек,—13 высказалось за немедленный переход власти к Советам, а трое—против: Лозовский, представитель Екатеринослава (не помню его фамилии) и один представитель из Москвы.

По возвращении в Харьков мною был поставлен в известность об этом решении Х. К. С этого момента еще усиленнее пошла подготовительная работа. Числа 27-28 октября, в точности не помню, мне сообщили, что в Москве идет бой. Я сейчас же позвонил в Московский Совет рабочих депутатов, запрашивая, что делается в Москве. К телефону подошел тов. Смидович и сообщил, что в Петербурге власть уже взята Советами. В Москве же идет еще бой. Необходимо в Харькове взять власть, а также сообщить во все места о немедленном взятии власти Советами. Разговор мой велся из кабинета бывш. Губернского комиссара, ставленника Керенского, который присутствовал при моем разговоре.

Услышав, что Москва дала распоряжение взять власть в руки Советов, Кузнецов спросил: «Как Вы поступите, как председатель Исполкома?» Я ему отвечал: «Вашей власти больше нет. С этой минуты об'являю власть Советов, а Вы можете отправляться на все четыре стороны». Я поднялся к себе в кабинет, где застал секретаря Исполкома Е. Рухимовича, левого эсера. Поставил его в известность обо всем происшедшем и приказал ему немедленно пойти в Х. К. и сообщить, кто там есть, чтобы сейчас же шли в Исполком, так как на телефонные звонки никто не отвечал. Сам я позвонил в железнодорожный штаб Красной Гвардии тов. Корнееву—начальнику Ивановского железнодорожного района, чтобы он собрал Красную Гвардию и явился в Исполком. Далее я сообщил Коле Рудневу, Абраму Петриковскому, чтобы они немедленно явились в Исполком. В это время Е. Рухимовичем был розыскан Федя Теняков и член Исполкома Павлов—левый эс-эр. Когда явился Коля Руднев и Абрам, было решено немедленно занять 30-м полком (большевистским) вокзал Южный, Балашовский,

Государственный банк, Главную почту и телеграф. Рабочей Красной Гвардией были заняты Исполком, телефонная станция, международная станция, междугородная станция и целый ряд других учреждений. Тут же было сообщено по телефону в Юзовку, Полтаву, Ростов, Бахмут, а по уездным городам Харьковской губернии о том, что в Харькове взята власть Советами и чтобы там также Советы взяли власть. В 10 часов утра был созван Исполнительный Комитет, который избрал Военно-Революционный Комитет под председательством тов. Артема, и военная власть перешла к Революционному Комитету. Таким образом, сам переход власти к Совету в Харькове произошел бескровно.

После взятия власти Советами мы решили Гор. Думы не разгонять. Дело в том, что эс-еры имели много сторонников, в стоявшем тогда в Харькове броне-дивизионе, а на Москалевке стоял их же гайдамацкий полк. В нашем же распоряжении находился только 30-й и 32-й полки. Рабочие же были слабо вооружены. Таким путем, эсеровско-гайдамацкие силы равнялись нашим. Нам нужно было оттянуть время, пока мы сорганизуемся и вооружим рабочих.

В ноябре месяце из Москвы приехал тов. Антонов, как Главком Южфронта, который своими отрядами пополнил наши вооруженные силы. Тогда были разоружены как гайдамаки, так и броне-дивизион. После их разоружения было постановлено Х. К.—Думу распустить. Провести это в жизнь было предложено Советской и Думской фракциям. Директива была выполнена на первом очередном собрании Городской Думы. Когда собралась Дума, то по поручению думской фракции я должен был выступить с внеочередным заявлением от имени Исполнительного Комитета: приказать немедленно Думе разойтись и считать Думу несуществующей. Так и сделали. Дела Городской Управы были приняты Исполнительным Комитетом. Несмотря на то, что все анти-советские партии предвидели этот разгон, на них это заявление подействовало как разорвавшаяся бомба. Поднялось целое столпотворение, хотя в самый момент моего заявления в Думе была такая тишина, какой ни на одном заседании не было.

Не более, как через час, Дума разошлась по домам. На следующий день Исполнительный Комитет выделил Коммунальный Совет в составе 4-х человек, 3-х большевиков—Кин, Гусаков и Ефименко, и одного левого эс-эра, которые на другой день приняли дела управы.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ. ПОХОД В ДОНБАСС ОТСТУПЛЕНИЕ НА ЦАРИЦЫН

т. Минайленко

В сентябре самой жизнью был выдвинут вопрос об организации на заводах рабочих дружин. Я был избран организатором одной их дружин на «Экономе», а потом командиром ее. Мне удалось набрать 25 человек. Ребята подобрались хорошие. На собрании дружинников в Петинском районе был организован районный штаб, и к этому времени дружины были

переименованы в Красную Гвардию. В районный штаб Красной Гвардии вошел т. Пастер, Озоль и я. Потом был создан Центральный штаб Гвардии, куда также вошел т. Пастер. Поместились мы на Конной площади в Доме Трудолюбия. Работать приходилось день и ночь: то занятие (обучение), то дежурство, то что-нибудь случилось—вызываешь гвардейцев. Наступил октябрь, положение было серьезное. В красногвардейской дружине работа увеличилась. Пришлось больше выставлять караулов, охраны и т. д. За ночь приходилось держать беспрерывную связь и выяснять всякие дела каждые пять минут. Помню—Рухимович находился в Ревкоме—в теперешнем доме Губисполкома. Приходишь к нему по какому-нибудь вопросу обычно ночью или поздно вечером. Он сидит в кресле и дремлет. Днем к нему не доберешься, т. к. народу уйма, заседаний всяких—не меньше. В кабинете грязно: винтовки, патроны и другое оружие лежит в углу. Гвардеец стоит у дверей. Папков сидит сбоку и спит. Пойти домой и лечь спать—об этом некогда было думать.

13 декабря нам пришлось принять первое боевое крещение с Корниловскими частями под Белгородом. Утром в Харькове на всех заводах загудели тревожные гудки. Что-то неладное. Гвардейцы с винтовками сбегаются в штаб и, узнав, что враг близко, быстро построились и--на вокзал. После отражения нападения, мы выехали вскоре в Лозовую на гайдамаков. Здесь нами командовал Коля Руднев. Недолго были под Лозовой, пришлось отступить. Я был измучен. Холодно было, перемерз, отступал вместе с Рудневым, потом не помню, как я расстался с ним. Очнулся на Краснопавловке, в пустом вагоне. Наш отряд расстроился. Пришлось вернуться в Харьков. Потом выехали под Павлоград. Из Павлограда гайдамаки взяли паровоз с одним вагоном и стали уходить, а я с отрядом другой паровоз, на тендер поставил пулемет—и в догонку. Нагнали у Синельникова, открыли из пулемета стрельбу в их вагон. Взяв станцию, мы завязали перестрелку в поселке. Укрепились мы на базаре за рундуками и держали под обстрелом перпендикулярно базару лежащую улицу, через которую перебегали гайдамаки. Вернулись в Харьков под Рождество. Потом пришлось двигаться на Дон, бить Каледина. Над отрядом взяли командование т. Рухимович и Сапельников. При выезде из Харькова в эту хочь, нам пришлось выполнить еще одну задачу это разоружить украинский полк на Москалевке,

Прибыв на ст. Дебальцево, мы застали там отряды шахтеров и др. Простояв недолго, мы получили назначение выехать в направлении станции Зверево для ликвидации находившихся там казаков, да перед этим мы еще из Дебальцева пешим порядком двинулись на Ясиновский рудник (нужно заметить, что в то время война велась исключительно эшелонная, т. е. за цепью двигались наши эшелоны). На руднике мы обнаружили много изуродованных трупов рабочих, которых казаки расстреливали. Продвигаясь к Звереву, пришлось по пути иметь небольшие стычки с казаками. На Шперовке мы соорудили из пулеметов броневик и пошли дальше. Не помню точно, на каком руднике в это время был предательски убит тов. Переверзев. Подойдя к ст. Гуково, мы узнали, что в Звереве имеются казаки. Наш

военный Совет решил взять ст. Зверево. Ребята были рассыпаны в цепь и пущен был наш броневик, на котором сидел и я. Было уже темно. Мы ворвались на станцию, открыли ураганный огонь из винтовок и пулеметов, выбили казаков, но, ввиду недостатка сил, удержать станцию нам не было никакой возможности. Начали отступать. Наш паровоз оказался подбитым и стоявший на нем т. Сушинский также был ранен. Необходимо было его заменить. Ночь темная ничего не видно. С трудом розыскали холодный паровоз, пока растопили, времени прошло много. При подаче нашего эшелона назад от Зверева случилась катастрофа. Железнодорожная администрация пустила нашему эшелону в хвост паровоз, который разбил несколько вагонов. Поднялась паника. Наконец, к утру мы успокоились и начали разбирать битые вагоны и очищать путь. Картина была ужасная. Гвардейцы были в унынии. Часам к 4 вечера разведка донесла, что нас «кадеты» окружили. Моментально раскинулись в цепь и пошли. Эшелон стоял в средине. Завязался бой. Это было под ст. Гуково. Часть же отряда вела сражение в сторону Зверева. Здесь пришлось выдержать солидный бой. В этом бою я был ранен, и меня т. Холмская (которая была на линии огня), дотащила до вагона (санитарного). Дальнейшего я уже не знаю, т. к. был уже в санитарном вагоне и направлялся в Харьков. Доехали мы до ст. Должанской. Меня поместили в рудничной лечебнице. Рабочие рудников приходили ко мне, вели разговоры. Кушать было вволю, т. к. всего приносили рабочие. Отсюда я был направлен в Харьков для излечения. В Харькове меня поместили в б. офицерский госпиталь в Красном Кресте. Здесь мне пришлось столкнуться с офицерами, которых я всеми фибрами моей души ненавидел, т. к. в то время у меня было убеждение, что офицеров нужно всех уничтожить, как «кадетов». Вскоре я свое мнение переменил. С частью офицеров я сдружился; их я впоследствии и привлек к работе в Красной Гвардии.

Началось наступление немцев. Пришлось отступать из Харькова. Помню последнее заседание Совета, на котором т. Кин дал понять меньшевикам, что пока он в Харькове, власть все же будет Советская, а не меньшевистская. Незадолго перед отступлением каждый вечер приходил в штаб к тов. Рухимовичу меньшевик Рубинштейн и задавал один и тот-же вопрос: «Ну, как скоро, как дела?»

И каждый раз тов. Рухимович ему отвечал со спокойной улыбкой на лице: «Ничего, еще держимся»...

Наш эшелон, в котором находилось правительство, ехал на Змиев. Под Змиевом нам пришлось столкнуться с немцами. Все-таки мы не струсили и «дали им пить». В то же время тов. Ворошилов ударил по немцам из Основы и те начали удирать. В результате мы захватили 2 орудия и другие боевые снаряды и с этих пор пошло наше мытарство—бои и бои. Прибыли в Луганск, оттуда—на Миллерово, с Миллерова—на Лихую, с Лихой—на Царицын. Не доезжая до ст. Глубокой—недалеко от Каменской,—нас застал день 1-го мая.

По пути на Глубокую мы наблюдали за летающими немецкими аэропланами. Тов. Магидов в это время завел разговор с казаками, потом вдруг вокруг Магидова собралась группа казаков и красногвардейцев человек 150. Начинают петь «Интернационал». Оказывается, что Магидов решил устроить праздник Первого Мая. Были произнесены речи и устроено шествие вдоль движущегося черепашьим шагом эшелона. Так мы отпраздновали день Первого Мая.

На Каменской наш эшелон переезжал через мост под летящими снарядами. Я был комендантом эшелона. Машинисты испугались стрельбы и начали саботировать. Пришлось взять револьвер и держать под носом машиниста. С большим трудом переправились через мост. Дальше двинулись на Лихую. Под Лихой пришлось иметь бой с немцами. Дело было под Пасху. Аэропланы швыряли бомбы во-всю. Среди нашей публики было мнение, что первый день Пасхи боя не будут давать, но оказалось «наоборот». Рано утром на первый день Пасхи появился аэроплан, и это был предвестник боя. Вскоре завязался бой, и нас немцы разбили основательно. Началось паническое бегство; в направлении на ст. Грачи и до Белой Калитвы мы бежали без остановки. В Белой Калитве мы остановились, начали группироваться и очухиваться от немецких ударов. В это время казаки впереди нас начали разбирать пути ж. д., рвать и сжигать все мосты. Командование армией было поручено тов. Ворошилову. Тов. Рухимович руководил исправлением пути и мостов. Мы были окружены казаками.

Позиции были в 8—10 верст. от эшелонов, стоявших друг от друга на расстоянии 2—3 саж., на протяжении 15 верст. С большим трудом добрались мы до Морозовской. Это, приблизительно полпути от Царицына. Здесь решено было устроить передышку и перегруппировку оставшихся у нас после такого разгрома войсковых частей. Морозовская станица была одна из всех станиц, которая нас приняла, даже выделила несколько тысяч казаков, которые бились вместе с нами против Краснова. Тут— в Морозовской—началась работа и по перегруппировке и приведению в порядок сил. Увидели мы сами себя. Это было что-то невероятное. Каждый эшелон представлял из себя движущееся поселение. Тут были семьи рабочих, шахтеров, коровы, овцы, свиньи, лошади, куры, гуси и всякое другое домашнее хозяйство. Все это помещалось под вагонами, на вагонах, на тормазных площадках, между вагонами, на буферах. На платформах были нагружены негодные орудия и передки и рядом же коровы, овцы и др. животные. В общем—картина самая что ни на есть живая и пестрая. Лошади от долгой езды в вагонах так к этому привыкли, что если нужно было куда поехать, то с трудом ее вытащишь из вагона и то она ни за что не пойдет другой дорогой—только над эшелоном. На Морозовской т. Рухимович редактировал издававшийся там нашими ребятами юмористический журнал «Эшелонщик». Название было взято от слова «эшелон», а едущие в нем—«эшелонщиками» так у нас и назывались.

Формирование закончилось, и мы двинулись дальше, на Царицын, исправляя линию и мосты впереди себя. В паровозы приходилось воду таскать

за версту из какого нибудь болота. Для этого ребята становятся в цепь и ведрами подают.

Под Обливской или Суриковской—точно не помню—казаки наскочили на наш санитарный поезд и много вырубили наших раненых. Двигались дальше все время с боем и одновременно исправляя линию и мосты. Дошли до ст. Чир. В 14-ти верстах от Чира мост через Дон. Он был разрушен казаками. Зная, что мост через Дон разрушен сильно, Богаевский разбросал прокламации, чтобы мы сдали оружие и он нас доставит благополучно в Царицын. Пошли к казакам на переговоры Руднев, дед Куликов и Локотош. Куликов идет и считает молча шаги. Потом, возвратясь обратно Куликов настроил орудия и «как двинул», так с тех пор Богаевский забыл предлагать нам сдавать винтовки.

Делать нечего, нужно строить мост и пропускать эшелоны, а у нас их было штук 17, вагонов по 50—60 в каждом. Рухимович занялся восстановлением моста. Казаки старались не давать нам строить, обстреливая нас из орудий. «Шалонщики» наши разбегались после выстрела, но потом так привыкли, что как только снаряд попадает в воду, сейчас же прыгают и ловят глушенную рыбу. Двадцать три дня пришлось провозиться возле моста, но все-таки его закончили и под общее «ура» был пропущен через мост бронепоезд. Отстроивши мост, мы двинулись на Царицын. Пришлось много пережить при отступлении украинской армии через Дон на Царицын. Это—историческая эпоха. Ведь мы были окружены со всех сторон и связи с внешним миром не имели никакой в течение 2-х месяцев.

Руководители наши были т.т. Ворошилов, Рухимович, Руднев, и Круссер. Вот те товарищи, которые несли на себе всю тяжесть тяжелого периода. По прибытии нашем в Царицын дело немного переменилось.

ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКАЯ РЕСПУБЛИКА

т. Магидов

Трудно вспоминать о том, в чем самому пришлось активно принимать участие,—при том, не имея документов, будучи перегруженным текущей работой.

Идея организации Криворожской Республики, главным образом, вызвана была необходимостью резче и рельефнее выявить диктатуру пролетариата против свирепо воинствовавшей в ту пору петлюровщины.

Надо было прежде всего об'единить, сорганизовать, спаять, скрепить пролетариат в единую централизованную организацию, вооружить его для борьбы с достаточно еще сильной и далеко не сломленной буржуазией.

Отсюда и родились мысли об организации Донецко-Криворожской Республики.

После 3-го С'езда Советов и 1-го Всероссийского С'езда Профсоюзов, после разгона учредилки, по возвращении моем в Харьков,—было это во второй половине января 1918 года,—в Метрополе собралось совещание, на котором присутствовали: Артем, Васильченко, Жаков, Филов, Коля Руднев,

(убитый в 1918 г. на Царицынском фронте), Семен Шварц, В. Межлаук, и другие товарищи (затрудняюсь вспомнить). Отсутствовали т.т. Ворошилов (был в Питере), Рухимович (на Калединском фронте), Каменский А.—где был не припомню.

Собрание открыл тов. Артем, отметивший цель и задачи организации Криворожской Республики и особо подчеркнувший необходимость организации пролетарской власти—власти Советов, вокруг и под руководством которой об'единилось бы крестьянство.

Необходимо отметить, что в ту пору уже существовал Областной Донецкий Комитет РКП, секретарем которого был, если не ошибаюсь, в ту пору Семен Шварц, куда входила и часть товарищей, присутствовавших на этом собрании.

Насколько мне помнится, предложение тов. Артема не встретило особых возражений и тут же был намечен состав Совнаркома. Председателем—тов. Артем (он же председателем Областного Совета народного хозяйства). Внудел—т. Васильченко, Просвещения—т. Жаков, Юстиции—т. Филов, по военным делам—т. Рухимович, заместителем—т. Руднев, Финансов, если не ошибаюсь,—т. В. Межлаук, контроль—т. Каменский, труда—Магидов.

За работу все взялись немедленно.

Тов. Жаков передавал мне, как его не хотел пустить сторож в Округе Просвещения из-за слишком плохого на нем костюма и как сторож долго колебался, пускать или не пускать «пролетарского министра» к исполнению прямых обязанностей.

Всюду и везде приходилось преодолевать много трудностей, дело было новое и весьма непривычное.

Всюду и везде было засилье меньшевиков и эс-эров и приходилось не особенно церемониться и действовать решительно.

Из организационных предприятий следует отметить С'езд представителей хозяйственных и профессиональных организаций с участием т. Осинского, на котором был избран Областной Совет народного хозяйства.

На самом С'езде нам пришлось вести весьма резкую и решительную борьбу с меньшевиками. В нашей среде тогда уже был тов. Ворошилов (вскоре ушедший со своим отрядом на борьбу с немцами), и нам удалось разбить основательно меньшевиков.

Во главе Совета Народного Хозяйства стоял т. Артем, а по отделам—ряд народных комиссаров Кривдонбасса.

Однако, долго нам работать не пришлось: немец лез во-всю на Украину и пришлось подумывать о сопротивлении.

Был выделен чрезвычайный штаб при активном и живейшем участии т.т. Н. Руднева, Рухимовича и Артема.

Автор настоящих строк был послан в Дергачи для организации окопных работ и проволочных заграждений.

Приехав туда, я обратился в Исполком—там были с.-р., да еще украинские, и мы как то счастливо избегли ареста и даже избиения.

Ехал я также в Люботин. Там даже отдал приказ о введении трудовой повинности всего населения для рытья окопов,—но все уже было поздно.

Немец приближался.

Однако, мы все же не переставали оставаться в Харькове—заранее будучи уверенными, что нам из Харькова придется уйти.

В конце марта и первых числах апреля учреждения Наркомата стали понемногу сворачиваться, хотя работа всюду продолжалась нормально.

Ушли мы из Харькова в ночь с 10 на 11 апреля (кажется, точно).

Нашему уходу предшествовало собрание Харьковского Совета.

Помню, как сейчас, на Совете мы подробно изложили причины ухода, высказав твердую уверенность, что мы скоро вернемся в Харьков с большим революционным опытом.

Наш уход на всех присутствующих подействовал весьма удручающе.

Особенно почувствовали себя «осиротелыми»... эсэры и меньшевики.

Вообще мы всюду и везде говорили открыто, что уйдем, ничуть не впадая в панику, а трезво взвешивая факты.

Такая откровенная пролетарская тактика особенно была понятна массам, когда мы вернулись обратно в Харьков после разгрома гайдамаков и немцев.

Всюду и везде говорили:

«Вот ведь правду говорили: уйдем, да придем, и пришли».

Надо отметить, что до отхода из Харькова часть членов Совнаркома Кривдонбасса (Артем, Рухимович, Магидов) принимали активное участие в организации отрядов, а самое важное—главное—всеми мерами старались внедрить в сознание красногвардейцев революционное значение дисциплины.

Из Харькова мы отступили на Луганск, где на пути на Основе нас встретил т. Ворошилов, тогда уже принявший от т. Антонова-Овсеенко командование 5-ой Армией.

У Змиева у нас было первое боевое крещение, которого мы меньше всего ожидали.

Пути были разобраны и пришлось взяться за их исправление, причем немцы старались нам в этом мешать, посылая нам пулеметные гостинцы.

Артем, Рухимович, Васильченко пошли вместе с отрядом в бой и отогнали противника верст на 15, захватив кой-какие трофеи.

Со стороны противника был убит немецкий офицер (были взяты с бою документы, фотографические карточки и т. д.). У нас были раненые.

Работа шла на редкость дружная.

В Луганске мы, если можно так выразиться, немного привели себя в порядок, связались с Москвой, и направились дальше.

Из Луганска с нами отступила вся Луганская организация и не мало беспартийных.

В итоге, как известно, Ворошилов со своей армией пробился в Царицын.

О перипетиях, переживаниях на пути следования в Царицын, можно бы и должно бы рассказать очень много интересного.

Но это требует очень подробного описания.

Важно в заключение отметить одно: Совнарком Кривдонбасса, как орган власти, сыграл весьма положительную организующую роль во время стихийного отступления от немцев.

На всем протяжении от Харькова до Царицына рабочая масса видела в членах Совнаркома своих руководителей, разделявших с ними все трудности, преодолевая часто непреодолимое. В самом Царицыне — та же группа товарищей, к которой еще присоединился в Луганске т. А. Каменский, а на ст. Змиев—т. Вадим (с отрядом) своей самоотверженностью и революционной настойчивостью создали 10-ую Армию.

НАСТРОЕНИЯ МАСС НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Т. А. Кин (подпольная кличка—«Лиза»)

Я хочу несколько слов посвятить моментам предшествовавшим и последовавшим за октябрем.

Выростают передо мною картинки выборов в Городскую Думу. Я тогда принимала участие в технической процедуре выборов в 15 участке, на Холодной Горе, как помощник. Пункт находился на Кладбищенской ул. в доме Некрасовской школы. Выборщиками являлись: большинство рабочих, меньше—служащих жел. дорожн. Уже при регистрации выборщиков чувствовалось недоверие масс к выборам. Регистраторы наталкивались на вопросы: что дает дума, будет ли лучше жить, прекратятся ли очереди и т. д.

Началась кампания летучих митингов на улицах—разгар предвыборных дней. Страсти разгорались, и в довершение всего--докатилась до Харькова волна июльских событий; началась и у нас уличная травля большевиков. Выступать приходилось с оглядкой. Только начнешь в какой либо уличной группе отстаивать свои взгляды, доказывать правоту большевиков, как вдруг вынырнет какая либо фигура летучего эс-эра или меньшевика и пойдет сыпать контр-революцию,—глядишь: около тебя тесным кольцом сплачивается черный элемент и готов уже пустить аргументацию по существу, т.-е. кулаки.

Как бы то ни было, хотя и с большими шероховатостями, день выборов приблизился и наступил. Настроение нашей большевистской публики не важное--упали духом малость, но зато наши политические противники-эсеры, меньшевики и др. чувствуют себя превосходно: подняли головы. Пустили они по разным направлениям грузовики. Загремела музыка на улицах, затрещали их речи. Мы же должны были слишком скромно,—на своих, «на двоих» вести агитацию... Вот комната выборов--выборщики тянутся вереницей. Вырастает фигура девушки-рабоницы, подходит к столу и тут же заявляет—«я за 3-й список» (т.-е. большевиков). Ее выборная Комиссия останавливает, говоря, что нельзя заявлять вслух № списка, а работница отвечает: «я работница и иду за рабочих, мне скрывать нечего».

Были и подставные лица. Вдруг является целая группа—челов. 5—6 обывательниц (барышень) и из'являет желание принять участие в выборах.

Им дается справка, что если они не заполнили своих регистрационных карточек, значит, не могут и выбирать. Поднимается скандал, который с трудом улаживается, и барышни уходят ни с чем.

А вот фигура женщины—солдатки (пролетарки), ведущей дебаты о большевиках перед зданием 15 выборного участка. Сцепился с ней в разговоре лавочник-выборщик—октябрист. Она ему всячески доказывает ненужность войны, правоту большевиков. В конце-концов, с сердцем заявляет: «тебе надо защищать твои тысячи, а нам защищать нечего,—мы ничего не имели, имущества у нас нет; у моего мужа есть одни штаны да и те рваные, а у меня одно платье».

При выборах в Учредилку мне удалось быть наблюдателем, как техническому работнику. В участке выборщики вяло заполняли регистрационные карточки (я тогда работала в том же 15 участке на Холодной горе—как завед. участком). Было заметно разочарование в предыдущей выборной кампании в Гор. Думу. Ожидания населения—в смысле улучшения материального положения—не оправдались. Когда приходили мы в дома выборщиков, то нас встречали очень часто равнодушно, а иногда делали замечания—для чего, мол, выбирать—толку мало. Но так или иначе карточки заполнялись. Настал день выборов, помню, день был крепко ненастный, серый ноябрьский день (числа 12-го). Он скрасился большим оживлением в здании выборов—сверх ожидания,—публика шла очень дружно.

Результаты выборов получились положительные. Наших кандидатов прошло большинсто,—центральные же участки в день выборов были мало оживлены. Зато участки с рабочим населением отличались наибольшим оживлением.

„Латышский Культурный Центр“ в Харькове[1])

Когда грянула Февральская революция, образовавшийся из подпольных кружков Латышский Культурный Центр с большим трудом нашел себе под бюро помещение, состоявшее из 2-х комнаток по Михайловской ул № 26. Главное препятствие, тормозившее разворачивание партработы, с этим отпало: деятельность Латышского Культурного Центра стала разворачиваться все шире и шире. Скоро он становится настоящим революционным штабом для рабочих-латышей г. Харькова.

В свободное от занятий время рабочие-латыши битком наполняли помещение Л. К. Ц., где они могли получать свежие сведения о ходе революции. Там же им раз'ясняли непонятные и волнующие их вопросы, туда же они приходили со своими заявлениями о вступлении в партию большевиков. В результате активной деятельности, ряды членов Л. К. Ц. с каждым днем все росли и росли, и еще до Октябрьского переворота Л. К. Ц. насчитывал в своих рядах около 200 членов. А это, конечно, по тем временам для харьковской организации большевиков было цифрой не малой.

В «Латышский Культурный Центр» в первые дни Февральской революции был переименован латышский подрайон Петинского района Харьковской организации Р.С.Д.Р.П. (большевиков), который образовался из подпольных латышских кружков. Латышские же кружки образовались в Харькове еще при царизме в 1916 г., после того, как из Риги, в связи с империалистической войной, эвакуировалось в Харьков несколько заводов со своими рабочими, как-то: В. Э. К., Лейтнер, Шпильберг, Мельгозе и др. Переехавшие рабочие—члены рижской подпольной организации образовали при Харьковской подпольной организации Р.С.Д.Р.П. (большевиков) латышские кружки, как то: «Атауга», «Иманта», «Гаисма» и др.

Вскоре, благодаря быстрому росту числа членов Л. К. Ц., занятое под бюро еще в марте 1917 г. помещение стало настолько тесным, что пришлось искать для клуба другую, более вместительную квартиру. Однако при этом отношении, которое существовало к большевикам со стороны властей

---

[1]) Значение и роль Латышского Культурного Центра в Октябрьском перевороте в Харькове—большое. Он как частица харьковской организации Р.С.Д.Р.П. (большевиков) сплотил около себя баспартийных рабочих-латышей. Кроме того, он из себя представлял боевую силу, с которой и противники пролетарской диктатуры должны были считаться.

в последние недели керенщины, нельзя было рассчитывать на добровольное предоставление Культурному Центру помещения. В виду этого, Президиум Л. К. Ц. решил взять помещение захватным порядком.

Как на подходящем помещении, остановились на доме «Трудолюбия», который по своему расположению очень подходил для Л. К. Ц. Вдобавок же дом «Трудолюбия» был пуст, кроме одной комнаты, которая занималась заведующим. Несмотря на то, что и этот последний не возражал против переселения сюда Л. К. Ц., тем не менее, местная власть не разрешила Л. К. Ц. занять этот дом. Ввиду этого, дом «Трудолюбия» на Конной пл. был занят захватным путем. В течение 3—4 дней дом «Трудолюбия» был отремонтирован и над ним развевалось красное знамя.

А между тем, революция шла своим чередом. Атмосфера с каждым днем становилась все гуще и гуще. На собраниях рабочих меньшевиков и эс-эров встречали со свистом. Буржуазия на всех перекрестках вопила во всю, что партия большевиков подкуплена немцами и т. д. Для каждого стало ясным, что приближается решительная схватка между гнилой буржуазией и их прихвостнями с одной стороны и рабочими и их авангардом —партией большевиков с другой, нужно было готовиться к вооруженным боям.

Л. К. Ц. начинает готовиться По заданиям Харьковского Комитета, член Л. К. Ц. т. Пастер отправляется в г. Тулу за получением оружия. Ему удалось благополучно доставить в Харьков 2 вагона разного рода оружия, в том числе и около 150 револьверов-наганов. Наганы сейчас-же доставляются в Л. К. Ц., где они распределяются среди старых и активных членов Л. К. Ц. и Петинского района. Привезенные 2 вагона оружия ночью, тайком, выгрузили, часть его скрыли в южно-железнодорожных мастерских, а остальное вывозилось членами Л. К. Ц. на завод В. Э. К. Выгрузка на автомобилях продолжалась весь следующий день.

Из привезенного оружия в первую очередь поголовно вооружились члены Л. К. Ц., после чего начали создаваться «рабочие дружины» на заводах.

События разворачиваются с головокружительной быстротой. Об'является созыв на 25-ое октября Всероссийского с'езда Советов. Идет концентрация боевых сил как с одной, так и с другой стороны. Боевые рабочие дружины в Харькове сливаются в Красную Гвардию, которая также разбивается на районы. В Петинском красная гвардия состоит из членов Л. К. Ц. и под влиянием последнего туда вступают более революционно настроенные рабочие-латыши с заводов В. Э. К., Лейтнера, Шпильберга, Мельгозе, Фения и др. Штаб Петинского района Красной Гвардии помещается в захваченном Л. К. Ц. доме «Трудолюбия». В избранный штаб входят в большинстве члены президиума Латышского Культурного Центра, и последний фактически руководит штабом Петинского района. При штабе также в самом срочном порядке образовывается из женщин-членов Л.К.Ц. отряд красных санитарок. С этого момента Л. К. Ц. превращается в боевую

единицу. Каждый вечер происходит лихорадочное обучение дружинников искусству владеть оружием, а санитарки обучаются оказанию первой помощи раненым.

Приблизительно, за неделю до свержения Керенщины, от главного губернского Керенского комиссара в Л. К. Ц. поступил ультиматум в 24 ч. освободить захваченный дом «Трудолюбия». Президиум Л. К. Ц. совместно с штабом Красной Гвардии Петинского раиона, обсудив пред'явленный ультиматум, пришли к заключению, что он имеет целью лишить Л. К. Ц. возможности организовать свои силы и усилить свою военную мощь и постановили: заявить губкомиссару, что добром дом освобожден не будет. Пусть пробуют брать силой.

Началась лихорадочная работа по укреплению дома «Трудолюбия». Были вызваны дружины с зав. Лейтнера, Фения и др. В окнах появились пулеметы, которые были привезены из «арсенала» Харьковского Комитета, т. е. завода В. Э. К. Заряжались бомбы, которые тайком доставлялись с завода Шиманского и т. д. В напряженном ожидании прошло несколько суток. Однако, до момента свержения Керенского, местная власть не решалась связываться с Л. К. Ц. в открытое столкновение.

Вскоре в Харькове вся власть переходит безболезненно к Советам. Но за то Украина в целом становится очагом группировки контр-революционных элементов и восстаний. Сюда катится разбитая под Петроградом корниловщина, в раионе Лозовая—Павлоград группируются «гайдамаки», а Дон захватывается Калединым. При подавлении их вместе с революционными полками и матросами, как организованная боевая сила, принимает участие Харьковская Красная Гвардия, состоявшая в своем большинстве из членов Латышского Культурного Центра.

БИРЗНЕК-СИЛИН.

Харьковские рабочие в борьбе с калединщиной и красновщиной

Наш харьковский красно-гвардейский отряд, состоявший в своем большинстве из революционных рабочих В. Э. К., Лейтнера, Шпильберга, паровозостроительного завода и членов латышского культурного центра,— возвратившийся с подавления восстания гайдамаков в районе Лозовая—Павлоград—Синельниково, был пополнен рабочей молодежью указанных заводов и переименован в «Первый Харьковский пролетарский отряд». Во главе с тов. Рухимовичем, под командованием рабочего завода ВЭК— т. Гангуса—в начале 1918 года, он отправляется на Дон для подавления донской контрреволюции—калединщины, которой в это время уже была занята вся южная и юго-восточная часть Донецкой области. Передовые же Калединские части к тому времени продвинулись до ст. Дебальцево.

Отправка на фронт была назначена из помещения латышского культурного центра, т. е. из «Дома трудолюбия» на Конной площади. Уходивших на фронт явились провожать родные и близкие и остававшиеся в Харькове члены ЛКЦ. Стройными рядами, во главе с оркестром, с дружным пением «Смело, товарищи, в ногу», двинулись мы через Конную площадь на вокзал. На Южном вокзале, вследствие отсутствия вагонов, отряд задержался до следующего дня. Между тем, в эту же ночь Харьковским революционным комитетом были получены сведения о только что состоявшемся тайном заседании командного состава украинского полка, расположенного в казармах по Москалевской ул., вблизи фабрики Дихтериха, с представителями Украинской Рады. На этом заседании было вынесено постановление о вооруженном выступлении и свержении советской власти в Харькове. В частности, выступление радовцев было связано с уходом нашего отряда на фронт. В связи с этим, харьковским ревкомом были приняты срочные меры к разоружению заговорщиков.

Кроме автоброневого отряда и 30-го пехотного полка (последним руководил погибший на революционном фронте т. Руднев), которые считались самыми надежными частями харьковского ревкома, на помощь был вызван с вокзала наш Харьковский Пролетарский отряд.

С рассветом казармы, где был расположен украинский полк, были окружены со всех сторон. Наш Харьковский Пролетарский Отряд занял позицию вдоль по реке Лопани. Наши броневики открыли пулеметный огонь по каменному зданию казармы. Со стороны радовцев-петлюровцев отвечали. Однако, вскоре огонь со стороны заговорщиков прекратился. Заговорщики решили сдаться. Во двор начали выносить охапки винтовок. Были выданы также и пулеметы.

С рассветом с заговорщиками было покончено. Отобранное оружие вместе с нашим отрядом, отправляется на вокзал, и погружается в один из вагонов, поданных для нашего эшелона. Скоро погружается и отряд. Несмотря на то, что ночь провели в боевой обстановке, никто о сне и не думал. Оживленно по вагонам обсуждаются ночные подвиги и делятся впечатлениями. Паровоз тяжело вздохнул, эшелон тронулся. Мы несемся на Дон, на выручку донских братьев-рабочих шахтеров.

Когда на следующий день мы приехали в Дебальцево, калединцев там уже не было. Только кровавые следы свидетельствовали о том, что здесь недавно хозяйничала контрреволюционная, подлая рука. Совершивши налет на невооруженных рабочих, белогвардейцы, первым делом, разогнали ревком и профессиональные рабочие организации и ограбили ссудо-сберегательную кассу и почту. Этого было мало. Белые зверски расправились с более революционными рабочими. На станции Дебальцево они изуродовали до неузнаваемости одного из членов ревкома, кассира станции и пять рабочих железнодорожников. После этих «подвигов», белые удалились в зверевском направлении и укрепились на ст. Щетово.

Нас рабочие Дебальцева встретили, как избавителей. Узнав о прибытии харьковских рабочих, они группами скопились вокруг наших вагонов, приветствуя нас. Многие же из них стали под ружье, вступили в наш отряд и пополнили его ряды.

Разогнанные рабочие организации и ревком быстро восстанавливаются, при деятельном участии тов. Рухимовича. Для создания рабочих дружин, восстановленный ревком снабжается привезенным нами оружием, отобранным у заговорщиков украинского полка.

По инициативе нашего отряда, организуются грандиозные похороны погибших товарищей. Во главе с рабочими организациями в похоронах принимают участие почти все жители мест. Дебальцева. С черными и красными знаменами похоронное шествие направляется к переезду желдороги, откуда, после надгробных речей, вагон с убитыми уходит к месту могилы.

Сорганизовавши в Дебальцеве революционную власть, мы направляемся дальше к югу, вслед за ушедшими белогвардейцами.

Кроме нас, на станции Дебальцево находилось несколько прибывших еще до нашего приезда воинских эшелонов. Это были уставшие, измученные солдаты империалистической бойни, которые сейчас имели одно желание: поскорее «до хаты», чтобы спокойно отдохнуть в кругу своей семьи. Ввиду этого помощи ожидать от них не приходилось.

Прежде, чем преследовать врага, необходимо было произвести небольшую разведочную работу, так как, по имевшимся сведениям, калединская разведка совершала налеты также на ближайшие рудники. Однако, и здесь мы опоздали. Калединцев и на этих рудниках уже не было. Мы заставали одну лишь свеже-пролитую рабочую кровь, которая лишний раз доказывала, что враг рабочих и крестьян жесток и беспощаден. Так, на одном руднике (названия его не помню), вблизи Дебальцева, калединцы страшно издевались

над несчастными пленными австрийцами: в одном сарае мы нашли сваленными около 80-ти трупов австрийцев, зарубленных белыми. Это уже была жестокость, которую нельзя было оправдать даже гражданской войной. Красногвардейцы при виде этих зверств загораются жаждой отомстить за пролитую кровь нашего брата-рабочего. С этого момента, никакая сила не в состоянии сдержать наступления красногвардейцев. Они рвались вперед и вперед. Когда наше командование, по стратегическим соображениям, иногда и предостерегало нас от слишком быстрого продвижения,— по его адресу сыпались самые горячие обвинения, вплоть до подозрения в измене и предательстве. На станции Петровеньки по этому поводу состоялось общее собрание отряда. Товарищу Рухимовичу, взобравшемуся на трибуну—цементную бочку, пришлось употребить много усилий убедить нас в необоснованности обвинений командного состава: нашему отряду, занимавшему центральную позицию по железной дороге, нельзя было оставлять позади себя фланги, которые двигались по шоссейным дорогам. После об'яснений тов. Рухимовича отряд немного успокоился, однако, наиболее горячие головы продолжали недовольствовать.

Продвинулись до станции Щеповка. Здесь мы получаем сведения, что следующая станция—Щетово — занята калединцами. Отправляется туда усиленная разведка, из двух взводов при двух пулеметах. Неподалеку от станции Щетово, приближение нашего разведочного состава обнаруживается калединским дозором, который начинает «давать тягу». Под'езжаем ближе. На станции шум, крики—калединцы в суматохе. Мы используем эту суматоху и цепью, с криками «ура», штурмуем калединцев. Несмотря на то, что численность их была в десять раз больше нашей, калединцы с нами в бой не вступают, а в панике погружаются в вагоны и спешно отступают. На станции остаются пулеметные ленты. Железная дорога в направлении от ст. Щетово к ст. Капустино имеет большой поворот. На этом то повороте калединцам пришлось туговато. Они подверглись жестокому пулеметному и оружейному обстрелу. И, когда калединцы исчезают за поворотом,—мы срочно погружаемся в свой разведочный состав и преследуем в панике отступающего врага до ст. Гуково. При приближении нашей усиленной разведки арьергард из казачьих сотен поспешно отступает, и ст. Гуково занимается нами без боя.

Со слов более революционно настроенных местных казаков, мы узнаем, что в станице Гукове, как станице казачьей, имеется много оружия. Поэтому, нашим командующим был пред'явлен станице ультиматум—немедленно сдать все имевшиеся у казаков винтовки, кроме шашек, которых, по просьбе казаков, у них не отбирали. Местные казаки требование выполнили.

С занятием станицы Гуковой мы оказались в боевой полосе, где каждую минуту можно было ожидать нападения какой-нибудь из окружающих казачьих станиц, а потому мы подтянули к станции Гуково весь наш Харьковский Пролетарский Отряд.

За ст. Гуково следует большая узловая ст. Зверево. Последняя для калединцев имела стратегическое значение. Так как калединцы оперировали

и по миллерской линии, то занятие ст. Зверево для них означало бы подвергнуть миллеровскую группу явной гибели. Эту опасность калединцы учитывали, и ст. Зверево хорошо укрепили. Наш же Харьковский Пролетарский Отряд из тех же соображений решил во что бы то ни стало ст. Зверево занять и отрезать миллеровскую группу. Но, чтобы вышибить во много раз превышавшего численностью врага, необходимо было нападение на неприятеля сделать совершенно неожиданным. И вот наше командование готовит калединцам сюрприз.

В тот же день вечером передаем на ст. Зверево по телефону, что туда следует товарный состав, нагруженный сеном, овсом и т. д. Ст. Зверево соглашается принять груз. Тогда мы начинаем готовиться к наступлению.

Над станцией Гуково уже опустился легкий сумрак, когда под видом грузового поезда мы двинулись в полной боевой готовности на ст. Зверево. Впереди боевого состава следовала наша знаменитая «бронеплощадка», на которой стоял всего один пулемет. На последнем раз'езде от боевого состава отцепляются хозяйственные и санитарные вагоны, а боевой продолжает продвижение. Не доезжая железнодорожного моста, перед самой ст. Зверево останавливаемся и высылаем разведку, дабы убедиться, не взорван ли мост. В это же самое время из-под моста впотьмах выплывает длинный эшелон, который тихим ходом проходит мимо нас по Миллеровской линии. Как выяснилось впоследствии, это был калединский эшелон, направлявшийся на помощь миллеровской группе. Мы же настолько были увлечены предстоящей операцией, что никому и в голову не пришло остановить эшелон.

Между тем, становилось все темней и темней. Трудно было на протяжении 15-ти шагов различить что-либо. Перебравшись через зверевский мост, наш отряд выгружается из вагонов и цепью по обоим сторонам железной дороги, имея по середине бронеплощадку—приближается к станции. К великому нашему изумлению, до самой станции никто нас не останавливает. Лишь когда мы подошли вплотную к самой станции, нас вышли встречать... с фонарями. Мы открыли с бронеплощадки по фонарям пулеметный огонь. На станции суматоха. Поспешно, из-под нашего носа в одном вагоне удирает штаб зверевских частей. С оставшимися завязывается упорная и продолжительная перестрелка. Бронеплощадка останавливается против станции. Зверево занимается нами с бою. В это время тяжелое ранение разрывными пулями в руку и ногу получает находившийся на паровозе тов. Сушинский, другие два товарища получают легкие ранения. Станция Зверево в наших руках. Там, в первом классе, наши санитарки перевязывают раненых, как своих, так и калединцев. Но кругом станции ружейная перестрелка между нашей цепью и калединцами, засевшими между колес вагонов, все еще не умолкает.

На станции мы увидели следующую картину: кроме перевязанных калединцев, на одной из скамеек лежит раненый штабс-капитан, который первый попал под наш пулеметный огонь, и получил изрядное количество ран. Его осторожно перевязывают наши санитарки. Штабс-капитан все время их ругает.

— Бросьте вы эту собаку перевязывать, добить его надо, а не перевязывать—обращаются к санитаркам возмущенные товарищи из отряда, перед глазами которых еще стояли картины зверств этих белых «героев».

Но санитарка т. Рутынь (погибшая впоследствии в гуковском бою) спокойно доказывает товарищам, что пролетарии не могут издеваться над обезоруженными и ранеными, как это делает наш противник, что это злобное и мстительное проявление бессилия рабочему чуждо. Послушали гвардейцы старую партийную работницу, и оставили живым тяжело раненого штабс-капитана..

Не имея возможности в ночной темноте, да при том еще, перемешавшись с калединцами, сидевшими в гнездах тут же на станции, удержать ее за собой, мы решили временно Зверево оставить и отойти на ст. Гуково. Добрались мы до раз'езда, где оставили небоевой состав, присоединили его и тихим ходом следуем в Гуково

Оставленная в Гукове во время нашего наступления артиллерия, не имея о нас никаких сведений, решила на паровозе доехать до штаба за получением последних указаний. И вот на наш возвращавшийся из Зверева состав с довольно большой скоростью наскочил паровоз с артиллерией. В результате—крушение. Два вагона 2-го класса, оказались вдребезги разбитыми и два человека легко ранеными. При помощи артиллерийского паровоза, который от крушения не пострадал, путь скоро восстанавливается, и мы возвращаемся в Гуково.

На другой день, утром, при содействии артиллерии, вновь идем в наступление на ст. Зверево. На этот раз калединцы укрепились за мостом и до позднего вечера выбить их из укрепленных позиций не было возможности. Ко всему, со станции Миллерово возвращается обратно—на Зверево—пропущенный нами во время первого наступления калединский эшелон. Он оказывается у нас в тылу. С ним завязывается перестрелка. Дружным натиском мы вынуждаем нежданных «гостей» спасаться бегством. Однако, это появление неприятеля в тылу заставило нас вновь прекратить наступление и возвратиться обратно в Гуково.

На рассвете часовыми была поднята тревога: они заметили движущуюся к Гуково неприятельскую цепь. Подпустив калединцев на близкое расстояние, открываем беглый пулеметный и ружейный огонь. Неприятельская цепь начинает таять и, наконец, не выдержав нашего огня,—отступает.

Необходимо отметить, что со стороны калединцев в бою участие принимали исключительно офицерские части. После этого неудачного для калединцев боя, одних убитых, как то: прапорщиков, поручиков, а большей частью штабс-капитанов и полковников—мы подобрали до 50. В этом бою с нашей стороны не оказалось ни одного пострадавшего.

Калединцы, однако, не падали духом. Через два дня, воспользовавшись туманом, они окружили наш отряд с двух сторон. Упорно мы сражались в неравном бою, отражая ярые офицерские атаки. В начале боя наша бронеплощадка, на которой находился и тов. Рухимович, подалась на одну станцию назад, т. е. на ст. Пловолье, где стоял в это время один из

не демобилизованных еще полков. К нему тов. Рухимович обратился за немедленной помощью, чтобы выручить наш Харьковский Пролетарский Отряд. Солдаты наотрез отказались поехать на выручку наших товарищей, из которых много тогда погибло, как герои в неравной борьбе.

В этом втором Гуковском бою Харьковский Пролетарский Отряд потерял самых лучших своих товарищей. Там погибли активные члены Латышского Культурного Центра т.т. Винтер (он же рабочий ВЭК), санитарка т. Рутынь и много др. Всего похоронено в братской могиле, за станцией Гуково, около полотна железной дороги, 52 товарища. (Смотрите снимок в сборнике).

Продолжать борьбу после этого боя не было возможности. Ввиду этого Харьковский Пролетарский Отряд—возвращается в Харьков для пополнения. Харьковский Пролетарский Отряд заполняется свежими силами из членов Латышского Культурного Центра и рабочих завода ВЭК и, не задерживаясь долго в Харькове, вновь направляется на Дон. За время нашего отсутствия станция Зверево уже была занята матросами черноморцами и балтийцами. Здесь мы соединяемся с последними и дружным натиском занимаем станцию за станцией.

Калединцы, видя свою неизбежную гибель, стараются задержать наше наступление порчей путей, взрывами мостов и т. д. Так, отступая из города Александра-Грушевского, они взорвали железнодорожный мост между Александрово-Грушевским и станцией «Каменоломни». (Смотрите снимок в сборнике).

Но взорванные мосты и пути быстро восстанавливаются красногвардейцами.

С занятием ст. Каменоломни здесь сосредоточиваются все красные части. Вечером калединцы перешли в наступление. Ими уже была захвачена наша артиллерия, но контр-аттакой моряков и Харьковского Пролетарского Отряда не только была отобрана обратно артиллерия, но и сами калединцы были окончательно опрокинуты и бежали, оставив на поле битвы массу убитых, которых после боя местные крестьяне раздевали до-гола, сдирая с них одежду. Убитые под Каменоломней калединцы раздетые местными крестьянами лежат голые в снегу.

С занятием Александр—Грушевска моряками и Харьковским Пролетарским Отрядом—с восточной стороны, и Ростова на Дону с южной—красными частями—калединские дни сочтены. Сам Каледин кончает самоубийством.

Вскоре Новочеркасск занимается красными.

КИРЗНЯК-СИЛИН.

Екатеринослав в 1917—1918 году

Екатеринослав, как и все крупные промышленные центры России, после февральской революции находился во власти меньшевиков и эс-эров, Необходимо отметить, что рабочие юга тогдашней царской России всегда находились под влиянием меньшевиков. Победу большевиков на выборах в IV-ую Государственную Думу следует с этой точки зрения считать случайностью. Большевик—Григорий Иванович Петровский прошел в Государственную Думу только потому, что принял меньшевистский наказ. Как ни странно, но—это факт. Григория Ивановича Петровского меньшевики считали больше своим, нежели большевиком. В подтверждение правдоподобности этого утверждения, считаю нужным привести следующую историческую справку: как только в Государственной Думе, в социал-демократической фракции обнаружилось резкое деление на большевиков и меньшевиков, и как только стало ясным, что Г. И. Петровский ничего общего не имел и не имеет с меньшевиками, последние подняли кампанию за его отзыв из Думы, как изменившего наказу. В этой кампании приняла самое активное участие Екатеринославская организация Р.С.-Д.Р.П. (большевиков)—конечно, боровшиеся против отзыва т. Петровского.

Меньшевики в ней окончательно провалились. К этому времени думская трибуна нашими товарищами большевиками была использована превосходно, и рабочие Екатеринославской губ. использовали возможность, чтобы хорошо усвоить принципиальные расхождения между нами и меньшевиками. С этого момента большевики все больше и больше стали приобретать влияние на рабочие массы и в период страховой кампании победа почти всюду оставалась за нами. При выборах в Екатеринославский Совет по делам страхования рабочих, влияние меньшевиков было настолько ничтожно, что они вымаливали у пишущего эти строки, проводившего эту кампанию, хотя-бы одно место в Страховом Совете, в чем им было «любезно отказано». Дали мы им только одно место в списке кандидатов. Ко времени февральской революции царская жандармерия достаточно постаралась, чтобы вернуть меньшевикам утраченное ими влияние на рабочие массы.

Своими бесконечными арестами и разгромами большевистской группы царская жандармерия—правда, косвенно,—но за то и усиленно помогала меньшевикам овладеть легальными рабочими организациями и страховыми кассами. Из'ятие наиболее влиятельных членов нашей партии продолжалось все время—до самой февральской революции, и неудивительно, если меньшевики после переворота овладели Советом. Это явление характерно не только для Екатеринослава. Его мы наблюдали почти повсеместно.

С возвращением в марте и апреле 1917 г. из ссылки целого ряда членов нашей партии, хорошо известных по своей старой работе екатеринославским рабочим, положение наше стало резко изменяться в лучшую сторону—в сторону овладевания рабочими массами. В ответ на ноту Милюкова от 18-го апреля, екатеринославские большевики организовали 23-го апреля демонстрацию и митинги протеста против империалистических поползновений Временного Правительства. Эта демонстрация и митинги, прошедшие под нашим полным руководством, показали, что рабочие Екатеринослава вновь поворачиваются лицом к нам. Меньшевики растерялись, а эс-эры как-то совсем скрылись с политической арены. Кой-кто из меньшевиков—особенно, Н. Сандомирский—дергал за полы председателя горсовета—меньшевика Орлова, рекомендуя ему декларировать, что и меньшевики, мол, также не против опубликования тайных договоров, но, конечно, с оговорками.

Первое мая прошло также под знаком растущего влияния нашей партии, несмотря на то, что одному из наших ораторов—М. Беку—пришлось спасаться бегством от преследования его сторонниками гучковской «демократии».

С этого момента влияние нашей партии непрерывно росло не только среди рабочих, но и среди солдат довольно большого гарнизона. Московское государственное совещание было нами использовано для разоблачения соглашательской политики меньшевиков и эс-эров. Корниловский поход еще больше этому помог. Выборы в Городскую Думу дали нашей организации большое число мест. Учредиловские выборы также прошли для нас успешно. После «демократического» совещания, мне, как участнику его, пришлось делать доклады не только в Екатеринославе, но и других уездных городах. Тема была такая: «Демократическое совещание и новое предательство эс-эров и меньшевиков». Доклады эти проходили с большим успехом, меньшевики-же не смели и носа показать. Настроение масс было далеко не в их пользу.

Так длилось до самого октября.

К октябрьскому с'езду Советов наша Екатеринославская организация готовилась так же, как и наша партия в целом. Но октябрьский переворот в Екатеринославе прошел не столь бурно, как в Петрограде, Москве и других городах Советской России. У нас мы—большевики—ограничились только тем, что подчинили Горсовет нашему влиянию. Было несколько совещаний со сторонниками коалиции, продолжавшихся несколько ночей. Меньшевики с эс-эрами и слушать не хотели об осуществлении пролетарской диктатуры. На последнем совещании в здании Горсовета,—под утро,—т. Квиринг решительно заявил нашим противникам:

— «Если Вы не хотите разделить бремя власти с нами, мы сами возьмем власть в свои руки».

Но это,—на первых порах—было только угрозой. Меньшевики и эс-эры, потерявшие свои позиции в Горсовете, нашли себе приют в Городской Думе, которую у нас не хватило мужества разогнать до самой оккупации Украины Петлюровско-немецким «союзом».

После того, как я уехал в Петроград в связи с подготовкой к открытию Учредительного Собрания, руководители Екатеринославской организации стали на точку зрения тех, кто, расходясь с линией большинства членов Ц.К. нашей партии, покинул ряды Совета Народных Комиссаров. Проводя эту линию, руководители Екатеринославской организации, естественно, укрепляли ряды «демократических» думцев, пытавшихся противопоставить себя Городскому Совету.

К концу декабря 1917 г. для всех было ясно, и в том числе для руководителей Екатеринославского Губкома нашей партии, что вооруженного конфликта не избежать, что власть не дают, а ее берут в борьбе,— особенно тогда, когда петлюровские курени гайдамаков готовятся напасть, лихорадочно мобилизуя свои силы и вооружаясь, подвозя броневики и пушки и захватывая на ст. Екатеринослав винтовки и пулеметы, привезенные из центра для вооружения рабочих.

Медлить дальше нельзя было, нападение нужно было предупредить контр-нападением. Это сознавали все, и к этому готовились.

25 декабря было решено захватить у петлюровцев броневики. Эта задача была удачно выполнена группой товарищей в 30 чел. под руководством т. Ильченко. Захваченные бронемашины были отправлены на Брянский завод под надежной охраной рабочих-брянцев, игравших в этих боях главную роль.

26-го декабря командование куреней усиленно агитировало в гарнизоне, стараясь склонить его на свою сторону. Однако, гарнизон, имевший в своем составе свыше 50.000 штыков, остался нейтральным. Это нейтральное настроение гарнизона было учтено петлюровским офицерством, и они решили без гарнизона померяться силами с рабочими Екатеринослава.—Особенно, с ненавистными им брянцами.

27-го декабря, около 12-ти час. дня, представители вражьего командования приехали на Брянский завод и вручили нам под расписку ультиматум, в котором предлагали нам к 2-м часам того-же дня вернуть на указанное в ультиматуме место не только броневики, но и винтовки с пулеметами. Нами было созвано собрание уполномоченных цехов для обсуждения этого вопроса. Собрание единогласно постановило ультиматум отвергнуть. Даже меньшевики с эс-эрами (это были одиночки-рабочие) голосовали за отклонение ультиматума.

На-спех нами был сформирован военно-революционный штаб, в состав которого вошел и я. В 2 часа дня было решено дать тревожный сигнал на заводе, другие заводы должны были следовать за Брянским. Гайдамаки свою угрозу по части артиллерийского обстрела района Брянского завода выполнили в точности. Снаряды начали рваться минут на 5 раньше заводских сигналов. После сигнала, несмотря на Рождественский праздник, территория Брянского завода заполнилась тысячами рабочих, вооружившихся винтовками.

В революционном штабе было решено ликвидировать, в первую очередь, отряды куреней на Кайдаках. Наш отряд с успехом выполнил это к вечеру того же дня.

В городе также шла перестрелка между небольшим нашим отрядом, расположившимся в здании Горсовета, и петлюровцами, штаб которых находился в почтамте—против Горсовета, через Проспект.

К ночи беспорядочная стрельба, продолжавшаяся в течении полудня, стала затихать, а после 12-ти часов ночи меньшевистско-эс-эровские думцы предложили свое посредничество для мирных переговоров. Предложение нами было принято с условием предоставления нам права разговора по телефону с городом. Телефонная же станция находилась в руках петлюровцев. Нам была гарантирована неприкосновенность делегации.

После 2-х часов ночи я с т. Гринбаумом (тогда он еще был анархистом) поехали в Думу для ведения переговоров, но путь наш оказался не столь длинным, как мы предполагали. Против штаба петлюровцев, несмотря на наши протесты, нас взяли в плен, завязали обоим глаза, отвезли по одиночке в штаб к дежурному офицеру и снова с завязанными глазами отправили в различные комнаты. Там мы, в одиночку, в ожидании расстрела, продремали до утра. Утром за нами в штаб пришел один из эс-эров, и мы были освобождены.

28-го декабря, по освобождении из штаба, происшедшего не без сопротивления петлюровских офицеров, мы отправились в Думу, где застали нашу фракцию,—правда, не всю. Там были т.т. Квиринг, Бек, Гопнер и другие товарищи. Стали мы судить, да рядить, как быть: начать-ли переговоры или оттянуть их под разными предлогами до приезда москвичей с артиллерией, которые находились в эшелонах в 45 верстах от Екатеринослава. Споров было много. В итоге,—решено было не вести переговоров под тем предлогом, что командование противной стороны нарушило данное обещание о неприкосновенности нашей делегации и что в результате ареста мы не знаем, каково сейчас положение в рабочих кварталах.

Заседание «демократической» Думы было открыто. Нами было сделано соответствующее заявление. После долгих разговоров и споров думцам и командованию куреней пришлось с нами согласиться: в необходимости отсрочить переговоры я, и еще кто-то, не помню именно кто, под белым флагом на автомобиле поехали на Брянский завод. Петлюровцы доживали последние часы. Под'ехали москвичи и началось наше общее наступление. Екатеринославские рабочие, во главе с брянцами, при поддержке москвичей, несмотря на ураганный огонь противника, взяли приступом белогвардейский штаб.

Вечером артиллерия противника громыхала колесами по мостовой. Герои-рабочие везли ее как трофеи, в свой рабочий штаб—на Брянский завод.

Надо отметить, что в этой борьбе двух социально-непримиримых лагерей, гарнизон верный своему нейтралитету, не принимал участия, если не считать одной роты Сердюцкого полка, присланного Керенским по соглашению с Радой для удушения пролетарской диктатуры.

Так благополучно закончилась первая схватка екатеринославских рабочих с кулацко-петлюровской «демократией». Дума же и после этого хотя и не играла никакой роли, все же продолжала жить.

3-е апреля. Рада, опираясь на штыки кайзера, совершала свое победное шествие по Украине, насаждая вместо ненавистной ей Советской власти помещичье-кулацкую «демократию».

3-го апреля красный Екатеринослав первого периода Советской власти доживал последний день. Город эвакуировался, парторганизации тоже,—за исключением товарищей, оставленных для подпольной работы.

В Совете оставался я и т. Квиринг. Под вечер пришел в Горсовет городской голова Осипов попрощаться. На прощаньи, расплакавшись, сказал: «Надеюсь, что Вы еще придете». Мы, конечно, старались рассеять сомнения Осипова. Расцеловавшись с нами, он обещал, если нам не удастся уйти из города, дать нам убежище.

Вечером мы покинули Горсовет, уехав на автомобиле на левую сторону Днепра.

Такова короткая история первого периода существования Советской власти в пролетарском городе.

ПОХОД ГРИГОРЬЕВА НА ЕКАТЕРИНОСЛАВ В 1919 ГОДУ

Выступлению бандита Григорьева против Советской власти предшествовала поездка в штаб Махно т. Каменева, как уполномоченного Совета обороны Республики. Т. Каменев был в восторге от этого посещения; говорили,—хотя за правдоподобность не ручаюсь,—что т. Каменев даже целовался с Махно.

Но мы, екатеринославцы, всегда относились к земляку Махно с большим подозрением, советовали и т. Каменеву не увлекаться Махно. Т. Каменев вызвал к проводу Григорьева, собираясь и его посетить, но Григорьев не пожелал говорить. Для нас тогда совершенно ясно было, что эти два бандита замышляют авантюру и совместный поход против Советской власти.

Незадолго до григорьевского выступления ко мне явился сподвижник Махно—Горев, работавший в махновском штабе. Он заявил мне, что имеет сообщить сведения, имеющие огромную важность,—но при условии, если ему будет гарантирована жизнь. Я обещание дал. Тогда Горев сообщил, что сейчас в Екатеринославе на разных квартирах находятся делегаты штаба Григорьева и Махно; и что завтра делегация выезжает в штаб Григорьева для разработки плана совместного выступления. При помощи Горева вся делегация была нами арестована. Со стороны Махно делегатами были: Горев, Венгеров и Коваль—председатель Гуляйпольского Революционного Совета. Фамилий делегатов со стороны Григорьева не помню. Этот арест и, принятые вслед за ним, меры предотвратили совместное выступление Махно и Григорьева.

ИЗМЕНА ЧЕРНОМОРСКОГО ПОЛКА

В Екатеринославе, в артиллерийских казармах был расположен Черноморский полк. Полк этот не внушал нам никакого доверия, и мы настаивали на его разоружении.

Командарм 2-й Скачко с этим не соглашался. Это была первая наша ошибка, так-как впоследствие за эту нерешительность нам пришлось расплатиться лишними несколькими десятками человеческих жертв.

В Екатеринослав к этому времени приехал с мандатом украинского командования некий бандит-старик Максюта—для формирования конного отряда. Сразу было видно, что мы имеем дело с бандитом. Отряд его мы разоружили, а самого Максюту засадили в тюрьму. Впоследствии Максюта был назначен Григорьевым начальником екатеринославского гарнизона. То, что Максюту мы не расстреляли, также было нашей ошибкой. После разговора Каменева с Григорьевым по проводу, как я уже говорил выше—стало для всех ясным, что мы находимся накануне восстания. Оно, действительно, не заставило себя долго ждать. Григорьев начал обстрел города артиллерийским огнем. Нам отвечать было нечем. После артиллерийской подготовки началось наступление григорьевцев. Черноморский полк перешел на сторону Григорьева, а Максюта стал управлять городом. Нужно здесь добавить, что командовавший тогда войсками на Украине т. Овсеенко-Антонов запрещал по пути следования бронепоезда и войск Григорьева—вступать с ними в бой. Это бесспорно, облегчило Григорьеву задачу без всякого сопротивления докатиться до Красного Екатеринослава, и начать там свое кровавое дело. Город был занят, но ненадолго. Еще до прибытия подкрепления из Харькова с артиллерией и бронемашинами, во главе которого стоял покойный т. Пархоменко, убитый впоследствии в Полтавщине махновцами, нам удалось несколько поправить положение. Мы не только удерживали за собой Днепровский мост, но и Екатеринославский вокзал, где помещался полевой штаб 2-ой армии. С подходом же подкрепления положение сразу изменилось. Мне помнится, как т. Пархоменко, горя ненавистью к бандитам, заявлял:

— Отдавайте приказания, мы будем исполнять.

Я чувствовал себя чрезвычайно неловко, в роли военачальника, не будучи военным человеком. Всетаки пришлось отдавать приказы. Это было тем более неизбежно, что штаб Реввоенсовета 2-ой армии находился на ст. Синельниково и не подавал никаких признаков жизни.

Свое обещание о том, что сегодня очистит город, тов. Пархоменко выполнил блестяще. Началось с того, что Максюта был убит, а его дочь ранена т. Пархоменко.

Черноморский полк после короткого боя был целиком взят в плен вместе с командным составом. Григорьевцы стали отступать, неся потери.

В разгаре самых горячих схваток с Григорьевым, Махно прислал свою делегацию, с тем, чтобы мы пропустили ее в Григорьевский лагерь. Делегаты мотивировали это своим желанием убедить Григорьева отказаться от дальнейшей вооруженной борьбы с Советской властью, так как это—ненужное пролитие братской крови. Замыслы Махно были ясны; и поэтому, несмотря, на то, что Командарм 2-й Стачко дал его делегации разрешение перейти линию огня с гарантией ее целости, мы в этом отказали. В течение трех дней делегаты Махно продолжали настаивать на своем, но мы,

наученные опытом прошлого, твердо отказывали им. Махновцы сносились даже по этому поводу с Москвой, но и это им не помогло. Под конец мы им заявили, что не возражаем против перехода линии фронта, но за целость делегации ручаться не станем. Махновцы раскусили в чем дело, и желание облагодетельствовать нас у них пропало. Были попытки махновцев связаться с Григорьевым письменно, но и это им не удалось.

К этому времени прибыли с частями Крымской дивизии т. Дыбенко, и Григорьевщина, как определенная военная угроза была ликвидирована. Григорьевщина, так легко ликвидированная нами все же прибавила в общую братскую могилу Екатеринослава еще около ста жертв.

Авантюра двух атаманов бандитов не увенчалась успехом.

III

НАСТУПЛЕНИЕ ДЕНИКИНА НА ЕКАТЕРИНОСЛАВ

Пожалуй, ни одному пролетарскому городу Украины не пришлось пережить столько тяжелых дней, как Екатеринославу, и, пожалуй, верно будет и утверждение, что ни один из губернских городов не пострадал так сильно, как Екатеринослав. После того, как Махно не подчиняясь нашему командованию,—открыл на одном из участков фронт Деникину, добровольческая армия стала быстро продвигаться вперед и в скорости стала угрожать Екатеринославу.

Вторая армия была переименована в 14-ую. Вместо Командарма тов. Скачко был назначен тов. К. Ворошилов. С приездом в Екатеринослав т. Троцкого был организован Военный Совет укрепленного района Екатеринослава, председателем которого я был назначен. Укрепрайону была дана задача провести окопные работы и установить баттареи. Первая задача была выполнена, а вторую выполнить не удалось. Орудия, полученные нами в последние дни существования Советской власти, пришлось эвакуировать. Окопная работа выполнялась мобилизованной нами для этой цели буржуазией. Но и у меня, и у других товарищей, закрадывалось сомнение, не роем ли мы окопы впустую, мы предвидели, что в них некого будет садить, так как нам было заявлено, что в деле обороны мы можем расчитывать только на свои собственные силы, а эти свои силы мы знали хорошо. Наши подозрения оправдались.

КОМЕНДАНТ УКРЕПРАЙОНА

Приказом тов. Троцкого Комендантом Укрепрайона был назначен подполковник царской службы Рафаилов. Помню, при обсуждении этого назначения тов. Троцкий заявил: «либо Рафаилов предан нам либо он мерзавец».

Последнее оказалось более правильным. В должности коменданта Укрепрайона Рафаилов пробыл всего несколько дней. После первой моей поездки с Рафаиловым на окопные работы у меня спросил мое мнение о Рафаилове инспектор артиллерии-генерал—фамилии его не помню.

Я ответил, что Рафаилов никуда не годится. Того же мнения был и инспектор артиллерии. Рафаилову было предложено подать рапорт об отставке, и он ушел. С этого момента он совершенно исчез из поля нашего зрения. Принятые нами меры к его розыску успеха не имели. А по занятии города деникинцами Рафаилов оказался на службе у белых по контр-разведывательной части. Вместо Рафаилова был назначен комендантом Укрепрайона т. Ф. М. Орлов, который и поныне честно служит делу нашей партии и рабочему классу.

КОРОТКИЙ БОЙ ЗА ГОРОД

Мобилизация прошла более, чем успешно. Но вся беда была в том, что не было достаточного вооружения. Моя поездка в Киев за вооружением хотя и дала положительные результаты, но помощь эта была уже запоздалой. Из Киева я вернулся утром, а вечером мы оставили город.

Город обстреливался артиллерией противника. Днепровский мост нам удавалось задержать за собой, держа его под артиллерийским обстрелом батареи, стоявшей в Потемкинском саду и заранее пристреленной по мосту. О серьезной обороне не могло быть и речи. Но этого взгляда не разделял тов. К. Ворошилов. Часам к 5-ти вечера ясно стало, что мы должны оставить город. Защищаться было не с кем. Реввоенсовет 14-ой армии оставил город.

После занятия Екатеринослава генерал Шкуро, как и полагается, отслужил благодарственный молебен на Соборной площади.

«Приднепровский край» описывал торжество, как духовенство приветствовало колокольным звоном спасителей, как буржуазная орда ломала сооруженные нами арки у братских могил, как «рабочие»-меньшевики на банкете в английском клубе произносили речи по адресу ген. Шкуро, восхваляя доблесть его опричников.

Через пару недель мы вновь повели наступление на Екатеринослав. Предварительно провели артиллерийскую подготовку. В городе царила неописуемая паника. Лихая кавалерия Шкуро бежала за Днепр. Попы с буржуазией бежали также. Все были уверены в том, что мы снова займем город. Верили и мы в это. Наступление велось нами с двух сторон. С западной стороны, и с южной—частями Крымской дивизии. Пригородные места были заняты и город был бы взят, правда, ненадолго,—если бы не последовал приказ отойти на новые позиции. Мы стали отступать, не ввязываясь в бой с противником.

Еще один осколок воспоминаний:

Одной из бригад на Екатеринославском участке командовал Живодеров, в 1920 году сделавшийся бандитом. Вместо того, чтобы отводить в порядке бригаду на новые позиции, Живодеров бросил бригаду и очутился в Кременчуге. За это бегство нужно было бы его, конечно, расстрелять, но благодаря доверию тов. Ворошилова, он был освобожден.

В 1920-м году Живодеров вновь приехал в Екатеринослав с рекомен-

дательным письмом—кажется из Туркестана. Я послал его в Губвоенкомат, прося губвоенкома т. Ленговского дать ему работу. Одновременно же я послал секретную записку с просьбой установить за ним наблюдение. Живодеров был назначен командиром баталиона. Подвернулась мобилизация моряков—и Лонговский, желая избавиться от Живодерова, включил его в число мобилизованных. Тогда Живодеров, вместо того, чтобы поехать в Москву в порядке мобилизации, поехал в Верхнеднепровский уезд и начал формировать банду. Екатеринославцы знают, сколько бед было натворено этим бандитом, пока банда и сам Живодеров не были ликвидированы.

В. АВЕРИН.

Как назревал в Одессе октябрь

I

Октябрьский переворот в Петрограде застал Одессу еще далеко неподготовленной к восприятию Советской власти. Питерские события послужили мощным толчком и для Одессы. После октябрьской встряски революционные процессы стали и здесь протекать с лихорадочной быстротой. Но все же почти три месяца прошло, пока в Одессе установилась Советская власть. Одесский октябрь совершился лишь в январе.

Задача настоящего очерка—набросать главнейшие моменты, главнейшие этапы этого сложного и лихорадочного процесса назревания «Октября» в Одессе.

Но прежде всего нужно подчеркнуть сложность и запутанность политической обстановки, в которой развивались тогда события. Революционная борьба чрезвычайно осложнялась, порою затемнялась рядом сильных привходящих элементов. Наиболее важные из них, во-первых, близость Румынского фронта и связанная с этим постоянная угроза удара в спину со стороны реакционной Румынии, и во-вторых, так называемая украинизация—движение и политика украинских шовинистов, уже и тогда приобретавшие порою самые нелепые и неприемлемые формы.

Эти то обстоятельства крайне осложняли обстановку политической борьбы, вносили путаницу в политические группировки, лишали их необходимой ясности и классовой остроты и содействовали созданию резких отношений.

II

В рабочих кругах Одессы большевистские настроения стали усиливаться задолго до октября. Уже в половине сентября в Одесском Совете рабочих депутатов наметилось преобладание большевистского крыла. Большевики постепенно получили большинство в исполкоме, большевистским стал президиум, стал определенно большевистским и орган совета—«Известия». Однако, в этом преобладании еще не было достаточной прочности. Большевистское крыло Совета чувствовало себя еще недостаточно уверенно. Совет еще не мог говорить о захвате власти. Говорить о захвате власти Советом было тем труднее, что высший и более сильный советский орган—Румчерод (Исполнительный Комитет Румынского фронта Черноморского побережья и Одесской области), избранный еще в мае на фронтовом и областном с'езде и к октябрю бывший высшим органом власти в Одесской области,—был в своем большинстве настроен анти-большевистски.

Захват власти Советами в Питере не только не встретил поддержки со стороны Румчерода, но, наоборот, вызвал если не активное противодействие, то, во всяком случае, определенное несочувствие.

В ближайшие после 25 октября дни Румчерод не признал Совета Народных Комиссаров и еще через 20 дней после 25 октября командующему войсками Одесского округа генералу Марксу пришлось в Румчероде самым серьезным образом очищать себя от подозрений в посылке им приветственной телеграммы т. Ленину.

Румчерод долго не сдавал своих анти-советских позиций, диктовавшихся настроениями верхов Румфронта, все дальше уходивших от настроений солдатских масс. Фронтовыми верхами был послан на помощь Керенскому блиндированный бронепоезд, а пока советские отряды гонялись за ним и захватили его в конце-концов где-то под Москвой—Румчерод в Одессе выносил резолюции против захвата большевиками власти и против коалиции с буржуазией. Он ухватился за модный в тот момент лозунг единого социалистического правительства.

Лишь постепенно, шаг за шагом, стал Румчерод колебаться и давать крен в левую сторону, отказываясь от анти-большевистской тактики. Несомненно, на сдвиг настроения Румчерода, уже заколебавшегося под давлением определенных настроений революционных масс, оказал решаюшее влияние и провал выборов в учредительное собрание. В Одессе выборы в учредительное собрание происходили уже после октябрьского переворота и были назначены на 12 ноября. Накануне выборов большевики устроили мирную манифестацию, произведшую сильное впечатление. А об общих настроениях, в связи с выборами, ярко свидетельствуют унылые строки «Южного рабочего» в номере от 14 ноября.

«Уныло и вяло проходят выборы в учредительное собрание. Громадный процент избирателей просто отказывается выполнить свой долг и на выборы не идет. Пропала вера в учредительное собрание, способность его вывести Россию на широкий и торный путь свободной обновленной жизни».

К этим унылым признаниям можно прибавить разве только справку о результатах выборов. В выборах в городскую думу в Одессе в августе 1917 г. участвовало свыше 68% избирателей. В выборах в учредительное собрание—50%. Наибольшее количество голосов собрал сионистский блок 46.000 голосов. Второе место заняли большевики—27.000 голосов. Третье место кадеты—25.000 голосов, затем украинцы—около 9.000 гол. и меньшевики—около 7.000 гол. Таким образом выборы выявили, с одной стороны, громадный абсентеизм и разочарование во всеспасительности учредительного собрания, а с другой все более обостряющуюся классовую борьбу. Промежуточные группы отметаются. Все внимание сосредотачивается на резко выраженных классовых полюсах.

Истинные настроения широких масс определились на другой же день после петроградских событий. Но для Румчерода эта картина выяснилась с непререкаемой и повелевающей ясностью лишь ко второй половине ноября, а это значило, что лед сломлен, что сопротивление задержива-

ющих сил уничтожается. Долгая борьба за октябрь в Одессе свидетельствует о значительности и серьезности тех задерживающих сил, влияние которых развивающейся революции приходилось преодолевать с таким трудом.

III

27-го октября (9 ноября) 1917 года на соединенном пленуме Советов солдатских, рабочих, крестьянских и матросских депутатов представители Румчерода высказывались за однородную социалистическую власть и против подавления большевистского восстания вооруженной силой. Представитель Украинской рады высказывается за немедленный созыв учредительного собрания и создание единого социалистического министерства. Представитель рады не упускает случая заявить о поддержке радой «интересов» Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, но подчеркивает необходимость «организации народов», для чего и нужна федеративная республика. Меньшевики—тоже за единую социалистическую однородную власть, за немедленное открытие мирных переговоров и за созыв учредительного собрания в назначенный срок. Чеховский от имени Укр. рады заявляет, что никакой насильственной украинизации Одессы не предполагается. (Нужно заметить, что перспективами «украинизации» Одесса была чрезвычайно встревожена).

Несмотря на все эти речи, резолюция меньшевиков собирает на пленуме 23 голоса, резолюция Одесских Исполкомов—23 и зато 265 голосами проходит резолюция большевиков. Это случилось 27 октября, когда еще даже не все подробности петроградских событий стали известны Одессе.

Взбаламученное море политической борьбы не успокаивается. 28 октября—новое соединенное заседание одесских Советов. На этот раз нужно уже определить отношение не только к петроградским событиям, но и к создавшемуся в Киеве Краевому Революционному Комитету, который претендует на всю полноту власти и на подчинение ему революционной Одессы. Однако эти претензии Киевского Совета соединенный пленум отвергает, воздерживаясь от присоединения к этому органу в виду недостаточности точных сведений о его характере и программе. В то же время об'единенное собрание советов заявляет, что «будет поддерживать самоопределение наций Украины, поскольку это самоопределение в своей деятельности будет руководствоваться лозунгами «вся власть советам» и поскольку оно не будет действовать в плоскости насилия над соседними с Украиной территориями».

Этот же пленум вотирует образование в Одессе Областного Ревкома Херсонщины.

Настроения и чаяния совершенно определенные. Но за ними еще нет сформировавшейся, выкристаллизовавшейся реальной силы, и поэтому они не могут сейчас же претвориться в жизнь. Это неизбежно в той запутанной, многогранной обстановке, какая создалась в Одессе.

Но создавшееся положение и растущие активистские настроения масс все сильнее сдвигают влево упрямый Румчерод, опорную точку задержи-

вающих сил. Созванное им 19 ноября областное совещание, высказываясь против коалиции, все же отвергает резолюцию большевиков, и последние, устами тов. Воронского, отказываются от решающего голоса на этом совещании, но тот же Румчерод того же 19 ноября уже оффициально участвует в организованной Советом рабочих депутатов по инициативе большевиков большой манифестации в пользу мира. Это со стороны Румчерода первый серьезный открытый акт поддержки политики Совета Народных Комиссаров. До того Румчерод все еще твердил о необходимости безболезненной «ликвидации восстания». Румчерод, в лице своих верхов, не мог устоять против всесокрушающего давления снизу, со стороны солдатских фронтовых и тыловых масс. Он сдвинулся с мертвой точки.

IV

Пока Румчерод линял, колебался и менял свои настроения, власть в области выпала из его рук. Наиболее сильным и реальным органом власти стал образованный после пленума 28 октября Областной Революционный Комитет Херсонщины, в состав которого вошли представители Румчерода, Совета рабочих депутатов, социалистических партий и Украинской войсковой рады. От последней вошли знаменитые в своем роде доктор Луценко и атаман Вербецкий.

Однако, в этом областном ревкоме положение было крайне неустойчиво. Лукавая политика украинской рады постоянно создавала неожиданные и нелепые группировки внутри ревкома и путала карты. Острые вопросы решались большинством 9 голосов против 8. При таких условиях, конечно, не могло быть твердости и устойчивости—ревком то брал фактически власть, то выпускал ее из рук. Хитроумному батьке Луценко именно этого и надо было,—на фоне колебаний и неустойчивости вызывавшихся путанной тактикой украинских шовинистов, поддерживавших то одну, то другую группу, делались систематические попытки выдвинуть на первый план, в качестве высшего органа «твердой власти,»—украинскую войсковую раду. Попытки эти каждый раз встречали должный отпор и срывались, но батько Луценко, атаман Вербецкий и компания упорно и настойчиво продолжали плести все ту же паутину, все ту же сеть интриг и провокации.

И даже многотерпеливый Румчерод, до поры до времени удовлетворявший все капризы и претензии ведших за его спиной предательскую игру украинских и даже молдавских шовинистов,—даже Румчерод не выдержал, и при всех своих тенденциях к соглашению и компромиссам—пошел на конфликт. В заседании 15 ноября Румчерод постановил: «ввиду недопустимого тона»—заявления украинской фракции даже не обсуждать. Не трудно себе представить, что был за тон, если даже чаша румчеродовского долготерпения переполнилась.

Между тем, в сложном узоре сплетений и столкновений интересов и соотношений сил—все явственнее и резче стала выделяться, рядом с обо-

стрявшимся положением на Румфронте и румынской провокацией,—новая черная муть нароставшей калединской контр-революции на Дону.

Грозовые тучи сгущались, провокация шовинистов делала свое дело. Пролилась кровь...

V

30 ноября 1917 года в Одесском городском театре состоялся громадный, шумный и страстный соединенный пленум всех революционных организаций Одессы: Румчерода, Совета рабочих депутатов, украинской рады, моряков, рабочих партий и т. д. Пленум прошел под лозунгом: «На Дон,—против Каледина»!

При негодовании подавляющего большинства была оглашена телеграмма украинской морской рады, запрещающая морякам-украинцам «участвовать в карательных экспедициях, противных идее федерации». Подготовлялась пресловутая «самостийность» и ради этого брался под защиту Каледин.— Комбинация, характерная для темной игры украинских шовинистов-самостийников, прикрывавшихся флагом революции. Но еще более характерно заявление, которым ответила на приказ украинской морской рады делегация миноносца, стоявшего на одесском рейде.

— «Мы все, матросы миноносца,—украинцы, но мы не послушаем самозванной рады, и пойдем против контр-революции на Дон».

Пленум высказался за немедленное формирование отрядов для посылки на Дон. Румчерод же, обсудив вопрос сепаратно, предпочел занять позицию неопределенную и двусмысленную. Учитывал ли он растущую силу украинцев, которые, благодаря развалу фронта и своей компактности, становились все более реальной величиной на общем фоне бессилия, или считался с настроениями кругов, еще не выпустивших из своих рук бразды правления на Румфронте,—но Румчерод, высказавшись за борьбу с контр-революцией, откуда бы она не исходила, в то же время предусмотрительно заявил о своем отказе от «кустарничества» в этой борьбе, каковым являлась, по его мнению, посылка партизанских рабочих отрядов. Румчерод предпочел испытать менее кустарный способ—посылку делегации на Дон для ознакомления с положением на месте.

Влияние Румчерода к этому моменту уже сильно упало, власти в его руках не было, и его половинчатая позиция сама по себе не могла бы сорвать дела посылки отрядов на Дон против Каледина. Но кому то нужно было это дело сорвать, и организации активных революционных сил против активистов контрреволюции был нанесен удар с другой стороны.

30 ноября состоялся пленум, кликнувший клич «На Дон». 1-го декабря на улицах Одессы разразились кровавые события, на время спутавшие все карты.

Нужно иметь в виду, что к этому моменту только начала по настоящему налаживаться в Одессе организация Красной Гвардии. Красная Гвардия в Одессе возникла еще чуть ли не в марте 1917 г., но при тех тенденциях, которые долгое время господствовали в руководящих кругах Одессы, она,

конечно, не могла сразу превратиться в резко выраженный классовый боевой орган. Ее естественная тенденция к такому превращению, ее боевая энергия упорно сдерживалась руководящими кругами рабочего движения до тех пор, пока это общее руководство не перешло в руки большевиков, получивших большинство в Совете. С этого момента руки Красной Гвардии развязываются, она становится все сильнее, ее настроения становятся все резче и все решительнее. Долго сдерживавшаяся энергия рвется наружу. Но нет еще необходимой дисциплинированности и выдержки. Такое состояние Красной Гвардии создает почву для осложнений, которыми ловко пользуются ее враги.

В ночь на 1 декабря происходит столкновение между группой красноармейцев и гайдамацкой (украинской) частью из-за увода автомобилей из гаража, занятого украинцами.

С утра 1-го декабря по всему городу начинается перестрелка. Инициатива боя исходит от гайдамаков. Они нападают на красноармейцев под предлогом отобрания захваченных накануне автомобилей. Красногвардейцы сначала отбиваются, затем переходят в контр-аттаки, чтобы ликвидировать нападение гайдамаков. Выявляются воюющие стороны: советы и украинская рада.

Красногвардейцы занимают район своего штаба на Торговой, Воронцовский дворец, Екатеринославскую улицу, вокзал.

Рада и гайдамаки—Городской театр, Английский клуб, штаб на Пироговской.

При обстреле красногвардейского автомобиля гайдамаками убит начальник штаба Красной Гвардии М. Кангун. Винтовки и пулеметы трещат по всему городу. Городское самоуправление и матросы стоящих на рейде «Ростислава» и «Синопа» стараются остановить кровопролитие. Но достигнутое было к двум часам дня соглашение оказывается бумажным. Стрельба продолжается.

В ночном собрании представителей всех организаций в городской думе, естественно, выдвигается вопрос о власти. Все признают, что необходим единый орган власти, в который должны войти представители всех советов, рады и Румчерода. Разногласие лишь по вопросу об участии во власти представителей городского самоуправления. Большинством 33 (против 28) принимается предложение большевиков о сконструировании власти без городской думы.

Но гайдамаки даже и на другой день не выполняют условий соглашения. Их патрули стреляют, бесчинствуют, нападают. И 2-го декабря президиум Совета рабочих депутатов грозит всеобщей забастовкой, вплоть до пекарен, если не прекратятся безчинства гайдамаков. Грозят забастовкой и моряки. Они требуют, чтобы начальником порта был тов. Рыбинский, намеченный ЦК моряков. Украинская рада противится этому назначению, а моряки не выпускают из порта ни одного парохода, пока начальником порта не будет тов. Рыбинский,—иначе говоря, пока порт не будет подчинен центральной советской власти.

В номере от 3-го декабря под треск выстрелов «Голос Революции»,— орган Румчерода—пишет в передовой статье:

«Есть что-то темное и подозрительное в том, что делается в Одессе. Целый ряд фактов, сообщенных вчера на пленарном заседании Румчерода, говорит о том, что в происшедшем столкновении есть не только две политических силы,—Рада и Совет,—но и какая то третья, преследующая свои особые цели. Той атмосферой борьбы, какая создалась на улицах Одессы, повидимому, хотят воспользоваться кто то другие».

3-го же декабря в Воронцовском дворце в экстренном заседании Президиумов Советов, украинской рады и социалистических партий, генеральный комиссар рады—впоследствии прославившийся Голубович—уверяет, что рада вполне демократична. Больше того,—рада «является украинскими советами» и не станет украинизировать Одессу помимо желания самого населения.

Если рада является советами,—спрашивает Голубовича т. Старостин,— почему она не участвовала во втором с'езде советов? Если она демократична, почему же Луценко и Вербецкий называют исполкомы «москалями и жидами»?

Украинские социалисты, идущие на поводу у луценковской рады, окончательно запутывают положение.

Принято пожелание о слиянии советов и рады, если последняя будет, демократизирована. После слияния рады и советов вся власть перейдет к советам. За это голосуют и представители рады. Но какая цена их голосования? Тут же вынесено постановление, что по вопросу об украинизации Одессы должен быть немедленно произведен референдум. Голубович поясняет: Одесса сама решит свою судьбу, но центральная рада «должна будет координировать это».

VI

Лишь к 4-му декабря наступает некоторое успокоение, нарушаемое, правда, пьяным разгромом водочных и шампанских складов. Но это уже— не политика.

Однако и в области политики—успокоение только чисто внешнее, кажущееся. Уличные схватки 1—3 декабря, осложненные провокацией, стремившейся сорвать посылку красных отрядов на Дон против Каледина,— эти уличные схватки были в сущности только первой пробой борющихся сторон померяться силами в открытую. Павшие в эти дни на улицах Одессы красногвардейцы, во главе с своим начальником штаба тов. М. Кангуном,— первые жертвы кровавой борьбы за советскую власть. Но события 1—3 декабря были только разведкой. Схватка кончилась в ничью. Ни у кого не оказалось реальной силы взять в свои руки власть.

Борьба за власть перешла в подполье, в область столкновения подпочвенных классовых сил. А наверху, на видимой поверхности,—формальные соглашения и фактическое безвластие, возглавляемое комиссиями, комитетами, девятками и десятками и осложняемое все более нервной атмосферой, создаваемой растущими голодом и безработицей среди городских

масс (в Одессе к этому моменту—20.000 безработных) и грозными событиями на Румфронте. Румфронт... Вот куда постепенно обратились все взоры! Становилось все яснее, что именно там и оттуда будут фактически решены вопросы власти и для Одессы.

А на фронте—грозовая атмосфера. В те самые дни, когда на улицах Одессы лилась кровь, на румынском фронте восставшими большевистскими частями был арестован военно-революционный комитет, поддерживавший Керенского. У кругов, стоявших за этим военно-революционным комитетом, хватило еще сил, чтобы двинуть против большевиков некоторые части с угрозой действия, не для подавления большевиков сил уже не было. Бойню на фронте, к счастью, удалось избегнуть.

В этой атмосфере шла на фронте подготовка к с'езду Румфронта и области, назначенному в Одессе. А румынская реакция, столковавшаяся с генералом Щербачевым и, с благословения Антанты, подготовлявшая захват Бессарабии, тоже не дремала и делала свое черное дело.

Вместе с русским генералом Щербачевым, черная Румыния пошла против русских солдат на фронте. Румыны перестали давать хлеб и фураж армии, мешали подвозу их из русского тыла, захватывали русские склады, с явной целью поставить армию в безвыходное положение и толкнуть отдельные ее части на безумные шаги, дабы создать ту кроваво-мутную воду, в которой руымнские политики могли бы половить рыбку и захватить Бессарабию.

Румыны избивали наших солдат, арестовывали делегатов, всячески издевались над армией.

И вместе с царским генералом Щербачевым, через головы русских солдат, посылавшим на подмогу Каледину и Корнилову погромно-офицерские отряды дроздовцев,—румынскую интригу поддерживали, надеясь тоже поживиться кое-чем, украинские шовинисты. Кстати, вот еще откуда пошла румыно-петлюровская дружба.

На румынском фронте, взамен арестованного большевиками военно-революционного комитета, образовался большевистский военно-революционный комитет. Фронтовому Отделу Румчерода пришлось сложить свои полномочия, но под давлением ряда обстоятельств, частью созданных румынской провокацией, он передал эту власть образовавшемуся на фронте «Комиссариату национальностей». В этом комиссариате, изобретенном, повидимому, чуть ли не самым генеральным секретарем центральной рады Петлюрой, национальности играли на самом деле лишь декоративную роль, а играли главную роль в нем украинские шовинисты,—будущие петлюровцы.

Комиссариат национальностей первым долгом арестовал военно-революционный комитет, но, по настоянию 4-й армии, комитет был освобожден,—петлюровские зубы на фронте были еще недостаточно остры. Фронтовики потребовали от петлюровского комиссариата вернуть власть военно-революционному комитету, но комиссариат, опираясь на поддержку румынских штыков, отказался от этого.

Фронт бурлил ...

VII

Политические судьбы области и фронта должен был решить созванный в Одессе фронтовой и областной с'езд. Все активные силы энергично готовились к с'езду. Он открылся 10 декабря 1917 года. И уже в день его открытия ясно и четко определились и настроения масс, и перспективы решений острых вопросов.

Явилось на с'езд с фронта 854 делегата, от области—160, от крестьянства—87. Всего 1101 человек. Уже один количественный состав с'езда показывает, каким напряженным вниманием и страстностью он был окружен.

Партийный состав с'езда чрезвычайно характерен. Большевиков—396 левых с.-р.—220, с.-р. максималистов—5, правых с.-р.—187, меньшевиков—68, с.-д. интернационалистов—37, с.-р. интернационалистов—7, анархистов—8, нар. социалистов—6, беспартийных—76. Наконец, укр. с.-р.—74 и укр. с.-д.—6.

Несмотря на явную ничтожность украинского элемента, будущие петлюровцы пытались украинизировать и этот с'езд, но безуспешно Однако, петлюровская интрига давала себя все время знать на с'езде.

Первый же день определил физиономию с'езда. Генеральный бой развернулся по вопросу об учредительном собрании—вокруг предложения о немедленной посылке ему приветствия.

Поименное голосование—вопрос был сразу поставлен остро—дало следующие результаты: за посылку предложенной Лордкипанидзе привет, ственной телеграммы учредительному собранию—320 голосов. Против посылки—509. Участвовало в голосовании—867 делегатов. Характерно незначительное число воздержавшихся—38.

Здесь не место давать подробный очерк работ с'езда. Ясно, что с'езд, имевший за собой бурлящее море демобилизующегося фронта и взбудораженного тыла, быстрыми шагами шел к открытому провозглашению и утверждению Советской власти. Прием, оказанный с'ездом прибывшему уполномоченному Совета Народных Комиссаров т. Володарскому, был только лишним выявлением настроений с'езда. Политическая линия с'езда не замедлила сказаться и на настроениях местных Одесских организаций. Через два дня после открытия с'езда, 12-го декабря, соединенное заседание президиумов одесских советов рабочих, военных и крестьянских депутатов (эти три совета все еще существовали раздельно) по вопросу о власти постановило, что «власть в Одессе принадлежит об'единенному президиуму рабочих, военных и крестьянских депутатов, который проводит в жизнь свои решения через существующие в Одессе правительственные и общественные учреждения». (В числе последних имелась в виду городская дума).

Но это все еще была только новая советская декларация, а не осуществление Советской власти. Реальная сила, нужная для утверждения этой власти, еще только назревала. Красная Гвардия только отчасти могла быть

этой силой. Только фронтовики, при создавшейся обстановке, могли своим давлением сломить противодействующие силы и реально закрепить Советскую власть. И несмотря на развал фронта, они выполнили эту возложенную на них, ходом революции, задачу.

Фронтовый с'езд выделил из себя новую власть. Он переизбрал Румчерод, как высший орган власти на фронте и в области.

Новый Румчерод был избран большевистский. Правда, меньшевистско-эсеровскому крылу с'езда было предоставлено известное количество мест в исполнительном комитете Румчерода, но оппозиция сама отказалась занять эти места.

Новый Румчерод, чувствуя за собою поддержку фронтовой массы и опираясь на созревшие и выкристаллизировавшиеся настроения городских рабочих, смог и оказался в силах взять в свои руки реальную власть и провозгласить себя органом Советской власти, подчиненным Всероссийскому Совету Народных Комиссаров.

Таким образом, конец фронтового с'езда явился началом создания реальной советской власти в Одесской области и на фронте. Новый, второй Румчерод—первый действительный, а не декларативный орган этой власти. Но образованием этой власти еще не закончился мучительный, сложный, запутанный, зигзагообразный процесс установления советской власти на юге Украины.

Осталась еще одна контрреволюционная сила, не желавшая сдаваться. Битая—и неоднократно—в политической борьбе, она еще надеялась победить в пулеметном бою, рассчитывая на отсутствие в распоряжении Советской власти реальной военной силы. Это—все те же украинские шовинисты, бывшие петлюровцы.

Строя свою игру на развале фронта, на осложнениях и затруднениях вызванных активным выступлением румын, вторгшихся в Бессарабию и угрожавших движением на Одессу, украинские активисты готовили новый удар еще не ставшей прочно на ноги Советской власти. 15-го января 1918 года на улицах Одессы снова пролилась кровь. Снова закипел горячий бой между гайдамаками, с одной стороны, и красногвардейцами, матросами и солдатами, с другой. Будущие петлюровцы ошиблись в расчете на неопытность и неорганизованность Красной Гвардии, деморализацию солдат-фронтовиков и украинские симпатии матросов. Красная гвардия, солдаты и матросы оказались неизмеримо боеспособнее, чем рассчитывали Луценки, Вербецкие и Поплавки с Голубовичами.

Трехдневный уличный бой, закончившийся 18-го января, завершился разгромом и изгнанием из Одессы гайдамаков.

Последняя активная анти-советская сила в Одессе была сломлена. Пролитая кровь закрепила Советскую власть. Январьские жертвы—последние этого затянувшегося периода родов Одесского Октября.

Одесский Октябрь совершился только в январе. В лихорадочной, необычайно осложненной фронтом, украинцами, румынами и т. д., болезненной обстановке началось трудное советское строительство. Через полтора месяца оно было прервано. 4-го марта 1918 года в Одессу вступили австрийцы и немцы, приведенные все теми же Луценками и Петлюрами. На неокрепшую Советскую власть на юге всею тяжестью своею обрушилась вооруженная мировая реакция, мировая контрреволюция.

4-го марта 1918 года Советская власть покинула Одессу, чтобы через год вернуться снова.

В. Б.

Большевики в Одессе накануне Октября

Одесса является городом, в котором, начиная с самого начала образования большевистской фракции в рядах Р. С. Д. Р. П., никогда не угасал совершенно огонь большевизма. Однажды брошенные в массу Одесского пролетариата семена революционного марксизма упали на благодатную почву, из которой их не могли вытравить ни черная реакция царского самодержавия, ни удушливые газы военного шовинизма, ни гнилая затхлость соглашательства.

Большевизм на одесской-пролетарской почве рос, окреп и развивался, подвергаясь на протяжении всей своей истории самому свирепому и беспощадному выкорчевыванию, как со стороны царских жандармов, шпионов и полиции, так и идейному—со стороны меньшевиков и эсеров. Но все их старания уничтожить живучий большевизм, как мы видим теперь, оказались тщетными.

Тем не менее в истории существования одесской большевистской организации были весьма тяжелые периоды.

Очень часто бывали моменты полного разгрома организации, когда десятки активнейших товарищей выбывали надолго из строя, будучи схвачены жандармами и брошены в тюрьмы. После таких провалов партийная работа в Одессе на время как бы замирала. Но как ни изощрялась охранка и жандармерия, все же им никогда не удавалось окончательно вырвать таившиеся в глубинах рабочих масс корни нашей партийной организации. Всегда после провала все же удавалось уцелеть кое-кому из товарищей рабочих большевиков, которые в одиночку, разрозненно продолжали партийную работу среди рабочих на фабриках и заводах. Они то, эти случайно оставшиеся на воле товарищи, и были всегда основой нашей возрождавшейся из разгрома парт-организации. К ним давались из центра явки, с ними связывались новые товарищи, присылаемые Центральным Комитетом на место выбывших. Таким образом партийная работа вновь быстро восстанавливалась.

Поэтому Одесса редко оставалась надолго без большевистского подпольного Комитета. Самым тяжелым временем для одесской организации, как вообще для всей нашей партии, следует считать период империалистической войны, когда шовинистический угар, распространяемый буржуазией, захватил не только мещанский элемент рабочего класса, но влияние его отразилось и на некоторой части членов нашей партии, преимущественно из интеллигенции, среди которых в то время начался процесс разложения, называвшийся тогда почему то процессом переоценки ценностей. Мировая

империалистическая война явилась пробой стойкости мировоззрений всех тех, кто до того считал себя интернационалистом. Кое кто из таких «интернационалистов» не выдержали и ушли из рядов нашей партии в стан дикого национализма, т. е. в лагерь буржуазного оборончества. О так называемом «кризисе» марксизма в то время трубила ликующе буржуазная печать. Конечно, это не могло не отразиться на состоянии наших партийных организаций, в том числе и одесской. Царская реакция, понятно, учла такую благоприятную для нее психологическую кон'юнктуру «общества» и не замедлила обрушиться с новой силой на подпольные организиции. В начале войны участились аресты, суды и высылки товарищей.

Одесскую организацию также не миновала эта участь, в результате чего явилось полное ослабление, как численного, так и материального, состояния нашей партийной одесской организации. Этим только и можно об'яснить то обстоятельство, что в момент февральской революции 1917 г., а также и в последующий ближайший период, в Одессе не оказалось самостоятельно существующей большевистской организации.

Из подполья вышла небольшая группа уцелевших товарищей—членов нашей партии,—коим, вследствие их малочисленности и отсутствия материальных средств для ведения самостоятельно партийной работы, пришлось временно вступить в соглашение с одесскими меньшевиками и образовать об'единенную легальную организацию. Создавшийся, таким образом, в марте 1917 г. об'единенный общегородской комитет был сконструирован на паритетных началах.

Об'единенный комитет состоял из 12 членов и делился на две фракции по шесть человек в каждой. В числе нашей большевистской фракции Комитета в начале состояли следующие товарищи: Заславский, Хмельницкий, Мизикевич, Григорий Ачканов и Алексеев.

Как всегда бывает в подобных паритетных органах, в Комитете велась постоянная упорная борьба двух фракций. Всякий даже маловажный вопрос, ставившийся на разрешение Комитета, вызывал долгие прения и часто бывало, что голоса разбивались по-ровну и вопрос оставался открытым. Но чаще всего, вследствие того, что наша фракция была не полно представлена в Комитете, в решениях последнего превалировала точка зрения меньшевиков, с чем конечно не могли мириться наши товарищи, и, понятно, с их стороны усиливалось стремление к преобладанию в Комитете. Вот почему в скорости после моего приезда в Одессу я был кооптирован в Комитет в качестве члена.

С пополнением об'единенного Комитета еще одним членом большевистской фракции, положение нашей организации, конечно, далеко не уравнялось. Дело было не в соотношении сил в самом Комитете, а в соотношении сил во всей организации, а это соотношение тогда было как раз не в нашу пользу. На полторы тысячи человек, считавшихся членами Одесской об'единенной организации Р. С. Д. Р. П., насчитывалось большевиков в общей сложности не более 50 человек. Ввиду малочисленности, привожу здесь фамилии членов нашей тогдашней фракции; по городскому району:

Заславский, Хмельницкий, Анна Ефимовна Соболь, Земит с группой т.т.— латышей, Алексеев, Бровер; по Пересыпскому району: Трофимов, Сергеев, Рудницкий, Гришкевич, Самбурский, Томас, Чигирин Иван, Эксле, Сапельников; по Портовому району: Григорий Ачканов, Кремлянский; по железнодорожному району: Мизикевич П., Ачканов Ф., Косарев, Кириличенко, Мизикевич К., Новиков, Бланкенштейн, Ткаленко, Непомнящий К., Бессонов, Коссило, Журбицкий, Жеребецкий.

Вот с каким незначительным по количеству активом наша партия выступила в Одессе на арену открытой борьбы за захват власти. Сопоставляя эту горсточку одесских большевиков с царившим против них тогда настроением в массах, нельзя здесь не отметить заслуг той партийной школы, которая сумела воспитать в своих членах такую стойкость убеждений и столь глубокую веру в осуществление поставленных перед партией задач, ибо по внешности обстановка положения нашей партии была далеко не из благоприятных.

Буржуазия и соглашатели, пользуясь аппаратом государственной власти и капиталом, находившимся в их руках, путем распространения клеветы и инсинуации на большевиков, успели внедрить в сознание как рабочих, так и солдатских масс, такую предубежденность против большевиков—«германских шпионов», что без риска быть избитым толпой нельзя было назвать себя большевиком. Но несмотря на это, наша группа начала развивать такую интенсивную революционную деятельность среди этой самой враждебно настроенной к большевикам массы, что плоды этой деятельности выявились скоро самым неожиданным для врагов и благоприятным для нас образом.

Работа об'единенного обще-городского Комитета Р. С.-Д. Р. П. по революционизированию рабочих и солдатских масс и по углублению их классового самосознания почти совершенно не проявлялись. Иначе и быть не могло, ибо меньшевики, составлявшие во всей организации преобладающую численно фракцию, стали в это время проявлять как раз обратные тенденции.

По мере реального выявления со стороны меньшевиков предательских тенденций в отношении революции и, следовательно, возрастания влияния на массы наших революционизирующих лозунгов, фракционные отношения в самом об'единенном Комитете все более и более обострялись и дошли до того, что совместные заседания Комитета стали игнорироваться обоими сторонами.

Оффициальное вступление меньшевиков в Центре в коалиционное правительство было пределом соглашательства, сделавшим невозможным в дальнейшем наше партийное сожительство с меньшевиками. В нашей фракции был поставлен на очередь вопрос о полном разрыве с меньшевиками. И мы ждали лишь подходящего и удобного для нас момента.

С появлением в Одессе новой крупной партийной силы, энергичного товарища Воронского, прекрасного оратора и организатора, работа нашей фракции по пути отмежевания от соглашателей и конкретизации очередных задач нашей партии пошла быстрым темпом.

В начале июня, по инициативе Воронского, состоялось в латышском клубе (Гаванная, 2), первое общее собрание всех членов нашей фракции, на котором присутствовало не более 70 человек, избравших постоянное бюро фракции для подготовки формального выхода большевиков из об'единенной организации.

Меньшевики формального разрыва с нами избегали, ибо они рассчитывали побороть нас и изжить большевизм в самой организации, так как все преимущества и средства для этого были у них.

Кстати здесь нужно добавить, что печатный орган Комитета «Южный рабочий», типография и все денежные средства организации находились всецело в руках и в распоряжении меньшевиков, а мы в этом отношении зависели от них и, конечно, ничем из этих технических и материальных средств для проведения наших большевистских задач мы пользоваться не могли.

Но несмотря на все столь неблагоприятные условия, в которые была поставлена наша фракция, ею сильнее проводилась в массах колоссальная и успешная работа. Все силы нашей фракции в начале были брошены на устную работу; на организацию и проведение митингов; собраний, выступлений и т. д.

К этому времени наши ораторы, выступая на собраниях рабочих и солдат с раз'яснением нашей программы и лозунгов, стали пользоваться постоянным успехом. Мы не только завоевали симпатии и доверие рабочих и солдатских масс, но и успешно вербовали себе сторонников в рядах самой об'единенной меньшевистствующей организации, главным образом, среди рабочих, считавших себя по недоразумению меньшевиками.

Невозможность и бесплодность дальнейшей нашей работы с меньшевиками в обще-городском об'единенном Комитете заставили нас перенести центр тяжести партийной работы на районы, в результате чего значительно ускорился процесс превращения рабочих, членов районных организаций, из меньшевитствующих в большевиков.

Таким образом наши позиции внутри самой об'единенной организации с каждым часом усиливались. Мы уже вопрос о разрыве с меньшевиками из плоскости ухода из об'единенной организации перенесли в плоскость изгнания из организации самых меньшевиков. Это произошло в скорости на обще-городском партийном собрании, созванном исключительно по нашей инициативе и настоянию 19-го июня в городской аудитории,

Как раз, к этому решающему в жизни нашей одесской партийной организации дню прибыла из эмиграции группа видных товарищей во главе с Рузером. Тут были Зефельд, Деготь, Орлов и Мирова.

На обще-городском партийном собрании, на котором присутствовало свише 700 человек, мы одержали полную победу над меньшевиками, получив подавляющее число голосов за нашу резолюцию по докладу о текущем моменте. Это был неожиданный удар для меньшевиков, и они, не желая подчиниться воле большинства, демонстративно ушли из зала собрания. Но получилось так, что покинула зал только небольшая группа во главе с меньшевистским Комитетом.

Вийдя из организации, меншевики незаконно присвоили себе печатный орган и денежные рессурсы, принадлежащие всей организации. Таким образом, освободившись от меньшевистской соглашательской гнили наша одесская организация большевиков сразу значительно окрепла и взяла решительный курс на овладение советами властью.

Во вновь избранном Комитете, куда вошли уже почти все большевики (и несколько интернационалистов), работа закипела во всю. Были распределены силы Комитета следующим образом: для проведения директив партии и руководства в Совете—были посланы в президиум Исполкома т. Рузер, т. Григорий Ачканов и т. Кристаловский.

Для руководства работой в Румчероде—т. Воронский, для руководства партийной работой в районах: в Пересыпский—Рудницкий и Сергеев, а в железнодорожный—Мизикевич Павел. Секретарство в Комитете и заведывание всей литературно-издательской деятельностью было возложено на тов. Заславского. Руководство Латышской группой было поручено т. Земиту, помогать ему в газетной работе должна была тон. Зефельд. Руководить-же всей агитационно-пропагандистской работой в организации и председательствовать на всех заседаниях общегородского Комитета приходилось всегда т. Александру Хмельницкому.

Это был состав нашего I-го Большевистского Комитета в Одессе 1917 года.

Вместо оставшегося за меньшевиками «Южного Рабочего» пришлось новому Комитету создать свой печатный орган.

Тов. Заславский быстро разрешил вопросы издательской техники, и мы стали выпускать ежедневную газету под названием «Голос Пролетария».

В редакционную Коллегию вошли т. т. Воронский, Рузер и Хмельницкий.

Вслед за этим наше положение в совете стало изменяться, и мы получили возможность «Известия» С. Р. и С. Д. взять под свое руководство, отстранив от редактирования меньшевиков и эсэров. Редактирование этой газеты, а также и «Солдатской мысли», которой мы тоже к тому времени завладели, было поручено Комитетом товарищу Воронскому, Мировой и Зифильду.

Интеллигентных сил, годных для газетной работы, в то время у нас было очень немного, но обстоятельства заставили нашу организацию сразу руководить и заполнять три ежедневные газеты.

Но момент требовал все большего и большего напряжения партийных сил. Под влиянием агитационно-пропагандистской работы, проводившейся нашей партией, повсеместно солдатские и рабочие массы быстро революционизировались, в связи с этим темп событий ускорялся, и нашей организации нужно было успевать повсюду и во время.

Влияние нашей партии на массы возростало с головокружительной быстротой, но для обслуживания и руководства у нас не хватало сил

На подмогу нам прибыл из-заграницы т. Макар Жвиф, а затем, немного спустя, приехал из Центра т. Юдовский.

Меньшевики, чувствуя как уходит почва из под их ног в советах, для спасения своего положения устремились в профессиональные союзы.

В противовес им в профсоюзы были посланы нашим Комитетом т. Старостин, Эксле, Гр. Ачканов, Деготь и друг. Эти товарищи занялись созывом профессиональных с'ездов и конференций.

Ими были организованы союзы металлистов и водников, в которых наша партия имела преобладающее влияние, вопреки стараниям меньшевиков.

Таким образом пораллельно с ростом нашего влияния в советах, мы закрепляли за собой и профсоюзы». В Советах рабочих и солдатских депутатов города, а также и в главнейших профсоюзах постепенно мы меньшевиков и эсэров обезвредили, закрепив там за собой господство, но эсэры еще имели громадный успех у перепуганной революцией мещански-обывательской массы населения. Здесь мы не спешили состязаться с эсэрами. Но мы направили наши агитаторские силы на армию Румынского фронта, где началось формирование националистических частей.

Эти части снабжались в изобилии вооружением, прекрасным обмундированием и хорошим питанием. А руководители этих частей тренировали солдат в начале на мелких погромах и уличных дебошах, подготовляя их для нападения на Советы.

В Одессе в момент появления гайдамаков доминирующее положение в городе занимал Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, а в самом Совете господствовали большевики, поэтому понятно было всякому настроение гайдамацких главарей стремившихся поскорее свернуть шею Совету.

Эти тенденции «украинцев» стали проявляться на деле все чаще и чаще на улицах города, и для сдерживания и отпора им Комитету пришлось уделить силы и особую заботу для Красной Гвардии. Для реорганизации последней в духе директив партии туда посланы руководители-большевики Орлов, Конгун, Чижиков и Слепов.

Корниловщина послужила для нас прекрасным поводом для пополнения и подкреплеиия боевым снаряжением нашей Красной Гвардии. Мы еще прочнее завязали связи с воинскими частями, находившимися в Одессе и окрестностях, закрепляя их за собой. То же самое мы проделывали и во флоте. Матросы военных судов в начале находились всецело под влиянием эсэров, но постепенно и там среди военных моряков мы прокладывали пути влияния нашей партии.

Корниловский мятеж, а затем и гайдаматчина расположили к нам матросов и после этого в скорости мы смогли обольшевичить Совет матросских депутатов, проводя на первом переизбрании его своего тов. большевика Попова в председатели Совета, а также и некоторых членов Президиума.

Добившись главенствующего положения в Одесском Совете флотских депутатов, наша организация этим самым заручилась могучей поддержкой Военного Флота в составе пяти или шести броненосцев и группы крейсеров с миноносцами, стоявших на Одесском рейде.

О славном крейсере «Алмазе», — защитнике революции, — впоследствии, уже при немцах, сложилась и распевалась на улицах и в мещанских домах Одессы и других городов характерная контр-революционная песенка. Но мы гордились и гордимся «Алмазом», как нашей первой крупной победой в борьбе с соглашателями за влияние среди военных моряков.

Нашими военными опорными пунктами в Одессе пока лишь являлись красная гвардия, численностью до 2.000 человек, и военные суда Черноморского флота, за исключением броненосцев «Ростислава» и «Воли», находившихся под желто-блакитным стягом. Что же касается боевых армейских частей, то у нашего Совета Солдатских Депутатов, существовавшего отдельно, хотя головка и была наша большевистская в лице председателя тов. Холопова и большинства членов Президиума, но большого фактического влияния на ход событий он оказывать не мог, ибо в городе отсутствовали какие бы то ни было пехотные боевые воинские части, кроме гайдамацких куреней, которые, конечно, не подчинялись Солдатскому Совету. Поэтому и роль его была чисто декоративная.

Впоследствии прибыл в Одессу большевистски настроенный батальон самокатчиков.

В целях расширения своей оперативной базы, а также ввиду приближавшихся выборов в учредительное собрание, наш партийный Комитет постановил раздвинуть рамки партийной работы до губернских пределов, ввиду чего 20 сентября была созвана Губернская Партийная Конференция, на которую с'ехались делегаты от следующих организаций: Николаевской, Елисаветградской, Херсонской и т. д.

В повестке дня конференции были вопросы: 1) Текущий момент. 2) Наша тактика и план дальнейшей партработы. 3) Намечение кандидатов в наш список на выборах в Учредительное Собрание, и 4) Выборы Губернского Комитета.

В основу обсуждения текущего момента лег доклад, сделанный на конференции тов. Хмельницким.

На основе этого доклада легко было ориентироваться конферентам при обсуждении второго вопроса «Наша тактика и план дальнейшей партработы». Тов. Юдовский, прибывший, приблизительно, в это время из Петрограда, познакомил нас подробно с линией, намеченной нашим Ц. К., с которой почти целиком совпадала линия, проводившаяся нашей организацией.

По третьему пункту повестки дня кандидатами в члены учредительного собрания были утверждены следующие товарищи: Рузер, Хмельницкий, Гайсинский, Юдовский, Воронек и другие.

Выборы Губернского Комитета были построены на принципах представительства от районных и иных организаций. В первый Губернский Комитет нашей большевистской организации оказались избранными следующие товарищи: Заславский, Хмельницкий, Мизикевич П. Кристаловский, Сергеев, Рудницкий, Трофимов, Тищенко Рузер, Ачканов Григорий и Юдовский.

Результатов выборов в учредительное собрание не помню, но все же они далеко не соответствовали царившим настроениям в рабочих, солдатских и матроских массах, которое выявилось в скорости на выборах делегатов на второй Всероссийский С'езд Совета, происходивших на Пленуме Горсоветов в здании гарнизонного собрания (ныне Красноармейский клуб имени тов. Троцкого).

На этом Пленуме было от Одессы на второй С'езд избрано 9 делегатов, из которых подавляющим большинством оказались избраными 6 большевиков, а именно: Старостин, Кристаловский, Попов, Ачканов, Трюх и Мошков и один крайний левый эс-эр (почти большевик) Лазарев, который в скорости после с'езда перешел в ряды нашей партии. Был избран в числе 9—один меньшевик тов. Боркун и он был Пленумом Советов пропущен к избранию только потому, что он был из числа самых левых меньшевиков, а от эс-эров на второй с'езд был допущен один Милованов, к которому Пленум снизошел, как к рабочему, в надежде, что он на самом с'езде по своей классовой природе не пойдет против рабочей революции.

Отправляясь из Одессы на 2-ой С'езд Советов, наша группа избранных делегатов получила напутствие от оставшихся товарищей «Со щитом иль на щите, но без власти Советов не возвращайтесь».

Возвратившись после исторического с'езда Советоз в Одессу, мы застали почти все постарому, несмотря на то что известие из Петрограда по телеграфу здесь было получено задолго до нашего приезда. И это понятно вопреки нашим страстным желаниям переворота. В Одессе ситуация значительно осложнялась наличием крупного гайдамацкого войска, туго поддававшегося нашей партийной агитации. Появление в Киеве центральной рады усугубляло неопределенность положения в Одессе. И нашему парт. Комитету приходилось выискивать наиболее выгодные для партии компромиссные политические формы.

Так, например, долгое время пришлось прикрывать нам свое фактическое господство в городе пресловутым советом «Десяти», который состоял из представителей всех так наз. социалистических партий и заседал в нейтральном месте при городской думе. Понятно, в этом Совете «десяти» большевики играли первую скрипку, но это все таки был компромисс и долго терпеть его нам было нельзя. Но вот в декабре и произошло столкновение масштаба гораздо крупнее всех предыдущих, но и оно не дало нам того, к чему мы стремились.

После двухдневного боя гайдамак с красн. гвардией, противники стали совместно хоронить павшие с обоих сторон жертвы. Это символизировало вынужденное с обоих сторон единение, конечно, на почве равновесия сил.

К моменту созыва 2-го С'езда Румынского фронта на подмогу нам из Петрограда приехал Володарский, который своими талантливыми выступлениями перед С'ездом в Советах и на митингах значительно подвинул дело нашей агитационной работы.

Тов. Раковский, возвратившийся к нам в Одессу, в свою очередь успешно применял свои способности и опыт, работая в полном контакте с нашим—большевистским комитетом.

С'езд Румчерода укрепил и увеличил наши силы. Мы связались теснее с солдатами румынского фронта.

На С'езде Румчерода выяснилась интересная подробность, оказалось что румынский фронт еще имеет крупные боевые формирования, солдаты которых в большинстве своем еще ничего не слышали о большевиках, ревниво оберегаемые генералом Щербачевым. Перед нами возникла задача преодолеть как можно скорее это генеральское средостение между нами и солдатами самой отдаленной от нас полосы Румынского фронта.

Для нелегальной работы были посланы Губпаркомом на этот фронт опытные товарищи. Для работы в штабе румынского фронта помещающемся в Одессе по Пироговской ул., был создан Революционный Контрольный Комитет, через который наша партия извлекла полезные и важные сведения и парализовала тайную работу белых офицеров. Вот таким окольным путем наш партийный Комитет обеспечил за собой успех в решающие январские дни 1918 года.

В середине января в заседании Губкомпартии было признано чрезвычайно опасно медлить более с формальным взятием власти.

Было принято решение, и вот 16 января начались военные действия против гайдамацких куреней (полков). Красная гвардия наступала цепями, оттесняя противника в сторону ст. Одесса—главная.

Спешившиеся матросы заходили врагу во фланг со стороны улицы Белинского и Французского бульвара (Пролетарского) железнодорожники цепями и бронепоездами напирали на гайдамак со стороны Одессы—Малой, в упор бомбардируя из орудий бронепоезда в казармы, в которых засели, сильно укрепившись, гайдамацкие полки.

Положение их под таким всесторонним натиском красных было критическим, но они все-же стойко держались, и нам для ускорения дела пришлось предоставить весское слово нашим судовым орудиям, которые отрывисто, но внушительно рявкнув, заставили гайдамаков сложить свое оружие. Все украинские солдаты были до единого разоружены, их командиры частью арестованы, а частью скрылись. Тут-же был созван пленум, Совета, который утвердил выставленный Губкомом состав первого Краевого Совета Народных Комиссаров.

И. КРИСТАЛОВСКИЙ.

Октябрь в Юзовке

ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

После двухлетнего перерыва я в Юзовку прибыл перед войной и поступил на завод,—в то время я не был еще в партии, но уже был настроен большевистски, благодаря переписке с питерским большевиком Павлом Алферовым.

Мобилизация на империалистическую войну, об'явленная 20 июля, особых волнений среди рабочих не вызвала,—тем более, что поговаривали будто заводских брать не будут. Юзовские черносотенцы во главе со своим лидером П. Е. Зузулей после молебна в храме устроили шествие-демонстрацию за войну. Протесты против войны были со стороны С.-Д-кой группы в форме кратких словесных выступлений на улице. Выступал с тротуарного столбика на 1-й линии меньшевик Долгополов (о том, что он меньшевик, я узнал впоследствии).

Начавшаяся война внесла разброд в умы рабочих. Появилось патриотическое настроение. Печать крепко вбивала в умы рабочих идею правовой войны и войны до победы. Сама дирекция завода в лице Свицина вела осторожную политику, давшую в результате полное спокойствие на нашем заводе, даже тогда, когда после патриотического угара по району уже начали вспыхивать кое-где экономические забастовки. Летом 1915 года приехал высланный в административном порядке из пределов Питера и Прибалтики Павел Алферов. Он меня ознакомил с движением рабочих Питера и с тогдашним настроением в социал-демократических кругах. С этого времени мы стали вести на заводе агитацию против империалистической бойни. Из литературы мы получали в течении 1916 года «Вопросы страхования», «летопись» и некоторые меньшевистские журналы оффициально. Неоффициально через С.-Д. (об'единенную) мы получали Циммервальдский манифест и другие воззвания. Все получаемое переписывалось от руки и распространялось. Тут же в 1916 г. произошли аресты нескольких С.-Д. за принадлежность к партии и распространения воззваний Циммервальдского манифеста. Юзовская организация в этот период вела конспиративную работу. Репрессии со стороны полиции были сильные. Обыскам подвергались даже на улицах.

В общем же характеризовать всю партийную работу в этот период—можно так: организация, существовавшая на территории Юзовского района в особенности после усиленных арестов, продолжавшихся до 1916 г. вырвавших из организации работников Юзово-Макеево-Петровского района

Якова Залмаева и Ермощенко (Вениамин), жила обособленной от широкой рабочей массы жизнью. Причины: это частые потери связей, репрессии и отсутствие, так называемых, профессиональных партийцев.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

О февральском перевороте мы узнали 3-го и 4-го марта. В Юзовке заволновались все: заволновались и С.-Д., и кадетствующие и черносотенцы. Каждый волновался по-своему. Черносотенцы во главе с Зузулей образовали нечто вроде комитета и даже послали петицию к екатеринославскому губернатору с жалобой на местного «знаменитого» пристава Синьковского (тоже «свободомыслие»).

Партийная организация в Юзовке, вышедших из подполья, насчитывала не более 30 человек. Большевиков было человек 9-10, (Давид (Кошерович), Розен, Алферов, Зайцев, Годос, Окунь, Коваль Вас. и др.). Остальные, если в подпольи были «полубольшевиками», колеблющимися между двумя лагерями, впоследствии оказались меньшевиками.

На другой день утром по получении вестей о перевороте заводская группа и часть городских С.-Д. собрались в главной конторе в Страховом отделе для обсуждения создавшегося положения. Вспоминается мне характерная сценка, когда в момент горячих дебатов о создании временного Юзовского комитета и о разоружении полиции вдруг, звякая шпорами, входит пристав Синьковский. У каждого как-то сжалось «по старинке» сердце (часть малодушных даже привстала со стульев), и каждый подумал, что переворот ликвидирован и что пристав пришел сообщить об аресте присутствующих.

Ожидание... и сановитый пристав заискивающим голосом начал распространяться о своих доблестях, что он снисходительно относился к организации и что служил приставом лишь потому, что обременен большой семьей. В конце-концов он принес жалобу на образовавшийся Зузулевский комитет, который, мол, послал на него донос губернатору в Екатеринослав. После всего сказанного у всех отлегло от сердца. Приставу предложили убраться: «после разберемся».

Дебаты о разоружении полиции ни к чему не привели. Этот вопрос по образованию временного рабочего комитета, перенесли на заводской митинг. В этот-же день на заводском митинге в железопрокатном цехе, где собрался буквально весь завод и часть городских, прения о немедленном разоружении полиции, благодаря правым меньшевикам, ни к чему не привели. Окончательное решение перенесли на завтра на заседание совета Раб. Деп. выборы в который должны были состояться по цехам с утра.

Вопрос отдельного существования перед нами, большевиками, остро тогда не стоял. Поэтому мы остались работать в так называемой «об'единенной» тем более, что публика из меньшевиков в большинстве, кроме нескольких интеллигентов-ликвидаторов, принадлежала к «партийцам». Характерно, что в нашей организации было несколько человек «правоверных» эсеров, которые за отсутствием в городе эсеровской организации, состояли

в эсдековской. Характерны были и наши выступления на митингах: когда выступал меньшевик, он заявлял, что говорит от имени С.-Д. об'единенной. Мы же большевики когда выступали даже по поручению к-та рекомендовались большевиками.

Совет Рабочих Депутатов собрался 5 марта. Депутатов в Совете было более 300 человек; из них меньшевиков 20 и большевиков не более четырех (Давид, Розен, Спицын и Зайцев). Самые активные из большевиков—членов Совета—Давид и Розен через несколько дней к тому же уехали. В составе Совета было много начальников цехов и—даже технический директор завода Желондек стал начальником милиции, которому и поручено было «организованно» разоружить полицию. На совете выбрали Исполнительный комитет, куда в большинстве вошла солидная публика, как-то: начальники цехов и старики, стоящие в большинстве вне политики—«бородачи». Нас—молодежь—в Исполком не пропустили. Вошло несколько человек лидеров С.-Д. партии (все меньшевики). Исполком показал себя при поддержке совета в скорости чисто оборонческим, большинство же членов Исполкома вскоре «по моде» об'явили себя эсерами.

Как же мы большевики уживались и боролись внутри об'единенной организации? Первое выступление было по вопросу о выписке газет и литературы через комитет. Сами-то мы уже получали и распространяли «Правду», но не в большом количестве экземпляров. Этот вопрос обсуждался на общем собрании, где решили выписать для распространения, кажется, по 100 штук газет: «Правда», Харьковский «Пролетарий», «Новую Жизнь»—межрайонцев и две меньшевистских газеты, названия их не помню.

Сожительство с оборонцами нас нервировало, в особенности, когда группа оборонцев внесла предложение на общее собрание о посылке приветственной телеграммы, приехавшему в Россию Плеханову, хотя оно большинством и было отклонено. У нас возникла мысль о немедленном выходе из организации. Но удержала нас надежда с'агитировать на свою сторону большинство организаций, выгнать затем меньшинство и оставить за собой средства организации. Время же показало, что большинство завоевать было очень трудно: в организацию лезла в большинстве публика сырая, много мещанства и нереволюционного элемента.

Такое сожительство продолжалось до 17 мая. К этому времени приехал из ссылки т. Яков Залмаев, который нас и побудил пойти на раскол. Мы, активная группа, посовещавшись решили на следующий же день уйти из «об'единенки». К этому уже времени начал свою работу и эсеровский комитет, который был образован к концу апреля.

Ушло из организации человек 18—19—все рабочие. Насколько нам удалось восстановить в памяти, организация наша на первом собрании состояла из следующих т. т.: Алферова Павла (Рыковского рудника), Зайцева Федора (завод Н. Р. О.), Коваля Вас. (завода Н. Р. О.), Годос Сони, Окунь Сони, Певцевой Симы (городск. работницы), Славина Исаака (старика-сапожника), Славиной Ханны (старая партийка-большевичка), Спицына

Александра (ушел в скорости обратно к меньшевикам), Эйдельнанда Якова (типографа), Бирюкова Дмитрия (завода Н Р. О.), Семченки, Бирюкова Федора и Малова (в июне ушли из партии и образовали группу анархистов), Гусарова (сына), Петрова, Шишкина Александра (завода Н.Р.О.—подпольного работника). Организатором района у нас был т. Залмаев. К этому-же времени существовала в Юзовском районе сильная организация большевиков на нынешнем Щегловском кусте во главе с инженером т. Мельниковым, а также на нынешнем Мушкетовском кусте.

На рудниках теперешнего Новороссийского куста к этому периоду не было большевистских организаций—за исключением образовавшейся небольшой группы на Рыковском руднике, который тогда входил в рудники Екатериновского Горно-Промышленного О-ва (Мушкетовский). Не было отдельных большевистских организаций до самого Октябрьского переворота также и на французской кампании, Лидиевском, Вознесенском и Трудовском рудниках. На последнем образовалась ячейка в 1918 г.

Организация начала существовать,—но трудности были впереди. Первым делом, мы никак не могли найти себе помещение для комитета партии. Каждый домохозяин боялся и ненавидел большевиков. С трудом мы под вывеской союза портных сняли помещение. Отсюда мы начали распространять свое влияние на рабочих. В этом же помещении до октября мы принимали вождей Донецких рабочих: т. Артема и т. Петровского, Григория Ивановича.

БОРЬБА ЗА ОКТЯБРЬ

Черносотенство и интеллигенция эс-эры и меньшевики старались оклеветать большевиков. Идейным же вдохновителем клеветников была, столичная и местная печать. К последней принадлежали, эсеровский «Клич Народа», бесформенная газета «Донецкая Мысль», с лозунгом «владыкой мира будет труд», издававшаяся местным миллионером Альтшуллером. Им вторил орган Исполкома «Известия Совета Р. Д.», пропускавший статьи на тему о безответственных авантюристах-большевиках.

У нас же было мало умеющих хорошо говорить рабочих-вождей, которые могли бы противоставить свое красноречие плеяде интеллигентов из противных нам политических партий. Однако, уже в это время было крепко влияние партии на рабочих нынешнего Щегловского куста, где была самая сильная организация, в остальных же местах черносотенно-оборонческая публика душила всякую враждебную им агитацию.

Назначенная 1-ым Всероссийским С'ездом Советов на 18 июня демонстрация у нас запоздала и состоялась 25-го июня.

К демонстрации мы готовились. Рисовались большевистские лозунги на наших знаменах. Мы надеялись на демонстрацию войти в количестве не менее тысячи человек, так-как ожидали, что с Бересто-Богодуховки, Пастуховки и других рудников Щегловской группы, а также с Прохоровки придет много коммунистов и часть большевистски настроенных рабочих, но оттуда пришло только с десяток руководителей. В силу этого наша большевистская группа имела всего около ста человек.

На демонстрации участвовало до 30.000 человек. В море человеческих голов наша группа не затерялась. Лозунги ее: «Вся власть советам Р. С. и Кр. Деп.» и «долой десять министров-капиталистов», вызывали бешенство у наших противников. Шедшая около нас группа служащих главной конторы завода выбивая дробь по ведру, пела какую-то похабную песенку о большевиках. У самых трибун на нас наскочила бешено настроенная толпа, огрызавшаяся, протестовавшая против наших лозунгов. Тут же под'ехала группа конных милиционеров, руководимая эсером Клюевым, которая наперла на нас. Толпа бросилась избивать нашу группу и рвать знамена. В это время митинг уже был открыт. На главной трибуне председательствовал эсэр-инженер Русев. К нему попала часть клоков знамен и он выбрал знамя «долой десять министров капиталистов», в котором был вырван угол со словами «капита» и начал доказывать разгоряченной толпе, что большевики—немецкие шпионы и... буржуазные прихвостни, что они пишут лозунги «долой десять министров социалистов», при этом он показывал знамя с оторванным клоком. Протискавшиеся к трибунам наши товарищи, как Яков Залмаев и Мельников, начали об'яснять провокацию. Сама демонстрация закончилась этим разгромом и лидеры эсеров и меньшевиков-оборонцев не успели агитнуть за войну до «победы».

В довершение разгрома часть наших товарищей (точно не помню), милицией была арестована и освобождена после наших настояний в Исполкоме.

После этого случая допустили в Совет двух представителей от нашего комитета партии. До этого же времени нам отказывали в этом. Мотивы в совете С.-Д. (об'единенная) представляет большевиков и меньшевиков.

Наша работа продолжалась тем же темпом. Городская органазация в это время насчитывала до 40 человек. Развить агитационную работу под бешенное улюлюканье, черносотенцев, меньшевиков и эсеров, было весьма трудно, тем более, что все 40 человек были рабочие. В совет, как представителей, мы послали т.т. Якова Залмаева и Павла Алферова.

В конце июня была созвана партийная конференция большевиков Юзово-Макеево-Петровского района. От нас вошел в районный комитет т. Залмаев. В начале же июля наши делегаты выехали на губернскую конференцию в г. Екатеринослав, насколько мы были стеснены в средствах, видно из того, что часть избранных поехать не могла за неимением денег.

Как раз когда более активная группа отсутствовала из-за от'езда на губконференции, до нас докатились события 3—5 июля в Питере.

8 июля было созвано экстренное заседание Горсовета. На повестке дня: 1) выступление большевиков в Питере. 2) Доклад о поездке на фронт. У членов горсовета напряженное состояние. Передается друг другу слух, что большевиками убит Керенский, но что, мол, эти сведения еще не проверены. На нас бросают злобные взгляды. Впечатление—сейчас начнут бить. Не помню, кто делал доклад, но по докладу говорили человек 20, все эсеры и меньшевики. К слову необходимо сказать, что меньшевики громили нас хотя и злобно, но сдержанно. Главным образом сдерживались говорить, что Ленин

провокатор и немецкий шпион, хотя открыто и не возрожали против этого навета. Эсеры же носились с заявлением Чхеидзе, об имеющихся, якобы, документах у Алексинского, доказывающих связь т. Ленина с немцами и получение от них денег на большевистскую «шпионскую» работу.

Выступить мне пришлось по внесении резолюции. Резолюция, редактированная меньшевиками, осуждала большевиков и Питерских рабочих, навязывающих свою волю всей рабочей России, не желающей брать власть в свои руки. В противовес я предложил принять резолюцию приветствующую выступление Питерцев. За меньшевистско-эсеровскую резолюцию—гора рук. За мою—две. Одна—моя, другая—Семена Троянского, будущего меньшевика.

Второй доклад был сплошным наветом на большевиков. Докладчик эсер рисовал ужасы отступления с фронта, как большевистские полки бежали в панике, как беглецы стаскивали с поездов раненых и т. д.

После такой агитационно-провокационной кампании на Заводской и Центральной шахте гонялись с обушком за большевиками—рабочими. Последние несколько дней не выходили на работу, а потом, чтобы иметь возможность продолжать работу, заявили, что они—вне партии большевиков.

Организация же наша еще с демонстрации 25 июня вела полулегальное существование. Тогда же в комитете у нас произвели обыск хотя и без ордера. Аресты же большевиков происходили очень часто.

Озлобленные арестами, мы тогда думали переселиться на рудники Берестово-Кальмиусской группы, основаться там и арестовывать всех меньшевиков и эсеров, паче чаяния, они появятся там. Но эти планы не осуществились, так как уже к концу июля мы сумели расширить свое влияние на рабочих, и они начали склоняться на нашу сторону.

Как раз подоспели выборы в городскую думу. Мы готовились выступить со своим списком. Фигурировало пять списков: С.-Д.—меньшевиков, эсеров, беспартийных—социалистов (!), поалей-ционов и наш—большевистский.

На агитацию по выборам меньшевики истратили до 3.000 р., которые они задолжали очень многим из своих исполнителей. Эсеры истратили гораздо больше. Нам же пришлось круче. Нашего об'явления никто не брал печатать. Наконец, нам удалось отпечатать в 100 штук написанную мной афишу и переделанную с центральной краткую выборную платформу и летучке. Все это нам стоило 68 рублей. В выборной кампании нам помог своим выступлением среди заводских рабочих приехавший из Ростова т. Турло. Выступление его было встречено так сочувственно, что мы обеспокоились, не выставили-ли мало кандидатов—всего их было 10 человек на 75 человек—гласных.

Наши об'явления в одно прекрасное утро красовались на стенах вторых этажей домов и на заводских трубах. Гордо выделялась цифра пять на всю афишу, но ни один противник не мог сорвать ненавистный призыв большевиков к голосованию. Слишком высоко наклеены были об'явления!

По истраченным средствам можно было судить какую агиткампанию вели мы и наши противники в особенности, меньшевики. Меньшевикам удалось получить около 10 мест, нам 6 мест, бесп. соц.—1 место, поалей-

ционом—одно, немного кадетов и остальные места эсеры с сэрповцами (у них был общий список). В управу мы послали т. Толмачева.

Таким образом, у рабочих стал замечаться перелом. Началось углубление агитационной работы. К нам на помощь приезжали часто из Берестово-Богодуховского рудника, т. Мельников, а также из Макеевки тов. Пасов и т. Гарикольди. В августе и к сентябрю на нашей стороне оказалось большинство рабочих завода. Наши ораторы уже встречались везде и всюду апплодисментами. Особый фурор производил т. Мельников. Ни один противник не был в силах ему возражать.

Всетаки, несмотря на это, в сентябрьские перевыборы Совета мы не имели большинства. Мы получили одну треть мест в новом Совете. В президиум прошли от нас—товарищем председателя Яков Залмаев и секретарем я. Председатель был от меньшевиков т. Мышкин Абрам и 2-ой секретарь от них же т. Манаенко (первый и второй—ныне оба коммунисты) от эсеров был 2-ой тов. председателя и один член президиума, как казначей.

Причины, отчего мы не получили большинства, крылись в следующем: первое, это то, что городские служащие, приказчики и рабочие не давали нам ни одного места, за исключением пищевиков, и второе, это специальное представительство, дававшее нашим противникам в совете до 20 мест. Таким образом, наши противники имели до 100 мест и оставались в большинстве, несмотря на то, что индустриальный пролетариат был в большинстве за нас

Приходится отметить, что на профработу мы совершенно не обращали внимания. Главная наша задача была—завоевание советов. Поэтому профдвижение находилось в руках у меньшевиков или им сочувствующих.

Получили мы телеграфное сообщение о том, что в Питере большевиками захвачена власть, и что 2-й с'езд советов об'явил правительство Керенского свергнутым и власть перешедшей волею рабочих и крестьян в руки советов. Правая часть Исполкома потребовала межведомственного заседания. В это совещание вошел целиком Исполком, представители «социалистической» части управы, больничной кассы, правлений больших союзов и командир, стоящей в городе небольшой воинской части.

Злоба, на этот раз меньшевиков, была сильная. Выступавшие от них предлагали прекратить погрузку угля из Донбасса в столицу и для жел. дороги, наконец изолировать Питер. Говорили, что захват власти есть провокация по отношению рабочего класса и т. д. Результатом совещания было принятое постановление о посылке телеграммы в центр, что «Юзовское совещание рабочих организаций протестует против захватнической политики большевиков».

В скорости приехал со с'езда т. Залмаев. Сделал на совете доклад о перевороте. Совет в большинстве—«за переворот».

Раз совет стал большевистским, назначены были перевыборы Исполкома. В новый Исполком вошли в большинстве—мы. Вошли в президиум также по двое от левых эсеров и от меньшевиков.

Исполком и совет был большевистский, о районе и говорить нечего,—но полной власти наш совет пока еще не имел. Существовала еще город-

ская дума и управа. Милиция была подчинена последней. Начальник милиции был меньшевик Легкий, который впоследствии стал белогвардейцем. Поговаривали мы о разгоне Управы, но по некоторым соображениям пока это делать было не выгодно. Нам Управа помогала отстаивать город от расквартирования реакционных войсковых частей. Так, нам хотели поставить в город и район кавалерийскую дивизию кубанцев, которая отрицательно относилась к Соввласти и которая при том не была еще разоружена. Управцы противились вселению такой большой части исходя из интересов города, мы—по политическим мотивам;—а дирекция завода, хотя и приглашала такую, часть, но и то боялась, что расходы по ее содержанию, тяжело лягут на бюджет завода. Поездка управцев к командованию дивизии дала благожелательные результаты—дивизия к нам не пришла.

Деятельное участие мы принимали в выборной кампании в Учредительное собрание. В список С.-Д. (большевиков) по Екатеринославской губ. мы выставили т.т. Залмаева и Алферова. В этот период к нам приехал т. Г. И. Петровский с т. Магидовым. Т. Петровский сделал ряд докладов в городе, на совете и районе. Были устроены дискуссии с эсерами и меньшевиками. Все рабочие были за нас. Голосование было везде дружное. С рудников Донской Стороны посыпались жалобы, что, нет бюллетеней для опускания в урны большевистского списка, а другие рабочие не хотели опускать. Оказывается это была одна из выборных махинаций наших противников, которые задержали бюллетени ненавистного списка кажется в Таганроге.

Наступил декабрь. Организовалась красная гвардия. Мы послали т. Алферова за оружием в Петроград. Оружие он доставил с некоторыми приключениями к середине декабря. Получено было 600 винтовок, 8 пулеметов, 30 ноганов, ленты, патроны и всякие принадлежности к оружию.

Как раз на Донской стороне началась казацкая экзекуция. Эсаул Чернецев с бандой, состоявшей из сброда, прошел с карательной целью по Ясиновскому руднику, Ханженкову, Буросу, Макеевке. Прохоровском и Берестово-Богодуховском рудникам. Конечный пункт карателя был наш Рыковский рудник,—что в версте от города. Рейс Чернецова стоил трех-четырех десятков жизней рабочих. Особенно они «похозяйничали» на Ясиновском руднике.

В момент налета на Рыковку, я с т. Бирюковым Дмитрием, под видом рабочих рудника, пошли на рудник посмотреть, что творят там бандиты. Мы застали только конвой, который сопровождал в Макеевку арестованных членов Исполкома. Помещение последнего было разгромлено.

В это время наш Юзовский Исполком представлял из себя лагерь беженцев. Кругом во всех комнатах на полу, на окнах, на столах сидели лежали и стояли люди. Тут и Исполкомщики, и профработники, и рабочие, и красногвардейцы.

Тут-то и было положено начало реквизиции. Реквизировали, главным образом, пищевые продукты. Все это шло на кормежку беженцев и красногвардейцев.

Волна беженцев внесла тревогу. Был образован под председательством т. Залмаева военно-революционный штаб Юзово-Макеевского района. Принимались меры к обороне города. Были созваны красногвардейцы со всего района. Стеклось до 1.000 вооруженных винтовками. Выставлены были в Донскую сторону цепи и патрули.

Ночью с нашей стороны началось наступление на Рыковскую экономию, где жило казацкое офицерство. Казаков стрельба испугала. Они ночью ушли из экономии и с рудников в Макеевские казармы.

Сейчас же генерал Балабин из Макеевской резиденции издал приказ что казаки репрессий не будут применять к рабочему населению, если оно «не будет делать ничего противозаконного». Как раз в этот период на Прохоровке было убито несколько казацких офицеров, которые стали разгонять там митинг. Красногвардейцы не стерпели и пристрелили их. Одного офицера привезли к нам в плен. В плену мы его держали, что-то очень долго. Потом он вступил в ряды красных войск.

25 декабря военно-революционный штаб получил секретное оперативное приказание от т. Сиверса, подошедшего с севера нам на помощь. Нам приказывалось удерживать своими отрядами ж.-д. линию от Ясиноватой на Мушкетово—Караванная—Ларино. Об'явлен был сбор Красной гвардии в Юзовке. Стеклось до 2.000 человек. Все рудники прислали свою гвардию, Но войско большое, а организованности—никакой.

В ноч на 25-е декабря под Рождество мы всей этой массой двинулись на Макеевку. Общего командира не было. Выделялся своей энергией т. Полунов, но который однако, в военном деле ничего не смыслил. Шли шумно, глубоко утопая в снегу. Дойдя до балки, на полдороге до Макеевки—остановились, подумали и решили не наступать на Макеевку (казацкие казармы), а повернуть на ст. Чумаково. Так и сделали. Повернули направо и пошли. Указанные Сиверсом станции нами были заняты. Через Ларино мы пропустили без большой охоты двенадцать эшелонов вооруженных казаков, возвращавшихся с фронта. С ними произошло братание, и казаки обещали, приехав на Дон, свергнуть поднявшего восстание Каледина.

Сиверс занял Макеевку, казаки отступили и наступление перекинулось дальше на Дон. Ушедший с нашим отрядом Полунов—меньшевик, стал хорошим командиром-коммунистом. Алферову и мне пришлось вернуться из похода в Юзовку для работы, так как оттуда поступили категорические требования о возвращении.

Тут вся власть была у Совета. Управа хотя еще существовала, но авторитета не имела никакого. Она даже не была в состоянии созвать Думу.

Наступил январь. Рабочие были все время на нашей стороне. Многие ушли в гвардию.

В январе к нам приехал, так называемый, центро-штаб Донбасса. Председателем штаба был т. Харечко (Гарас). Начальником штаба—т. Круссель; политработниками: т.т. Гарин и Вербицкий. Последний у нас занимался организацией власти и инструкторско-политической работой.

Центро-штаб стал выпускать газету «Донецкую Правду» под редакцией, кажется, Харечко, Грузмана и еще кого-то.

Как разветвление центроштаба у нас образовался районный штаб под председательством т. Пелехова (погиб под Кронштадтом), членов Гаргаева, Квашина, Сурина и других.

В феврале из Юзовки уехал т. Залмаев. Началась у нас кампания перевыборов в Совет. По инициативе т. Вербицкого был создан ЦИК Юзово-Макеевского района,—мертворожденное учреждение, которому не подчинялся ни район, ни наш местный Исполком. К слову сказать, в наш Исполком Ново-Российского Комбината из районов больше обращались, чем в ЦИК. Во вновь избранный совет вошли: председателем т. Алферов, товарищами председателя я и т. Самылин, секретарем т. Толмачев (который до этого был в Управе), и двое левых эсэров. Меньшевиков мы провалили.

При перевыборах завод отдал нам 70% голосов, а город ни одного нашего делегата не провел. Необходимо отметить, что в голосовании в Украинское учредительное собрание (голосование проходило до приезда Центро-штаба) участвовало не более 5% выборщиков.

Пришел март, в течении которого местный Исполком проводил принудительный заем в 6 миллионов для Ново-Российского Комбината. Собрали мы, кажется, около $2^1/_2$ миллионов. Центро-штаб наложил контрибуцию на буржуазию,—кажется, в 5.000.000 руб. Удалось-ли ему собрать ее полностью—не знаю. Наступил апрель—последний месяц Советской власти в Донбассе, центро-штаб выехал в начале апреля, оставив свой инструкторско-советский аппарат. Тогда же мы эвакуировали госбанки.

Наконец, фронт приблизился вплотную. Чего нибудь порядочного для защиты Центро-штаб не создал. Наши силы были и того хуже. В одну из последних ночей у нас в Юзовке Федерация анархистов произвела аресты. Дело было так. Мне пришлось пробыть в Исполкоме до 4-х часов ночи. Возвращался домой с членом Исполкома т. Болоцким. Дойдя до угла первой линии, где помещался центро-штаб, я увидел стоящих на углу председателя нашей «Цикуки» т. Кочубея и т. Гордон (женщину). Обратился с вопросом:

«Чего стоите? идемте домой».

Отвечают:

— «Мы арестованы».

Меня это рассмешило,—кто это, думаю, мог бы самую власть арестовать. Заглянул в дверь центро-штаба. Там в его остатках анархисты хозяйничают. Держат револьвер над виском т. Пелихова.

Думаю, что-же,—поднять тревогу, созвать войско и арестовать бунтарей. Но сил у нас не было. Центро-штаб оставил кавотряд целиком анархический, и под командой анархиста. На них не положишься.

Анархист Малов и Бирюков Федор нас заметили. Подскочили арестовать. Заглянули в лицо. Малов протяжно произнес:

— А-а-а—свои.

Словом, они нас считали «своими». Немножко не лестно.

Говорю Болоцкому,—идем домой.

Анархисты говорят:

— «Дайте честное слово,—что не подымете шума».

Отвечаю:

— «Подите вы со своим честным словом, я не даю и не обещаю».

Повернулся и ухожу, тяну за собой и Болоцкого.

Дорогой совесть мучила, как же я не принял мер к освобождению своих товарищей.

Но на утро все арестованные были освобождены и оружие им возвращено.

Досидели мы с Алферовым в Юзовке до дня ее занятия. Из города вышли за несколько часов до вступления немцев.

Отступление было самое неорганизованное. Все были в поездах. Общего командования не было. Мы отступали с некоторыми приключениями. Под Александро-Грушевском дрались с отрядами Парамонова. В Новочеркасске казаки внезапно на нас напали. Многие там полегли, много попало и в плен. Добрался я до Царицына, а оттуда в Курскую губернию. Проработал немного в Щиграх, а потом в конце июля через закордонное бюро с паспортом на имя Федора Ивановича Корнева с женой, с запиской в Беленихино к т. Саенко за содействием в переправе через демаркационную линию, приехал в Донбасс.

Но приезд был неудачный: в Юзовке на Ларинской стороне меня захватили «сыскалы» с вартой. Отсидел в Юзовке и в Бахмуте два месяца, —и, наконец, подпольным Красным Крестом был выручен за 5.000 руб.

Приехал в Юзовку. Стал осторожен. Дома, где жила жена и мать— не ночевал. Забегал иногда вечерами. Связался с т. Кизлярским, секретарем районного комитета партии. Здесь довольно активно работали Бояровский, Зимин, Болдырев, Соня Окунь и Лагутенко. Приехал в скорости из Бахмутской тюрьмы Ив. Высоцкий. Организация была сведена с наезжавшим членом ОКА Донбасса т. Егоровым и т. Титовым. Наконец, комитет партии выделил подпольный районный ревком. Председателем ревкома был избран я, членами Кизлярский, Высоцкий (он жил под фамилией Хорвата), Бояровский и еще несколько товарищей.

Были распределены обязанности. Бояровский связался с офицером меньшевиком-интернационалистом, т. Хорошко. С Хорошко проектировали мы в случае чего, захватить город.

Наступил ноябрь. В Германии—революция. Немцы стали уходить на родину. Скоропадский уступил реакционному казачеству охрану 25 верстной полосы по границе Донской области. Казаки быстро оккупировали нашу местность. Если с немцами было не сладко, то с казачеством еще хуже: рабочие стоном застонали.

7 ноября по новому стилю в годовщину октября, наш комитет призвал рабочих к однодневной забастовке, которая прошла на рудниках, и частично на заводе. В этот день высокие трубы завода у рудников были украшены красными флагами с лозунгами: «Да здравствует Советская власть!» Варта бесилась. Платила большие деньги тому, кто сорвет флаги.

В этот период особенно легко можно было совершить переворот. Немцы-оккупанты, теперь настроенные революционно, во всякий момент могли помочь нам в борьбе с вартой и казаками, но приказа от наших партийных центров о выступлении не было, да и мы сами понимали, что выступление могло иметь только временный успех.

В ноябре же на Вознесенском руднике, в подвале клуба, состоялось военное совещание Юзовского района. Совещание охранялось вооруженными вартовыми, которые были членами ком'ячейки. Главным вопросом совещания—был вопрос о выступлении. Решили недели через две выступить. Выбран был штаб. Начальником штаба назначили офицера т. Хорошко, а помощником т. Шота—анархиста,—командиром же формируемого отряда и членом штаба—т. Косминского.

Сбор повстанцев должен был состояться опять-таки на Вознесенском руднике.

В конце ноября, по предложению меньшевистских центров, проводилась забастовка протеста против репрессий со стороны гетманской власти. Мы не противились забостовке, но указывали, что протестом ничего не сделаешь. Состоялся большой митинг на заводе. Выступали меньшевики. От имени партии выступил т. Кизлярский и Бояровский, которые призывали рабочих бороться против власти, а не протестовать против репрессий.

Результатом этой забастовки был приказ коменданта города—эсаула Чернецова—о введении военного положения. Сейчас же начались самые бешенные репрессии. Рабочие избивались. После 6 часов вечера улицы пустели и из квартир никто не показывал носа.

Начавшееся движение и убийство на Донской стороне в какой-то станице нескольких казаков вызвали знаменитый приказ казацкого генерала Денисова. Приказ буквально гласил следующее:

«Рабочих арестовывать—запрещаю, предлагаю же на месте при сборе 3—5 человек расстреливать, а еще лучше вешать на телеграфных столбах на главной улице».—Приказ предлагалось проводить неукоснительно. В день опубликования приказа и во исполнение его, ночью вартой и казаками были повешены на двух телеграфных столбах два беспартийных рабочих, к политической работе совершенно непричастных.

Начали усиленно меня разыскивать. Я ежедневно менял квартиру. Выехал, наконец, с т. Ковалем Василием на Вознесенский рудник.

Начался сбор повстанцев. Стекалось много народу. Но оружия не хватало. Собрали мы до 75 человек, кое-как воруженных. К нам присоединилось с десяток вартовых. Оружие, имевшееся в варте, мы забрали. При подходе к имению Пестеровой, что около села Марьинки,—мы имели перестрелку с полусотней конных казаков, которые провожали нас на почтительном расстоянии. Мы на крестьянских подводах из села Марьевки приехали в Максимилиановку, где находился отряд «батьки» Клепенко. В этот день по Максимилиановке били белые из бронепоезда.

В день приезда в Максимилиановку на нас напал отряд помещика Шаповалова, в 150 сабель и штыков, и при двух пулеметах. Наше же

вооружение состояло из ржавых винтовок, а к ним по 3-5 патронов. 25% отряда не были вовсе вооружены. Нападение было внезапное. Началось беспорядочное бегство. Батька заволновался. Но под предводительством т. Косьминского наш отряд бросился в цепь за деревню. Отряд «батьки» также выстроился. «Батько» же уехал на ст. Острый, откуда выехал в Гришино за патронами, оставив отряд на произвол. Командование перешло в руки Косьминского. Отряд Шаповалова не выдержал нашего натиска и бежал.

Пробыл я в отряде немного. Здоровье расшаталось. Я выехал в Нижне-Днепровск в Областной комитет. Только доехал до Синельниково—а ОКА переселилась в Павлоград, поехал туда, здесь я узнал о неудачном походе на Екатеринослав, который был сорван грабежами махновцев. Военный союз с Махновцами был накануне разрыва. ОКА выделила вместо Махно командующим т. Колосова. Колосов концентрировал все красные части у Павлограда.

В Павлограде начались переговоры с Махновцами и левыми эсерами о конструировании губернского Ревкома. Мы предлагали в Ревком на двух наших представителей—одного махновца или левого эсера. Соглашение не состоялось. Противники требовали представительства по 1 от каждой группы. Ревком сконструировали из одних коммунистов. Я вошел в Ревком от Юзовского района.

Петлюровцы же нажимали на Павлоград, который был обложен со всех сторон.

Я вошел в редакцию газеты «Донецкий Коммунист». Редакция состояла из т. Бориса и меня. Газету мы целиком писали вдвоем. Редиздат Областкома действовал хорошо, выпускалось много литературы, которую курьеры нелегальным способом направляли в промышленные районы Донбасса. Юзовку мы засыпали воззваниями, летучками и газетами. Выпускали летучки-прокламации специально на Юзовские темы. Не один из транспортировавших литературу попал на виселицу. Так, был повешен т. Кобзенко. Но в большинстве обходилось благополучно.

Наступление на Павлоград сдерживалось. К нам пришли сведения,—что Дыбенко уже занял Харьков, идет на Лозовую и скоро должен соединиться с нами. Махновцы притихли. Стали разговаривать более лойяльным языком. Но мы в печати подняли против них кампанию. Кампания была вызвана предательским разгромом в Гришино Юзовского отряда, который начал бороться против бандитских действий «батьки» Петрова.

Петров—пьяный дегенерат—навел террор не только на население, но и на свой отряд. Представители отряда внесли предложение в Юзовский штаб об аресте Петрова. Петров был арестован. Но из Гуляй-Поля «батько» Махно выслал войско под командой брата Петрова. Его приготовились встретить достойным образом. Но отряд шел с красными флагами и пением революционных песен. Стрелять в них рука не поднялась. Началось братание повстанцев. А ночью—предательское убийство т. Шота, начальника Юзовского штаба, и разгром нашего отряда.

В Юзовке же в это время до того были сильны репрессии, что Комитет партии выехал к нам, так как дальше там оставаться не представлялось возможности. Остались из Комитета двое: т.т. Поддубный и Лагутенко.

Два месяца мы соприкасались с неприятелем. Наша резиденция штаба полка была на ст. Красногоровка. Наступлений решительных не предпринималось. В Юзовке же Май-Маевский все больше и больше свирепствовал. Мы послали курьера к т. Поддубному и Лагутенко, с предложением оставить Юзовку и приехать к нам, так как Юзовка в непродолжительном времени будет занята. Лагутенко приехал, а Поддубный остался и поплатился за это виселицей.

4-го апреля с боем мы заняли Юзовку. Рабочие нас встречали, как спасителей. Кругом лобызания и слезы. Но мы Юзовку сумели продержать только 4 дня. Нас выбили. Но с нами из района ушло 40.000 рабочих. Колонна отступающих рабочих растянулась на 15 верст.

Ф. ЗАЙЦЕВ.

Луганск

История одной организации компартии

Февральский переворот застал нас врасплох, об'ясняющийся тем, что в последние годы войны, несмотря на существование у нас организации, мы абсолютно никакой связи с Ц. К. не имели, а, следовательно, и не могли своевременно получать какие-бы то ни было директивы. Правда, в 1916 г., приезжал т. Юрий и информировал нас о состоянии движения вообще и роли нашей партии в частности. Выяснилось, что на 1-е мая 1917 г. готовится демонстрация сил прелетариата с лозунгами «против войны, займов и дальше за учредилку». Но оставаться в городе он долго не мог.

Т. Юрий был быстро введен во все дела организации и под его руководством была избрана «Исполнилка», работа которой потом заключалась в том, что она занялась по существу об'единением разрозненных товарищей и подготовкой небольшой кружковой работы, заключающейся в том, что ставились отрывочные доклады за отсутствием более опытных в пропагандистском деле работников.

В марте 1917 г. мы, имея всего около 80 человек, решили все наши слабые тогда силы направить на работу по выявлению затерявшихся некоторых членов и по об'единению под нашими лозунгами рабочих масс.

В городе было в первых числах марта наводнение, и большинство наших товарищей, живших на окраинах, были отрезаны от города. В это же время меньшевики и эс-эры, командная верхушка которых состояла из лиц свободных профессий: юристов, врачей и т. д., провела необходимую работу и созвала на городское собрание всех социал-демократов и сочувствующих им, на которое прибыло человек 50 городской интеллигенции. На это собрание пришли и некоторые наши товарищи для выяснения их политической линии. При постановке вопроса, под какие лозунги пойдет эта социал-демократическая организация, они заявили, что сначала нужно оформиться, нужно создать комитет, а потом разрешать вопрос о флаге.

В 20 числах марта мы закончили подготовительную работу, созвали общее собрание членов нашей организации, на которое пришло человек 800. Меньшевики, конечно, пытались его сорвать, но им не удалось. Здесь был сделан отчет о подпольной работе организации, и был переизбран Комитет. Так родилась Луганская организация, воспитанная в утробе подполья полицейским режимом, привыкшая ко всяким передрягам. Конечно, социальная база для ее развития была богатая. В городе было до 45.000 рабочих. Несмотря на нашую слабую теоретическую подготовку, работа

по популяризации наших лозунгов среди рабочих масс и организация районов шла быстро. К маю мы уже насчитывали около 3000 членов. Одновременно с приездом т. Клима был поставлен вопрос о перевыборах Совета. Предвыборная борьба шла очень бурно. Мы вели ее под лозунгом «власть—Советам, земля—крестьянам, фабрики—рабочим» и на выборах добились, правда, незначительного большинства. Поражение меньшевиков, эсеров и др. партий привело их в моральный упадок, после чего стал наблюдаться переход, правда, незначительный в нашу партию. В мае же началась избирательная кампания в городскую думу. Меньшевики и эсеры, бундовцы, серп, сионисты, вплоть до кадетов, шли против нас единым фронтом, не заключая между собой формального соглашения. По пропорциональной системе они добились большинства на одно место в городской думе. Но такое пестрое большинство при одном голосе давало нам возможность проводить нашу линию, и мы, несомненно, вели все перечисленные партии на буксире. Этот факт также свидетельствовал о том, что наша парторганизация укрепляется с каждым днем, охватывая все большие слои населения.

Необходимо заметить следующее: наша организация в это время не ограничивалась работой в пределах Славяно-Сербского уезда, а обслуживала своими силами Бахмут, Таганрог, Мариуполь, Старобельск. Кроме того, мы обслуживали большой район Донбасса: Попасненский-угольный, Лозово-Павловский, Петровский, Алчевский, Дебальцовский и примыкающую к Славяно-Сербскому уезду часть Донской области.

В это время под'езжали товарищи, возвращающиеся из ссылки, и подкрепляли организацию силами. Ее работа приобретала более живой, подвижный, теоретически твердый характер. Работа в Совете и в Думе отнимала много сил и времени, отчасти ослабляя партийную работу, но тогда, вследствие слабого разграничения между этими двумя задачами и быстрого накопления опыта у членов партии, в работниках недостатка не было. Правительство Керенского вместе со всеми соглашателями вело отчаянную агитацию за наступление на империалистических фронтах и займе. Интеллигенция в этот момент играла не последнюю роль, придумывая по нашему адресу самые гнусные измышления вплоть до того, что большевики—немецкие шпионы и т. д. Организация выдерживала борьбу чрезвычайно устойчиво. Это видно хотя бы из того, что приток новых членов не только не ослаб, а, наоборот, усилился. Июнь проходит в этой берьбе. Мы проводим на первый С'езд Советов целиком наш список. Также займы нам удалось сорвать. Своим непосредственным участием в Исполкоме и городской думе мы захватили гражданскую власть в городе.

Сторонники правительства Керенского перешли на обработку расположенных в городе солдат. С другой стороны мы формировали красногвардейские отряды. Атмосфера сгущалась и внушала возможность вооруженного столкновения. «Взять на буксир» гарнизон мы не могли, несмотря на наши усилия в этой области, потому что части гарнизона

часто менялись, чем затруднялась их обработка. В первых числах июля, несмотря на дурную обстановку, слабую связь с Центром, отсутствие каких бы то ни было директив, присуствие в городе кавалерийских частей, с которыми у нас также связи не было, мы решили устроить вооруженную демонстрацию. Не помню точно какого числа, но это происходило не позже 10 июля, был об'явлен день демонстрации. Явилось до 15.000 человек рабочих, при чем к этому времени организация города насчитывала до 4000 членов. На Преображенской площади был устроен парад-митинг. Атмосфера настолько была наэлектризована, что каждую минуту могло разразиться сражение. Площадь была заполнена народом. Громадная масса рабочих бурлила, спорила, волновалась. Нами, конечно, в целях предосторожности, были поставлены посты для охраны порядка, и за время пребывания на площади было арестовано человек 7 провокаторов, пытавшихся вызвать вооруженное столкновение, причем некоторые из них оказались чинами бывш. полиции.

С другой стороны площади были расположены войска. Кавалерия стояла с полковником во главе—неподвижная, холодная, подобная машине с обнаженными шашками, как будто бы не замечала происходящего. И пехота была почти в таком же состоянии. Во время произношения речей на трибуне появился т. Клим. Поднялся невероятный шум. Меньшевики изо всех сил пытались сорвать, не дать говорить ему, зная его авторитет в рабочих массах. Их пугал перевес, которого он может добиться принятием резолюции. Настроение достигло кульминационной высоты. С площади предложено было двигаться по центральным улицам в город. Стройными рядами пошла парторганизация впереди, за ней рабочие. В хвосте шли солдаты. В городе у рабочего дома снова был организован митинг, на котором была принята резолюция, предложенная нашей организацией абсолютным большинством, но солдаты не принимали участия в голосовании. Так прошли у нас июльские дни.

С этого момента мы ведем упорную борьбу в целях выживания из учреждений меньшевиков и эсэров. Кроме того, ведем обследование расположенных в нашем районе воинских частей, и натыкаясь на вопиющие случаи преследования солдат офицерством за большевизм, разоблачаем офицеров и таким путем добиваемся популярности наших идей среди солдатской массы в области руководства административной и хозяйственной жизнью города. Мы вели линию борьбы с отчаяннейшей спекуляцией продуктами первой необходимости, вплоть до учета и экспроприации некоторых отраслей торговли. На заводах пришлось организовывать заводоуправления, или как мы их тогда называли «директории», так как администрация тогда потеряла всякую возможность управлять производством и влиять на рабочих, вследствие отчаянной эксплуатации рабочих, какую она вела в последние годы войны. К этому времени на селах происходила борьба крестьянства за землю. Оно, не разбираясь в распоряжениях Правительства Керенского, отбирало насильно землю и делило ее между собой. Чувствовалась необходимость в авторитетном уездном центре,

который мог бы более четко разрешать земельные вопросы. Но мы настолько были перегружены работой, что немедленно заняться организацией крестьянства не могли и только в сентябре с началом предвыборной кампании в учредилку, мы вплотную подошли к разрешению этого вопроса. Было решено созвать Уездный С'езд Советов.

Для полноты картины необходимо остановить внимание на корниловщине. В августе, как только были получены сведения о его выступлении, немедленно был выделен революционный комитет из пяти товарищей. В первую же ночь был арестован весь офицерский состав гарнизона. Здесь велось следствие, допрашивались офицеры, которые давали лаконические ответы: «армия должна быть вне всякой политики, поэтому и никакой политикой не занимаюсь». Конечно, мы понимали, что они рассчитывали на нашу простоту и подобными ответами пытались упрятаться в овечью шкуру. Кроме того, были арестованы некоторые помещики и лица заводской администрации, политически подозрительные. Все они были изолированы. В то же время выдвигались командиры из солдат. Таким образом, на третий день после организации Ревкома, мы устроили смотр нашим силам, которые были проведены мимо Ревкома под командой наших начальников. Ждать у нас не было никакой возможности, потому что город расположен так, что он с трех сторон окружен донским казачеством, которое несомненно могло ежечасно выступить и выбить нас из занятых позиций. Кроме того, был создан военный совет, который должен был наметить опорные пункты на случай нападения на город.

Пять дней лихорадочной работы Ревкома дали возможность настолько подготовиться, что в первый момент мы могли достойно встретить врага. К слову сказать, что в это время и последняя опора правительства Керенского—Комиссар Уездн. Милиции—успел удрать от ареста. Таким образом, в момент выступления Корнилова, нами была захвачена вся полнота власти, а так как денег нам правительство Керенского не высылало, то мы местную буржуазию обложили контрибуцией, и для более успешного разрешения вопросов судебно-следственного характера была создана Следственная Комиссия под председательством т. Григория, которая быстро приобрела авторитет среди рабочих масс, а для буржуазии служила пугалом и облегчала все мероприятия по администрированию городом.

Значит, для гор. Луганска захват власти был совершен в последних числах августа 1917 г. В дальнейшем, шло ее оформление путем организации отделов, специализированных по отраслям управления. Выборы в учредилку были проведены с успехом. В дальнейшем были столкновения с казаками, но мы взяли линию на достижение контакта с ними—правда не в полной мере. В итоге, делегации казаков очень часто посещали нас и получали указания, как нужно строить Советскую власть. В октябре был создан у нас Совнарком Луганского района, ибо мы не мыслили себе полного завоевания власти пролетариата без Совнаркома.

И. НИКОЛАЕНКО.

Киевский арсенал в октябрьские дни

Никогда не исчезнут из памяти рабочих Киевского Арсенала священные дни октября.

23 ноября 1917 г. состоялось постановление Губернского Совета Рабочих Депутатов, заседавшего под председательством тов. Андрея Иванова, о передаче всей власти Советам и о разгоне Центральной Рады. Приказ рабочим был дан. Боевые рабочие дружины к этому времени были обезоружены гайдамацкими полками, а арсенал был занят радовским полком, именовавшим себя «Куренем Смерти». Рабочие учли, что им, совершенно безоружным, трудно будет бороться с до зубов вооруженными войсками Центральной Рады. Рабочие отправляют делегатов в Печерский райком партии большевиков с требованием достать для них оружие.

Райком утром 24 ноября организует Революционный Комитет. Здесь-же на заседании райкома был намечен план выступления. Мне, как члену Ревкома, было поручено в тот же день, не позже, чем к 3 часам, достать оружие для рабочих арсенала. Несмотря на все преграды, учиненные гайдамаками, охранявшими Арсенал, нам удалось при помощи 3-го авто-парка к 12 часам дня привести в арсенал 6 грузовых автомобилей с патронами и винтовками. Под видом орудийных и пулеметных частей в то же время из артиллерийского склада было привезено до 24 вагонов со снарядами и винтовками. К 4 часам вечера 4000 рабочих было вооружено и разбито по районам. В 6 часов вечера мы получаем боевой приказ обезоружить гайдамаков, как находящихся внутри, так и вокруг Арсенала, и сам Арсенал занять. Приказ был выполнен точно. Арсенал оказался под охраной рабочих. Дальше нужно было с'агитировать солдат двух полков, стоявших рядом с Арсеналом: саперного и понтонного, чтобы заручиться их поддержкой. Ревком посылает в эти полки своих делегатов. Солдаты не заставляют себя долго ждать. Под гром возгласов: «Да здравствует—вся власть Советам», они присоединяются к нам. В эту ночь весь Печерск со всеми своими орудийными складами перешел в наши руки. К тому же времени демиевские рабочие заняли Шулявку, железно-дорожники—товарный вокзал. Подольские рабочие—Подол и Крещатик.

К утру весь Киев за исключением Липок, где засела Центральная Рада, находился в руках рабочих. Засевшая в Липках Ц. Рада ожидала подкреплений со стороны Дарницы, куда она направила все свои силы навстречу идущей на Киев 6-й армии Муравьева.

Ночью—под 26 ноября—Центральная Рада получила подкрепление численностью до 4-х полков и повела наступление на Крещатик, с целью

отрезать все районы от Печерска, который являлся самой крупной боевой единицей и в то же время снабжал оружием и патронами все остальные районы. К утру Крещатик был занят Радой.

Часть гайдамаков двинулась на Подол, а часть закрепилась на Александровской улице с целью изолировать Печерский район от остальных районов. Связь Печерска с районами была прервана. Наши попытки связаться с Подолом стоили нам колоссальных жертв.

Сашу Горвица—одного из активных работников—узнали в разведке гайдамаки. Они изрубили его на части.

Арсенал, чувствуя, что ему придется бороться одному с войсками Рады, ибо все почти районы разбиты, стал запасаться снарядами и патронами, совершенно забывая в то же время о продовольствии, которого было не больше, как на сутки. Только одной рыбы было много.

27 ноября, утром разведка доносит, что на Подоле происходит резня. Гайдамаки беспощадно рубят не только рабочих, но и мирных граждан—евреев. Мостовые Подола залиты кровью и завалены трупами. Днепр возле пристани стал багровым от крови. На Демиевке и Шулявке гайдамаки разбили рабочих. Очередь—за нами.

Рабочие не дрогнули, а—наоборот—вооружились железной решимостью бороться до конца, т. е. до последнего снаряда и патрона. Прибывает приказ Ревкома выкатить из сборной мастерской Арсенала 15 тяжелых орудий и обстрелять Липки с заседавшей в них Центральной Радой. Через час Арсенал превратился в клокочущий вулкан. Орудия грохотали. Земля и стены дрожали от рева орудий. Рада в панике бежала на Крещатик, откуда ее пехота и артиллерия двинулась к Печерскому району. Вечером 27 ноября начался бой на Александровской улице: гайдамаки пробивались по направлению к Арсеналу. Бой уже шел у казарм понтонного полка. К утру понтоновцы сдались, чем дали возможность гайдамакам обойти Московскую улицу, т. е. Арсенал, и пробраться к лавре, по пути овладев артиллерийскими складами и взяв 3-й автопарк, а за ним и последнюю опору Арсенала—Саперный полк.

28 ноября днем из казарм наших недавно полков сыпали в нас из бомбометов и пулеметов через стенку, которая отделяла нас от казарм. С Александровской улицы били в упор в стены арсенала из 3-х дюймовых орудий. Арсенал от ударов снарядов и бомбометов стонал и вздрагивал своими могучими стенами толщиною в 2 аршина.

Канонада орудий с обеих сторон не смолкала до утра 30 ноября. В ночь под 30 ноября Арсенал был охвачен пожаром: зажигательные снаряды, пущенные радовцами, зажгли деревянные здания и разбили два бака с нефтью. Удары снарядов, грохот орудий и треск пулеметов слились с воплями и стонами раненых рабочих. Арсенал пылал, грохотал. Казалось, что вот-вот он рухнет вместе со своими 3500 защитниками рабочими в пропасть. Это была жуткая, незабываемая ночь. К утру канонада умолкла. При необыкновенной тишине всходит заря, обливая розовым светом стены Арсенала и лежащих убитых и раненых рабочих. Многие рабочие

вздрогнули при виде этой кровавой картины. Ревком, заметив упадок революционного духа у рабочих, созывает собрание в кузницу. Он призывает рабочих продержаться еще несколько дней до прихода армии Муравьева, которая находилась тогда в 60 верстах от Киева.

Рабочие бились уже без отдыха и смены около шести дней. Они устали и были голодны. Однако, они постановили лучше умереть в стенах Арсенала, нежели сдать его холопам Центральной Рады. В это время агенты Центральной Рады, находившиеся в стенах Арсенала, тайно фотографировали находящихся в Арсенале рабочих и членов ревкома и давали радовцам разведывательные сводки из Арсенала. Собрание не успело разойтись, как в окна кузницы градом посыпались пули из пулеметов, и стены задрожали от беглого по ним огня из орудий. Гайдамаки повели наступление на Арсенал. Рабочие в панике бегут к выходу с целью не впустить в Арсенал гайдамаков. У входов с наружной стороны уже стояли автоброни Центральной Рады. Один из автоброневиков врезался в ворота и проскочил во двор Арсенала. Но метким ударом бомбы один из защитников Арсенала тов. Фридман подбил автоброню. Она осталась на месте с испорченной машиной. Мы ее сейчас же использовали. Войска Рады, учтя тяжелое положение рабочих в Арсенале, у которых было не больше 50-ти снарядов и несколько десятков тысяч патрон и отсутствовало, помимо селедок и воды, продовольствие, открыли самый сильный огонь со всех сторон по Арсеналу. А Арсенал молчал.

Гайдамаки подошли к воротам. Часть их уже очутилась на стенах, готовая соскочить в Арсенал. Треск наших пулеметов заставил гайдамаков вернуться обратно.

Так борьба продолжалась до ночи 3-го декабря. В Арсенале патроны уже были расстреляны, обороняться было нечем. Несмотря на всю усталость, рабочие не смыкали глаз. Эта ночь была одной из тяжелых ночей в жизни рабочих Арсенала, которые с пустыми винтовками молчаливо ждали смертного часа.

Ночью часть рабочих сумела уйти из Арсенала по большой водосточной трубе на берег Днепра. Остальные рабочие мысленно прощались с детьми, женами и родными. Все стремились собраться как можно тесней в кучу: легче умирать вместе, чем в одиночку. Наступает утро. Всех пробирает дрожь. Каждый чувствует приближение палачей, которые сейчас разлучат его с жизнью, но никто не был в силах произнести страшного слова— «сдаться». Каждый чувствовал, что лучше умереть молча, без сопротивления, но не произносить недостойного революционера слова сдачи на милость победителя.

Далее, страшное случилось. Арсенал был залит кровью и усеян тысячью трупов рабочих. Их мозги под ударами сабель ворвавшихся гайдамаков покрывали стены Арсенала. По их трупам под звуки музыки «ще не вмерла Украина» шествовали оголтелые радовцы.

Но Арсенал не произнес позорного слова сдачи. Этого не дождались гайдамаки и от тех рабочих, которые были расстреляны у стен Арсенала.

Они умирали с возгласами «за нашу кровь вам отомстят наши дети. Знамя Советов водрузят над миром оставшиеся в живых коммунары!».

В эту же ночь оставшиеся в живых рабочие пробрались в Дарницу, которая была занята армией тов. Муравьева, и с передовым отрядом двинулись на Киев. К утру нами была уже занята Вавилонская Блудница— Печерская лавра и гауптвахта, в которой сидело 400 человек рабочих, взятых из Арсенала.

Не было в жизни большей радости, нежели та, которую испытали арестованные, приговоренные к расстрелу, когда они услышали вокруг гауптвахты родные голоса и крики «да здравствует власть Советов». Освобожденные рабочие взяли винтовки и с неописуемым энтузиазмом двинулись на окраины. В 11 часов утра предместья Киева вновь были в руках рабочих. Еще теплые трупы расстрелянных рабочих были свидетелями того, что их предсмертные слова оправдались, что не только над их крепостью—над красным Арсеналом, но и над Киевом развеваются знамена Советов.

Пусть мои воспоминания послужат памяти мучеников Арсенала, погибших за власть Советов.

П. ГОРИЧЕВ

Борьба за власть в крестьянском уезде

(Звенигородка, Киевской губернии в 1918—1920 гг.)

Звенигородка—захолустный уездный городишко Киевской губернии, с населением в 30 тысяч жителей, из которых одна половина—торговцы, а другая занимается сельским хозяйством и в виде подспорья, опять таки, торговлей. Между этими двумя группами заметна весьма небольшая прослойка рабочих, занятая на мельницах и в кустарных-кожевенных, сапожных и швейных мастерских, типографиях и в торговых помещениях.

Среди этой неорганизованной в свое время темной отчаянно эксплуатируемой, омещаненной рабочей массы, в 1917 году повели революционную работу различные «социалистические» группы—в том числе и Бунд.

В уезде-же почти вся политическая работа находилась в руках украинских националистов. В начале 1918 года, когда в Киеве большевики начали борьбу с петлюровской Центральной Радой, в Звенигородском уезде появился член Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, местный уроженец—т. Кац.

Впервые в Звенигородке раздалась смелая речь большевика. Т. Кац вел дисскусии на митингах и собраниях; к нему присоединились т.т. Черасун Гриша, Кушаковский и еще несколько.

В начале февраля, по инициативе этой небольшой группы большевиков, был созван уездный крестьянский с'езд, руководство которым находилось в день его открытия в руках той-же группы. Петлюровцы, не имея большинства на с'езде и стремясь им овладеть, собрали человек пятьдесят своих казаков, окружили с'езд, подняли сначала стрельбу, а затем приступили к аресту большевиков. Арестовать им удалось только т. Каца, который продолжал свой доклад, не взирая на предупреждения о грозящей ему опасности со стороны петлюровцев. Арестованный т. Кац был отведен в тюрьму, а утром был найден расстрелянным у реки, вблизи тюрьмы. Таким образом, первой жертвой за Советскую власть в Звинигородке от руки петлюровцев пал т. Кац. Расправившись таким кровавым путем с большевиками, петлюровцы овладели крестьянским с'ездом и организовали «Повитову раду».

В апреле, когда приглашенные петлюровцами немцы, вместе с украинскими «хлеборобами» посадили в Киеве гетмана, петлюровский воинский начальник Павловский созвал в Звенигородке уполномоченных по одному от села и роздал им на «хранение» 40.000 винтовок и патроны. Через 2 недели прибыл гетманский офицерский отряд и потребовал у селян выдачи этого оружия.

С улыбкою на устах собирались кулачки и середняки м. Ольшаны на сход, созываемый гетманским начальником уезда. Собравшиеся были выстроены в ряды попарно и начальник об'явил им, что он требует сдачи оружия и присяги гетману. А в назидание он прибавил, подкрепив свою речь сочной солдатской руганью: «теперь вы, мерзавцы, в моих руках. Что захочу, то с вами и сделаю. А «сделать» есть за что—за разрушенное имение и гибель отца я должен отомстить и отомщу». Далее, начальник распорядился пороть каждого десятого в ряду (передаю со слов участника этого схода). Так «кадеты» устанавливали гетманские порядки в уезде, оставляя позади себя «державну варту» под охраною отрядов немцев, продолжавших издеваться над всем населением.

Доведенное до отчаяния поркою кадетов и издевательствами варты и немцев и подогреваемое националистической агитацией, крестьянство восстало под руководством Павловского и Шевченко, и из села Кирилловки повело наступление на немцев.

В Ольшане восстанием руководили Ф. Шендрик и Иваненко. Осажденная немецкая сотня, после трехдневного боя, сдалась, потеряв 85 человек убитыми. Затем пришли немецкие полки, усмирили повстанцев, сожгли 42 усадьбы в Ольшане и растреляли человек 12 «зачинщиков», а местами по уезду сожгли целые селения—и... все улеглось. Только отдельные партизанские отряды продолжали налеты и терроризировали варту и «беспокоили» немецкие части.

В последних числах мая партизанский отряд Гребенки, остановившийся в с. Сегединцах, захватил начальника варты и 6 вартовых из м. Ольшаны и казнил их на месте стоянки. Ольшана после этого так и осталась без варты. Стояли немцы, но они не вели политического сыска, несли лишь поверхностную охрану порядка, да качали и отправляли в Германию продовольствие. Был удобный момент для политической работы в деревне, но не было работников.

Случайно оказалось нас трое: учитель—т. Мотузюк, мельничный рабочий—т. Нечитайло и пишущий эти строки—И. Коваль, прибывший уже после усмирения так называемого Звенигородского восстания с Кавказского фронта. Приступили к подпольной работе на селе: сначала каждый в отдельности, а затем, познакомившись, и все вместе стали мы искать связи с большевистской организацией. После некоторых поисков связались с Вязовскими большевиками (Черкасского уезда) и организовали подпольный Ревком.

С начала восстания Петлюры против гетмана и разложения немецких войск, Ольшанский Ревком заявил о своем существовании и в новом составе т.т.: Мотузюк, Шендрик Ф., Нечитайло, Т. Шевченко, об'явив себя революционной властью в волости. Через неделю были организованы по всей волости селревкомы, и 18-го ноября волостной ревком пополнен представителем от каждого сельского ревкома. Пишущий эти строки вошел от с. Петрик.

Немедленно были приняты дела волостной земской управы и об'явлена мобилизация военных за 4 года. За неделю явилось около 400 человек,—

большинство вооруженные,—и все хорошо одетые и с продовольствием на неделю. После получения связи через т. Израиля Гулькина с Черкассами 24-го ноября мобилизованные были отправлены в распоряжение т. Григория Хименко, командира Петлюровского полка, зарегистрировавшегося уже как коммунист в Черкасском ревкоме и через неделю начавшего борьбу с петлюровскими частями.

Следует отметить, что собранные для отправки в Черкассы мобилизованные задали Ревкому вопрос, с кем они идут воевать. Получив ответ: «Ревком Вас отправляет на борьбу со всякой контр-революцией, будь то гетманская или Петлюровская, за власть советов»—они с криками «ура» и красным флагом впереди сели на подводы и отправились на ст. Цветково.

В Ольшанах осталось 40 человек хороших бойцов для охраны революционного порядка. Вскоре местный гарнизон вырос до 200 человек добровольцев, ежедневно прибывавших. Командиром Ольшанского отряда назначен был т. Ф. Щердрик и комендантом—т. Шевченко.

В возраставшем с каждым днем гарнизоне чувствовался большой недостаток оружия. Ревком приступил к выкачке его из деревни. Кстати подвернулся немецкий полк пехоты, возвращавшийся на родину. Т. Щендрик «об'явил» его разруженным и получил 150 винтовок, 30.000 патронов, 12 магазинов, 12 полевых биноклей, 2 пулемета с 12-ю лентами, полными патронов, 2 подрывных электрических машины, материалы связи (телефоны, проволока, изоляторы и т. д.) и приборы для резки заграждений, 2 двуколки и походную кухню.

23-го декабря Петлюра созвал на губернский крестьянский с'езд в Киеве по 2 представителя от волости. Ольшанская волость послала большевиков: пишущего эти строки и Л. Хворостянку. По возвращении со с'езда делегаты, делая отчет по селам, открыто выступали с призывом на борьбу с Директорией за Советскую власть. А в это время в 25-ти вер., в. Звенигородке, окруженный немецким драгунским Баварским полком, сидел гетманский начальник уезда. Так продолжалось до конца декабря.

В январе 1919 г. Ольшанский Ревком вошел в официальные сношения с организованными им Пединовским, Казачанским и Тарасовским волревкомами, созвал районный с'езд, на котором был намечен план занятия г. Звенигородки и организации Советской власти в уезде. Занятие города, однако, осложнялось тем, что в это время там уже стоял Петлюровский полк и был назначен Петлюрой комиссар уезда учитель Снитко, а вся линия Христиновка—Цветково находилась в руках петлюровцев-же.

Только в конце января явилась возможность Ольшанскому Ревкому свободнее развернуть работу, когда у Цветково появились григорьевские части, быстро продвигавшиеся к Христиновке. Ревком с ними связался и получил боевое задание двигаться на Звенигородку по северной части уезда, параллельно движению григорьевцев по линии. 12 февраля утром отряд в 200 человек во главе Ольшанского Ревкома с красным флагом впервые, как красная регулярная часть, вступила в Звенигородку. Через час уже были расклеены по городу об'явления о переходе власти в уезде

в руки уездревкома. Ревком был переформирован и составлен из трех коммунистов: т.т. Коваля И., Гулькина И. и Мороза Ф. и двух боротьбистов Ф. Тихоненко и Кириченко. 14-го февраля вышел первый номер коммунистической газеты «Коммуна». Ревком немедленно развернул работу по организации отделов. Для изыскания средств на торговую часть города наложили контрибуцию в пять миллионов, из которых, кстати, Григорьев взял силою 2 миллиона. Представительствовал и получал деньги Тютюнник, теперешний соратник Петлюры.

Через неделю григорьевцы были отозваны на Одесский фронт и вслед за ними, со стороны Христиновки, хлынули петлюровцы.

21-го февраля Павловский, под прикрытием артиллерии, повел наступление на город и после часового пулеметного и ружейного боя занял его. Мы потеряли в этой схватке 15 красногвардейцев и пулемет и отступили в местечко Ольшаны.

Из Ольшан 24-го февраля Уездревком связался с прибывшими в Цветково 6, 7 и 8-м советскими полками и получил задание двигаться правым флангом по северной части уезда, держа связь с ними и занять город. Выполняя это задание, Уездревком со своим отрядом вторично вступил в город Звенигородку.

4 марта было созвано общее собрание организации, на котором были избраны все коммунисты. Новый Ревком об'явил распущенными уездную и земскую управы, городскую управу и нагрузил работой все отделы.

Через месяц, приблизительно, в начале апреля,—петлюровцы Бутвин и Грызло повели наступление и вытеснили нас опять в Ольшаны. На следующий день, в результате неожиданного налета нашего отряда, петлюровцы потеряли около 15 человек. Оправившийся от поражения в Ольшане Уездревком перешел в наступление против петлюровцев, занял Звенигородку и приступил к подготовительным работам по выборам в сельсоветы и волисполкомы. 15-го мая 1919 года на с'езде советов избран был первый Звенигородский Уездный Исполнительный Комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В Президиум избраны И. Коваль, Хижий, Гулькин, Ф. Мороз и Т. Шевченко.

В июне месяце об'единившиеся петлюровцы и разложившиеся григорьевцы повели наступление на Звенигородку и вытеснили гарнизон из города, который, опять оправившись в Шполе и зайдя через Ольшаны, повел наступление на город. После нескольких горячих схваток Звенигородка была опять занята; на этот раз Уревком основательно укрепился в городе, оставив его лишь под напором деникинцев.

II

На протяжении шестимесячной борьбы был выкован железный баталион при Звенигородском военкомате. Особенно отличался кавалерийский эскадрон в 80 сабель под командой Туза.

Эвакуированный под напором деникинцев Звенигородский баталион начал покрывать себя славой в боях под Черниговом и особенно отличился

при занятии города Нежина. Но, партизанская натура Туза не выдержала фронтовой дисциплины и, баталион, внезапно, в одну из ночей затишья на фронте исчез из занимаемой позиции. Туз увел его в тыл неприятеля, пробрался в Звенигородский уезд и здесь стал наводить панику на деникинские части своими лихими налетами. С ними принимал участие в боях с деникинцами в районе Ольшане подпольный ревком, оставленный Звенигородской организацией КП(б)У. Осенью во время отступления деникинцев от Киева, этот отряд полностью уничтожили две деникинские части, забрали обоз, обмундирование, винтовки и патроны. В одном из боев был здесь убит тузовцами член Ревкома—тов. Гулькин, возвращавшийся к штабу с отнятым у деникинцев знаменем. Тузовцы вообще к коммунистам относились недружелюбно, и, очевидно, воспользовались обнаружением деникинского знамени, чтобы расправиться с т. Гулькиным.

В это же время на юге уезда не менее успешно, действовал, другой партизанский отряд под командой Перенко, сформированный боротьбистом т. Тихоненко.

Насколько селянство уезда в свое время встречало деникинцев дружелюбно с иконами и хлебом с солью, настолько теперь при отступлении оно провожало их враждебно. Моментально появившиеся, вслед за приходом деникинцев, помещики и их управляющие, пред'явившие требования о возврате земли и помещичьего инвентаря—с одной стороны, издевательство над мирным населением, пьянство, спекуляция и разврат деникинских частей и управителей—с другой, вообще убедили крестьян, что возврата к старому быть не может. И, теперь всякий, кому не лень было, старался препятствовать их обратному движению. Молодежь охотно шла в партизаны. Почти все крестьянство бросилось в имения. Уничтожались до основания экономические постройки. Зажиточная часть спешила на дармовщинку побольше запастись инвентарем и материалами, беднота—уничтожить материальную возможность возврата помещиков.

С очищением уезда от деникинцев 28-го декабря Ревком вышел из подполья и об'явил о восстановлении Советской власти, а через несколько дней явился Туз со своими партизанами и заявил, что власть должна принадлежать ему, как активному борцу за свободу. Туз приказал арестовать Ревком, как самозванный, незаслуживший себе право на власть борьбой на фронте. Проходившая красноармейская часть разоружила тузовцев. Они разошлись по своим селам и вновь вооружились из запаса отобранного у деникинцев. 15-го января прибыла группа коммунистов, возвращавшаяся с фронта и подпольных командировок, командированных киевским губпаркомом на усиление работы, а через несколько дней в город вошел Туз, об'единившийся с отставшей деникинской частью в 120 сабель при 12-ти пулеметах на тачанках и 60-ти сабель тузовцев. Здесь к ним присоединился Перенко со своим отрядом и началась погоня за коммунистами.

По ограблении казначейства и близь лежавшего Ольховецкого сахарного завода, деникинцы скрылись. Оставшиеся Туз и Перенко наложили

контрибуцию на население города и продолжали распивать остатки спирта в казенном складе, мешая коммунистам в организации Советской власти, сами же никакой власти не создавая.

Другая проходившая красноармейская часть опять разоружила тузовцев и увезла с собой Туза. Разоруженные тузовцы разбрелись по уезду и образовали массу мелких уголовно-политических банд, грабивших население, убивавших предревкомов, коммунистов и красноармейцев. Таким отрядом на юге уезда командовал Перенко, на севере Верешако. Эти банды парализовали в свое время политическую и экономическую жизнь уезда.

Эти два отряда были ликвидированы после перемирия с Польшей, при энергичном участии комнезамов, тогда их сменили Грызло, вскоре также убитый комнезамами, и Чорный Ворон, который продолжает свою преступную работу и до сих пор.

И. КОВАЛЬ.

1917—1918 годы на Полтавщине

Полтавщина в первые месяцы февральской революции представляла собой своего рода «Полтавскую федеративную республику» с федеративным центром—Полтавой и отдельными федеративными частями, в лице 15-ти уездов, составлявших до этого Полтавскую губернию.

Каждый уезд имел свою форму управления в зависимости от тех лиц, которые руководили политикой в уезде.

Комиссары Временного Правительства, совершенно оторванные от него и во многих случаях не считавшие для себя обязательными его распоряжения, играли значительную роль в руководстве и направлении работ местных самоуправлений.

В то же время, при существовании общественных комитетов, городских дум, самостоятельных продовольственных комитетов, Советов рабочих и солдатских депутатов и их исполнительных комитетов, в вопросе о власти существовала такая, подчас, неразбериха, в которой разобраться в то время, а теперь—и подавно, довольно трудно.

Переяславский уезд был наиболее характерным представителем «самостийности». Переяславская «республика» с известным Георгием Степановичем Хрусталев-Носарем—на посту «президента» своей самостоятельностью обратила на себя и в то время внимание не только Полтавы. Хрусталев-Носарь ничего не признавал, выживал присылавшиеся Полтавским Советом комиссии, назначенные для разбора его поведения и в конце-концов, приехав в Полтаву, был там арестован. Интересно, что Хрусталев-Носарь видел причину своего ареста в том, что Полтавский Совет—«большевистский». Об этом он и писал в своей «докладной записке» Совету после ареста.

Выводы Хрусталева-Носаря о том, что Полтавский Совет—Совет большевистский, несмотря на всю пестроту состава его и Исполнительного Комитета, в котором было просто представительство всех общественных, вплоть до студенческой демократической организации, группировок и политических партий, соответствовали действительности.

Несмотря на слабость и малочисленность большевистской фракции, она во время, после октябрьского переворота имела за собой в Совете поддержку делегатов Совета железнодорожников и других пролетарских групп—чулочниц, печатников.

В то же время, левые С.-Р. и украинские С.-Р. были настроены весьма лево и, за исключением отдельных принципиальных вопросов, были всегда солидарны с большевистской фракцией.

Эта слава большевистского Совета и послужила причиной высылки

Центральной Радой в Полтаву полка имени Богдана Хмельницкого и уполномоченного Центральной Рады—полк. Ревуцкого, с заданиями—этот Совет разогнать.

Совет в это время делился на 2 секции: солдатскую и рабочую; во главе солдатской стоял некий Дунаевский—член партии «Поалей Цион», во главе рабочей секции—был с.-р, Светлов и т. председателя украинской С.-Р.—Левданский.

В первые дни пребывания полка имени Богдана Хмельницкого все было спокойно, но в этом спокойствии чувствовалось затишье перед бурей.

Буря эта разразилась в ночь с 15-го на 16-ое декабря.

В эту ночь анархист Дунайский выстрелом из револьвера в «Европейской гостиннице» застрелил атамана полка—Ластовченко.

В результате полк в полном своем составе с броневиком, пулеметами и бомбометами, под предводительством Ревуцкого и Несевра выступил против исполкома, помещавшегося в б. губернаторском доме.

В исполкоме эту ночь, после заседания, остались на дежурстве, или просто остались ночевать т.т. Дробнис, Свистун, Герр, Каск, Рудаев и двое из рабочей молодежи.

Часа в 4 ночи город был встревожен поднявшейся стрельбой в центре города. В продолжении часа продолжалась стрельба, создавшая представление о кровопролитном бое. В действительности же оказалось, что целый полк в продолжении часа брал губернаторский дом, из коего не последовало ни одного ответного выстрела и в коем находилась враждебная армия численностью в 7 человек.

Разгромив в достаточной степени здание и предполагая, что все, что было живое, уничтожено в нем, Несевр и Ревуцкий приостановили обстрел и осторожно вступили в завоеванный дом.

С насилиями и грубостями, соответствовавшими характеру обстрела, были задержаны и отправлены в Виленское военное училище т.т. Дробнис, Свистун, Герр, Рудаев, Каск, задержанный там же Козюра и подошедший к тому времени Роман Матяш.

Утром губернаторский дом был окружен гайдамаками из полка им. Богдана Хмельницкого, и всякий, пытавшийся проникнуть внутрь, задерживался.

По городу в это время распространились слухи о том, что Дробнис убит, что над Каском учинен самосуд и пр. Горсовет был в полной мере деморализован. Он решил об'явить всеобщую однодневную забастовку протеста против присылки полка Хмельницкого и требований перевыборов «большевистского» Совета, дабы показать гайдамакам свое влияние и значение. Однако, забастовка была сорвана и не состоялась. Причины срыва забастовки крылись в отсутствии сплоченности и какой-бы то ни было единой руководящей линии поведения, обязательной хотя бы для членов большевистской фракции Горсовета. Забастовка в отношении водоснабжения и света была сорвана, благодаря несогласованности с Гор. Управой, от имени которой член нашей организации, призвал электрическую станцию и водопровод к работе.

Положение продолжало оставаться весьма двусмысленным, наши товарищи продолжали находиться под арестом, а мы, оставшиес ана свободе, также каждую минуту ждали ареста.

Собравшиеся на нелегальной квартире большевики и левые С.-Р., где присутствовали, насколько я помню, из левых с.-р.—Миша Левин, Вера Заварикина, из большевиков—Козюра, Алексеев, Робсман, Пилипенко и я. Мы решили воздействовать на гайдамаков через железнодорожников, у которых был проведен митинг, и принудить их освободить арестованных через Городскую Управу. С этой целью члену нашей фракции в Гор. Думе было поручено принять меры к созыву экстренного заседания Думы и привести на это заседание железнодорожников с требованием освобождения арестованных под угрозой забастовки.

Результатом было освобождение всех, за исключением А. Каска, к которому было наиболее суровое отношение и который все время был под угрозой самосуда со стороны гайдамаков. Каск был вывезен в Киев и затем, через некоторое время, был освобожден и вернулся в Полтаву.

События не ограничились разгромом Исполкома и арестом ряда товарищей. Случайность—созвучие фамилий убийцы Ластовченко—Дунайский и председателя солдатской секции—Дунаевский развязало руки гайдамакам.

В продолжении последовавших 2-х недель шли бесконечные погромы еврейских квартир, магазинов; в дальнейшем аппетит, развившийся с едой, уже не разбирал, какой национальности склад, магазин, квартира и началось беспробудное пьянство.

С утра до ночи по городу шла стрельба из пулеметов, ни один гражданин не решался показаться на улицу в штатском костюме—все покрывалось только серой солдатской шинелью.

С полной уверенностью можно сказать, что не осталось ни одного неразгромленного магазина, ни одного склада. Приходилось встречать гайдамаков, представлявших собой в копии магазин Мюр и Мюрелиза. Приходилось встречать также гайдамаков, окрашенных помимо желто-блокитного природного цвета с ног до головы в цвет вина, в котором они выкупались в буквальном смысле этого слова. В некоторых винных складах впоследствии обнаруживались даже счастливчики, утонувшие в вине.

Все это происходило с благословения воен. властей и губернского комиссара Левицкого. Горсовет в это время не собирался и только отдельные члены его, собираясь потихоньку, судили да рядили, что делать, как быть.

Украинские с.-р., собираясь и обсуждая положение, в конечном результате сошлись на том, что надо выжидать, пока все успокоится, и в тоже время продолжать агитацию в гарнизоне г. Полтавы и полке имени Богдана Хмельницкого.

Блок, состоявший в то время из 7 или 9 партий—болото из 7 партий, в это время беспокоился только «об общественности» и изыскивал своеобразные способы тушения спиртового пожара и гайдамацкой вакханалии или же разрабатывал план использования пожарных насосов для выкачки спирта и вина из погребов, для предупреждения случаев утопления гайдамаков.

У нас —большевиков—сначала была неуверенность в отношении избрания линии поведения и действий в обстановке переживаемого момента. Но затем, учтя отсутствие реальных возможностей борьбы с все увеличивавшимся разгулом и что в некотором отношении поведение полка имени Богдана Хмельницкого является лучшей агитацией за Центральную Раду, решили, что чем хуже, тем лучше—и занялись организацией остатков Горсовете и его собиранием.

Кон'юнктура общественно-политическая в это время представлялась в следующем виде: Горсовет в общем и целом был настроен большевистски, уже в то время выступления правых С.-Р.—Герасева, Немировского, меньшевиков Ляховича и Ивасенко встречали со смехом и недоверием.

Пользовались вниманием и авторитетом в это время из большевиков: Шахрай, Козюра, Робсман, Свистун и из левых С.-Р.—Левин, Заварикина, Терлецкий, из украинских С.-Р. Заливчий, Орел, Левданский и Р. Матяш.

При большевистском настроении, все же в Полтавском горсовете, благодаря обилию в нем украинских С.-Р., чувствовался некоторый самостийнический уклон в сторону существования Полтавщины, как самостоятельной Республики с непризнанием с одной стороны ни Центральной Рады, ни находившегося в то время в Харькове Центр. Исп. Комитета Украины и Народного Секретариата.

В глазах украинских С.-Р. это переломлялось в следующем виде, что в сторону Харькова и Киева должны быть высланы пикеты и пулеметы с целью недопустить со стороны Центральной Рады подавления Полтавской вольности гайдамацкими войсками и с другой—чтобы со стороны Харькова не пришли российские войска.

По мнению украинских С.-Р. и те и другие не являлись защитниками революции и грозили экономическому и культурному развитию Украины.

Непризнание Ц. И. К. У. было вполне понятным с их стороны при таком взляде на вещи, тем более, что и у некоторых большевиков авторитет Ц. И. К. У. не был особенно силен.

Эти отношения и взаимоотношения в дальнейшем получили свое освещение при следующих обстоятельствах:

Партийный комитет в первых числах января 1918 г. решил, что настала пора положить конец гайдамацкой вакханалии, принимавшей чем далее, тем более нахальный и затяжной характер.

Было постановлено командировать в Ц. И. К. У. тов. Свистуна с требованием высылки на Полтаву советских войск.

Вечером 5-го января тов. Свистун, вернувшись с вокзала, заявил секретарю комитета тов. Вагранской-Робсман, что он заболел и ехать не может. Немедленно были изготовлены мандаты на мое имя и тов. Робсман сейчас же предложила мне ехать на вокзал и отправляться в Харьков.

Как-то странно сейчас вспоминать об этом и писать, что в то время, как в Киеве была враждебная Советской вл. Центр. Рада, в Полтаве фактически была власть Центр. Рады, а в Харькове была Советская власть в лице Ц. И. К. У. железнодорожная связь была более или менее налаженной

и из республики Петлюровской можно было без особых затруднений проехать в Республику Советскую.

По дороге на вокзал я встретил тов. председателя Горсовета Левданского, сообщившего мне, что он также едет в Харьков. Будучи уверен в том, что Левданский догадывается о цели моей поездки в Харьков, я в свою очередь догадывался, зачем едет Левданский. Украинские с.-р., в результате своей агитации в гарнизоне и тому, что в гарнизоне были, преимущественно, украинцы, в это время уже имели за собой некоторые воинские части, что обнадеживало их в отношении самостоятельной ликвидации гайдамаков, и Левданский, очевидно, посылался с целью предупреждения посылки из Харькова советских войск.

Мои предположения подтвердились вскоре на вокзале.

На вокзале Левданского встретил Укр. с.-р. Орел, беседу которых я слышал и которая сводилась к тому, что необходимо немедленно выслать на Харьков пикеты с заданиями в случае, если покажутся советские войска, взрывать пути.

Опасаясь за возможности со стороны Орла распоряжений о моем задержании, я отправился в подошедший поезд с демобилизованными солдатами, куда вскоре пришел и Левданский.

Вскоре мы двинулись на Харьков. Левданский старался меня с'агитировать в свою веру, убеждая, что мы обойдемся без помощи Ц. И. К. У. и российских войск, что эта помощь будет очень вредной и политически невыгодной для Украины. Я от возражений и откровенной беседы с Левданским воздержался и в результате, Левданский, видя что меня вызвать на откровенность не удается, заснул; заснул и я.

Проснулись мы почти одновременно от ощущения, что мы продолжительное время стоим на одном месте. Так и оказалось: от'ехали мы на 3—4 станцию от Полтавы за всю ночь. Было уже утро.

По сообщению начальника станции, поезд не двигался дальше по причине разбора пути.

Я с Левданским отправились в контору начальника станции. Там была уже толпа демобилизованных солдат, требовавшая отправки поезда, несмотря ни на что. Начальник станции отправлять поезд категорически отказался.

Попросив замолчать собравшихся, я запросил следующую станцию, в чем дело. Ответ был, что на станции стоит бронепоезд, предлагающий ни в коем случае не отправлять эшелон во избежание его обстрела. Сообщив об этом собравшимся, заявившим, что не станет же бронепоезд стрелять по безоружным, я отправился в вагон. Левданский остался в конторе. В толпе в это время нашелся машинист, заявивший, что он едет без жезла.

На паровоз были посланы солдаты с красными и белыми флагами и эшелон двинулся вперед. К моменту отхода Левданский пришел и также поехал дальше, уговаривая меня, что следует остаться.

Наш эшелон тихо поровнялся с бронепоездом, имевшем в своем

составе одну техническую платформу для исправления пути и 3 или 4 классных вагона с красногвардейцами, исключительно украинцами—во главе с сотрудником Муравьева, по особым поручениям С. Литвиным. Наш эшелон двинулся дальше в Харьков, бронепоезд пошел на Полтаву.

Левданский, оставшийся в конторе, повидимому, вызвал Полтаву и предупредил о бронепоезде, а также, вероятно, отдавал распоряжения и пикетам, высланным Орлом. В дальнейшем, на всей дороге до Харькова по всему эшелону искали Левданского, о разговоре которого был поставлен в известность бывший в бронепоезде ад'ютант Муравьева анархист Любинский, но его не нашли, так как я будучи уверен, что Левданский заблуждающийся, но честный революционер, переодел его. К вечеру 6-го января мы под'ехали к Харькову.

С вокзала мы отправились прямо в Ц.И.К.У., помещавшийся тогда в помещении бывш. «Южного Края». Мы были допущены и приняты исполнявшим в то время обязанности народного секретаря финансов т. Ауссемом.

Т. Ауссем, выслушал доклад Левданского, сводившийся к просьбе, в конечном результате, отозвать бронепоезд и войск вперед не посылать, затем выслушал мою информацию о действительном положении вещей, которое диктовала необходимость не только занятия Полтавы советскими войсками, но и усиления ее всеми возможными силами, имея ввиду начать наступление на Киев со стороны Полтавы. Согласившись со мной и отослав меня с докладом о военном положении к народному секретарю по военным делам т. Козюбинскому, т. Ауссем рекомендовал мне не задерживаться и отправляться обратно в Полтаву.

Исполнив поручения, возложенные на меня Комитетом, я вернулся в Полтаву. В Полтаве в это время уже был Муравьев, стоявший на Киевском вокзале со своим эшелоном. Муравьев все время не ладил и не мог сговориться с Исполнительным Комитетом, получившим возможность легально заседать, благодаря занятию Полтавы советскими войсками.

Предложение Муравьева Исполкому выделить революционный комитет, вызвало со стороны всех группировок, входивших в него, не исключая и укр. С.-Р. самые яростные возражения и заявления, что выделением военно-революционного комитета попираются все принципы «выявления свободной воли» народа.

Кончилось все это весьма характерно: Муравьев, выведенный из себя, получив 12-го января информацию о том, что собрался исполком и с утра обсуждает и осуждает его действия, а также и его предложение об организации Ревкома, послал вечером своего ад'ютанта Любинского с мандатом на арест президиума Исполкома, состоявшего из укр. С.-Р. и левых С.-Р. Председателем президиума в это время был Заливчий. Любинский, вследствие грубого отношения к нему и красногвардейцев сначала об'явил арестованными всех заседавших, а затем, по требованию председателя зеседания, пред'явил мандат, в котором было указано право на арест только президиума. Мандат был подписан Муравьевым и Козюрой, бывшим в то

время ад'ютантом его. Любинский на замечание об этом заявил, что берет ответственность на себя за арест всего Исполкома. Переговорив затем с Робсман, он заявил, что берет с собой только президиум.

Тут посыпались заявления от всех представительствовавших и присутствовавших о солидарности с президиумом и требования также и их задержать.

Любинским было заявлено, что с ним имеются только 2 автомобиля и что в автомобили он возьмет только арестованных, остальных же, если им угодно, могут сопровождать до Киевского вокзала его красногвардейцы.

На вокзал к Муравьеву отправились все, в числе до 30 человек. Муравьев встретил нас весьма энергичной отповедью. Он заявил, что из-за того, что «Вы здесь никак не в состоянии кончить своих разговоров, я задерживаюсь и могу потерпеть поражение под Киевом, а это повлечет за собой то, что на обратном пути снесу все—камня на камне не оставлю, дома разрушу».—Слова эти произвели на нас должное впечатление, никто не заикнулся возражать. Левый С.-Р. Натанзон, попытавшийся что-то сказать, был резко оборван Муравьевым, предложившим нам всем немедленно убраться и выделить Ревком, в который входили бы только большевики и в крайнем случае допущены были левые С.-Р.

Вернувшись в город на предоставленном нам грузовике, от пользования которым отказались меньшевики, С.-Р. и прочие из их блока, мы устроили экстренное совещание и выделили Ревком из семи лиц.

В Ревком вошел председателем Дробнис, т. председателя Алексеев, комиссар по продовольствию—Яковлев, затем—Робсман, Баскевич—железнодорожник, я и седьмой военный комиссар, кажется, Петунников.

На этом заканчивается период колебаний и начинается период укрепления Советской власти, созыв губернского с'езда и эвакуация.

Губревком в своей деятельности вскоре почувствовал необходимость созыва губернского с'езда для выборов губисполкома. В средних числах февраля таковой и был созван.

Что представлял собой с'езд, только сейчас можно сказать, что это был в полной мере с'езд представителей не от каких-либо об'единений партийных, общественных или союзных,—это было представительство «від села».

На этом с'езде—мы скоро это почувствовали—господствовали антисоветские петлюровские и антисемитские настроения.

Т. Дробнис, в то время уже достаточно авторитетный, не в силах был руководить с'ездом и был принужден председательствование передать т. Каску, которому также в конце-концов пришлось прибегнуть чуть ли не к вводу вооруженных красноармейцев для успокоения некоторых, только успевших сбрить оселедец—гайдамаков.

Наконец, с'езд закончился, был избран губисполком, в котором большинство были члены уже начавшего в это время функционировать горисполкома, губисполком был совершенно неработоспособен. До дня эвакуации он получал жалование у горисполкома и самостоятельности не проявил никакой.

Инициатива в работе и сфере влияния по губернии была в горисполкоме. В это уже время начали поступать тревожные вести о занятии Киева немцами и о движении немцев на Полтаву. В средних числах марта сведения эти в полной мере подтвердились и перед нами стал вопрос об эвакуации. В течение недели принимались, чуть-ли не в один и тот-же день, самые разноречивые решения: то решение не эвакуироваться, то—немедленно оставить город. Наконец, 23-го марта было окончательно решено всем эвакуироваться, выделив пятерку, которая остается в городе до последнего момента. Этот последний момент наступил 29-го марта, когда после обстрела, оставшегося в наших руках вокзала, город был, наконец, взят немцами.

Мы отправились, согласно ранее намеченному плану, в Саратов.

С. СМЕТАНИЧ.

Восьмая армия Румфронта

Накануне июльского наступления от солдатской массы 33-го заамурского корпуса, расположенного на румынском фронте, была послана делегация с большевистским наказом к «самому» военному министру Керенскому.

По возвращении делегации мне пришлось сделать об этой поездке доклад на заседании меньшевистско эсеровского корпусного комитета. Комкор выслушал доклад. А затем от его имени член дивизионного комитета 2-ой заамурской дивизии формулировал отношение коркома к этой поездке.

— А всетаки, несмотря ни на что, наши герои уже дерутся с неприятелем. А поэтому:

— Не мешайте, господа большевики... Не будоражьте вашими «провокационными» выступлениями солдатской массы, которая во имя свободы, равенства и всякого прочего и т. д.

Хотя «наши герои» и дрались, все же наша большевистская работа, завершившаяся поездкой делегации к Керенскому, не мало волновала корпусный комитет. После прений, нам группе армейских большевиков, было предложено дать коркому «честное слово», что мы не станем продолжать нашей «разлагающей агитации» среди солдат, обуянных страстью наступления.

По существу, при тех условиях, предложение являлось ультиматумом, за которым должны были бы последовать, в случае непослушания, меры военного воздействия. Нам важно было противопоставить этому ультиматуму мнение и настроение солдатских масс. Поэтому я попросил у коркома несколько дней срока, после которых я обещал от имени нашей группы, после соответствующих переговоров с товарищами, дать требуемое обещание.

Корком просимый срок предоставил. Однако, на следующий день нам, большевикам—стало известно, что на секретном заседании меньшевистско-эсеровского большинства корпусного комитета было решено нас немедленно изолировать и под конвоем направить в расположение штаба армии. Мы разошлись по полкам, отдавшись под защиту солдатской массы. Неоднократные попытки нас извлечь из-под полковой охраны ни к чему не привели. А каждая попытка подвергнуть нас той или иной репрессии встречала резкое сопротивление со стороны солдат корпуса, угрожавших ответить на наш арест оставлением окопов.

А так как дело было накануне июльского наступления, большинство коркома с кислой миной проглатывало эту горькую пилюлю. Тогда корком

решил ждать нашего ответа на ультиматум, чтобы в случае отказа иметь более весские доводы для расправы с нами, как с явными нарушителями военной дисциплины в фронтовой обстановке.

Наш ответ запоздал на несколько дней. От имени корпусной большевистской организации т. Лысенке и мне было поручено заявить корпусному комитету, что мы этому ультиматуму подчиниться не считаем возможным, что наступление мы считаем убийственным для революции, и что, поэтому, мы оставляем за собою и в дальнейшем свободу действий в области нашей политической агитации.

На завтра последовало распоряжение явиться нам, большевикам, в штаб корпуса. Мы решили явиться в штаб добровольно. Явились. Нас подержали под надзором несколько дней и затем перевели в Бучач. Здесь каторжный режим дал себя чувствовать с первого же часа нашего пребывания. Стало ясным, что меньшевистско-эсеровское влияние начинает в ближайшем тылу рассеиваться, уступая место влиянию явно реакционных групп черносотенцев и будущих корниловцев. В Бучаче нашей охране было воспрещено о нас говорить, как о большевиках. Было приказано во всех случаях нас аттестовать немецкими шпионами. Прошло несколько томительных недель ареста. В военную тюрьму нам приносили известия о тяжелых поражениях русской армии и о ее растущем разложении и революционизировании. Атмосфера сгущалась. Чувствовалось, что так долго продолжаться не может, что взрыв и крах военной авантюры близятся.

Однажды, рано утром—я не помню какого это было числа, знаю только, что дело было накануне корниловщины—нас вызвали, построили и отправили в местечко Заставное. Здесь мы застали необыкновенную картину: толпы солдат различных полков выстраивались в длинные взводные шеренги под грозные окрики мчащихся с одного фланга на другой конных и свист нагаек. На правом фланге стояла пара цепей «корниловцев»—ударников, повидимому, или опоенных или же возбужденных до ярости предварительной соответствующей агитацией. Еще дальше расположилось несколько броневиков с наведенными на солдат дулами пулеметов. А в центре стояла кучка генералов и офицеров в окружении толпы конных ординарцев.

Из солдатской массы стали вызывать по списку каких то солдат-большевиков и выстраивать их перед фронтом. Это были люди, которых я впервые видел. Нас, арестованных, приобщили к этой группе, а затем началась расправа. Били, ломали конечности, топтали лошадьми, окачивали впадавших в беспамятство водой, приводили в чувство и вновь били. Наконец, рассвирепевши от вида крови начдив заревел:

— В намыленные веревки изменников!

Ударники набросились и потащили нескольких в неизвестном направлении.

Меня, избитого, окровавленного, ударники решили почему то по пути полечить и потащили в околодок, где временно и оставили. В тот же вечер меня, благодаря молодому врачу, переотправили подальше от ударников,

в корпусный госпиталь. По дороге меня вновь задержали ударники и отправили обратно в часть к своему командиру.

Об издевательствах ударников не хочется много говорить. Немало из них через несколько времени с такой же рьяностью защищало рабочее, большевистское дело, с какой они еще недавно избивали тех же «немецких шпионов»—большевиков.

Вскоре, в связи с разложением жандармско-ударнических отрядов и ослаблением репрессий, мне удалось вернуться в один из заамурских полков, в котором я застал солдат, из'ятых из революционного 141 царицынского полка. Представилась вновь возможность продолжать большевистско-революционную деятельность.

XI

Мы были слишком оторваны от революционных центров и даже от самого фронтового партийного комитета, а поэтому нам приходилось действовать, руководствуясь собственным чутьем и приспособляясь к местной обстановке.

Среди офицерства прежняя обычная в тогдашних условиях растерянность стала сменяться какой то тревогой. Мы замечали какие то закрытые тайные совещания, командировки, перегруппировки. В воздухе запахло гарью. Скоро запылает и пожар...

Вскоре на очередном заседании партийного армейского комитета 8 пришлось увидеть приехавшего из Питера тов. Кучмина, который сделал доклад о ближайших политических перспективах и подготовляющемся выступлении питерских рабочих. Помнится, что прений по докладу было очень мало. Армейские большевики приняли безоговорочно решение поддерживать всеми мерами и силами переворот, подготовляющийся в Питере. Резолюция по этому вопросу была формулирована тов. Знаменским, а определение форм, в которых могла выразиться наша помощь, было возложено на т. Кучмина.

Тут же в Могилев-Подольске, являвшемся резиденцией штаба армии, в маленькой комнатке редакции нашей общей с интернационалистами газеты был разработан в основных чертах план нашей помощи будущему революционному выступлению пролетариата. Сводился он в общем к следующему:

1) Фактически овладеть железнодорожными военными частями, от которых зависело задержать менее революционно-настроенные части на тот случай, если они будут вызваны на север для борьбы с восставшими.

2) Подготовить наиболее революционные части на случай, если понадобится преградить дорогу на север анти-революционным частям, движущимся походным порядком.

3) Организовать революционные солдатские комитеты во всех частях, которые должны принять дела у оборонческих комитетов. Ревкомы де должны в такого роди случаях останавливаться перед применением вооруженной силы:

4) Связаться со всеми соседними войсковыми частями, для чего раз'ехаться по фланговым частям фронта.

Плану этому не суждено было осуществиться, так как события развернулись с такой быстротой и в таком направлении, при которых была исключена необходимость в части этих исключительных мер.

. . . . . .

Наступили октябрьские дни. В течение нескольких дней наш революционный комитет получал разноречивые телеграммы: одни—от временного правительства, другие—от Военно-Революционного Комитета.

В частях происходили митинги. Помнится мне один характерный случай. Мы прибыли на митинг в один из полков 2-ой дивизии. С трибуны говорил солдат оборонец, эс-эр. Он громил, по обыкновению, большевиков-захватчиков. Как бы для поддержания оратора на трибуну вскочил какой то писарек и прочел радио о подавлении восстания. Оратор-оборонец приумолк, что-то забормотал, затем подался всем корпусом вперед, вцепился руками в перила трибуны и злобно крикнул в лицо писаришке:
—Пусть они ошиблись. Но расстреливали-то нашего брата-рабочего.

Солдатская масса при виде этой трагической картины заволновалась. Фамилию этого оратора—солдата я не помню. Знаю только, что он был каторжанином, бывшим рабочим—сормовцем.

Вскоре мы нащупали и закрепили связь с революционным правительством. Мы решили, что настала пора овладеть политическим центром наших 20-ти полков, составлявших 33-й корпус. Мы решили захватить в свои руки корпусный комитет. Сделать это было нетрудно: оборонцев-комитетчиков не было уже в комитете, сбежали, а дела его находились по отдельным ящикам сотрудников штаба. Во вновь избранный Ревком входили председателем тов. Овчинников, товарищами председателя Кучмин и Муравник и секретарем т. Деменков. Работа была тяжелая. Среди офицерства шла открытая агитация за неподчинение приказам Ревкома, встречавшая в командных кругах сочувствие. Сентиментальничать было некогда. Пришлось прибегнуть к репрессивным мерам: массовым сменам командиров и арестам. Вместо командира корпуса Зайченко пришлось назначить комкором прапорщика большевика—Овчинникова. Обстановка была сложная, тяжелая. Все же с наиболее больными вопросами нам удалось справиться при поддержке двух нам близких офицеров генерального штаба: т.т. Геккера и Армадерова.

III

Мы получили директиву оставить борьбу со Щербачевым и отступить в пределы советской территории в распоряжение главкома Муравьева. это время уже началось наступление немцев на Украину. Но, обладая достаточными данными о путях продвижения немцев и о месте их нахождения, мы решили пробираться, сгруппировав вокруг себя все боеспособное и революционное в корпусе. Нужно отметить, что несмотря на разложение соседних частей и их деморализацию, наш корпус сохранил относительную боеспособность. Правда, он уже не был в состоянии противостоять Щер-

Щербачеву, в распоряжении которого были румынские части, но все же он был еще достаточно силен, чтобы игнорировать Щербачевский приказ о сдаче оружия. А об уходе в разброд почти никто и не помышлял.

Для укрепления спайки в корпусе в местечке Шаргород был созван экстренный с'езд представителей всех рот корпуса. Это было грандиозное собрание. Под гром апплодисментов какой-то солдат из стариков формулировал настроение солдат корпуса:

— Если придется—мы умрем, но винтовки из рук не выпустим!

Отступление было поистине фантастическим. Это был поход на много сотен верст, сопровождавшийся бесконечными, временами упорными боями с наседавшими немцами и гайдамаками.

Измученный, немало потрепанный и ослабленный количественно, корпус вступил, наконец, на территорию Донбасса. Здесь, в Славянске, мы решили временно разместиться. Армейский комитет связался в это время с Центро-штабом, который находился в Юзовке, и через некоторое время мы приступили к самоликвидации и сдаче всего имущества Центро-штабу, который мы таким путем материально значительно укрепили. Из наиболее боеспособного и революционного элемента полков мы создали сводный отряд под командованием тов. Маслака, который вскоре отличился в боях на Север-Кавказском фронте.

Мы, работники ревкома 33 и армкома 8, вскоре влились в Центро-штаб главкома Антонова, с которым мы, спустя некоторое время, очутились у берегов Сала и Маныча, где стали на защиту подступов к Красному Царицыну.

Я. МУРАВНИК.

Четыре месяца борьбы на юго-западном фронте

Мои воспоминания охватывают часть событий на Юго-Западном фронте за период август-ноябрь 1917 года.

Этот период борьбы на фронте, довольно интересный, мне кажется, до настоящего времени слабо освещен в печати.

Мои воспоминания, может быть хотя и слабо, но дадут некоторое представление, как протекала сдесь борьба за октябрь и какие настроения наблюдались тогда в толщах солдатской массы.

Корниловщина застала меня на Юго-Западном фронте, в 5-м Сибирском корпусе 50 дивизии, членом Солдатского Комитета которым я был избран от 50-го артиллерийского паркового дивизиона. Комитет, дивизии состоял из кадетов, эсэров и меньшевиков; большевиков в нем было только двое: я и еще один товарищ, фамилии которого теперь уже не помню.

В корпусном комитете не было ни одного большевика. Условия для большевистской пропаганды в корпусе и дивизии—в особенности после июльских дней, создались чрезвычайно тяжелые. Травимые со всех сторон, мы только после корниловщины с'умели организовать корпусной комитет большевиков (членом которого я и состоял). До этого же времени наша работа шла случайно и спорадически.

Громадная часть солдат, благодаря соответствующей агитации, смотрели на большевиков как на организацию, которой руководят немецкие шпионы. Это убеждение настолько было глубоко, что когда вернувшийся с 1-го Всероссийского С'езда Советов председатель дивизионного комитета (поручик—эсэр), встречавшийся там с т. Лениным, на заданные ему одним из членов дивизионнго комитета вопросы, правда-ли, что Ленин «работает на немецкое золото» он заявил, что тов. Ленин искренний революционер, что немецкого золота он не получает и т. д., то его эс-эровские заверения не могли окончательно рассеять грязных убеждений эсэрствующих солдат комитетчиков. Это было время полного расцвета эсэровщины. Вскоре корниловщина нанесла основательный удар обаянию эсэровщины.

Мы тогда получили возможность вести агитацию среди солдат, не боясь, что нас начнут избивать и гнать. Не слышно было уже и криков: немецкие шпионы, долой и т. д. Создалась обстановка для работы. Правда, мы были бедны. У нас не было литературы. Тот скудный источник, из которого мы ее доставали—большевистские киоски и издательство Киева—в июльские дни был уничтожен в результате разгрома. Мы были мало-

численны. Наши ячейки организованно существовали до корниловщины только в одном из пехотных полков 6 дивизии, входившей в наш корпус, да около 15 человек было в нашем дивизионе. Остальные товарищи были разбросаны одиночками по полкам и ротам.

Но не смотря на это, мы увлекали массы. Каждое наше выступление производило сильнейшее впечатление не только на массы, но и на комитетчиков.

Помню: обсуждали в комитете приказ о введении смертной казни на фронте. Председатель голосует: кто против? Я встаю один. На меня обращены глаза всех. Председатель смущенно заявляет: собственно говоря это военный приказ и он для всех обязателен. Я отвечаю: так зачем же вы его ставите на обсуждение?.

Такие факты сильно влияли на солдат.

В конце сентября и начале октября в корпусе происходили выборы в «учредилку». Отпущенные для предвыборной кампании денежные средства, литература (правда,—такая, в которой мы не нуждались) и передвижные средства, автомобили и проч. попали, конечно, эсэрам и меньшевикам. Но мы деятельно готовились бороться за наше влияние на солдат, которое уже стало заметным. Мы уже имели несколько организованных партийных комитетов. (В нашем дивизионе вместо одной ячейки в 15 членов с'организовались три с числом членов до 400—500). Был тогда создан и партийный корпусной комитет.

Нам не присылали плакатов, так как, вообще доступ большевистской литературы легальным путем к нам на фронт был невозможен. Мы мобилизовали для этой работы несколько товарищей—сами напишем. Солдатский комитет 50 дивизион—большевистский. Он постановил дать бумаги из запасов канцелярии, да и средства дал. Написали самодельные плакаты: «Мир хижинам, война дворцам», «Учредительное Собрание должно передать власть Советам», «Долой войну», «Земля—крестьянам, фабрики—рабочим» и т. д. Напечатали на гектографе листовки. Агитаторы имеются, но нет перевозочных средств. Обратились в большевистский солдатский комитет паркового дивизиона. Партийная директива—и в нашем распоряжении до 30 повозок.

У эсэров и меньшевиков шныряют по частям автомобили, разбрасывая вороха печатных листовок. Их берут, но говорят: «пригодится на цыгарки».

Наши повозки с плакатами возбуждают внимание. Наши листовки немногочисленны, мы их наклеиваем на окопах, на деревьях, на станках. Их читают. Наши агитаторы не так красноречивы, но их речи звучат страстно—призывно. Их слушают, им апплодируют.

— Голосуйте за № 4, товарищи,—зовут наши ораторы.

— Поддержим—будем голосовать!—несется в ответ. И плетутся в другую часть наши повозки с плакатами.

За большевистский список голосовало больше половины корпуса.

Но почва была подготовлена не только для выборов в Учредительное Собрание. Мы подготовляли солдатские массы и к Октябрю. В их сознании произошел громадный сдвиг.

Накануне 2-го Всероссийского С'езда мы—большевики—перешли в наступление. На созванном корпусном С'езде солдатских комитетов мы победили. Самый С'езд был созван под влиянием нашей агитации и под давлением ротных комитетов.

Эсэровско-меньшевистские выступления разбивались о наши. Мы требовали посылки делегатов на Всероссийский С'езд, и мы победили: С'езд громадным большинством послал 2-х большевиков—т. Трубачева (погибшего под Петроградом во время наступления Юденича) и т. Ильюшина (работающего теперь, кажется, в Москве).

Пришло 25 октября.

Поползли слухи, о начавшейся «братоубийственной войне», затеянной большевиками. Их муссировали эсэро-меньшевики.

Тревожно,—с опаской, расспрашивали солдаты о том, что делается в Питере, Москве в Киеве.

Известие о свержении Временного Правительства и переходе власти к Советам меня застало на собрании одного из полков 50 дивизии. Сообщаю о совершившемся перевороте. В ответ громкое «Ура».

Однако, борьба продолжалась. Эсеро-меньшевики решили дать встречный бой. Созвали корпусной С'езд дивизионных и полковых комитетов и ни одного представителя от ротных комитетов. Все же, несмотря на такую подтасовку, соотношение сил было почти равное, метались направо и налево небольшие группки левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов.

Борьба затянулась далеко за полночь. Вдруг вбегает комиссар корпуса с лентой «Юза», громко читает: «Петроград сдался Керенскому». Поднялся невероятный шум. Одна часть апплодирует, другая кричит—«ложь, подтасовка»!

Мы решили покончить с этой комедией, сорвать С'езд и приступить к решительным действиям. Фракция большевиков покинула с'езд. За нами, кажется, потянулись и левые эс-эры.

Далее, нужно было захватить организованным образом власть в корпусе.

Партийный корпусный комитет решил послать агитаторов по всем ротам и полкам корпуса и провести кампанию за созыв расширенного С'езда комитетов с представителями от ротных комитетов.

Кампания прошла удачно. Посыпались резолюции из полков и рот: Созвать С'езд! Переизбрать Корпусной Комитет! Под этим давлением Корпусной Комитет и созвал уже широкий С'езд. И этот с'езд представлял уже иную картину: большинство наше.

К этому моменту как раз прибыл со Всероссийского С'езда т. Трубачев. Громовыми апплодисментами был встречен его доклад о переходе власти к Советам. Избрали Военно-Революционный Комитет Корпуса (т. т. Ильюшин, Симонов и Безайц и два эс-эра). Ему С'езд передал всю власть в корпусе.

Мы энергично взялись за борьбу с саботажем командования и связи. Но власть-то была в наших руках, но нужно было и фактически

ею овладеть. 2 эс-эра только мешали нам. Мне и т. Безайцу поручили подчинить командира корпуса Военно-Революционному Комитету. Пошли для «переговоров». Заявляем, что власть в корпусе принадлежит Военно-Революционному Комитету, представителями которого мы являемся. Требуем выполнения приказов Комитета. Ни один приказ по корпусу не может быть издан без подписи и просмотра В. Р. К. Подчиняетесь вы этому?

Корпусной командир отговаривается отсутствием приказа из X армии.

В результате корпусной отстранен от должности. Командование корпусом передается Начштаба, который согласился подчиняться приказам Военно-Революционного Комитета.

Сломлен был одновременно и саботаж связи. Власть фактически в наших руках.

Предстояла работа по углублению октябрьской революции и в Армии, и на фронте.

Мы бросили лозунги по частям: переизбрать армейские и фронтовые комитеты.

Меньшевистский „Искомитюз" созвал в ноябре фронтовый С'езд в Бердичеве. Этот С'езд дал приблизительно такую же картину, как и наш первый корпусный С'езд: около 360 большевиков, 40 левых эсэров, 70 украинцев и человек 350 эсэров и меньшевиков.

Из Ц. К. прибыл для проведения С'езда тов. Лашевич.

Четыре дня обсуждали вопрос об «Организации Власти». Четыре дня топтались на одном месте. Меньшевики мобилизовали все свои силы.

Болтали что-то левые эсэры об «едином социалистическом блоке». Выступал с напыщенным видом представитель украинцев-националистов.

Наконец, приняли за основу резолюцию, предложенную левыми эсэрами. А когда стали принимать поправки—то оказалось, что в начале в резолюции говорилось о власти Советам, а в конце об укреплении органов земского и городского самоуправления.

Надоела нам эта комедия. Мы решили со С'езда уйти и создать своими силами Военно-Революционный Комитет. Прочли декларацию и ушли со С'езда.

Идет наше фракционное заседание. Обсуждается вопрос, как поступать дальше. Смотрим, к нам «петушком, петушком» (правильное замечание о них тов. Ленина)—левые эсэры.

— Мы к вам, товарищи. Давайте вместе обсудим положение. А затем не прошло и 2-х часов, как и меньшевики с эс-эрами к нам:

— Нужно все таки договориться.

— Ну давайте договариваться.

Договорились: избрать Военно-Революционный Комитет фронта из 35 человек: 18 большевиков, остальные пропорционально фракциям.

Украинцы уклонились от выборов.

Предстояла громадная работа. Нужно было октябрь закрепить на всем фронте. Газету «Голос Фронта» переименовали в «Известия» и сделали их большевистскими.

Работа закипела.

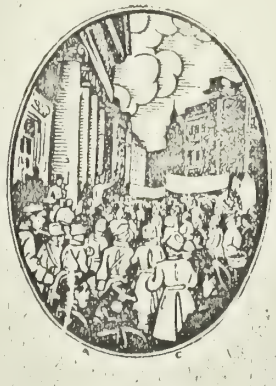
А в Армии шел процесс отслоения украинцев. Начались разоружения.

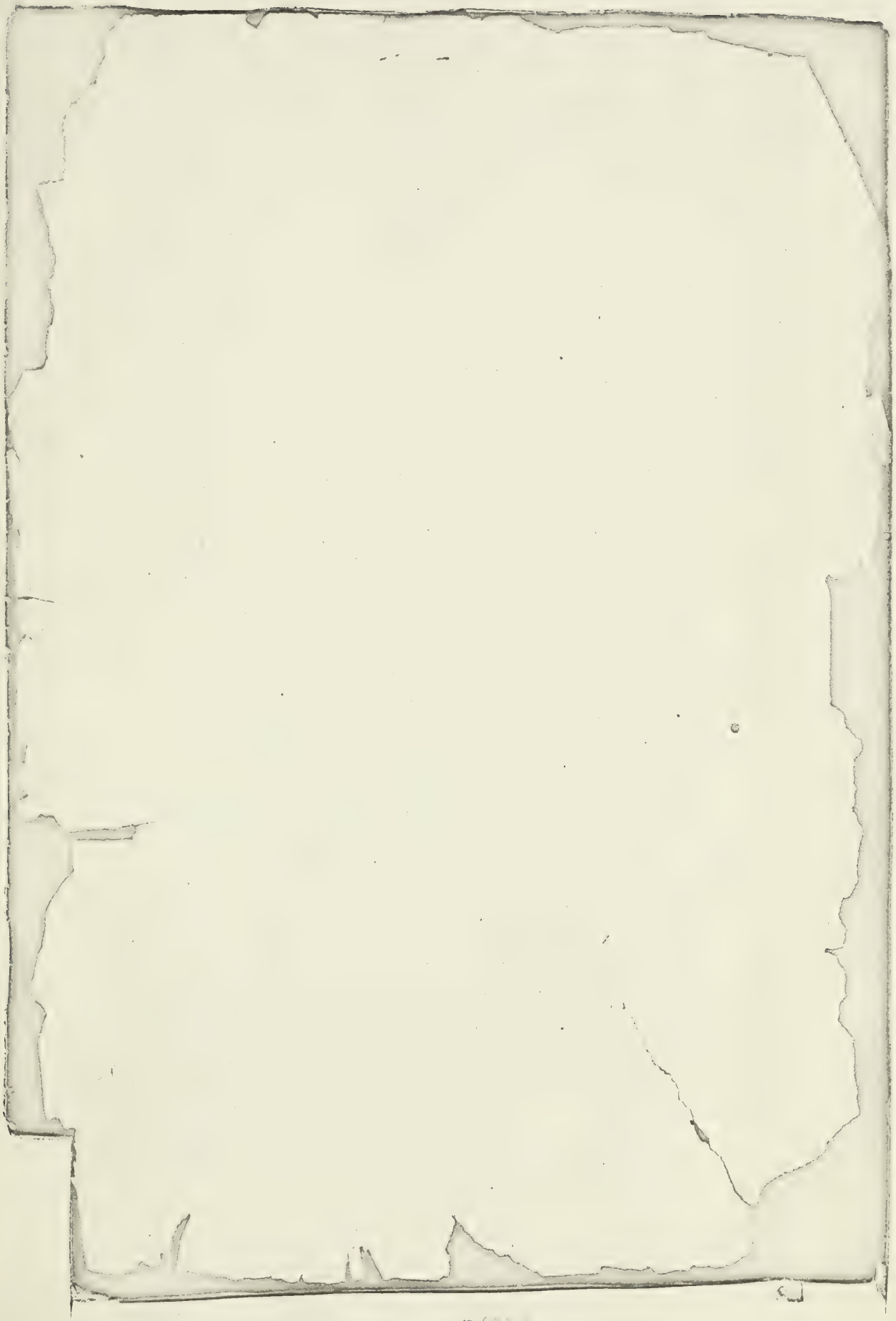
В Бердичев вступил украинский полк. Поползли слухи о нашем аресте. Вызванный нами гвардейский батальон украинцы разоружили.

Военно-Революционный Комитет решил уехать в Староконстантинов.

Началась борьба с теми, кто потом обрел нарицательное название петлюровцев.

Т. СИМОНОВ.





D041042 63K
Duke University Libraries